

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
Международной научно-практической
онлайн-конференции

Глобальные вызовы и угрозы
международной безопасности

«ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

Международная научно-практическая онлайн-конференция

30 сентября 2020 г.

г. Нур-Султан

ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ
КУЛЖАБАЕВОЙ
ЖАНАТ ОРЫНБЕКОВНЫ

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
**Международной научно-практической
онлайн-конференции**

Нур-Султан
2020

УДК 341
ББК 67.412
Г 54

Рецензенты:

Нургалиева Е.Н., д.ю.н., профессор
Абайдельдинов Е.М., д.ю.н., профессор

Г 54 Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности: Сборник материалов Международной научно-практической онлайн-конференции. 30 сентября 2020 года, Нур-Султан / Под ред. Ш.В. Тлепиной, Р.Д. Акшаловой, Д.М. Каматовой. – Нур-Султан: ИП Булатов, 2020. – 297 с.

ISBN 978-601-326-486-8

30 сентября 2020 года кафедра Международного права Юридического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева провела Международную научно-практическую онлайн-конференцию на тему: «Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности», посвященную 60-летию кандидата юридических наук, доценту, профессору кафедры Международного права ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Советнику директора Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, члену Казахской и Российской ассоциаций международного права Кулжабаевой Жанат Орынбековны.

Данный сборник содержит статьи видных зарубежных, казахстанских ученых и молодых исследователей – студентов бакалавриата, магистратуры, докторантуры, аспирантуры Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Казахского национального университета имени аль-Фараби, Российского университета дружбы народов, Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина, Европейского гуманитарного университета, Саратовской государственной юридической академии, Донецкого национального университета, и др.

Сборник предназначен исследователям и специалистам в области международного публичного права, а также всем интересующимся вопросами международного права.

Все статьи, аннотации, ключевые слова представлены в авторской редакции.

УДК 341
ББК 67.412

ISBN 978-601-326-486-8

© ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, 2020
© Кафедра международного права, 2020

Предисловие

Настоящий Сборник статей международной научно-практической онлайн-конференции «Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности» (30 сентября 2020 года) кафедры Международного права Юридического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева посвящен 60-летию кандидата юридических наук, доцента, профессора кафедры Международного права, Советника директора Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, члена Российской ассоциации международного права, *Жанат Орынбековны Кулжабаевой*.

В Конференции приняли участие видные ученые-юристы и молодые ученые Казахстана, России, Литвы, Узбекистана.

В адрес юбиляра было направлено официальное поздравление ректора Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева доктора исторических наук, профессора, академика Национальной Академии наук Республики Казахстан *Е.Б. Сыдыкова*.

Поздравительный Адрес направили кафедры международного права: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Казахского национального университета им. аль-Фараби, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского университета дружбы народов, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); юридического факультета Карагандинского университета им. Е.А. Букетова, Высшей Школы Права Университета «КАЗГЮУ» им. М.С. Нарикбаева.

Поздравление поступило от *Л.И. Воловой*, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного работника Высшей школы Российской Федерации, профессора кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета и *К.И. Иванова PhD*, профессора Европейского гуманитарного университета в Литве.

Поздравления от Российской Ассоциации международного права, Казахстанской Ассоциации международного права; Института государства и права КазНУ им. аль-Фараби; Международно-правового Департамента Министерства иностранных дел Республики Казахстан; Евразийской экономической комиссии.

В Сборнике представлены статьи видных ученых-юристов, начинающих исследователей – ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Донецкого национального университета, Казахского университета международных отношений и мировых языков, МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), РУДН, Санкт-Петербургского государственного университета, Саратовской государственной юридической академии, Ташкентского государственного юридического университета; Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Секретариата по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии и начинающих исследователей – студентов бакалавриата, магистратуры, докторантуры ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, РУДН, Донецкого национального университета.

Международная безопасность как система международных отношений, основанная на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права исключает решение спорных вопросов и разногласий между ними с помощью силы или угрозы. Принципы международной безопасности предусматривают утверждение мирного сосуществования в качестве универсального принципа, обеспечение равной безопасности для всех государств, создание действенных гарантий в различных направлениях межгосударственных отношений. В Сборнике, посвященном названной конференции, рассмотрены теоретико-методологические аспекты международной экономической безопасности (*Ж.О. Кулжабаева*). Вопросы международной безопасности исследованы участниками конференции в сферах – кибер (*Х.А. Абаева, А.А. Дементьев*), экономической (*Ә.А. Ахметова, Я.С. Кожеев, Э.С. Теймуров*), информационной (*А.Е. Елеген, М.В. Ильяхевич, Ю.С. Костяная*), цифровой (*Ж.Т. Манан*), глобальной (*О.М. Мецержакова*), военной (*М.А. Сарсембаев*), биологической (*С.Н. Сарсенова*), обеспечения международной безопасности (*Ж.З. Зукай, Ә. Сақбайқызы*); в обзоре концепции права международной безопасности (*Д.Б. Кулмуханова*).

Представлены результаты аналитического изучения безопасности государств в связи с правом международной конкуренции (*С.В. Бахин*), взаимосвязи международной безопасности и правосудия (*Ж.-Б. Букуру*), международной безопасности в условиях многополярного мира на примере правового регулирования экономического сотрудничества (*Л.П. Ануфриева*).

Большой интерес участников конференции вызвала практика рассмотрения Комитетом ООН по правам человека выполнения государствами взятых на себя договорных обязательств. Деятельность Комитета по правам человека представляет важную часть международного контрольного механизма по наблюдению за нарушением прав человека. В Сборнике размещена статья, в которой рассматривается решение Комитета об обязанности государств защищать людей от ухудшения состояния окружающей среды в соответствии со статьями 6 (право на жизнь) и 17 (невмешательство в личную и семейную жизнь, неприкосновенность жилища) Международного пакта о гражданских и политических (*А.М. Солнцев*). Материалы данного выступления включены в Сборник.

Взаимодействие государств по вопросам международной безопасности обусловило появление интеграционных объединений. Интеграционный процесс направлен на формирование единых пространств с высоким уровнем межгосударственного взаимодействия – таможенного, экономического, гармонизации и унификации правовых систем, военного, по созданию ряда институциональных органов – Высшего Евразийского экономического совета, Евразийской экономической комиссии, Суда Евразийского экономического союза, др. В Сборник были направлены статьи о правовом обеспечении евразийской интеграции (*А.Б. Кишкембаев*), деятельности судебных органов интеграционных объединений (*Ж.Т. Исакова*), Суде ЕАЭС (*А.А. Ойнарова*). Учитывая, стремление государств ЕАЭС к членству во Всемирной торговой организации, интерес пред-

ставляет сообщение об особенностях разрешения споров в рамках ВТО (*К.И. Дуйсенбаева*), вошедшее в Сборник.

В Сборнике представлены статьи о зарубежном опыте защиты персональных данных (*А.С. Иржанов, Л.К. Каирбаева*), защите персональных данных в Европейском Союзе (*Д.М. Каматова*); невмешательстве в частную жизнь человека (*Б.С. Каражан*), международных и национальных аспектах защиты детей от воздействия неблагоприятной информационной среды (*О.З. Мухамеджанов*).

Межгосударственные отношения по использованию атомной энергии вызваны применением нового источника энергии в военных и мирных целях. Потенциальная опасность применения ядерного оружия поставила перед государствами и международными организациями в XX в. вопрос о правовом регулировании рационального использования атомной энергии и обеспечении безопасного развития ядерной энергетики. Молодые исследователи обратились к вопросам нераспространения оружия массового уничтожения (*А.Б. Сарсенбекова*), ядерного оружия (*А.Д. Жанадилов*), международно-правового регулирования мирного использования ядерной энергии (*А.Б. Турмахан*).

Исследование и использование космического пространства распространяется на деятельность, связанную с запуском космического объекта в космическое пространство и его эксплуатацию, использование космических технологий, др. В Сборнике содержатся статьи, посвященные международно-правовому регулированию использования космического пространства, беспилотных летательных аппаратов (*М.Ж. Куликпаева, Х.А. Абаева*).

С точки зрения теории международного права, уничтожение природы должно быть наказуемо. Ученые-юристы, исследователи международного экологического права считают, что экоцид следует включить юрисдикцию Международного уголовного суда, которая в настоящее время охватывает лишь четыре преступления: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессию.

Экоцид в международном уголовном праве является преступлением. Массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, направленных против природы, неминуемо ведет к экологической катастрофе. В Сборник вошли работы, посвященные международному экологическому праву. Так, например, представлены результаты исследования экоцида как угрозы международному миру и безопасности человечества (*А.С. Сокур, А.А. Савченко*), рассмотрены правовые и программные основы содействия технологическому обмену – основе Глобального целевого фонда сохранения разнообразия сельскохозяйственных культур (*М.В. Шугуров*). Представлены статьи о влиянии международно-правовых норм на национальное экологическое законодательство Республики Казахстан (*Н.С. Кала*).

Во всем мире стремительно распространяются возобновляемые источники энергии. Многие государства развивают возобновляемую энергетику для удовлетворения энергетических потребностей, обеспечения собственной и ре-

гиональной энергетической безопасности, повсеместной электрификации или отдаленных районов. Другие страны распространяют возобновляемые источники энергии улучшения окружающей среды, снижения загрязнения воздуха и смягчения изменения климата, тем самым переходя к низкоуглеродной «зеленой» экономике. Результаты исследования роли возобновляемых источников энергии в правовом обеспечении международной экологической и энергетической безопасности представлена в настоящем Сборнике (Р.Д. Акишалова).

Международно-правовое регулирование оборота криптовалюты вызвало интерес участников, и была подготовлена статья (Н. Мухаметжан).

Правовое обеспечение биологических ресурсов для научных целей и биологической безопасности в условиях пандемии Covid-19, о международных и национальных правовых мерах борьбы с современной пандемией рассмотрены в статьях (О.Х. Нарзуллаев, Е.Ч. Мурзагалиев), о роли государственных служащих в развитии государства и общества (Б.Б. Сейдеи).

Представлена статья по истории международного права. Рассматриваются международно-правовые взгляды М.А. Таубе – одного из видных учеников Ф.Ф. Мартенса. Таубе известен как исследователь истории международного права Средних веков. Ученый писал о возникновении международного права в Средние века, не принимая во внимание истоки международного права Древнего мира (Ш.В. Тлепина).

В Сборнике представлена статья о научно-педагогической деятельности и международно-правовых взглядах Ж.О. Кулжабаевой (Ш.В. Тлепина).

Различные вопросы международной безопасности, рассмотренные в ходе международной конференции, в работах участников, представленных в настоящем Сборнике, показали – система международной безопасности понимается шире, чем совокупность межгосударственных отношений. Международную безопасность целесообразно рассматривать через совокупность элементов, институциональные механизмы, организационные формы, др. Смеем надеяться, что доктрина международной безопасности первой четверти XXI в. как и императив международного права по-прежнему основывается на безопасности конкретного человека – *hominum causa omne jus gentium constitutum est* («все международное право создано для блага человека»)¹

Ш.В. Тлепина,
заведующая кафедрой
международного права,
д.ю.н., профессор

---

¹ Принцип римского права см.: Международное право: учебник. / Ответ. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. – М.: Статут, 2017. – С. 331.

Поздравительный адрес от Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева

*Кандидату юридических наук, доценту,
профессору кафедры международного права
Евразийского национального университета
имени Л.Н. Гумилева,
Ж.О. Кулжабаевой*

Поздравляем!

Уважаемая Манат Орынбековна!

Примите сердечные поздравления по случаю Вашего юбилея!

Примите искренние пожелания здоровья, благополучия, счастья и благоденствия Вам, Всем Вашим родным и близким!

Пятнадцать лет назад и по сей день Вы приняли решение связать свою педагогическую и научную жизнь с ЕНУ, занимая должности от доцента и заведующего кафедрой конституционного и международного права до профессора кафедры международного права. На протяжении всех этих лет Вы передаете молодым кадрам и обучающимся всех трех уровней свои теоретические и практические знания в области теории международного публичного права, не только в рамках учебного процесса, но и посредством участия в научных мероприятиях, проводимых в ЕНУ, и исследований в рамках научных проектов.

К этому замечательному дню Вы пришли с выдающимися достижениями: видный ученый в сфере международного публичного и международного частного права, первая женщина – кандидат наук по международному праву в Казахстане, автор лучшего учебника по международному праву, талантливый организатор учебного процесса и научных исследований, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Республики Казахстан, авторитетный эксперт международного уровня!

Для Вас, разносторонне одаренного и талантливого человека, научная и преподавательская деятельность стало настоящим призванием. Вы состоялись как известный ученый, заместитель директора Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан; член Российской ассоциации международного права; член редколлегии «Вестника Института законодательства и правовой информации», автора множества востребованных научных публикаций по актуальным вопросам международного права.

Разрешите в этот день пожелать Вам успехов на профессиональном поприще, надежных единомышленников, крепкого здоровья, радости и бодрости, а также вдохновения на новые научные открытия!

*Ректор
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*

Е. Сыдыков

*1 сентября 2020 г.,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан.*

Поздравительный адрес от кафедры международного права РУДН

Глубокоуважаемая Жанат Орынбековна!

Коллектив кафедры международного права юридического института Российского университета дружбы народов искренне поздравляет Вас с Вашим замечательным Юбилеем и от всей души желает Вам крепкого здоровья, жажды творчества, дальнейших научных успехов и настоящего человеческого Счастья!

Сообщество российских, казахстанских и зарубежных правоведов прекрасно знает Вас как ведущего специалиста в сфере международного права, неординарного ученого, первооткрывателя ряда научных направлений, прежде всего, в сфере имплементации международного права.

Кафедра международного права РУДН в день Вашего юбилея выражает Вам глубокое уважение и признательность за Ваш вклад в развитие науки международного права. От всей души желаем Вам успешной деятельности на ниве Просвещения и Знания.

Разделяя переполняющую Вас радость по поводу наступившего юбилея, и присоединяясь к хору возвышенных, но справедливых восхищений Вашими достоинствами, позвольте еще раз пожелать Вам жизнелюбия и работоспособности на благо высшего юридического образования Республики Казахстан.

*Заведующий кафедрой международного права РУДН,
Вице-председатель Комитета ООН по экономическим,
социальным и культурным правам,
Председатель Комиссии международного права
Российской Ассоциации содействия ООН,
Член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии
при Минобрнауки России по праву,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Абашидзе Аслан Хусейнович*

Поздравительный адрес от юридического факультета Карагандинского
университета им. академика Е.А. Букетова

*Уважаемая
Жанат Орынбековна!*

Коллектив юридического факультета Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова сердечно поздравляют Вас с юбилеем – 60-летием со дня рождения.

Более двадцати лет назад Вы связали свою судьбу с Высшей школой – начали трудовую деятельность на юридическом факультете КарГУ и являлись активным участником его развития. Вы прошли нелегкий путь от ассистента кафедры до заведующего кафедрой международного права, одного из крупнейших юридических факультетов Республики. И в том, что авторитет юридического факультета высок, имеется немалая Ваша заслуга. Творческий, деловой подход в организации учебного процесса, научно-методической и общественной работы на факультете, профессионализм, завидная работоспособность, чуткое отношение к людям снискали Вам глубокую признательность и уважение преподавателей и студентов факультета и университета.

Ваше имя юриста – международного по праву стоит в ряду известных ученых Казахстана и России. Многие годы своей биографии Вы посвятили научной деятельности. Ваши труды являются значительным вкладом в развитие казахстанской международно-правовой науки и национального законодательства.

Желаем Вам, уважаемая Жанат Орынбековна, крепкого здоровья, долгих счастливых лет жизни, счастья и благополучия в семье, ждем от Вас новых инициатив и достижений во всех сферах Вашей деятельности.

Коллектив юридического факультета
КарУ имени академика Е.А. Букетова

Поздравительный адрес от Университета КАЗГЮУ им. М.С. Нарикбаева

Уважаемая Шолпан Валерьевна, уважаемые сотрудники Кафедры международного права и уважаемый юбиляр Жанат Орынбековна!

Мои поздравления Жанат Орынбековне в связи с её Юбилеем могут быть высказаны лишь с очень сильными человеческими эмоциями, исходящими из глубокого уважения и личной симпатии, а также признания её большого вклада в развитие известной не только в Казахстане и в России, но и в других государствах, научной Школы международного права! Жанат Орынбековна прекрасно сочетает успешную практическую деятельность в рамках известного и авторитетного в Казахстане и за рубежом Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан Министерства юстиции Республики, а также является прекрасным преподавателем курса международного права, мастерски читаемого студентам, магистрантам и аспирантам. Жанат Орынбековна является уникальным специалистом в сфере международного права, получившим прекрасное образование в известнейшем во всём мире вузе - Санкт-Петербургском государственном университете - у известнейших корифеев науки международного права. Полученные знания она мастерски использует при разработке новейших законодательных актов Республики Казахстан в рамках Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан и при преподавании курса международного права и спецкурсов по международному праву по Кафедре международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

Жанат Орынбековне наряду с большой творческой деятельностью удаётся успешно налаживать деловые и творческие контакты не только с казахскими, но и российскими и иными зарубежными центрами, что благоприятно отражается на успехах в подготовке ею научных кадров по специальности "Международное право", тем самым увеличивая численный состав Школы международного права в Казахстане. Кроме того, Жанат Орынбековна является многогранным, ярким и талантливым человеком, Мастером с большой буквы во всех областях её деятельности! Жанат Орынбековна относится к неординарным личностям, обладающим разносторонними профессиональными и человеческими качествами, способностью к научным достижениям и, что очень важно, особыми свойствами характерами: доброжелательностью, искренностью, добротой, - что притягивает к ней всех, кто оказывается рядом. Она пользуется огромным уважением среди руководства и членов Российской Ассоциации международного права. Я как представитель российской научной Школы международного права и член Исполкома Российской Ассоциации международного права горжусь своим многолетним плодотворным научным взаимодействием с замечательным Учёным и Человеком из дружественной страны - Республики Казахстан. Нам, коллегам Жанат Орынбековна, очень приятно, что Кафедра международного права торжественно и по достоинству отмечает Юбилей такого замечательно-яркого и достойного представителя научного сообщества Республики Казахстан. Мы, поклонники Жанат Орынбековны, уверены, что с присущей ей энергией и энтузиазмом Жанат Орынбековна будет и дальше продолжать свою успешную преподавательскую и научную деятельность и дальше открывать дорогу в мир международного права многим способным молодым людям, а они будут умело пользоваться в своей научной деятельности плодами исследований, проведённых Жанат Орынбековной. Желаю процветания Институту законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Евразийскому национальному университету им. Л.Н. Гумилева, Кафедре международного права и лично юбиляру!

*С самыми добрыми чувствами,
Искренне Ваша,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ,
профессор кафедры международного права
юридического факультета
Южного федерального университета
(Россия, город Ростов-на-Дону)
Волова Лариса Ивановна*

Поздравительный адрес от Казахстанской Ассоциации международного права и Института государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби

Глубокоуважаемая Жанат Орынбековна!

Казахстанская Ассоциация международного права и Институт государства и права Казахского национального университета имени Аль-Фараби сердечно поздравляют Вас с юбилеем.

Ваш богатый опыт, обширные знания в сфере международного права, снискали Вам заслуженный авторитет и уважение среди учёных, преподавателей, магистрантов и студентов.

Вы являетесь членом Российской ассоциации международного права с 1987 года и Казахстанской Ассоциации международного права, принимаете участие в деятельности международных организации и органов в сфере международного права – МККК, ЮНИСЕФ, УКВКБ, МОМ.

Отметим, что с 1983 года по 1996 год Кулжабаева Жанат Орынбековна работала преподавателем, старшим преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой международного права Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова.

С 1996 года по 2005 год работала доцентом, заведующей кафедрой международного права и международных отношений Казахской государственной юридической Академии (ныне – Казахский гуманитарно-юридический университет).

С 2005 года по 2009 год работала доцентом, заведующей кафедрой международного и конституционного права юридического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

С 2005 года по 2009 год по совместительству работала ведущим научным сотрудником отдела международного права и сравнительного правоведения Института законодательства.

С 2009 года по 2012 год работала заведующей кафедрой международного права и международных отношений Казахского гуманитарно-юридического университета.

С 2009 года по настоящее время работает по совместительству профессором кафедры международного права Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева.

С 2012 года по август 2020 год Жанат Орынбековна занимала должность заместителя директора РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан» МЮ РК, курируя работу отделов конституционного, административного законодательства и государственного управления; международного права и сравнительного правоведения и Центра лингвистики. С 10 августа 2020 года назначена на должность Советника директора Института законодательства правовой информации Республики Казахстан.

Жанат Орынбековна, Вами опубликовано более 150 научных публикаций в сфере международного права, в том числе по проблемам имплементации международного права в национальное законодательство.

Ваша научная и педагогическая деятельность отмечена на самом высоком уровне, Вы являетесь обладателем государственного гранта МОН РК «Лучший преподаватель вуза» (2007), победителем номинации «Еуразия мақтаншы» (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008). А также награждены Почетным Знаком «Құрмет белгісі» Общества Красного Полумесяца Республики Казахстан (2009), медалью Министерства юстиции Республики Казахстан «Әділет органдары жүйесін дамытуға қосқан үлесі үшін» (2012), медалью Қазақ Гуманитарлық Зан университетінің 20 жылдығына орай «Ерең еңбегі үшін» (2014), юбилейной медалью Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (2014), медалью Высшего Евразийского экономического совета «За вклад в создание Евразийского экономического совета» (2015), медалью «20-летие Конституции Казахстана» (2015), медалью «25-летие Независимости Казахстана» (2016), орденом «Құрмет» (2017), медалью «Заңнама институтының құрылғанына 25 жыл» (2018), кроме того не единожды награждались грамотами и благодарственными письмами Министра юстиции Республики Казахстан и директора Института законодательства и правовой информации МЮ РК.

С глубоким уважением и самыми искренними пожеланиями о, Казахстанская Ассоциация международного права, коллектива Института государства и права КазНУ имени Аль-Фараби и от себя лично в этот знаменательный день выражаю Вам самые наилучшие пожелания, желаю Вам крепкого здоровья, плодотворных успехов в работе и долгих лет жизни.

**Председатель Казахстанской ассоциации
международного права,
директор Института
государства и права
КазНУ имени Аль-Фараби**

А.А. Салимгерей

Поздравительный адрес от Евразийской экономической комиссии

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Уважаемая Жанат Орынбековна!

От имени Евразийской экономической комиссии и от себя лично позвольте поздравить Вас с юбилеем!

Приятно отметить, что Ваша трудовая, научная и педагогическая деятельность, широкая эрудиция, жизненная мудрость и авторитет заслуживают высокой оценки и вызывают глубокое уважение у всех, кому довелось работать и общаться с Вами.

Высоко ценим Ваш многолетний плодотворный труд в РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан» Министерства юстиции Республики Казахстан, где Вы вносите огромный вклад в повышение эффективности нормотворческой деятельности, оказание научных экспертно-консультационных услуг в сфере международного права и научно-правовое обеспечение деятельности Казахстана в международных отношениях.

Являясь выдающимся ученым и автором большого числа научных работ, будучи опытным педагогом, Вы подготовили множество квалифицированных специалистов, для которых Ваш путь является достойным примером ответственного и творческого отношения к своему делу.

Уверен, что свойственный Вам профессионализм и стратегическое мышление, научная компетентность и творческий потенциал и впредь будут способствовать успешной деятельности в вопросах совершенствования

законодательства Республики Казахстан, а также в подготовке востребованных и высококвалифицированных специалистов в области международного права.

Желаю Вам, уважаемая Жаннат Орынбековна, крепкого здоровья, счастья, большого жизненного оптимизма и новых профессиональных достижений!

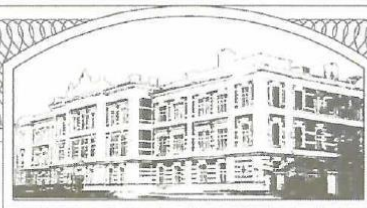
С уважением,

Руководитель Секретариата
члена Коллегии (Министра)
по экономике и финансовой
политике, д.ю.н.

А.Б. Кишкембаев

Поздравительный адрес от кафедры международного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина

Уважаемая Жанат Орынбековна!

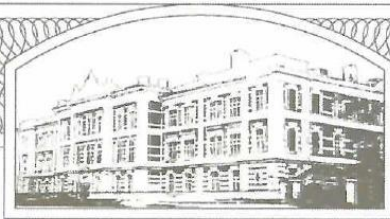
В день Вашего юбилея от лица кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) сердечно поздравляю Вас со знаменательной датой и желаю дальнейших успехов в Вашей профессиональной и общественной деятельности!

Ваше имя ученого-международника по праву стоит в ряду выдающихся людей Казахстана. Ваша научная жизнь и общественно-практическая деятельность способствовали широчайшему охвату самых различных тем, анализу сложных вопросов. Многие годы Вы посвятили науке. В Ваших трудах представлены результаты исследований наиболее актуальных проблем международного права, которые нашли отражение в многочисленных научных публикациях.

Большого уважения заслуживает Ваша экспертная работа по вопросам соответствия казахстанского законодательства международным стандартам, проводимая по инициативе Конституционного Совета, отраслевых министерств, национальных компаний.

МГЮА

Неоднократное участие в работе Комиссии по проверке соблюдения законодательства Республики Казахстан об образовании свидетельствует о признании Вашего передового опыта в области науки и образования, приобретенного во время руководства факультетами, кафедрами в ведущих вузах Казахстана.

Ваш вклад в развитие науки международного права высоко оценен обществом и государством и служит примером для молодых ученых. Ваша гражданская позиция снискала Вам заслуженный авторитет в широких кругах общественности.

Уважаемая Жанат Орынбековна, в этот прекрасный день примите наши самые искренние поздравления. Желаем Вам здоровья, бодрости, семейного тепла и уюта, новых творческих идей и перспективных проектов, осуществления всех замыслов и, конечно, талантливых учеников и последователей, вдохновленных Вашими идеями. Пусть Ваши замечательные качества человека и ученого будут залогом успеха дальнейшей плодотворной работы!

*Доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
международного права,
научный руководитель НИИ*

Н. А. Соколова

М Г Ю А

Поздравительный адрес от Департамента международного права
Министерства иностранных дел Республики Казахстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
СЫРТҚЫ ІСТЕР
МИНИСТРЛІГІ

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

2020 жылғы 1 қыркүйек

Құрметті Жанат Орынбекқызы!

Сізді бүгінгі айтулы мереке – туылған күніңізбен Қазақстан Республикасы Сыртқы істер министрлігінің Халықаралық құқық департаменті ұжымының және жеке өз атымнан шын жүректен құттықтаймын.

Еліміздің халықаралық аренада деңгейін көтеруге үлес қосып, Қазақстан Республикасының халықаралық қатынастарын дамытуға қосқан баға жетпес үлесіңіз үшін шын жүректен ризашылығымды білдіруге рұқсат етіңіз.

Болашақ ұрпақ үшін ғылыми мұраға ретінде қалдырған Сіздің ғылыми және әдеби еңбектеріңізді ерекше атап өткім келеді.

Құрметті Жанат Орынбекқызы, осы сәтті пайдалана отырып, Сізді және Сіздің туған-туысқандарыңызға, жақындарыңызға, достарыңызға мықты денсаулық, бақыт, отбасыңызға бейбіт өмір мен береке-байлық тілеймін.

Халықаралық құқық саласында атқарып жүрген жоғары, маңызды және аса жауапты қызметіңізге толағай табыстар тілей отырып, алға қойған мақсат мүдделеріңіз бен армандарыңыз жүзеге аса беруіне тілектеспін.

Ізге ниетпен,

*Халықаралық құқық департаментінің
директоры*

Н. Жұмақанов

Абаева Х.А.

*М.ю.н., преподаватель кафедры международного права
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: abaeva.xava@bk.ru)*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Существующие и потенциальные угрозы в сфере информационной безопасности - одни из самых серьезных вызовов 21 века. Они идентифицируют преступников, террористов и государства как потенциальных преступников. Частные лица, предприятия, национальные инфраструктуры и правительства определяются как потенциальные жертвы. Угроза считается достаточно большой, чтобы представлять риск для «международного мира и национальной безопасности», поскольку обнаруживается, что государства развивают возможности кибервойны.

В данной статье, мною рассматриваются попытки международного сообщества в урегулировании и обеспечении кибербезопасности.

Ключевые слова: кибербезопасность, кибервойны, киберприступность, международный мир и национальная безопасность, шпионаж, кибертерроризм, Совет Безопасности, Организация Объединенных Наций.

Киберпреступность - это преступление без границ, у которого безграничны последствия. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций должен играть видную роль в установлении международных законов, регулирующих и смягчающих последствия этих киберпреступлений, от которых страдают множество государств. В конце Второй мировой войны возникла необходимость организовать Совет Безопасности для поддержания международного мира. Однако главной заботой 1945 года было наличие вооруженного отряда, готового предотвратить вторжения одной страны в другую. Но с развитием технологий, изобретений и повсеместного использования Интернета, против всех государств, возникла новая угроза, с которой невозможно бороться наземными войсками. Совет Безопасности является уполномоченным органом по реализации международной политики кибербезопасности для борьбы с угрозами кибервойны, кибертерроризма и других кибератак.

В 1945 году Совет Безопасности был создан как часть Организации Объединенных Наций, на которую возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Совет Безопасности отвечает за разработку при содействии Военно-штабного комитета планов, которые должны быть представлены членам Организации Объединенных Наций для создания

системы регулирования вооружений. Совет Безопасности может расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, чтобы определить, может ли продолжение спора или ситуации поставить под угрозу поддержание международного мира и безопасности.

В 1945 году, когда был учрежден Совет Безопасности, его роль была основана на объединении государств-членов для поддержания международного мира и безопасности с постоянной армией, действующей в качестве глобальной полиции. Однако в настоящее время одной из самых больших угроз международному миру и безопасности не обязательно является физическое вторжение, которое можно предотвратить или смягчить с помощью наземных войск. С развитием технологий и появлением Интернета государства-члены должны теперь заняться киберактивностью и кибервойной. Интернет безграничен, если не будут приняты конкретные меры для изменения этого состояния природы пользователь Интернета может предпринимать действия в одной стране, которые приведут к результатам в другой стране, при этом пользователь не покидает свою страну. Следовательно, существует растущая и, возможно, неизбежная потребность государств в международном сотрудничестве в вопросах кибербезопасности, и согласно статье 25 Устава ООН, Совет Безопасности является единственным узаконенным органом, устанавливающим обязательное международное право: «Члены Организации соглашаются подчиняться и выполнять решения Совета Безопасности в соответствии с настоящим Уставом».[1]

Государства-члены СБ не смогли согласовать общие термины и определения о том, что такое кибервойна и кибератаки на самом деле. Например, такие авторитетные национальные государства, как Китай и Россия, рассматривают это как информационную безопасность, потому что эти страны больше обеспокоены взломанным контентом. В то время как Соединенные Штаты и их западные партнеры смотрят на это как на кибербезопасность, потому что их больше беспокоит процесс, посредством которого происходит атака, во многом из-за их взглядов на свободу слова.

Например, 1998 год был первым годом, когда правительство России внесло резолюцию в Первый комитет. Проект резолюции 1998 г. был принят как Резолюция 53/70 4 января 1999 г. Ключевые элементы этой резолюции для «международного договора о компьютерной безопасности» включают:

- военный потенциал информационных и коммуникационных технологий впервые, а также выражение озабоченности по поводу использования такой технологии «несовместимо с целями поддержания международной стабильности и безопасности», что было позицией России.

- необходимость предотвращения киберпреступности и кибертерроризма - вот позиция США.

- и предложить государствам-членам сообщить Генеральному секретарю, в частности, о своем мнении относительно «определений» и разработки «международных принципов» [2].

Резолюция была принята Генеральной Ассамблеей без голосования, но стремление к заключению международного договора было встречено скептицизмом со стороны США и европейских государств. Они подозревали, что такой договор может быть использован для ограничения свободы информации под предлогом повышения информационной и телекоммуникационной безопасности. Следовательно, международного договора не было.

Однако ООН не упустила из виду растущую потребность в кибербезопасности. Международный союз электросвязи (МСЭ) – это организация ООН, которая несет наибольшую ответственность за практические области кибербезопасности. Это договорная организация и единственная организация ООН, занимающаяся кибервопросами и имеющая статус договорной организации. МСЭ, специализированное агентство согласно статье 57 Устава ООН, играет важную роль в установлении технических стандартов. В своих усилиях по поддержке инициативы в области киберпространства МСЭ считает киберпреступность одним из трех своих главных приоритетов.

Кибербезопасность, информационные и телекоммуникационные технологии в контексте международной безопасности - термин, впервые введенный Российской Федерацией в 1998 году. Согласно определению МСЭ, кибербезопасность – это совокупность инструментов, концепций безопасности, мер безопасности, руководящих принципов и подходов, которые могут быть использованы для защиты киберсреды, а также активов организации и пользователей.

Угрозы кибербезопасности существуют по трем причинам: 1) недостатки в конструкции Интернета, 2) недостатки в аппаратном и программном обеспечении и 3) переход к подключению все более и более важных систем. Кроме того, существует четыре области кибербезопасности: 1) шпионаж, 2) преступность, 3) кибервойна и 4) кибертерроризм. [3] Эти четыре области кибербезопасности можно разделить на два направления - кибервойна и киберпреступность. Кибервойна – это несанкционированное проникновение, от имени или в поддержку правительства в компьютер или сеть другой страны, или любая другая деятельность, затрагивающая компьютерную систему, целью которой является добавление, изменение или фальсификация данных, или вызвать сбой или повреждение компьютера, сетевого устройства или объектов, контролируемых компьютерной системой. Это военно-политический поток, который озабочен тем, как информационные технологии и средства могут потенциально использоваться для целей, несовместимых с целями поддержания международной стабильности и безопасности, и могут отрицательно сказаться на безопасности государств.[4]

В марте 2011 года в результате кибератаки службы внешней разведки была взломана компьютерная система RSA Security, крупной гражданской компании по обеспечению информационной безопасности, и были получены данные, касающиеся производства и возможностей токенов, которые RSA Security предоставляет Пентагону. RSA имеет контракты с федеральным правительством на десятки миллионов долларов. Агентства с крупными контрактами включали Министерство обороны и его обслуживающие подразделения. Вместо того,

чтобы атаковать напрямую министерство обороны, кибератака была нацелена на фирму, которая обеспечивала кибербезопасность компьютеров. Три месяца спустя было подтверждено, что хакеры использовали украденные данные токена RSA и атаковали Lockheed Martin, одного из крупнейших оборонных подрядчиков страны и производителей истребителей и спутников.

В мае 2014 года США предъявили обвинение пяти китайским военным в кибершпионаже. В мае 2015 года шестерым китайцам было предъявлено обвинение в краже кодов у технологических компаний США в соответствии с Законом о шпионаже. Двое из них работали в американских компаниях. Один из людей был китайским профессором. В 2015 году японский аналог Управления социального обеспечения потерял 1,5 миллиона записей в результате кибератаки.

В будущем ожидается, что многие международные конфликты будут содержать кибер-элемент. На сегодняшний день нет открытых данных о кибероперациях, использованных миротворческой операцией ООН. Однако существует потребность в управлении кибероперациями для обеспечения кибербезопасности, так как страны должны иметь возможность для согласования совместной работы по борьбе с киберугрозами, которая может дестабилизировать миротворческие операции. Хотя пятерым китайским хакерам было предъявлено обвинение в мае 2014 года, «это не дает убедительного ответа, который может фактически изменить поведение Китая, поскольку обвинительный акт Министерства юстиции не является надежным сдерживающим фактором».[5] Нет возможности экстрадиции, и никаких дополнительных затрат на китайскую экономику со стороны правительства США, за исключением введения экономических санкций.

Совет Безопасности должен поддерживать международный мир в киберпространстве. Более того, предложение о том, чтобы Организация Объединенных Наций использовала специальный персонал для решения растущего числа киберинцидентов, происходящих между государствами, свидетельствует о значимости киберопераций для проведения санкционированных ООН миротворческих операций. Первоначально Совет Безопасности был организован для обеспечения выполнения операций в продолжающихся конфликтах, но предполагалось, что эти конфликты будут включать операции, в которых потребуются войска на местах. Однако с развитием технологий и появлением Интернета роль Совета Безопасности должна измениться, чтобы противостоять продолжающемуся и растущему числу кибератак.

Список использованной литературы:

1. Устав ООН, 1945 года, статья 25, [Электрон.ресурс]. – URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 14.09.2020)
2. Резолюция 53/70, События в области информации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. A / RES / 53/70. Нью-Йорк: Ор-

ганизация Объединенных Наций, 4 января 1999 г. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/53/70> (дата обращения: 14.09.2020)

3. *О.В. Демидов и М.Б. Касенова. Кибербезопасность и управление интернетом / О.В. Демидов и М.Б. Касенова М.: Статут, 2013. – 457 с.*

4. Резолюция 53/70, События в области информации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. А / RES / 53/70. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 4 января 1999 г. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/53/70> (дата обращения: 14.09.2020)

5. *Matteo G. Martemucci Col. Безнаказанные оскорбления – Грядущее Кибер-варварские войны // Case Western Reserve Journal of International Law. Выпуск 47 №1 – 2015. – с. 53-62*

МРНТИ 10.87.77

Акшалова Р.Д.

*Старший преподаватель кафедры международного права
Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: rozaakshalova@mail.ru)*

РОЛЬ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Во всем мире стремительно распространяются возобновляемые источники энергии. Многие государства развивают возобновляемую энергетику для удовлетворения энергетических потребностей, обеспечения собственной и региональной энергетической безопасности, повсеместной электрификации или отдаленных районов. Другие страны распространяют возобновляемые источники энергии улучшения окружающей среды, снижения загрязнения воздуха и смягчения изменения климата, тем самым переходя к низкоуглеродной «зеленой» экономике.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, международная экологическая безопасность, международная энергетическая безопасность, устойчивое развитие, загрязнение воздуха.

В настоящее время вопросы энергетики и охраны окружающей среды занимают центральное место в рамках усилий мирового сообщества по достижению целей устойчивого развития. Серьезной проблемой для всех государств выступает согласование энергетической и экологической политики [1, с. 68]. Одним из главных масштабных вызовов международному сообществу является

глобальный энергоэкологический кризис. Исчерпание лучших месторождений и быстрое удорожание ископаемого топлива сопровождается постоянным увеличением выбросов парниковых газов в атмосферу, что является одним из основных факторов ухудшения климата на планете [2, с. 18-19]. Последнее нашло также подтверждение и в положениях Стратегии «Казахстан - 2050», согласно которому к десяти глобальным вызовам XXI века относят обеспечение глобальной энергетической безопасности и исчерпаемости природных ресурсов [3].

При этом состояние окружающей среды и экологической безопасности, как в Казахстане, так и во всем мире, вызывает глубокую тревогу и озабоченность. На различных диалоговых площадках (международных форумах, саммитах, конференциях и др.) мы стали намного чаще слышать об экологических проблемах и угрозах экологической безопасности. Экологические проблемы находятся в центре внимания мирового сообщества на протяжении около сорока пяти лет, однако до сих пор не существует действенного и эффективного механизма для их решения. Если рассматривать экологическую безопасность как «процесс обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества, природы и государства от реальных или потенциальных угроз, создаваемых антропогенным или естественным воздействием на окружающую среду» [4], то необходимо рассмотреть эти угрозы и найти эффективные способы и механизмы обеспечения международной экологической безопасности.

Одна из самых больших проблем, с которыми сталкивается сегодня весь мир – это обеспечение будущих поколений чистой и устойчивой энергией. Использование энергетики способствует экономическому росту государств, развитию медицины, транспорта, образования и других, повышению уровня и условий жизни населения. С ростом населения и растущим экономическим развитием во всем мире постоянно возрастает потребность и усиливается производство энергии. Каждый сектор человеческой жизни в настоящее время зависит от энергии, будь то транспорт, или потребности в электроэнергии, или система отопления и охлаждения [5, с. 29]. С 1973 по 2015 год общее энергоснабжение в мире увеличилось с 6101 Мт (мегатонны нефтяной эквивалентной энергии) до 13647 Мт, а общий объем потребления энергии почти удвоился - с 4672 до 8979 Мт. Между тем, потребление электроэнергии в мире почти в четыре раза за тот же период, с 6131 ТВт / час до 24255 ТВт/ч [6].

Энергетическая безопасность предполагает гарантированную защиту личности, общества и государства от дефицита топливно-энергетических ресурсов, стабильность поставок энергоносителей для внутреннего потребления, адаптацию национальной экономики к новым мировым ценам, защиту инфраструктуры топливно-энергетического комплекса, электростанций, нефтяных и газовых трубопроводов и других жизненно важных объектов.

Однако энергетика оказывает негативное воздействие на окружающую среду, особенно на атмосферу, которая является крупнейшим и единственным в своем роде природным ресурсом планеты, без которого невозможно существование человечества [7].

Энергетика является доминирующим фактором в области изменения климата, и на ее долю приходится около 60 % от общего объема глобальных выбросов парниковых газов [8]. На производство энергии приходится две третьих глобальных выбросов парниковых газов [9]. Ежегодно в атмосферу от предприятий энергетики выбрасывается более миллиона тонн вредных веществ и около 70 млн. тонн двуокиси углерода [10]. Так, по данным Международного Энергетического Агентства (далее - МЭА), доля топлива в выбросах CO₂ от сжигания топлива составила: от угля – 44, 1%, от нефти – 34,6%; от натурального газа – 19,9%; от других – 0,6% [9].

Борьба с изменением климата, охрана окружающей среды, рост зависимости от цен на энергоресурсы, зависимость от их импорта, кризис с транзитом газа и других энергоресурсов, авария атомной электростанции в Фукусиме в 2011 году стали предпосылками и важными причинами развития возобновляемых источников энергии и придания им приоритетного значения для обеспечения как международной энергетической безопасности, так и международной экологической безопасности.

Многие государства (Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза, Китайская Народная Республика, Индия, Япония и др.) реализовывают национальные стратегии по переходу к низкоуглеродной экономике, распространения возобновляемой энергии и повышения энергоэффективности.

Усилия по мобилизации международного сотрудничества в рамках реформы использования энергии, фактически начатой в 1987 году, посредством Доклада Брунтланд «Наше общее будущее» [11], в котором содержалось понятие «неиспользованный потенциал энергии» («untapped potential energy»), который должен стать основой развития энергетической политики 21 века [12]. В Докладе отмечается, что «глобальный выброс двуокиси углерода можно значительно сократить с помощью мер по эффективному использованию энергии для перемещения различных видов используемой энергии в сторону возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) без сокращения роста ВВП». Использование ВИЭ не является максимальной попыткой реформирования энергетической политики в мире, но их использование рассматривается как наиболее снисходительный подход для осуществления реформ при использовании энергии в международном масштабе [13].

ВИЭ играют важную роль в снижении выбросов ПГ и, следовательно, в смягчении последствий изменения климата [14]. Сценарии смягчения последствий, предусмотренные МГЭИК, рассматривают развитие сектора ВИЭ как ключ к смягчению последствий изменения климата [15]. Более того, оценки жизненного цикла выработки электроэнергии показывают, что выбросы ПГ от технологий ВИЭ в целом, значительно ниже, чем выбросы, связанные с использованием ископаемых видов топлива [16] и, при определенных условиях, ниже, чем выбросы от ископаемого топлива с использованием поглощения и хранения углерода. Средние значения колеблются от 4 до 46 г эквивалента CO₂/кВтч, а средние значения для ископаемого топлива колеблются от 469 до 1001 г экви-

валента CO₂/кВтч (за исключением выбросов в результате изменений в землепользовании) [17].

Важным шагом к регулированию влияния энергетики на окружающую среду послужило принятие в декабре 1994 г. Договора к Энергетической хартии (далее - ДЭХ), основной целью которого является формирование правовых рамок многостороннего сотрудничества в энергетической сфере. Статья 19 ДЭХ закрепляет многие принципы международного экологического права: «загрязнитель платит», межпоколенческой справедливости, устойчивого развития, предосторожности применительно к обеспечению энергоэффективности. В частности, пункт d) статьи 19 гласит, что стороны уделяют особое внимание повышению энергоэффективности, освоению и использованию возобновляемых источников энергии, поощрению применения более чистых видов топлива и использованию технологий и технологических средств, снижающих загрязнение [18]. Протокол к Энергетической Хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам содержит руководящие принципы для разработки программ по энергетической эффективности, намечает области сотрудничества, а также создает основу для развития совместных или скоординированных действий, охватывающие поисковые работы, разведку, производство, преобразование, хранение, транспортировку, распределение и потребление энергии и относящиеся к любому экономическому сектору [19].

Об этом говорится и в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года от 25 сентября 2015 года (далее - Повестка дня до 2030 года), в которую входят 17 Целей в области устойчивого развития (далее – ЦУР). ЦУР 2015 года с целью обеспечения всеобщего доступа к недорогому, надежному и устойчивому энергоснабжению включают в себя ЦУР 7 - Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. В рамках данной Цели предполагается к 2030 году значительно увеличить долю энергии из возобновляемых источников в мировом энергетическом балансе, а также активизировать международное сотрудничество в целях облегчения доступа к исследованиям и технологиям в области экологически чистой энергетики, включая возобновляемую энергетику [20].

Отдельно выделив ЦУР 7 и расширение использования возобновляемых источников энергии, мировое сообщество подтвердило необходимость перехода от расточительного и экологически опасного использования традиционных источников энергии, а также намерения защитить окружающую среду от вредных выбросов и отходов от производства и применения традиционных энергоносителей [21]. Это было закреплено в Уставе Международного Агентства по возобновляемым источникам энергии (далее - ИРЕНА), в котором говорилось, что ВИЭ «могут сыграть главную роль в сокращении концентрации парниковых газов в атмосфере, помочь устойчивому, безопасному и мягкому переходу к низкоуглеродистой экономике. Агентство содействует устойчивому использованию всех форм ВИЭ, принимая во внимание ... вклад, который вносят ВИЭ

в экономический рост и социальную сплоченность, включая и устойчивое развитие» [22].

Использование ВИЭ развивается и на региональном уровне. Так, с целью реализации поставленной цели в 2009 г. была принята Директива 2009/28 по содействию использования энергии из возобновляемых источников [23]. В ней обозначены конкретные задачи по увеличению доли возобновляемых источников энергии и зафиксированы обязательства стран-членов ЕС по подготовке национальных планов в области развития возобновляемой энергетики. Помимо этого, Директива 2009/28 призывает развивать механизм сотрудничества между европейскими странами, который может быть реализован несколькими вариантами:

а) для достижения всеми странами поставленных количественных целей по увеличению доли возобновляемой энергетики могут быть допустимы межстрановые «статистические сделки», по которым страны, которые не справляются с поставленными целями приобретут у более успешных стран недостающие квоты;

б) предусматривается возможность проведения совместных проектов в области возобновляемой энергетики как между странами ЕС, так и третьими государствами;

в) предполагается возможность создания совместных систем поддержки и финансирования возобновляемой энергетики на европейском уровне [23].

Необходимо заметить, что 30 ноября 2016 года Европейский Парламент и Совет приняли пересмотренную Директиву по содействию использования энергии из возобновляемых источников. В ней предусматривается принятие мер по снижению субсидирования возобновляемых источников энергии в условиях достижения все тех же целей, поставленных до 2020 и 2030 годов.

В заключении необходимо отметить, что возобновляемые источники энергии являются одним из ключевых средств обеспечения не только международной энергетической, но и международной экологической безопасности. ЦУР 7 как раз отражает эту тенденцию, способствуя не только повсеместной электрификации, обеспечения доступа к электроэнергии и повышения энергоэффективности, но и расширения использования возобновляемых источников энергии и других экологически чистых технологий для снижения выбросов парниковых газов и смягчения последствий изменения климата.

Список использованной литературы:

1. *Нгуен Куанг Тьен*. Эколого-правовые аспекты энергетического сотрудничества в рамках Ассоциации государства Юго-Восточной Азии // Материалы Международной научно-практической конференции «Современное международное право и научно-технический прогресс», 8 декабря 2011 года / отв. ред. Абайдельдинов Е.М., Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. - М.: РУДН, 2011. - С. 68-74

2. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. На пути к ноосферной энергоэкологической цивилизации // Россия и Казахстан в энергоэкологической революции XXI века // Материалы XXII Междисциплинарной дискуссии / под ред. Ю.В. Якова. - М.: Международный институт Питирима Сорокина - Николая Кондратьева, 2008. - С. 16-59.

3. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана Стратегия «Казахстан - 2050»: Новый политический курс состоявшегося государства от 14 декабря 2012 года [Электрон.ресурс]. – 2012. – URL: https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii- (дата обращения: 21.09.2020)

4. Копылов М.Н. Экологическая безопасность: понятийно-терминологический аспект // Закон и право. – 2000. – № 3. – С. 55-57

5. Акшалова Р.Д. Международно-правовые аспекты влияния энергетики на загрязнение воздуха // International Scientific Review of the problems of law, sociology and political science / Collection of scientific articles. V International Correspondence Scientific Specialized Conference (Boston, USA, October 29-30, 2018). Boston. 2018. – С. 28-33

6. Key World Energy Statistics. - International Energy Agency, France, 2017 [Электрон.ресурс]. – 2017. – URL: <https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2017.pdf> (дата обращения: 21.09.2020)

7. Акшалова Р.Д. Международно-правовое регулирование влияния возобновляемых источников энергии на охрану атмосферы от загрязнения энергетикой // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Право. - № 4 (125), 2018. – С. 137-148.

8. Цель 7: Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех // URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/issues/people/energy/> (дата обращения 04.06.2018 года)

9. Energy and Climate Change. World Energy Outlook Special Report. - International Energy Agency, France, 2015. – 200 p. // URL: <https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/WEO2015SpecialReportonEnergyandClimateChange.pdf> (дата обращения: 22.09.2020)

10. Досаев Н.Т. Киотский протокол как фактор стабилизации экологической ситуации в энергетике // Российское предпринимательство. – 2012. — № 14 (212). — с. 127-132.

11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/42/427 от 4 августа 1987 года «Развитие и международно-экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды». Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» // URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 21.09.2020)

12. *Marco Citelli, Marco Barassi, Ksenia Belykh*, (2014). Renewable energy in international arena: legal aspects and cooperation, Groningen journal of international law. 2(1), page 2
13. *Imam Mulyana*. (2016). The development of international law in the field of renewable energy. *Hasanuddin Law Review*. Vol. 2 Issue 1, pages 38-060.
14. *Abashidze, A.Kh., Solntsev, A.M., Akshalova, R.D.* (2020), “Climate change mitigation and renewable energy sources: international legal issues”, in Popkova, E.G. and Sergi, B.S. (Ed.), *Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow*, Springer Nature Switzerland AG, pp. 1068 – 1075.
15. IPCC Special Report on Renewable Energy Sources and Climate Change Mitigation. Summary for Policymakers. Abu Dhabi, United Arab Emirates, 5-8 May 2011. URL: <https://www.uncclern.org/sites/default/files/inventory/ipcc15.pdf> (дата обращения: 21.09.2020)
16. Elgar Encyclopedia of Environmental Law. Volume 1. Climate Change Law, edited by Daniel A. Farber, Marjan Peeters. Edward Elgar Publishing. UK, USA. 2016.p. 465.
17. Special Report on Renewable Energy Sources and Climate Change Mitigation. Summary for Policymakers. A Report of Working Group III of the IPCC and Technical Summary, 2012. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/03/SRREN_Full_Report-1.pdf (дата обращения: 21.09.2020)
18. Договор к Энергетической Хартии и связанные с ним документы. Правовая основа для международного энергетического сотрудничества. Секретариат Энергетической Хартии, Брюссель, 2004 – 256 с.
19. Протокол к Энергетической Хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам от 17 декабря 1994 года // Договор к Энергетической Хартии и связанные с ним документы. Правовая основа для международного энергетического сотрудничества. Секретариат Энергетической Хартии, Брюссель, 2004 – С. 159-177.
20. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятая резолюцией A/RES/70/1 Генеральной Ассамблеи от 25 сентября 2015 года. – 44 с. [Электрон.ресурс]. - URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.09.2020)
21. *Акишлова Р.Д.* Цели в области устойчивого развития и возобновляемые источники энергии: международно-правовые аспекты // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XV Международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н.Н. Емельянова. Москва, 22 апреля 2017 г. – Москва: РУДН, 2018. – С. 10-19.
22. Устав Международного Агентства по возобновляемым источникам энергии от 26 января 2009 года [Электрон.ресурс]. - URL: http://www.irena.org/documents/uploadDocuments/Statute/Statute_RU.pdf (дата обращения: 21.09.2020)

23. Directive 2009/28/EC Promoting the use of energy from renewable sources [Электрон.ресурс]. – 2009. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=URISERV:en0009&from=EN> (дата обращения: 21.09.2020)

МРНТИ 10.87.85

Ануфриева Л.П.²

*Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного права Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Москва, Россия
(E-mail: lyu-anufrieva@yandex.ru)*

**ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА
(НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА)**

Аннотация: Многоаспектность темы отражается в наличии нескольких направлений рассмотрения предмета. В частности, затронуты различные уровни и виды принципов правового регулирования международного экономического сотрудничества как средства обеспечения правовой основы международной безопасности в современных условиях многополярного мира. Один из его полюсов образует ряд сегментов: классические международные межправительственные организации, интеграционные связи и объединения, неформализованное взаимодействие государств (БРИКС), что в совокупности представляет своего рода противовес в сопоставлении с другим полюсом. Особый акцент сделан на основных принципах международного права, образующих незыблемый фундамент сотрудничества. В докладе обозначены подходы к понятию «многополярный мир», показаны актуализирующиеся особенности действующего международного правопорядка, включая и экономический порядок. В сформулированных положениях подчеркивается системный характер принципов, регулирующих международные экономические отношения, для целей обеспечения международной, в том числе коллективной, безопасности. Отдельное место занимает анализ принципов приоритетно развивающихся ныне сфер экономического сотрудничества в рамках БРИКС.

Ключевые слова: многополярный мир, международная безопасность, основные принципы международного права, международные организации, интеграционные объединения, БРИКС.

---

² Материал доклада подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01060 А.

Проблемы международной безопасности всегда тревожили международное сообщество, но в конце XX – начале XXI вв. они приобрели особый масштаб. Причем все возрастающую весомость стали иметь экономические аспекты всеобщей безопасности.

Идея многополярного мира, как известно, пришла на смену сначала однополярного (с одним центром могущества и силы), а затем биполярного мира, который длительное время существовал в годы противостояния двух систем (капиталистической и социалистической), двух сверхдержав – США и СССР.

Понятие многополярного мира в литературе и нормативных актах современного периода представляется как наличие такой системы международного устройства, при которой в мире существует несколько полюсов (центров принятия решений) государств, объединений, альянсов государств и других субъектов международного права, образующих центры экономического, политического, военного и иного влияния. Нередко вокруг одного «полюса» вращается целая подсистема, в которую входят государства, международные организации, гражданские общества, неправительственные организации, так называемая «мягкая сила» и т.д. К примеру, на евразийском пространстве, где так или иначе можно заметить тенденцию к постепенному формированию соответствующего полюса, создан ряд его элементов: межгосударственная организация безопасности – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), интеграционное объединение Евразийский экономический союз (ЕАЭС), предшественником которого было Евразийское экономическое сообщество, «классические» международные организации, призванные обеспечить достижение прежде всего значимых социально-экономических целей (повышения уровней экономического развития и социального равенства, роста благосостояния, экономического процветания и независимости и т.п.), – Содружество независимых государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация черноморского сотрудничества и развития (ОЧСР), а также параорганизации (БРИКС) и т.д. При этом важно подчеркнуть, что многополярный мир подразумевает обеспечение не только военно-политической, но и экономической, экологической, информационной, антитеррористической и других направлений безопасности.

Противостоящим полюсом выступает НАТО во главе с США, Евросоюз и ассоциированные с ним государства из числа развивающихся (страны АКТ – Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов), а также государства «восточно-европейского партнерства» (Украина, Грузия, Азербайджан, Молдова), связанные с ЕС соглашениями о партнерстве и сотрудничестве.

Институциональное и неинституциональное сотрудничество в рамках вышеуказанных форматов реализации международных отношений опирается на универсальные принципы «общего» международного права (зафиксированные в Уставе ООН и Хельсинкском заключительном акте СБСЕ) и соответствующие им принципы правового регулирования регионального сотрудничества. Так, ОДКБ "содействует формированию справедливого, демократического ми-

ропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права" (ст. 4 Устава Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г.). Партнерство и сотрудничество в Черноморском и Каспийском регионах выстраивается с учетом сохранения приверженности целям и принципам Устава Организации Черноморского экономического сотрудничества, а также с учетом необходимости укрепления механизма сотрудничества пяти прикаспийских государств на основе коллективно принимаемых ими решений (Указ Президента РФ от 30.11.2016 N 640 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации").

Экономические связи в рамках неформального объединения Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР (БРИКС) оперируют принципами, адекватно выражающими цели и задачи совместного участия в мировой экономике, но производными от основных принципов международного права, на чем далее целесообразно остановиться в отдельном порядке. Аналитики сосредоточивают внимание на внешнем и буквальном смысле рассматриваемого сотрудничества, которое являет пример так называемого «трансконтинентального измерения», присутствующего во взаимодействии государств четырех континентов – Азии, Африки, Европы и Латинской Америки [2, стр. 15]. Последнее представляет геополитическую уникальность и по сути является катализатором отхода от одно- и биполярного мира, демонстрируя модель современного многополярного мира, поскольку страны БРИКС, объединяясь, вместе отвечают на современные вызовы (территориальное расширение, демографическое развитие, экономическая состоятельность). Альянс стран БРИКС, образовавших новый формат международных отношений, демонстрирует возможности изменения в устройстве мира, правопорядка, полицентричность (многополярность), постепенно обретающую черты устойчивости. Именно подъем Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР как растущих экономик вызвал в последнее десятилетие глубокую трансформацию международных отношений, мировой политики и права, приведшей к изменениям в векторах политического влияния, перераспределению могущества и смещению точек силы в международной системе, что признается даже западными авторами [3, стр. 1-2].

По мнению специалистов из числа участвующих в евразийской экономической интеграции государств, «в настоящее время одним из центров экономического и политического влияния в мире безусловно является Россия, которая, по сути, выступает и основной движущей силой евразийской интеграции. Другие евразийские государства, участвуя в ЕАЭС и ОДКБ, тем самым способствуют становлению многополярного мира и утверждению интеграционного объединения в качестве гаранта независимости своего развития и одного из оплотов обеспечения мировой безопасности и стабильности» [4, стр.36] Данная констатация существенна: не секрет, что образование и функционирование политико-экономических «центров» нуждаются в инициативах и лидерстве.

Развитие экономических связей в настоящее время неизменно строится на использовании опробированных (традиционных) правовых механизмов, принципов и форм сотрудничества, но также и на разработке новых средств и моде-

лей регламентации, адаптированных к современным условиям, целям и потребностям участвующих субъектов. Подобный алгоритм демонстрируют в своей практике в современных условиях как традиционные международные экономические организации (банки развития, фонды, программы развития и т.п.) или «устоявшиеся» межгосударственные объединения интеграционного типа (ЕС), так и неформальные образования (параорганизации), к каковым относится БРИКС. Последний элемент закономерно заслуживает внимания своей нетипичностью и новизной.

В обстоятельствах, когда имеются случаи нередкого пренебрежения основами международного общения, которые складывались в течение предшествующих веков со стороны стран Запада, - принципами и нормами «общего международного права» - оправдано обращение отдельных государств к конструированию, внедрению и развитию ведущих начал, используемых в регламентации политических и экономических взаимоотношений внутри указанного альянса государств, если есть доказательства их жизнеспособности и результативности. Особой значимостью обладает рассмотрение таких начал-принципов в контексте сопоставления их с основополагающими, или «основными», принципами международного права, нормами *jus cogens*, отраслевыми принципами международного экономического права и принципами интеграции. Направляя в настоящем прицел на вопросы управления, особенностей принципов сотрудничества, действующих в отдельных сферах, таких, как, например, наука, техника, технологии и инновации, активно развивающихся в рамках международного взаимного содействия, следует выделить связи в этом плане стран БРИКС, имея в виду место, которое занимает их экономический оборот в мировых статистических сводках. Сообразно этому выглядит и значение правового фундамента, в качестве которого выступает свод принципов, согласованных и сформулированных совместно данными государствами. Аспект, касающийся характера, классификации, перечня и юридического содержания таких принципов и их соотношения с принципами «общего международного права», составляет серьезную теоретическую проблему в современном правоведении. Вместе с тем несомненно, что, будучи неотъемлемой частью межгосударственного экономического взаимодействия, сотрудничество в экономической сфере стран БРИКС базируется на основных принципах международного права, а также на отраслевых (специальных) принципах международного экономического права (МЭП). Из этого вытекает, что последние, будучи отраслевыми принципами, распространяют свое действие и на взаимные связи страны альянса, причем не только между собой, но и на их отношения с третьими государствами. Принципы МЭП в рамках экономической сферы обладают универсальностью. По сравнению с ними принципы сотрудничества, признанные либо выработанные собственно БРИКС для отношений друг с другом, подобным качеством универсальности характеризоваться не могут, если только речь не идет об их восхождении к основополагающим (основным, или «общепризнанным») принципам международного права как всеобщим порядком признанным императивным нормам.

Основные принципы международного права, будучи предписаниями, закрепленными в Уставе ООН, в отечественной теории устойчиво квалифицируются как главные, руководящие нормы, пронизывающие всю систему международного права. Они охраняют общечеловеческие ценности, обладают нормативностью, общепризнанностью, императивностью, принадлежностью к общему международному праву, невозможностью быть измененными простым соглашением сторон.

Перечень и содержание иных разрядов руководящих норм в качестве принципов (отраслевых, специальных, или конкретных, предназначенных для отдельных областей сотрудничества) могут различаться и дифференцируются в зависимости от их видовой принадлежности, обуславливающей юридическую значимость и иерархическую силу, однако непременным условием юридической действительности для них служит удовлетворение требованию соответствия основным (системным) принципам международного права. Скажем, принципы торгово-экономического, научно-технического, технологического и инновационного сотрудничества в рамках БРИКС или какого-либо регионального интеграционного объединения фразеологически отличаются от формул принципов Устава ООН, именуемых в литературе по международному праву «основными принципами». Тем не менее это отнюдь не означает, что указанные принципы сотрудничества отступают или тем более идут вразрез с существом принципов Устава ООН.

Отстаивая тезисы о существовании «базовых опор» в международной системе и международном праве в виде основных принципов – суверенитета государств, уважения их суверенного равенства и равноправия, соблюдения субъектами взятых на себя обязательств и др., – важно проследить предпосылки формирования, механизмы развития и ускорения в том, что касается концентрированной разработки собственной принципиальной основы сотрудничества государств-участников названного альянса (БРИКС). В частности, достигнутые ныне результаты опираются на прохождение определенных вех: так, формулирование задачи по реализации в «целенаправленных и согласованных усилиях по наращиванию динамики всестороннего и многоуровневого сотрудничества» обусловило потребность в принципе развития и многосторонности; цель установления более справедливого, равноправного, честного, демократического и представительного международного политического и экономического порядка, заданная на предыдущих саммитах и этапах сотрудничества, привела к недвусмысленному постулированию принципов *честности и справедливости в целях обеспечения мира и стабильности на международном и региональном уровне, взаимного уважения и взаимопонимания, равенства, солидарности, открытости, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества, учета интересов, уважения права каждого государства на выбор путей развития* (п.3 Сямэньской декларации от 4 сентября 2017 года). Общность целей и характер отношений между странами БРИКС предопределили такие правовые начала, заложенные в фундамент сотрудничества, как «справедливый и равноправный международный порядок при центральной роли Организации Объединенных Наций

на основе целей и принципов, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, и соблюдения норм международного права,... приверженность принципам демократии и верховенства права в международных отношениях» (пп. 5-6 Йоханнесбургской декларации от 26 июля 2018 г., пп. 2, 5 декларации XI саммита в Бразилиа от 14 ноября 2019г.).

Анализ приведенных положений недвусмысленно свидетельствует, во-первых, о том, что многополярный мир объективирован наряду с прочим и разнообразными по своей правовой природе объединениями государств, которые могут разрабатывать и принимать в своем сообществе различные правовые положения; во-вторых, принципиальная основа современного экономического сотрудничества, осуществляемого в рамках разнообразных образований, не противоречит действующим принципам и нормам международного права, прежде всего его основным принципам; в-третьих, обозначенный правовой фундамент не является застывшим, а имеет перспективу дальнейшего развития, эвентуального преобразования и совершенствования; наконец, в-четвертых, международная безопасность, в том числе и экономическая безопасность, пребывают в состоянии стабильности лишь при условии, что не будут разрушаться устои действующего международного правопорядка, в существенной мере обеспечиваемые неукоснительным соблюдением всех уровней международно-правовых принципов.

За пределами внимания в настоящем осталась весьма крупная проблема современной действительности, крайне остро влияющая на беспрепятственность нормального осуществления международных экономических отношений, которая безусловно подвергает рискам международную безопасность, обеспечение надлежащего международного правопорядка, – односторонние экономические меры («санкции»). Нет сомнений в том, что подобные действия наносят ущерб отдельным государствам, мировой экономике, правам человека и идут вразрез с международным правом, о чем недвусмысленно заявлялось в документах ГА ООН: в частности, Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета, принятая резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21.12.1965 провозглашала, что ни одно государство "не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер иного характера для принуждения другого государства подчинить осуществление его суверенных прав или для получения от него каких бы то ни было преимуществ". Однако этот аспект представляет собой самостоятельный предмет, требующий специального подхода и детального освещения.

Список использованной литературы:

1. *Каталано П.* Главные цели и основания БРИКС: природа история // Правовые аспекты БРИКС / Отв. ред. Т.А. Алексеева, П. Каталано. СПб., 2011. - 240с. С. 15.

2. *Кембаев Ж.М.* Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. N 2. С. 32 – 45.

3. *Burke-White William W.*, Power Shifts in International Law: Structural Realignment and Substantive Pluralism// Harvard International Law Journal; winter 2015. Vol. 56, Issue 1. P.1-79.

4. *Кембаев Ж.М.* Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. N 2. С. 32 – 45.

МРНТИ 27.25.19

Ахметова Э.А.

*Магистрант кафедры международного права
Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: askhatkyzya@gmail.com)*

ДВУСТОРОННЕЕ И МНОГОСТОРОННЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ КАК СРЕДСТВО ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Устойчивый рост инвестиций в последние годы связан с большей стабильностью в макроэкономической политике государств, либерализацией инвестиционных и торговых режимов, а также с укреплением правовой и институциональной базы в принимающих странах. Так как иностранные инвестиции несут с собой новые потоки технологий, знаний и возможность ускорить экономический рост, они имеют большое влияние на общее экономическое развитие и экономическую безопасность. Анализ двухсторонних и многосторонних договоров подтверждает, что совершенствование нормативно-правовой базы может оказать существенное влияние на инвестиции посредством их контроля, что в свою очередь является залогом международной экономической безопасности. Нижеследующая работы описывает эволюцию таких структур на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, международные соглашения, региональные договоры, международная экономическая безопасность, защита инвестиций.

С каждым годом разделение международных экономических проблем и проблем безопасности становится все более размытым. На западе такие инструменты экономической интеграции как ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), Бреттон-Вудские учреждения и ЕС были оправданы не

только с экономической точки зрения, но и как закрепляющие отношения между государствами, а безопасность и экономические цели принципиально не противоречили друг другу. Теперь, однако, уже не ясно, что признается как «угроза» и что такое «безопасность». В отсутствие четко определенной повестки дня в области безопасности экономическая интеграция имеет свой собственный импульс. Все страны становятся все более взаимозависимыми благодаря улучшению коммуникаций, потоков капитала и торговли. Правительства всего мира почти повсеместно и добровольно признают снижение уровня самообеспеченности и усиление экономической интеграции. В либеральной международной экономической системе уязвимость к внешним экономическим событиям и зависимость от иностранных инвестиций являются необходимым следствием развития глобализации [1].

Последние годы ознаменовались резким возрастанием международных инвестиционных потоков. Либерализованные инвестиционные правила, в соответствии с которыми деньги и производственные мощности могут перемещаться на международном уровне без ограничений, дают корпорациям больше власти в мировой экономике. Если лицо рассматривает возможность осуществления инвестиций в той или иной стране, то решающее значение имеет инвестиционный климат страны, общее состояние экономики, и меры защиты, предусмотренные двусторонними инвестиционными договорами (ДИД) и многосторонними инвестиционными договорами (МИД).

С другой стороны, государства, принимающие иностранные инвестиции, сталкиваются со стандартной проблемой обязательств: они хотят привлечь инвесторов из-за потенциальных выгод, вытекающих из капиталовложений, но как только инвестиции сделаны, принимающее государство имеет стимул отказаться от условий инвестиций, ввести высокие налоги и регулирование или даже национализировать инвестиции.

Заключение письменного договора является стандартным решением этих проблем, но в соответствии с обычным международным правом контракты между частными инвесторами и государствами имеют сомнительную принудительную силу. ДИД, появившиеся и развивающиеся последние 50 лет, призваны заполнить этот пробел в международном праве, предусматривая международные стандарты обращения с иностранными инвестициями.

В теории, когда говорят о правовом регулировании и обеспечении иностранных капиталовложений на международном уровне, в зависимости от источников его принято делить на категории международных соглашений: многосторонние международные соглашения, которые обладают свойством универсальности, международные региональные соглашения и соглашения, которые заключены между двумя государствами (также являются международными) [2].

Понятие «Инвестиции» для этих целей потенциально охватывают широкий круг интересов и сделок, связанных со слияниями и поглощениями, совместными предприятиями, покупкой ценных бумаг или активов, проектным финансированием, концессионными контрактами, разработкой новых месторождений, строительством производственных предприятий и, в некоторых слу-

чаях, могут также распространяться на финансовые операции, поддерживающие инвестиции, включая операции, связанные с предоставлением кредитов и векселей. Поскольку в инвестиционных договорах отсутствует общее определение понятия «инвестиции», необходимо будет рассмотреть каждый двухсторонний и многосторонний договор для определения того, подпадает ли та или иная конкретная инвестиция или сделка под сферу ее защиты. Однако следует упомянуть, что в случаях судебных разбирательств существует благоприятная тенденция, когда суды выносили решения в пользу более широкого определения понятия «инвестиции».

Рассмотрев различные определения понятия «иностранные инвестиции», применяемые в международной и отечественной практике, было предложено следующее определение: иностранные инвестиции — это ценности, в том числе имущественные права, принадлежащие физическим и юридическим лицам одной страны, но находящиеся в другой стране, вкладываемые в предпринимательских целях, т. е. для извлечения прибыли (получения дохода). Такое определение представляется наиболее емким и универсальным, а следовательно, эффективным для целей регулирования иностранных инвестиций [3].

Как уже было отмечено ранее, одним из важнейших инструментов регулирования иностранных инвестиций является двухстороннее соглашение. Первый современный двусторонний инвестиционный договор был заключен в 1959 году между Германией и Пакистаном. В последующие десятилетия все большее число европейских стран заключало такие договоры с развивающимися странами. К середине-концу 1980-х годов ДИД стали общепризнанными инструментами поощрения и правовой защиты иностранных инвестиций. ДИД больше не заключаются исключительно между странами-экспортерами и странами-импортерами капитала; все большее их число стало заключаться между развивающимися странами, обычно импортирующими капитал (и странами с переходной экономикой).

Консолидация некоторых основных положений в ДИД указывает на то, что можно назвать «первым поколением» соглашений. Однако значительно расширившаяся с конца 1980-х годов договорная практика привела к уточнению формулировок положений ДИД и в некоторых случаях к их переформулировке в качестве инструментов политики либерализации инвестиций.

В ДИД рассматриваются вопросы, связанные с допуском и установлением иностранных инвестиций, включая стандарты режима, которыми пользуются иностранные инвесторы (минимальный стандарт режима, справедливый и равноправный режим, полная защита и безопасность, национальный режим и режим наибольшего благоприятствования). Свободный перевод средств через национальные границы в связи с иностранными инвестициями обычно также регулируется ДИД. Кроме того, ДИД касаются вопроса об экспроприации или ущербе инвестициям, определяя, какая сумма и каким образом будет выплачена инвестору в такой ситуации. Они также определяют степень защиты и компенсации, которую инвесторы должны ожидать в ситуациях войны или гражданских беспорядков.

Еще один ключевой элемент ДИД связан с урегулированием споров между инвестором и страной, в которой осуществлялись инвестиции. В этих положениях, часто называемых урегулированием споров между инвесторами и государствами, обычно упоминаются форумы, к которым инвесторы могут обращаться для создания международных арбитражных судов (например, МЦУИС или ЮНСИТРАЛ, и то, как это связано с разбирательствами во внутренних судах принимающих стран. ДИД также обычно включают положение об урегулировании споров между государствами. Наконец, ДИД обычно регулируют временные рамки договора, уточняя, как продлевается и прекращается действие соглашения, и уточняя, в какой степени охватываются инвестиции, осуществленные до заключения и ратификации договора.

Общепринятое мнение гласит, что основная причина, по которой государства подписывают ДИД, заключается в привлечении иностранных инвестиций. Было признано, что наличие таких соглашений создаст благоприятный инвестиционный климат для иностранных инвесторов и привлечет больший объем иностранных инвестиций. Однако эта общепринятая мудрость в настоящее время все чаще подвергается сомнению. Вопрос о том, действительно ли ДИД увеличивают приток инвестиций, был центральным в ряде исследований; результаты оказались неоднозначными. В одном исследовании был сделан вывод о том, что существование ДИД оказывает незначительное влияние на инвестиционные решения компаний [4]. Таким образом, представление о том, что ДИД являются средством привлечения большего притока инвестиций весьма сомнительно. Если согласиться с тем, что ДИД не привлекают и не способствуют увеличению объема инвестиций, то следует поставить под сомнение их дальнейшее существование в качестве важной характеристики правового режима иностранных инвестиций. Однако, несмотря на это, ДИД обеспечивает безопасное функционирование инвесторов на территории иностранного государства, и в случае споров, содержат нормы по их разрешению.

Двусторонние инвестиционные договоры касаются главным образом вопросов допуска, режима и защиты иностранных инвестиций. Они обычно охватывают инвестиции предприятий или частных лиц одной страны на территории ее партнера по договору. Тогда как многосторонние инвестиционные договоры – это соглашения между странами о сотрудничестве в торгово-экономической сфере. Обычно они охватывают более широкий круг вопросов и заключаются на многостороннем или региональном уровнях.

История создания МИД началась в мае 1995 года в рамках переговоров под эгидой ОЭСР. Формат данных переговоров изначально был беспрецедентным по своему масштабу, поскольку впервые в истории инициатива их проведения принадлежала именно тем государствам, которые, по существу, формируют международный инвестиционный процесс (государства-члены ОЭСР и ряд других развитых стран). Примечательно, что указанные государства самостоятельно пришли к пониманию и осознанию необходимости нормативной основы для инвестиций. Переговоры Совета Министров стран-членов ОЭСР привели к решению, принятому 28 апреля 1998 года, которое провозглашало

необходимость «времени для оценки и дальнейших консультаций между участниками переговоров и со всеми заинтересованными кругами общественности».

Развитие международного инвестиционного права можно проследить на примерах Всемирной торговой организации (ВТО), Всемирного банка, издавшего в 1992 г. Указания по международным инвестициям и т.д. Показательными являются примеры успешного правового регулирования международных инвестиций в рамках Северо-Американского соглашения о свободной торговле (НАФТА) и Европейской энергетической хартии (ЕЭХ). Все указанные инициативы имели своей целью установление правовых стандартов в отношении иностранных инвестиций. С этой точки зрения задача МИД должна рассматриваться как новая попытка объединить имеющиеся подходы к международно-правовому регулированию иностранных инвестиций и разрешению международных инвестиционных споров [5].

МИД направлены на содействие созданию открытого международного инвестиционного климата, устранение препятствий для трансграничного притока капитала и содействие созданию предприятий. Ключевые режимы, которые предоставляется МИД – это национальный режим и режим наибольшего благоприятствования (РН). Одной из целей заключения МИД является стремление избежать дискриминации. Каждый член остается свободным в определении условий, при которых бизнес может осуществляться на его территории. Многонациональные, а также отечественные предприятия подчиняются законам и юрисдикции стран, в которых они осуществляют свою деятельность.

Международным договором, который регулирует множество вопросов связанных с предоставлением гарантий инвесторам является Сеульская Конвенция. Она была принята 11 октября 1985 г. В 1988 г. было учреждено Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МИГА). Многие учёные считают её одним из лучших правовых международных актов в этой области. Особенностью Сеульской Конвенция является то, что она обозначила правовое регулирование возмещения убытков иностранных инвесторов при помощи механизма выплат страховых сумм [6].

Примером соглашения, предоставляющего основу для свободного перемещения инвестиций в регионе является Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). Положения, касающиеся инвестиций, содержатся в главе 11. Глава об инвестициях является важным элементом соглашения, которое обеспечивает эту самую основу для свободной торговли в масштабах полушария. Сфера охвата этой главы очень широка. Она обеспечивает защиту существующих, а также будущих инвестиций в одно государство-участника НАФТА, принадлежащих или контролируемых, прямо или косвенно, инвесторами другого государства-участника НАФТА.

Примером регионального соглашения также является Договор Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по защите и поощрению иностранных инвестиций, который содержал прочные положения, но, поскольку только одобренные инвестиции были защищены договором, было достаточно места для нормативного контроля за ввозом иностранных инвестиций. Однако

более позднее рамочное соглашение АСЕАН по инвестициям создало концепцию «инвестора АСЕАН» и разрешило свободу передвижения в пределах региона АСЕАН субъекту или лицу, которые попали под определение.

Другие региональные договоры, такие как Соглашения МЕРКОСУР, создают аналогичные региональные соглашения с защитой, предоставляемой в той или иной степени иностранным инвестициям участвующих региональных государств [7].

Особое место среди региональных соглашений на постсоветском пространстве занимало Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах-членах Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Соглашением предусматривалось предоставление режима наибольшего благоприятствования инвестициям и инвестиционной деятельности инвесторов из государств членов Евразийского экономического сообщества. Соглашение предоставляло сторонам основные обычно принятые в практике иностранной инвестиционной деятельности гарантии, а именно: гарантии от принудительного изъятия собственности иностранного инвестора, за исключением случаев, когда такие меры применяются в общественных интересах в порядке, установленном законодательством страны, принимающей иностранные инвестиции; беспрепятственный перевод в любую страну доходов и осуществление других платежей в связи с инвестициями после выполнения всех налоговых и прочих обязательств на территории государства, принимающего инвестиции [8].

В настоящее время в эксплуатации находится более 3000 ДИД и МИС. Это количество является проблематичным, так как не существует центрального контроля и все эти соглашения отдалены друг от друга, что также называют «спагетти-чашей». Эта хаотичная система поощряет выбор инвесторов наиболее выгодных договоров, стран для инвестирования и национальностей, а также параллельные процедуры урегулирования споров. Чтобы иметь возможность понять этот процесс и подчинить его международным нормам, требуется хорошая сбалансированность международных интересов в защите инвестиций и интересов принимающего государства в регулировании процесса, имеющего свои собственные преимущества.

Список использованной литературы:

1. *Vincent C.* What is International Economic Security? // Royal Institute of International Affairs, Apr., 1995, Vol. 71, No. 2, URL: <https://www.jstor.org/stable/2623436> (дата обращения 14.09.2020) - интернет источники
2. *Федянин Ю.М.* Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций и их обеспечение в международном праве, Вестник экономики, права и социологии, 2013, № 1
3. *Кузнецова О. В.* О правовом регулировании иностранных инвестиций //электронное приложение к «Российскому юридическому журналу Экономика и Право», 2011

4. *Nicolette Butler & Surya Subedi*, The Future of International Investment Regulation: Towards a World Investment Organisation? //Netherlands International Law Review, 2017 URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40802-017-0082-5> (дата обращения 13.09.2020) - интернет источники

5. *Попов Е.В.* Многостороннее соглашение по инвестициям: актуальные вопросы //Марийский юридический вестник, 2001

6. *Пискун Л.* Роль Сеульской Конвенции в международноправовом регулировании иностранных инвестиций //Научно-практический журнал «Океанский Менеджмент», 2018

7. *Протопопова П.* Некоторые вопросы правового регулирования иностранных инвестиций в международном праве //Научно-практический журнал «Океанский Менеджмент», 2017

8. *Веселкова Е.Е.* Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций в рамках Евразийской интеграции //ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ, 2015

МРНТИ 10.87.85

Бахин С.В.

*Доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой международного права
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия
(E-mail: intlaw@jurfak.spb.ru)*

**ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ
И БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВ
(НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ)**

Аннотация: Международная конкуренция – неизменный спутник взаимоотношений государств в течение многих столетий. В настоящее время она расширяется по своей напряжённости, кругу участников и методам реализации. В процессе выработки действующего международного права регламентации конкурентной борьбы внимания фактически не уделялось. В настоящее время в связи с набирающей силу глобальной и всеобъемлющей конкуренцией, которая несёт серьёзную угрозу безопасности государств, мы вправе поставить вопрос о необходимости формирования права международной конкуренции.

Ключевые слова: конкуренция и соперничество, безопасность государств, глобальный кризис, глобальная конкуренция, право международной конкуренции, национальный протекционизм.

Конкуренция как таковая известна человеческому обществу как социальному организму очень давно, фактически с первых шагов его существования. В течение столетий различные формы соперничества приобретали неодинаковую интенсивность, но в целом оставались неизменным спутником социальных взаимосвязей. При этом конкуренция характерна не только для отдельных лиц и образований внутри каждого государства, но и за его пределами – между самими государствами и иными акторами международного взаимодействия.

Именно эта конкуренция на международном уровне и является предметом нашего рассмотрения.

Длительное время соперничество между государствами было неизменной парадигмой международной политики. Довольно трудно перечислить весь арсенал средств, который пускали в ход государства для достижения собственного превосходства и даже доминирования. Главным, конечно, была военная сила, но это не исключало политические, дипломатические, идеологические, экономические и прочие рычаги и инструменты, а чаще всего искусное использование их различных сочетаний.

С принятием Пакта Бриана-Келлога, а впоследствии с закреплением принципов неприменения силы и угрозы силой, мирного разрешения споров в Уставе ООН военные рычаги соперничества отошли на второй план, уступив место иным инструментам, прежде всего экономико-политическим.

Правда борьба за военное доминирование не исчезла из арсенала конкурентной борьбы вовсе, а лишь обрела иные формы – от прямого вооружённого вмешательства, силового давления, демонстрации силы и угрозы силой до не прекращающей своей явной и подспудной интенсификации гонки вооружений (которая, кстати говоря, может вымотать участников подчас не менее, чем открытое военное противостояние).

Конечно, в основе достижения успеха на международной арене всегда лежали и лежат экономические возможности того или иного государства, его экономико-политический статус. Но не менее важными обстоятельствами оказываются географическое положение, объём природных ресурсов, близость транспортных путей, стабильность экономики и её сопряжённость с мировыми экономическими процессами, кооперация с другими государствами и т.д. Важнейшим фактором в конкурентной борьбе всегда являлось стремление государств действовать через объединение своих потенциалов путём создания всевозможных коалиций, блоков и союзов, а также умение привлечь на свою сторону постоянных сателлитов или временных союзников.

В XX и XXI в. решающим обстоятельством в борьбе за лидерство стало использование возможностей научно-технического прогресса, стремление к доминированию на технологическом уровне. Сегодня к электронному бизнесу и телекоммуникациям добавился искусственный интеллект, причём последний, как это нередко бывало в прошлом с другими новациями, может существенным образом трансформировать иерархию конкурентов на международной арене.

Нельзя не заметить, что чем дальше человечество продвигается по пути своего развития, тем стремительней и интенсивнее разворачивается конкуренция на мировой арене. Исчерпание природных ресурсов, национально-

территориальные конфликты, усложнение и диверсификация товарных потоков, борьба за доступ к транспортным коммуникациям и инфраструктуре, всевозможные виды кооперации – все эти многие другие факторы делают картину международного соперничества намного более сложной и многоцветной.

Явным показателем подобной интенсификации стали постоянно расширяющиеся и обостряющиеся торговые войны, меры экономического противостояния и давления (абсолютно непропорционально именуемые санкциями), косвенное и прямое вмешательство государств в экономические процессы на уровне хозяйствующих субъектов. В последнее время мы стали свидетелями практически ничем не завуалированного диктата, который позволяют себе некоторые ведущие мировые игроки в расчёте на получение односторонних преимуществ. Можно вспомнить недавние действия и угрозы США в отношении китайских компаний *Huawei* и *Tik-Tok* или же беспрецедентное давление на немецких инвесторов, участвующих в реализации строительства трубопровода «Северный поток». Эти и подобные акции имеют мало общего со свободной конкуренцией.

Мировая экономическая и политическая обстановка постоянно усложняется. Рост мировой нестабильности, экономические кризисы, торговые войны, соперничество в сфере добычи углеводородов и разработки передовых технологий, попытки любой ценой получить односторонние преимущества – всё это делает более интенсивными соперничество и противостояние между государствами.

Однако наряду с государствами в XX в. в сферу международной конкуренции оказались вовлечены новые игроки. Это, прежде всего, транснациональные корпорации (ТНК) и иные транснациональные финансовые, инвестиционные и технологические конгломераты. К настоящему дню некоторые из них достигли таких размеров и могущества, что могут соперничать с государствами по своим возможностям и влиянию. Длительное время считалось и была даже предпринята попытка закрепить на международно-правовом уровне положение о том, что ТНК являются субъектами национального права, подчинены постановлениям национального законодательства, а их деятельность подлежит контролю со стороны государства, на территории которого расположен соответствующий филиал ТНК.³

Однако ТНК используют все свои возможности, чтобы выйти из-под контроля государств и стать субъектами если не полностью равными государствам, то, по крайней мере, приравненными к ним. Ради этого они широким фронтом через различные каналы внедряют либеральную концепцию «открытых обществ», согласно которой участие государства в регулировании экономических процессов должно быть сведено к минимуму или же вовсе исключено.⁴ Реали-

---

³ Речь идёт о попытке разработки и принятия под эгидой ООН Кодекса поведения ТНК. Несмотря на то, что данный документ принят не был, тем не менее из Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г. Генеральной Ассамблеи ООН вполне очевидно вытекает, что государства не признают ТНК субъектами международного права. Соответственно ТНК были и остаются субъектами международного частного, а не публичного права.

⁴ Эта идея на международном уровне транслируется, например, в выпущенной известным немецким учёным Юргеном Базедовым монографии «Право открытых обществ – частное и

зация этой идеи позволила бы ТНК не оглядываться на национальное законодательство, действуя на территории того или иного государства по своему усмотрению [2].

Наряду с ТНК на международной арене появились и в последнее время становятся всё более значимыми игроками различные «интеграционные объединения». При помощи данного термина ныне принято обозначать различного рода союзы и иные образования, главной целью которых является объединение в политических, экономических и военных целях ради более успешного соперничества на мировой арене.

Надо заметить, что термином «интеграционное объединение» обозначаются образования, серьёзно отличающиеся друг от друга по своей успешности и интенсивности продвижения по пути заявленных целей. В их число попадают как крупные экономические союзы, осуществляющие амбициозные проекты полной экономической интеграции, так и сугубо формальные объединения, не сумевшие реализовать поставленные цели даже в минимальном объёме.

Государства-члены таких союзов получают вполне очевидные дивиденды от участия в подобной кооперации, а сами интеграционные объединения становятся все более значимыми и активными участниками международной конкурентной борьбы.

При этом вполне очевидно, что действующее международное право создавалось в иных условиях и не всегда рассчитано на те формы и методы конкурентной борьбы, которые складываются ныне в условиях глобального противостояния. Устав ООН и современное международное право базируются на основополагающей идее мира и сотрудничества государств, а также согласованных действий во имя достижения этих целей. Между тем накал складывающегося ныне соперничества со всей очевидностью ставит вопрос о том, что доминантой современных международных отношений стало уже не сотрудничество, а конкуренция.

Посему на повестке дня стоит вопрос о формировании необходимых правовых предпосылок для регламентации взаимодействия государств в процессе конкуренции. Мы исходим из того, что действующее международное право к разрешению подобных коллизий практически не приспособлено. Нужно вспомнить сколь уязвимым оказалась правовая система и практика Европейского союза применительно к миграционному кризису или Brexit'у. С нашей точки зрения ещё сложнее сложилась ситуация применительно к нынешним и, главное, отдалённым последствиям пандемии COVID-19.

Казалось бы, в условиях коронавируса государства должны были, отбросив противоречия, объединиться в решении многочисленным проблем, которые он породил. Однако в действиях государств не только не обнаружилось единства, но, напротив, глобальная пандемия лишь обострила существующие про-

---

государственное регулирование международных отношений. Общий курс международного частного права. М., 2016». Подзаголовок этой книги – «Общий курс международного частного права» – должен показать, что речь идёт о глобальной и всеобъемлющей тенденции трансформации сути и назначения международного частного права.

тиворечия. Заметим в этом весьма опасную тенденцию: в случаях возникновения кризисных ситуаций и катаклизмов, государства не спешат действовать сообща, а поступают согласно давно известной формуле – «своя рубашка ближе к телу».

Это заставляет всерьёз задуматься о необходимости учреждения и разработки нового раздела в международном праве – **права международной конкуренции**. Речь идёт о том, что соперничество государств (так же, как в своё время сотрудничество) должно быть введено в правовые рамки. Иначе в ближайшем будущем нас ждёт хаос и открытое противостояние государств.

Нельзя не признать, что задача эта довольно сложная. В условиях глобальной конкуренции государства-лидеры едва ли пойдут на уступки в пользу аутсайдеров. В погоне за сверхприбылями ТНК ещё никогда вне прислушивались к голосу рассудка и соображениям здравого смысла. Тотальное движение к прибыли любой ценой, к доминированию вопреки общечеловеческим интересам рано или поздно заведёт нас в тупик.

Беспокоясь о своей экономико-политической безопасности, государства несомненно будут практиковать широкие протекционистские меры, которые во многом поставят под сомнения имеющиеся договоренности в сферах свободного движения товаров, услуг, капиталов, факторов производства и лиц. По сути мы можем быть отброшены на десятилетия назад, окружив себя частоколами и погранзаставами. Если ситуация в экономической сфере зайдёт слишком далеко, может вообще начаться экономическая война всех против всех.

По суди дела едва ли не единственным на сегодняшний день реальным инструментом противодействия нецивилизованной конкуренции является Всемирная торговая организация (ВТО) и комплекс соглашений, носящий название «право ВТО». Однако эта организация, во-первых, весьма далека от идеалов равноправного сотрудничества, ибо предоставляет льготы избранной группе участников, а, во-вторых, в любой момент может прекратить своё существование, будучи погребена под валом противоречий, которые уже отчасти парализуют её деятельность.

Вполне очевидно, что меры по защите своей территориальной целостности, ресурсов, экономического уклада, частного бизнеса, социальной безопасности будут предпринимать все без исключения государства. Вопрос лишь в том, чтобы ввести это в правовое русло, дабы борьба за собственную безопасность не превратилась в жёсткое сведение счётов.

Вполне очевидно, что формирование права конкуренции может и должно проходить в под эгидой ООН. И это принципиальный вопрос. Следует задуматься, скажем, почему такая организация, как ВТО, оказалась за рамками системы ООН. Ответ вполне очевиден: некоторые положения права ВТО не отвечают критериям равенства и справедливости, ставшим краеугольными в нормативной системе ООН.⁵ В рамках ООН учреждение несимметричной системы обязательств было бы просто невозможно

---

⁵Мы имеем в виду эту систему в целом, в составе всех её частей, включая нормотворческую деятельность международных организаций так называемой «семьи ООН», т.е. специализированных учреждений ООН.

Поэтому на сегодняшний день требует осмысления общая конфигурация **права международной конкуренции** и тех базовых принципов, на которых оно должно быть построено. В частности, нельзя не заметить, что за долгие годы соперничества (особенно в экономической области) государствам вполне успешно удалось освоить скрытые методы протекционизма в отношении своих национальных хозяйствующих субъектов и бизнес-структур. Эти методы носят столь изощённый характер, что весьма трудно поддаются выявлению и уж тем более регламентации. Это, однако, не означает, что на этот счёт государства не в состоянии выработать вполне разумные и чёткие правовые постановления.

Особо важное значение правовоположения относительно регламентации конкуренции будут иметь в рамках интеграционных объединений. Скажем Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС) могло бы выступить инициатором работы в этом направлении, предложив эффективное взаимодействие, как государствам, так и иным международным интеграционным объединениям и международным организациям.

Полагаем, что в ближайшем будущем может выделиться отдельное научное направление, предметом исследования в рамках которого должны стать имеющиеся и возможные правомерные и противоправные методы конкуренции, способы согласования интересов и разрешения возможных конфликтов.

Ясно лишь одно, человечество уже никогда не вернётся в тот идиллический мир (или, в всяком случае представление о нём), когда конкуренция понималась лишь как соперничество за главный приз. Уже сегодня, а главное завтра, конкуренция может превратиться в борьбу за выживание. Такой вариант развития событий прорисовывается всё отчётливее с каждым днём.

В этих условиях очевидно, что при разработке концепций национальной и международной безопасности мы должны отдавать вопросам конкуренции очевидный приоритет. Так, например, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. глобальная конкуренция была поставлена на первое место в перечне вызовов и угроз, с которыми предстоит столкнуться России.⁶ Данная угроза сформулирована следующим образом: «стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных) в качестве инструмента глобальной конкуренции». Надо полагать, что столь же велика обозначенная нами угроза и для других государств-членов ЕАЭС, впрочем, как и ЕАЭС в целом.

Если ранее термин «конкуренция» в международном обороте по своему толкованию и пониманию был ближе к понятию «соперничество», то ныне он гораздо ближе к понятию «борьба за выживание». Рассматривая вопросы нашей безопасности, мы не можем сбрасывать это обстоятельство со счетов, речь идёт о будущем наших государств.

---

⁶ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г.

Список использованной литературы:

1. *Базедов Ю.* Право открытых обществ – частное и государственное регулирование международных отношений. Общий курс международного частного права. М., 2016.
2. *Бахин С.В.* Экономическая безопасность Российской Федерации и международное частное право // Журнал международного частного права. 2018. № 1 (99). С. 24-53.

МРНТИ 10.87.61

Букуру Ж.-Б.

*Ассистент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
Москва, Россия
(E-mail: bukuru-zh@rudn.ru)*

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН И МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОСУДИЯ

Аннотация: Деятельность международных уголовных учреждений, в частности Международного уголовного суда, направлена на привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении серьезных преступлений по международному праву, таких как геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Данные преступления представляют собой угрозу международной безопасности, большая ответственность за поддержание которой несет Совет Безопасности ООН в соответствии с Уставом ООН. Следовательно, Международный уголовный суд может проводить расследования и преследование по ситуации, которая находится на рассмотрении Совета Безопасности ООН. Кроме того, Совет Безопасности ООН может передать ситуацию в Международный уголовный суд для расследования в соответствии с Римским статутом. Это означает, что в этом случае данная ситуация является угрозой международному миру и безопасности. В данной статье рассматриваются правовые аспекты передачи ситуаций в МУС и отсрочки расследования по решению Совета Безопасности ООН, чтобы выявить взаимосвязь безопасности и международного уголовного правосудия. В заключении делается вывод относительно влияния расследований МУС на состояние безопасности по ситуациям в Дарфуре (Судан) и Ливии.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, Международный уголовный суд, международная безопасность, международные преступления, Судан, Ливия

Совет Безопасности ООН (СБ ООН) несет наибольшую ответственность

за поддержание международного мира и безопасности. При осуществлении своей деятельности СБ ООН может прибегнуть к мерам, не связанным с использованием вооруженных сил или к действиям объединенными вооруженными силами государств-членов ООН [1, 180 стр.]. СБ ООН учредил международные уголовные трибуналы по Руанде и по бывшей Югославии, а также передал ситуации в Дарфуре (Судан) и Ливии в МУС.

Международный уголовный суд (МУС) призван расследовать самые серьезные международные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, в том случае когда национальные судебные системы не могут или не желают проводить такие расследования. МУС обладает юрисдикцией в отношении преступления геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и агрессии [2].

МУС в определенной степени взаимодействует с Советом Безопасности ООН на основе Римского статута МУС. СБ ООН может обращаться к МУС при осуществлении своих полномочий по главе VII Устава ООН. Данная связь заключается в инициировании и возможности отсрочки расследования и преследования со стороны СБ ООН по ситуации, которая рассматривается или может быть рассмотрена МУС.

Поскольку МУС является отдельной международной организацией и одновременно международным судебным учреждением (двойственная природа МУС), созданным многосторонним договором, он не входит в систему ООН. Следовательно, необходимо отметить, что МУС обладает международной правосубъектностью [3]. Отношения между ООН и МУС в основном регулируются Соглашением о взаимоотношениях между ООН и МУС, предусмотренным ст. 2 Римского статута и заключенным 04 октября 2004 г. [4], а вопросы о полномочиях СБ ООН по инициированию и отложению расследований в МУС регулируются статьями 13 (б) и 16 Римского статута Международного уголовного суда. Статья 13 (б) содержит ссылку на главу VII Устава ООН по поводу принятия Советом Безопасности ООН мер в целях поддержания международного мира и безопасности.

В ходе принятия Римского статута МУС на Дипломатической конференции в Риме в 1998 г. некоторые государства высказались за предоставление полномочий Совету Безопасности в отношении МУС, тогда как представители других государств (особенно развивающихся) предупреждали об опасности возможной политизации Суда и подрыва его независимости [5, 3 стр.]. Более спорным являлся вопрос о предоставлении Совету Безопасности полномочия приостанавливать расследования или судебное преследование, проводимые в МУС. Большинство постоянных членов Совета Безопасности ООН в целом настаивали на увеличении роли Совета Безопасности в выборе ситуаций, которые мог бы рассматривать МУС [5, 3 стр.]. В частности, предлагалось ограничить и исключить рассмотрение МУС любой ситуации, которая находилась бы на повестке Совета Безопасности, за исключением случаев, когда Совет даст согласие на рассмотрение МУС данной ситуации [5, 3 стр.]. В результате достигнутого компромисса Совету было предоставлено право откладывать расследования или судебное преследование на один год, данный срок может об-

новляться по решению самого Совета Безопасности [5, 3 стр.].

В статье 16 предусматривается, что «никакое расследование или уголовное преследование не может начинаться либо проводиться в соответствии с настоящим Статутом в течение периода в 12 месяцев после того, как Совет Безопасности в резолюции, принятой на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, обращается в Суд с просьбой на этот счет; эта просьба может быть повторена Советом Безопасности при тех же условиях» [6]. В литературе выделяется два условия реализации ст. 16 Римского статута для приостановления расследования: во-первых, решение СБ ООН о приостановлении расследования должно быть принято на основе главы VII Устава ООН, т.е. в случае угрозы или нарушения мира или акта агрессии, во-вторых, при принятии соответствующего решения СБ ООН, МУС не может начать или продолжать расследование или преследование [7, 435 стр.].

Что касается передачи ситуаций, отметим, что, с учетом того, что Совет Безопасности, обладающий полномочиями принимать меры по поддержанию международного мира и безопасности в соответствии с главой VII Устава ООН своими резолюциями создал трибуналы *ad hoc*: Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международный трибунал по Руанде (МТР), принято считать, что цель положений ст. 13 Римского статута заключается в том, чтобы устранить необходимость создания в будущем таких специальных уголовных трибуналов Советом Безопасности так, как направление ситуаций в МУС в случае необходимости поддержания международного мира и безопасности предоставляет Суду возможность привлекать к ответственности виновных в совершении международных преступлений. Таким образом, считается, что решение Совета Безопасности ООН в этом отношении имеет обязательную силу для всех членов ООН, независимо от того, являются ли они участниками Статута или нет, поскольку оно принимается в соответствии с главой VII Устава ООН. Однако, ряд авторов утверждают, что положение статьи 13 (b) является нарушением принципа международного права, согласно которому обязательства, вытекающие из международного договора распространяются только на государства-участники этого договора [8, 761 стр.].

Совет Безопасности дважды передал ситуации в МУС: в Дарфуре (Судан) и Ливии. В 2005 году Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1593, в силу которой ситуация в Дарфуре (Судан) была передана Международному уголовному суду для расследования [9]. В результате было выдано два ордера на арест президента Судана аль-Башира (теперь в отставке) в связи с преступлениями геноцида (ордер на арест 2009 г.) и преступлениями против человечности (ордер на арест 2005 г.), совершенными в Дарфуре [10].

По предложению США, в частности, в резолюцию по Дарфуру 2005 г. были включены некоторые условия. СБ ООН в данной резолюции применяет одновременно ст. 13 и ст. 16 Римского, поскольку исключает некоторые категории лиц из юрисдикции МУС [7, 460 стр.]. Пункт 6 данной резолюции исключает из юрисдикции МУС граждан государств, не являющихся участниками Римского статута МУС (за исключением Судана), участвующих в миротворческих операциях ООН или АС в Судане.

В преамбуле этой резолюции даже не упоминается статья 13 (b) Римского статута, но делается ссылка только на ст. 16 о полномочиях СБ ООН об отсрочке расследований. Как считает один автор, хотя Совет Безопасности ООН в соответствии со Статутом МУС имеет право передавать ситуации Прокурору МУС (а не отдельные дела), в которых предположительно были совершены преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, он (СБ ООН) не имеет право приостановить расследования или судебное преследование на избирательной и в то же время превентивной основе [11], т.е. для этого должно быть объективное обоснование при наличии реальной угрозы международному миру и безопасности. Аналогичным образом, статья 16 не может толковаться таким образом, чтобы предоставить иммунитет от судебного преследования определенным категориям лиц [11].

Африканский союз (АС) выразил обеспокоенность относительно возможных последствий преследования аль-Башира с точки зрения обеспечения мира и безопасности в регионе. АС считал, что преследование со стороны МУС президента Судана поставит под угрозу достигнутый мирный процесс, который он проводит в отношении конфликта в Дарфуре. Таким образом, Африканский союз просил Совет Безопасности ООН принимать меры, чтобы приостановить преследования МУС в отношении конфликта в Дарфуре, используя свои полномочия в соответствии со статьей 16 Римского Статута МУС, но СБ ООН положительно не отреагировал на обращение АС.

Следует отметить, что выдача ордера на арест президента Судана по-разному была воспринята разными государствами, международными организациями и правозащитными организациями. Многие правозащитные организации оценили решение о выдаче ордера на арест аль-Башира как важный шаг в борьбе против безнаказанности. Региональные организации, такие как Африканский союз, Лига арабских государств, Сообщество государств Сахеля-Сахары и Организация Исламской конференции подвергли критике МУС и призвали Совет Безопасности ООН отложить судебное преследование, ссылаясь на статью 16 Римского статута [12, 19-20 стр.]. Некоторые исследователи указали, что выдача МУС ордера на арест президента Судана не является угрозой международному миру и безопасности и следовательно, считают, что не было необходимости приостановить его преследование в соответствии со ст. 16 Римского статута МУС [7, 447-448 стр.]. Что касается Ливии, 15 февраля 2011 г. начались демонстрации против бывшего лидера Ливии Муаммара Каддафи. При попытке подавлять эти демонстрации использовались государственные силы. В связи с этим Совет Безопасности ООН ссылаясь на главу VII Устава ООН единогласно принял резолюцию 1970, в соответствии с которой ситуация в Ливии была передана в Международный уголовный суд [13]. МУС впоследствии выдал ордер на арест Муаммара Каддафи [14].

Африканский союз выразил глубокую обеспокоенность в связи с тем, что ордер на арест М. Каддафи мог бы подрывать усилия АС по содействию переговорам, которые привели бы к мирному урегулированию конфликта. Африканский союз отметил, что ордер на арест серьезно усложняет усилия, направленные на поиск политического решения конфликта в Ливии [15]. и обратился к Совету Безопасности ООН для приостановления преследования в соответствии со ст. 16 Римского статута МУС. Данная просьба АС не была удовлетворена, и в конечном итоге М.

Каддафи был свергнут. Преследование М. Каддафи было прекращено 22 ноября 2011 г. после того, как он был убит [16] в результате бомбардировки Ливии силами НАТО.

В заключение можно сделать следующие выводы по состоянию безопасности в Ливии и Судане после того, как ситуации в данных государствах были переданы в Международный уголовный суд для расследования. После того, как Совет Безопасности ООН, действуя в соответствии с главой VII Устава ООН, передал в Международный уголовный суд ситуацию в Дарфуре (Судан), безопасность в стране не улучшилась, так как правительство Судана негативно восприняло преследование Омара аль-Башира как продолжение конфронтационного подхода со стороны международного сообщества. Кроме того, преследование президента Судана усложнило и поставило под угрозу работу миротворческих сил, гуманитарных организаций и местных жителей, имеющих отношение с организациями, причастными к работе МУС по ситуации в Судане [17, 890 стр.]. Что касается Ливии, 10 лет спустя после интервенции сил НАТО, передачи ситуации в МУС и убийства Муаммара Каддафи, ситуация в сфере безопасности ухудшилась в стране и соседних государствах. До сих пор идет вооруженная борьба, в некоторых частях территории Ливии наблюдается хаос, а также неконтролируемый незаконный оборот оружия и совершение различного рода преступлений против мигрантов. Кроме того, участились случаи террористических актов в регионе. Все это говорит об угрозе безопасности в этой стране и соседних государствах. Следовательно, можно утверждать, что передача Советом Безопасности ООН ситуаций в Дарфуре и Ливии в Международный уголовный суд для преследования не привела к заметным результатам по обеспечению мира и безопасности в данных государствах. Необходимо пересмотреть меры воздействия для укрепления мира и безопасности в постконфликтных ситуациях.

Список использованной литературы:

1. *Абашидзе А.Х. и др.* Право международных организаций : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А.Х. Абашидзе [и др.] ; под редакцией А. Х. Абашидзе. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 505 с.
2. *Абашидзе А.Х.* Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений/Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. – 2008.
3. *Лямин Н.М.* Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Лямин Н.М. –М., 2017. – 233 с.
4. Relationship Agreement Between the United Nations and the International Criminal Court. [Электрон. ресурс]. URL: http://legal.un.org/ola/media/UN-ICC_Cooperation/UN-ICC%20Relationship%20Agreement.pdf (дата обращения: 15.09.2020)

5. *Moss L.* The UN Security Council and the International Criminal Court: Towards a More Principled Relationship. – Friedrich-Ebert-Stiftung, Global Policy and Development, 2012.
6. Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. [Электрон. ресурс]. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.09.2020)
7. *Trahan J.* The relationship between the International Criminal Court and the UN Security Council: parameters and best practices //Criminal Law Forum. – Springer Netherlands, 2013. – Т. 24. – №. 4. – P. 417-473.
8. *Lee R. S.* An assessment of the ICC Statute //Fordham International law journal. – 2001. – Т. 25. – P. 750-766.
9. UN Security Council Resolution 1593, 31 March 2005. U.N. Doc. S/RES/1593 (2005).
10. *International criminal court* Prosecutor v. Omar Hassan Ahmed Al Bashir, first warrant of arrest issued on 4 March 2009, second warrant of arrest, 12 July 2010.
11. *Koehler H.* Double Standards in International Criminal Justice: The Case of Sudan //Studies in International Relations, XXVIII, International Progress Organization: Vienna. 2 April 2005. [Электрон. ресурс]. URL: <http://i-p-o.org/Koehler-Sudan-ICC.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).
12. *Enyew A.B.* The Relationship between the International Criminal Court and Africa: From Cooperation to Confrontation //Bahir Dar UJL. – 2012. – Т. 3. – P. 110–42.
13. UN Security Council Resolution 1970. 26 February 2011. U.N. Doc. S/RES/1970 (2011).
14. *International criminal court* Situation in Libya, Warrant of Arrest for Muammar Mohammed Abu Minyar Gaddafi, 27 June 2011.
15. *African Union*, Decision on the implementation of the assembly decisions on the International Criminal Court, Assembly/AU/Dec. 366 (XVII), Doc.EX.CL/670 (XIX), 30 June–1 July 2011.
16. *International criminal court* The Prosecutor v. Muammar Mohammed Abuminyar Gaddafi, Saif Al-Islam Gaddafi and Abdullah Al-Senussi. [Электрон. ресурс]. URL: <https://www.icc-cpi.int/libya/gaddafi> (дата обращения: 15.09.2020)
17. *Duursma A., Müller T. R.* The ICC indictment against Al-Bashir and its repercussions for peacekeeping and humanitarian operations in Darfur //Third World Quarterly. – 2019. – Т. 40. – №. 5. – P. 890-907.

Дементьев А.А.

*К.ю.н., старший преподаватель
кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
Москва, Россия
(E-mail: dementyev-aa@rudn.ru)*

ПРИМЕНИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА К ВОПРОСАМ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация: в статье анализируются основные проблемы современной кибербезопасности. Основной акцент сделан на понимании «цифрового суверенитета» государств и проблемах, которые несет данное явление для применимости международного права к вопросам кибербезопасности. Кроме того, автором предлагается краткий анализ деятельности Группы правительственных экспертов Организации Объединенных Наций (ГПЭ) по продвижению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности.

Ключевые слова: цифровизация, кибербезопасность, международное право, ИКТ, киберпреступления.

Отсутствие эффективных международно-правовых инструментов в отношении киберпространства широко обсуждается как теоретиками и практиками, так и на политической арене современного мира, поскольку сложности, связанные с киберпространством, затрудняют достижение соглашений, не говоря уже о принятии какого-либо универсального механизма регулирования. В академической среде можно выделить два основных лагеря мнений: тех, кто считает, что государства должны играть более влиятельную роль в формулировании международного права в отношении киберпространства, и тех, кто настаивает на том, что киберпространство должно оставаться свободной и децентрализованной областью, в том числе и межгосударственных отношений [3]. Однако все они сходятся в одном: главная сложность обсуждаемой темы проистекает из положения и юрисдикции «актора» в киберпространстве. Эта тематика дополнительно усложняется продвижением со стороны отдельных государств идеи «цифрового суверенитета», который должен означать контроль над информацией, коммуникациями, данными и всей инфраструктурой, связанной с сетью Интернет [3]. О цифровом или информационном суверенитете сейчас говорят многие, в том числе и на государственном уровне. Мы можем найти множество заявлений по этому поводу со стороны ЕС, властей Российской Федерации, Китая и других. В последние годы эта идея набирает обороты благодаря трем историческим событиям, произошедшим в рассматриваемой среде:

кибер-альянсу Китая и России по вопросам цифрового суверенитета; дела Сноудена и Викиликс; рост «GAFA» (Google-Apple-Facebook-Amazon).

Кибер-альянс Китая и России становится основным движущим элементом развития цифрового суверенитета, поскольку обе страны активно продвигают такую идею для защиты своих национальных интересов, которые в основном связаны с проблемами экономики и безопасности. Обе страны требуют большего контроля над своим собственным киберпространством, поддерживая принцип невмешательства в деятельность таких организаций как Международный союз электросвязи, ICANN (Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами) и Форума по Управлению Интернетом. Это вызывает споры о том, противоречит ли идея цифрового суверенитета интернет-нейтралитету [9]. Однако их усилия существенно меняют парадигму государственного контроля над своим киберпространством, поскольку эту идею поддерживают такие страны, как Саудовская Аравия и Египет [4]. Их усилия также побудили Европейский Союз пересмотреть вопрос о продолжении работы Интернета в режиме невмешательства со стороны государства, поскольку дела Сноуден-Викиликс привлекли внимание общественности. Проблемы безопасности и защиты данных все чаще становятся центром споров о том, следует ли ЕС поддерживать подобные идеи [6]. Астрономический рост GAFA заставил ЕС задуматься о своей цифровой экосистеме, чтобы предотвратить монополию бизнеса и поддержать инновации и возможности Интернета по всей Европе [10].

Сложность участников и обсуждаемые выше проблемы еще больше усложняются механизмами рассмотрения споров, а именно арбитражом. Международное право требует четких механизмов урегулирования споров и арбитража для обеспечения того, чтобы норма права была принята и накладывала соответствующие обязательства [2]. Арбитражные механизмы в отношении поведения в киберпространстве уже существуют, но в основном они связаны с торговлей и преступностью и имеют место в национальных правовых системах, а не на международном уровне [8].

Эти ситуации однозначно устанавливают новый климат международного права в отношении киберпространства, благоприятный для государственных субъектов. Такое продвижение и развитие цифрового суверенитета не только потенциально подорвет, в частности, деятельность негосударственных акторов и интернет-нейтралитет в целом, но и породит вопросы свободы и равенства в киберпространстве. Данная ситуация также подрывает попытки создания международно-правовой базы регулирования вопросов, связанных с киберпространством. Это связано с тем, что цифровой суверенитет потенциально может создать фрагментированное киберпространство, поскольку оно будет тщательно регулироваться государствами на территориальной основе и, поскольку мы говорим о «суверенитете», то автоматически появляется необходимость следовать принципу о невмешательстве во внутренние дела государства. В результате это ограничивает возможность международных субъектов прийти к соглашению для формулирования эффективного и обязательного международного права в отношении киберпространства. Это также усложняет возможность вынесения судебных (в том или ином виде) решений по делам о киберпреступлениях, совершаемых государственными акторами, поскольку цифровой сувере-

нитет укоренен в принципах невмешательства - сложно наказывать и обвинять государственные акторы (то есть само государство) в их поведении в арбитраже внутри самого же государства.

Правда в контексте цифрового суверенитета и «киберальянсов» может зародиться начало для создания регионального регулирования вопросов, связанных с кибербезопасностью (некая информационное интеграционное объединение), но можно предположить, что в рамках такого регулирования преобладать будут именно интересы государственных акторов, а не частного сектора.

Перейдем же более конкретно к вопросу возможности создания универсального механизма регулирования отношений, возникающих по поводу киберсреды (такой формулировкой мы сможем охватить максимально широкий круг отношений).

В связи с глобализацией и все скоряющимся развитием информационных технологий и сетей, в том числе Интернет, мы можем наблюдать и логичное и пропорциональное увеличение киберпреступлений, в том числе таких как кибершпионаж и кибервойна. Все это сделало киберпреступность ключевой проблемой национальной безопасности в современном мире.

Способствует данному факту появление все новых цифровых технологий и развитие старых, в том числе электронной коммерции за последние два десятилетия. В результате чего киберпространство представляет собой не только важную платформу для современной экономики и обмена информацией, но и не менее привлекательной платформой для совершения преступлений. Одним из громких дел в данном ключе стоит отметить создание так называемого «Шелкового пути», онлайн-платформы, которая позволила пользователям «dark net» при помощи Биткойн анонимно осуществлять продажу и покупку наркотиков, оружия, отмывать деньги, полученные преступным путем и т.п. Кроме того, мы можем наблюдать, что с каждым годом современные технологии все чаще применяются террористическими и другими преступными группировками для осуществления нападений и на правительственные структуры отдельных государств и на частный сектор [1]. Кроме того, не стоит забывать и о том, что в рамках ежегодного доклада (в 2019 году) Всемирного экономического форума кибератаки были включены в разряд самых актуальных рисков в одном ряду с изменением климата и глобальными катастрофами [11].

С точки зрения создания универсальных механизмов по информационной и кибербезопасности важным является рассмотрение деятельности Группы правительственных экспертов Организации Объединенных Наций (ГПЭ) по продвижению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности. Ранее это Группа носила название «по развитию в области информации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Данная Группа является уполномоченной ООН рабочей группой в области информационной безопасности. С 2004 года создано шесть рабочих групп, в том числе ГПЭ 2019-2021 гг. ГПЭ ООН можно отнести к двум крупным достижениям, очерчивающим глобальную повестку дня и воплощающим принцип применимости международного права к цифровому пространству на современном этапе[12]. В 2018 году параллельно с ГПЭ была создана еще одна уполномоченная ООН рабо-

чая группа - Рабочая группа открытого состава по достижениям в области ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) в контексте международной безопасности (РГОС), в которой участвуют «все заинтересованные государства».

При чем, стоит отметить, что начало работы в рамках ООН по рассмотрению темы информационной безопасности и применимости международного права к такого рода отношениям было положено еще в 1998 году Российской Федерацией, которая внесла проект соответствующей резолюции на заседание Первого Комитета Генеральной ассамблеи ООН. Проект A/RES/53/70 был принят без голосования [13].

В практическом плане Группа, после своего появления, нацелила мировое сообщество на продолжение диалога между государствами в целях обсуждения норм, касающихся государственного использования ИКТ, сокращения коллективного риска и защиты критической национальной и международной инфраструктуры.

С момента своего первого созыва в 2004 году Правительственная группа экспертов ООН по развитию в области информации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности спорила о том, применяется ли международное право к использованию информационно-коммуникационных технологий государствами. Эта борьба объясняет, почему некоторые эксперты сочли ее прорывом в июне 2013 года, когда ГПЭ заявила, что международное право, и в частности Устав Организации Объединенных Наций, применимы и необходимы для поддержания мира и стабильности и содействия открытости, безопасности и доступности ИКТ. Ответив на этот основополагающий вопрос, ГПЭ обратилась к рассмотрению того, как именно в какой степени международное право применяется к использованию ИКТ государствами [12].

Поскольку ГПЭ рассматривает то, как применяется международное право, ему приходится преодолевать правовые, технологические и политические проблемы. С юридической точки зрения многие правила, относящиеся к использованию ИКТ в контексте международной безопасности, носят общий характер. Например, международное право запрещает применение силы государствами, за исключением случаев самообороны, в ответ на, например, вооруженное нападение. Оценка того, как применяется это правило, требует анализа инцидентов с учетом конкретных фактов. Следовательно, возникают вопросы о том, можно ли рассматривать кибератаки как нападение на государство?

В политическом плане акцент на том, как применяется международное право, показывает, что у государств разные интересы и все они борются за влияние в киберпространстве. Как показывают споры, спровоцированные Сноуденом, между ведущими демократическими странами существуют серьезные разногласия относительно того, как международное право прав человека применяется к использованию ИКТ государством. Разрыв между государствами слишком огромен. Эти проблемы носят глубоко политический характер, и различия между государствами способствуют усилению конкуренции за власть и влияние в международных отношениях. Этот контекст означает, что обсуждения ГПЭ включают политические подтексты, особенно между Соединенными Штатами и Китаем на сегодняшний день, которые

касаются не только ИКТ, и что затруднит достижение чего-либо большего, чем поверхностный консенсус в отношении самых общих вопросов применимости.

Список использованной литературы:

1. Beata Lobert Jones. The 21st Century DarkNet Market: Lessons from the Fall of Silk Road. 2016. *International Journal of Cyber Criminology* 10(1): p. 40-61 – статья из журнала
2. Cali, Basak. 2015. *International Law for International Relations*. New York: Palgrave Macmillan 464 с. – книга.
3. Couture, Stephane & Toupin, Sophie. 2019. “What Does the Notion of “Sovereignty” Mean When Referring to the Digital?”, *New Media & Society*, 21(10):2305-2322 – статья из сборника.
4. Deibert, Ronald J. & Crete-Nishihata, Masashi. 2012. “Global Governance and the Spread of Cyberspace Controls”, *Global Governance*, 18(3): 339-361 – статья из журнала.
5. Duarte, Marisa Elena. 2017. *Network Sovereignty: Building the Internet across Indian Country*. Seattle: University of Washington Press. 192p – монография.
6. Dworkin, Anthony. “Surveillance, Privacy, and Security: Europe’s Confused Response to Snowden”, *ECFR Policy Memo*. [Электронный ресурс] – 2015. URL: [https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR123_-_SURVEILLANCE,_PRIVACY+_SECURITY_\(A._Dworkin\)_updated.pdf](https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR123_-_SURVEILLANCE,_PRIVACY+_SECURITY_(A._Dworkin)_updated.pdf) - статья
7. Gueham, Farid. 2017. *Digital Sovereignty – Steps Towards a New System of Internet Governance*. Paris: Fondapol. 48 p. – монография.
8. Kittichaisaree, Kriangsak. 2017. *Public International Law of Cyberspace*. New York: Springer. 376 p. – книга.
9. Mueller, Milton L. 2012. “China and Global Internet Governance: A Tiger by the Tail”, in *Access Contested: Security, Identity, and Resistance in Asian Cyberspace*, ed. Ronald Deibert, et.al., Cambridge & London: The MIT Press. 414 p. – книга.
10. Stormshield. *Trust: The Foundation of Europe’s Digital Sovereignty*. [Электронный ресурс] – 2018. URL: <https://www.stormshield.com/trust-the-foundation-of-europes-digital-sovereignty/> (дата последнего обращения 10.09.2020).
11. Доклад Всемирного экономического форума 2019г. [Электронный ресурс] – 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf с. 10. (дата последнего обращения 10.09.2020).
12. Официальный сайт ГПЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://dig.watch/processes/un-gge#:~:text=The%20United%20Nations%20Group%2020field%20of> (дата последнего обращения 10.09.2020).
13. Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/disarmament/ru/достижения-в-сфере-информатизации-и-т/> (дата последнего обращения 10.09.2020).

Дуйсенбаева К.И.

*Студент 4 курса юридического факультета,
специальность 5В030200-«Международное право»*

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

Нур-Султан, Казахстан

(E-mail: kamilla0899@mail.ru)

МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В РАМКАХ ВТО

Аннотация: Всемирная Торговая Организация (далее- ВТО) представляет собой нетипичную систему разрешения споров между государствами-участниками, имея свои механизмы и целостную систему, которая успешно существует уже несколько десятков лет. ВТО затрагивает интересы всех членов, и поэтому скорейшее восстановление баланса прав и обязательств отвечает общим интересам.

Ключевые слова: механизм, государства-участники, организация, система, правила.

В рамках Всемирной торговой организации были разработаны правила, которые высоко оцениваются учеными и практиками: система ВТО отличается не только механизмом разрешения споров, но и предусматривает механизм контроля за исполнением решений по разрешению спора. Известно, что исполнение обязательств в международном праве на практике, к сожалению, иногда зависит от положения государства в международном сообществе. В рамках Всемирной торговой организации создан заслуживающий большого внимания механизм контроля за исполнением решений, направленных на урегулирование спора. В частности, в ней предусмотрен ряд мер, целью которых является воздействие на ответчика для того, чтобы он исполнил решение по разрешению спора[1]. Эти меры, применяемые в рамках ВТО, могут способствовать исполнению решения уже просто тем, что они в принципе возможны. Следует при этом подчеркнуть, что данные санкции допустимы исключительно в рамках ВТО, односторонние репрессалии в данном контексте являются нарушением правил организации. Кроме того, приостановление уступок и других обязательств не может рассматриваться как способ урегулирования спора, они являются лишь вынужденными временными мерами[2].

Профессор И.И. Лукашук писал: «...принцип обязывает каждое государство решать любые международные споры мирными средствами. Стороны в споре не вправе отказаться от мирного урегулирования и не могут исключить из-под действия принципа какие бы ни было споры»; и далее: «интересы обеспечения мира требуют не только решения существующих споров, но и предотвращения их появления, профилактики конфликтов»[3].

Г.Г. Шинкарецкая также отдала дань противопоставлению мирного разрешения международных споров и эскалации напряженности в международных отношениях. Таким образом, позиция советских и продолжающих их традиции российских ученых несколько дуалистична: с одной стороны, утверждается, что принцип мирного разрешения споров диктует обязательность мирного урегулирования любого разногласия, с другой стороны, главной целью мирного разрешения споров объявляется предотвращение нарушения мира и международной безопасности[3].

ВТО отвечает за разработку и внедрение новых торговых соглашений, а также следит за соблюдением членами организации всех соглашений, подписанных большинством стран мира и ратифицированных их парламентами. Задачей ВТО провозглашено не достижение каких-либо целей или результатов, а установление общих принципов международной торговли. Согласно декларации, работа ВТО, опирается на основные принципы, среди которых:

1) Равные права. Все члены ВТО обязаны предоставлять всем другим членам режим наибольшего благоприятствования в торговле (РНБ). Принцип РНБ означает, что преференции, предоставленные одному из членов ВТО, автоматически распространяются и на всех остальных членов организации в любом случае .

2) Взаимность. Все уступки в ослаблении двусторонних торговых ограничений должны быть взаимными, устранение «проблемы безбилетника»..

3) Прозрачность. Члены ВТО должны полностью публиковать свои торговые правила и иметь органы, отвечающие за предоставление информации другим членам ВТО.

4) Создание действующих обязательств. Обязательства по торговым тарифам стран регулируются органами ВТО, а не взаимоотношениями между странами. А в случае ухудшения условий торговли в какой-нибудь стране в конкретном секторе, ущемленная сторона может требовать компенсаций в других секторах

5) Защитные клапаны. В некоторых случаях правительство вправе вводить торговые ограничения. Соглашение ВТО позволяет членам принимать меры не только для защиты окружающей среды, но и для поддержки здравоохранения, здоровья животных и растений[4].

Особенность системы разрешения споров ВТО состоит в том, что это регламентированный, и достаточно гибкий механизм, с помощью которого любое государства-участники может добиваться соблюдения другими членами ВТО принятых на себя обязательств и требовать отмены применяемой в отношении его необоснованной торговой меры или устранения иного нарушения своих интересов. По мнению Абдурасулова Е.Б., данная система выдвигает следующие меры разрешения конфликтов[4].

1. Консультации

Орган по разрешению споров (далее - ОРС) формально не принимает участия в консультациях, но он, а также соответствующие комитеты и советы ВТО уведомляются о запросе на проведение консультаций. Для проведения консультаций используются дипломатические каналы. Если консультации не заверша-

ются урегулированием спора, государство, чьи интересы затронуты, может потребовать учреждения третейской группы. Консультации, проводимые в рамках ВТО - это первая процессуальная стадия урегулирования спора. Это обязательная стадия, без прохождения которой невозможно перейти к следующей стадии урегулирования спора - разбирательству дела группой по разрешению спора. Предметом консультаций становятся меры, принятые членом ВТО на своей территории, которые затрагивают действие любого соглашения ВТО. Инициатива исходит от стороны, которая считает, что применяемая мера затрагивает ее права. Так, 13 июня 2013 г. Европейский союз уведомил Секретариат ВТО о проведении консультаций по вопросу применения Китайской Народной Республики (далее - КНР) антидемпинговых пошлин на бесшовные трубы из нержавеющей стали, экспортируемые из Европейский Союз (далее - ЕС) в КНР. Ранее аналогичная жалоба на антидемпинговые пошлины в Китае была подана Японией. Как отмечают исследователи «участие в консультациях рассматривается в качестве обязательства члена ВТО» [5]. Секретариат ВТО не принимает участие в консультациях. Участие заинтересованных третьих сторон разрешено только в случае, когда обе стороны согласны.

2. Рассмотрение спора третейской группой

В отличие от Апелляционного органа третейская группа не является постоянно действующей. При учреждении третейской группы важно верно указать все претензии, так как она не вправе анализировать вопросы, не указанные сторонами. Третейская группа рассматривает дело с точки зрения факта и права: она должна дать объективную оценку фактических обстоятельств дела и определить применимость к данному спору соответствующих соглашений. При рассмотрении спора третейской группой предусмотрено предварительное ознакомления сторон с докладом, состоящая из двух стадий: ознакомления с описательными разделами доклада и с финальной его версией (включает описательные разделы и выводы третейской группы по существу спора). При этом факты, установленные третейской группой, не могут быть пересмотрены Апелляционным органом. Подготовленный третейской группой доклад направляется в ОРС для последующего одобрения. Так, например, 30 июня 2014 г. Европейский союз обратился во Всемирную торговую организацию с запросом о создании третейской группы для разрешения спора о соответствии нормам ВТО введенного Россией запрета на импорт живых свиней, свинины и продуктов из нее. Обосновывая запрос, евро комиссар по торговле отмечал, что введенные Россией ограничения на импорт европейской свинины явно несоразмерны угрозе, носят дискриминационный характер и не основаны на научных данных. В связи с тем, что введенные Россией ограничения нарушают правила международной торговли, у Европы просто нет выбора, кроме как просить о создании третейской группы. Поводом для введения Россией запрета стали выявленные в Литве и Польше очаги африканской чумы свиней(далее-АЧС). Из-за российских ограничений европейская свиноводческая отрасль находится в тяжелом состоянии и нуждается в антикризисных мерах. Закрыв свой рынок, Россия отсекала почти 25 % от общего объема продукции свиноводства, поступающей из ЕС. В запросе ЕС в ОРС ВТО также отмечается, что ЕС принял все необходимые меры,

чтобы пресечь распространение АЧС, поэтому продукты, поставляемые из непораженных болезнью районов, безопасны. В свою очередь Россия настаивает на том, чтобы карантин был введен для всей территории ЕС». Перед этим согласно процедуре Евросоюз запросил консультации с Россией по вопросу ограничений импорта на импорт свинины 8 апреля 2014 года. По мнению ЕС, российские меры нарушают нормы Соглашения по санитарным и фитосанитарным мерам[6].

На основании изложенного можно сделать вывод о наличии следующих прав и обязанностей сторон на стадии функционирования третейской группы:

1. Право на создание третейской группы, которое осуществляется автоматически.

2. Право представить возражения в отношении кандидатур членов третейской группы.

3. Возможность регулирования численности третейской группы (три или пять членов).

4. Право на обращение к Генеральному директору ВТО или в ОРС с целью сообщить сведения, нарушающие принципы независимости, беспристрастности или конфиденциальности при функционировании третейской группы.

5. Обязанность соблюдать установленные сроки и осуществлять соответствующие процессуальные действия[6].

Основными гарантиями для сторон является конфиденциальность информации и закрытый характер слушаний. Но не все государства являются сторонами данных гарантий, например, США выступают за большую открытость процедуры разрешения споров в рамках ВТО.

3. Рассмотрение спора Апелляционным органом

Апелляционный орган состоит из семи арбитров, но каждое дело рассматривают 3 арбитра, которые выбирают из своего состава председательствующего. Апелляционная жалоба может быть подана только сторонами по любым правовым основаниям, и у апелляционного органа нет права отказать в рассмотрении. Он может подтвердить, отменить либо изменить выводы и заключения третейской группы. Аналогично третейской группе Апелляционный орган не принимает решений, а направляет свой доклад ОРС для последующего одобрения. Так, в сентябре 2008 г. Китай в апелляционном порядке обжаловал решение Органа по разрешению споров ВТО, постановившего, что действующими импортными пошлинами на продукцию автомобильной промышленности Китай нарушает правила ВТО и принятый план снижения таможенных тарифов. Апелляционный орган ВТО оставил в силе постановление Органа по разрешению споров, решившего спор о таможенных пошлинах на автозапчасти между Китаем и Канадой, ЕС, США в пользу последних. Апелляционный орган в составе 7 человек рекомендовал Китаю пересмотреть действующие ввозные пошлины на автозапчасти зарубежного производства «с учетом своих обязательств в рамках ВТО». Согласно докладу Апелляционного органа Пекину предстояло выполнить предписание «в разумный срок», по истечении которого будет созвана другая комиссия ВТО, и если она установит, что права истцов по-прежнему нарушаются, то Канада, ЕС и США могут получить разрешение на

введение ответных «репрессивных» пошлин в отношении китайской продукции. Апелляционный орган ВТО подтвердил, что китайская дискриминационная система налогообложения, действующая в отношении ввозимых из США автозапчастей, кардинально противоречит основным принципам ВТО. Комментируя данное решение, торговый представитель США Сьюзен Шваб в своем официальном заявлении отметила, что «международная торговля должна быть улицей с двусторонним движением. Торговые отношения между Соединенными Штатами и Китаем выгодны обеим странам, но если Китай введет дискриминационные меры, направленные на ограничение американского экспорта, мы без колебаний предпримем все возможные шаги, чтобы обеспечить соблюдение Китаем принципов международной торговой системы. Свою решимость мы уже недвусмысленно продемонстрировали в данном торговом споре». Комиссар ЕС по торговле Кэтрин Эштон также поддержала решение Апелляционного органа: «Китай должен прекратить дискриминацию и обеспечить равные условия для всех игроков автомобильного рынка». В качестве второго примера деятельности Апелляционного органа можно привести и утверждение 22 февраля 2012 г. Органом по разрешению споров ВТО доклада Апелляционного органа, а также доклад третейской группы по делу «Китай - Меры, касающиеся экспорта различного вида сырьевых материалов». Дело было инициировано в 2009 г. по жалобе со стороны США, ЕС и Мексики в отношении правомерности ограничений, применяемых КНР в отношении экспорта глинозема, коксующегося угля, флюорита, магния, марганца, карбида кремния, кремния, желтого фосфора и цинка. В частности, оспаривались ограничения в форме экспортных пошлин, экспортных квот, экспортного лицензирования и минимальных экспортных цен. По результатам разбирательства как третейская группа, так и Апелляционный орган сочли не соответствующими нормам ВТО целый ряд мер, ограничивающих экспорт данных товаров. Их доклады затрагивают и проясняют целый ряд важных аспектов права ВТО в отношении экспорта товаров. Анализ выше-названных докладов Апелляционного органа и третейской группы по делу подробно проведен Н. Мизулиным[7]. Стоит отметить, что на данный момент многие зарубежные и российские исследователи считают, что Апелляционный орган был создан как «страхующий» орган, чтобы обезопасить участников спора от ошибок Третейских групп, и изначально идея создания мощного международного торгового суда не предполагалась.

Тем не менее есть ряд деталей, мешающих Апелляционному органу стать судом в полной мере:

- Срок полномочий членов Апелляционного органа составляет четыре года и является коротким в сравнении с другими международными судами, для примера — судьи Европейского суда по правам человека назначаются на девятилетний срок исполнения полномочий.

- Отсутствие главного принципа отправления правосудия — публичности. Рассмотрение спора в Апелляционном органе является конфиденциальным, что может поставить под сомнение справедливость принятого решения и затрудняет участие частных лиц в процессе.

4. Решение ОРС

Занимается со сроками исполнения решений ОРС, надзор за мерами принимаемыми ответчиком, возможности принятия контрмер для стимулирования ответчика. Кроме того, об обязательности рекомендаций Третьей группы и Апелляционного органа свидетельствует наличие механизма принуждения государства к их исполнению. Аргументами в пользу юридической обязательности утвержденных ОРС ВТО рекомендаций и решений является возможность применения санкций в отношении нарушившей стороны, а также право ОРС ВТО контролировать исполнение рекомендаций и решений. Принятие странами - членами ВТО Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (в дальнейшем - Договоренность), означает создание мировым сообществом эффективной международной системы предотвращения и устранения возникающих торгово-политических конфликтов при нарушении кем-либо из них совместно принятых документов. Это способствует стабильному развитию внешнеэкономических связей.

Таким образом, у «необязательных» рекомендаций и решений существуют четко определенные юридические последствия. Они выражаются в том, что «случае невыполнения рекомендаций по приведению в соответствие с правом ВТО национального законодательства в эти сроки (проигравшая сторона должна выполнить рекомендации группы экспертов или Апелляционного органа на протяжении 30 дней после утверждения отчета.), проигравшая сторона обязана вступить в переговоры с истцом для определения обоюдной приемлемой перспективной компенсации». Казахстанский исследователь Жакеева А., так же как и Попов М.С. не считает возможным установление обязательного 30-дневного срока выполнения рекомендации группы или Апелляционного органа проигравшей стороной, отмечая, что «Меморандум взаимопонимания ВТО не делает ссылки на конкретные сроки исполнения решений ОРС»[7].

Интересно отметить, что вопрос о выполнении рекомендаций или решений может быть поднят в ОРС любым членом в любое время после их принятия. Это еще раз подчеркивает тот факт, что даже незначительное с экономической точки зрения нарушение положений соглашений системы ВТО затрагивает интересы всех членов, и поэтому скорейшее восстановление баланса прав и обязательств отвечает общим интересам[8].

Подводя итоги научного исследования, мы пришли к выводу о том, что ВТО представляет собой эффективную систему разрешения споров между государствами. Таким образом, можно констатировать, что мирные средства разрешения международных споров и, прежде всего, международные суды, вносят существенный вклад в дело обеспечения международной безопасности. Международные суды часто помогают государствам перейти от военных противостояний на поле битвы к правовым баталиям в международных судах (например, тайско-камбоджийский конфликт вокруг храмового комплекса Преа Вихеар). Вместе с тем нельзя переоценивать роль международных судов в деле обеспечения международной безопасности, помня, что основная роль в деле поддержания мира и безопасности лежит на Совете Безопасности ООН.

Список использованной литературы:

1. Основные этапы рассмотрения спора в рамках Органа по разрешению споров ВТО. URL: <http://mognovse.ru/jjm-osnovnie-etapi-rassmotreniya-spora-v-ramkah-organa-po-razr.html>. (дата обращения:05.09.2020)
2. Системы разрешения международных споров в рамках ВТО и ЕАЭС. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/180/9585/>. (дата обращения:05.09.2020)
3. Система Всемирной торговой организации по разрешению споров. URL: http://www.zakon.kz/4669415-sistema-vsemirnoj-torgovojj.html#_ftn3 (дата обращения: 06.09.2020)
4. Разрешение споров по правилам ВТО: международный опыт. URL: <http://www.kiaplaw.ru/press-centr/public/146.html>. (дата обращения:08.09.2020)
5. Споры в ВТО: Каждый раз - отдельная стратегия. URL:<http://www.wto.ru/2015/02/02/%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8B>. (дата обращения:09.09.2020)
6. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Действующее международное право. Документы в 2-х т. Т.1. Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 2002. С. 190-216. URL: <https://www.dissercat.com/content/mekhanizm-razresheniya-sporov-v-ramkakh-vsemirnoi-torgovoi-organizatsii-i-kontrol-za-ispolne> (дата обращения: 14.09.20).
7. Принцип мирного разрешения споров как средство обеспечения международной безопасности. Текст научной статьи по специальности «Право», Емельянова Наталья Николаевна. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-mirnogo-razresheniya-sporov-kak-sredstvo-obespecheniya-mezhdunarodnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 14.09.20).
8. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. 26 февраля 1999 г. // Московский журнал международного права. 2001. N 3. С. 225-231. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/nontariff/Pages/Dogovor_26021999.aspx (дата обращения: 14.09.20).

Жанадилов А.Д.

*Студент Евразийского национального университета
имени Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: akylbek.zhanadilov@mail.ru)*

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о применении норм международного права в области нераспространения ядерного оружия. Проводится анализ международно-правовых источников и документов по данной теме. Автором изложены предложения в качестве вариантов решения обнаруженных проблем в рамках исследования. Уделяется внимание нормам международного права как основного инструмента для разрешения вопросов на мировом пространстве. Описываются предпринимаемые действия правового характера для нераспространения потенциальной угрозы от ядерного оружия.

Ключевые слова: ядерное оружие, нормы международного права, мирное разрешение споров, государства, безопасность.

Проблема нераспространения и запрета использования ядерного оружия на сегодня имеет особо острую актуальность. Процесс разработки, угроза применения и тем более, его использование, может привести к крайне негативным последствиям для всего человечества. Поэтому принципы и нормы международного права в сфере нераспространения ядерного оружия должны соблюдаться всеми государствами в целях их же безопасности.

Если обратиться к международно-правовым источникам, которые регулируют отношения в этой области, то можно отметить, что контроль на правовом уровне осуществляется Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1968 года [1]. В статьях договора указано, что страны с ядерным оружием не будут подталкивать свободные от этого вооружения государства заниматься ядерной программой. Неядерные государства не должны принимать любые материалы и делать работу для создания данного вида оружия. Также ДНЯО содержит требование о мирном применении ядерной энергии с помощью новых технологий. Весь этот процесс должен происходить исключительно в научном направлении, и это налагает запрет на любое дело в военных целях. Контроль над выполнением статей в ДНЯО осуществляется Международным агентством по атомной энергии (сокращённо МАГАТЭ). Организация занимается инспектированием объектов в государствах, где ядерная энергия применяется только в мирных процессах. ДНЯО имеет универсальный характер в связи с тем, что все участники в составе Организации Объединённых Наций подписали этот договор [2, 124 стр.]. Однако замечено, что Договор о нераспространении ядерного оружия следует пересмотреть и дополнить,

так как ситуация в мире меняется, и следует быстро реагировать на происходящие изменения. При просмотре статей ДНЯО можно обнаружить, что в документе не прописаны положения о перевозке ядерного материала, и это следовало бы исправить. Причина этого пробела в том, что есть множество путей по доставке ядерного оружия или компонентов для его производства в любом месте. Также есть угроза нахождения данного средства под контролем преступников или организаций, которые могут совершить преступления, нарушающие нормы разных отраслей международного права. Например: применение угрозы силой, нарушение безопасности внутри государства, вредное воздействие на экологию и иные причины.

На сегодня не все страны в мире присоединились к ДНЯО. К сожалению, среди них находятся государства, которые занимаются развитием технологий и программ в военных целях. К указанным странам относятся Индия, Пакистан, Израиль и Северная Корея [3]. Эти государства активно работают над совершенствованием уже созданного ими ядерного оружия. И в будущем есть риск, что перечисленные страны в результате провокации или иных действий враждебного характера могут применить ядерное оружие как ответную меру. Это также нарушает конвенции о запрещении войны, ведущие свое начало с принятием Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов. Для разрешения данной проблемы предпринимаются шаги с помощью мирных инициатив, как переговоры и обсуждение вопросов.

Также опасения вызывает вопрос о производстве ядерной энергии. Зачастую под видом мирной деятельности на объектах начинают наращивать запасы для разработки оружия, скрытно проводя такие работы, как обогащение плутония или урана. Это одно из нарушений, которое отмечают инспекторы МАГАТЭ при инспекции некоторых объектов. Вдобавок некоторые государства отказываются предоставлять доступ к сооружениям с выпуском энергии мирного направления. В качестве примера здесь можно указать Северную Корею [4]. Есть все основания полагать, что нарушение ДНЯО указывает на секретную работу для разработки ядерной программы. Всем известно, что также с помощью разных химических компонентов можно произвести атомную или водородную бомбу. Использование таких средств в итоге приводит к трагическим последствиям. Яркий пример – атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки в 1945 году, где использование ядерного оружия привело к масштабным трагическим последствиям. Также надо сказать о многочисленных испытаниях на Семипалатинском ядерном полигоне, где было произведено множество взрывов. Испытания проводились с использованием разных видов ядерного оружия. Данные события показали, что идет нарушение множества норм и положений международного права. Последствия от испытания ядерного оружия во всех регионах мира привели к тяжёлым, ранее невиданным последствиям. Далёко за пределы военного применения и испытаний с данным видом вооружения распространилась радиация, резко возросло число онкологических заболеваний среди людей, природе нанесен колоссальный ущерб, и на ее восстановление потребуются сотни лет. Все это показывает, что мировому сообществу необходимо более решительно, целенаправленно вести борьбу с угрозой распростране-

ния ядерного оружия, в том числе и путем совершенствования договоров универсального характера с применением норм и правил международного права.

Использование ядерного оружия в военных целях приводит к нарушению и иных принципов, норм международного права. В качестве примера можно указать, как отклонение от выполнения принципов по недопустимости нарушения границ и вмешательство во внутренние дела государства. Это можно показать на событиях 1976-1980 годов, когда Ирак построил и начал производить на АЭС «Таммуз» ядерную энергию. Однако многие начали беспокоиться о нарушении безопасности всех соседних государств. Причина была связана с работой Ирака над секретной ядерной программой. Также опасения подтверждались на примере переговоров иракцев о закупке урана для обогащения, которое было проведено с Францией. Больше всех беспокойство показывал Израиль, и после всех размышлений было решено ликвидировать ядерный реактор на территории Ирака. Летом 7 июня 1981 года ВВС (военно-воздушные силы) Израиля под проведением операции «Опера» ликвидировали АЭС «Таммуз», не понеся никаких потерь [5]. Здесь можно заметить и иные нарушения среди правил в отраслях международного права. Здесь заметно вторжение в воздушное пространство другого государства, не были выполнены на практике принципы о мирном разрешении спора, наличие угрозы силой, использование военной техники для решения ситуации. Совет Безопасности ООН осудил данный поступок, так как это несло угрозу правам человека на жизнь и мирное проживание, а также были нарушены иные нормы международного права. Но и Ирак не выполнял взятые на себя международные обязательства, потому что обходил положения ДНЯО, и сознательно использовал ядерные технологии в военном направлении. Здесь видно, что использование ядерного оружия как средства для военных действий недопустимо согласно международной позиции о нераспространении оружия для массового уничтожения.

Отметим, что в рамках выполнения принятых обязательств в ДНЯО проводится встреча раз в пять лет среди участников данного соглашения и МАГАТЭ. На последней проведённой встрече в 2015 году обсуждались такие вопросы, как получение доступа к объектам ядерного назначения, усиление контроля касательно обогащения урана, проведение работ в отношении законов стран для усиления ответственности за незаконные действия для доступа к ядерному оружию, такие как нелегальная торговля и кража. Также обсуждались действия, направленные на дальнейшее сокращение применения ядерного вооружения. Планировалось проведение встречи по ДНЯО в 2020 году, но по причине пандемии коронавируса это заседание теперь перенесено, и должно состояться до апреля 2021 года [6]. Учитывая нынешнюю непростую ситуацию в мире, проведение этой встречи будет иметь большое значение. Сделав шаги для недопущения распространения угрозы для безопасности государств, все же нужно провести дополнительную работу. Нужно обеспечить прозрачный контроль над использованием ядерной энергии в мирных целях, ведь закрытость для инспекции МАГАТЭ объектов усиливает подозрения о разработке оружия в военной области. К ДНЯО следует выпустить отдельный документ, где будут указаны компоненты и материалы, необходимые для производства ядерной

энергии в мирной деятельности. Это позволит уменьшить разногласия среди стран по данному вопросу, тем самым установив правовой контроль на международном уровне. Пробелы в ДНЯО, регулирующие отношения по ядерному оружию на универсальном уровне, должны быть устранены, чтобы не допустить нарушений в реализации принятых ранее статей по соглашению, когда идёт работа над ядерной программой. Необходимо доработать вопрос о допуске инспекторов МАГАТЭ к объектам, чтобы обеспечить прозрачность выполнения положений ДНЯО, и не допустить нелегального обогащения урана и иных компонентов для ядерного оружия. Также можно создать контролирующий орган при МАГАТЭ, где будут заслушиваться отчёты и предложения государств о принимаемых действиях в выполнении обязательств по международным соглашениям о разоружении оружия массового уничтожения, включая ядерные запасы. Нужно усилить юридическую роль статьи 6 в ДНЯО о скорейшем прекращении гонки вооружений, ведь новые технологии дают возможность скрытым путём производить оружие с ядерными компонентами. Статьи ДНЯО необходимо дополнить, так как ситуация в мире постоянно меняется, и они должны стать гарантом обеспечения безопасности для государств. Надо учитывать все моменты, чтобы не допустить применение ядерного оружия в военных и иных опасных действиях.

Есть и иные причины для беспокойства и нарушения правопорядка. Сейчас Иран и Северная Корея работают над ядерной программой. Хотя они и утверждают, что ведут мирную деятельность, многие замечают, что действия этих стран в этом вопросе вызывают опасения [7]. Но предпринимаются шаги на правовом уровне, чтобы разрешить данные противоречия. В отношении Ирана был принят Всеобъемлющий совместный план действий, подписанный рядом стран в роли гарантов соглашения. Оно направлено на снятие санкций с Ирана взамен на производство ядерной энергии в мирных целях. А с Северной Кореей было подписано несколько договоров в нынешнее время, где было обговорено о закрытии всех ядерных объектов и их дальнейшей ликвидации, указывалось о сотрудничестве во всех отраслях и направлениях, а также о проведении процесса денуклеаризации по всей территории страны. Но в обоих случаях не всегда выполняются принятые обязательства в рамках данных подписанных соглашений. Постоянное обвинение без доказательств, санкции и угрозы от США вынуждают Иран и Северную Корею перейти на ядерную программу, тем самым обостряя отношения между участниками ранее принятых договоров. Это вынуждает страны в данном контексте применять ядерное оружие как защитную меру в ответ на угрозу их национальным интересам и безопасности. Такие действия сторон не сходятся с положениями о мирном разрешении споров. С Северной Кореей проблема осложняется также проведением ими нескольких ядерных испытаний в стране. Тут видно нарушение статей ДНЯО и международных документов о мирном применении атома. ООН и весь мир требуют к скорейшему урегулированию указанных конфликтов. Ирану, Северной Корее и всем странам, которые подписали с ними соглашения по ядерному направлению, нужно найти выход из сложившейся ситуации. Всем участникам тут следует использовать доступные средства для скорейшего разрешения указанной проблемы согласно международному праву. Также пра-

новые нормы требуют найти компромисс, чтобы стороны пересмотрели своё отношение к ядерному оружию, и перешли на процесс мирного производства. Убедить Иран и Северную Корею надо и иными вариантами, как сотрудничество в разных сферах взаимоотношений между странами, снятие санкций в обмен на закрытие ядерных программ. Для подстраховки нужно предоставить гарантии для данных азиатских государств, что им обеспечат безопасность в случае перехода на мирный путь, а взамен будет пересмотрено отношение в положительную сторону. Надо разрешить противоречия по ядерному вопросу с Ираном и Северной Кореей в рамках норм международного права, иначе конфликт рискует перейти в войну. Это приведёт к нарушению всех правовых положений о мирном разрешении споров, а также к отклонению от выполнения всех статей в рамках принятых документов на универсальном уровне по защите от ядерной проблемы.

Мировое сообщество предпринимает нужные шаги для предотвращения новой угрозы мирового масштаба. Есть множество международных подписанных соглашений, которые были приняты в этом направлении. Они с разных сторон указывают на недопустимость использования ядерного оружия, требуя работать исключительно в мирном направлении. Но нужно сделать все необходимое, чтобы этот вид оружия был полностью запрещен на правовом уровне. К этому необходима и политическая воля всех государств, и конкретные предложения, чтобы мир ликвидировал все возможные запасы и элементы с ядерными частицами. Также делаются и иные шаги в этой области. Сейчас поддерживается позиция о безъядерных зонах, где территория континента или страны по принятым международным договорам запрещает размещение ядерного вооружения под любым предлогом. Сейчас таких территорий в мире шесть, куда входят Латинская Америка, Антарктида, Африка, Юго-Восточная Азия, Океания и Средняя Азия [8]. Нужно и дальше усилить роль безъядерных зон, чтобы как можно больше территорий в мире были на правовом уровне свободны от ядерного вооружения. Также работу ведёт организация под названием «Движение за неприсоединение», где участники в лице государств запрещают вести любую войну, включая с применением ядерного оружия. Страны с запасами ядерного оружия также должны прийти к общему согласию о сокращении вооружения и осуществлении контроля в правовом направлении. Для этого им следует принять и подписать отдельное соглашение, где в роли участников выступят только страны с ядерным вооружением, определив все положения по уменьшению и сокращению запасов оружия, урана и иных химических компонентов. Надо отметить договор между Россией и США под названием «Стратегическое наступательное вооружение». Там стороны в рамках документа обязуются сокращать ядерное вооружение до определённого минимума. Это пример того, что вопрос о ядерном разоружении начинает реализовываться в соглашениях правового характера, и работа тут будет продолжена. Поэтому следует подписать как можно договоров на двух- и многостороннем уровне об уменьшении запасов всех видов оружия, включив сюда и ядерные запасы, тем самым делая шаг в сторону поддержки мирных правовых инициатив. Хотелось бы отметить и роль Казахстана в этом вопросе, ведь наше государство одним из первых полностью ликвидировало на своей территории запасы ядерного оружия, закрыв также Семипалатинский полигон. Это было также под-

тверждено на правовом уровне подписанием Лиссабонского соглашения. И благодаря поддержке ООН инициативы Республики Казахстан на сегодня каждый год в конце августа отмечается международный день действий против ядерных испытаний. Это является напоминанием того, что человечество должно разными способами поддерживать нераспространение гонки вооружений, чтобы безопасность и стабильность стали основой развития государства с соблюдением всех правовых норм на универсальном уровне.

Учитывая возрастающие расходы на военную область у государств, важно не допустить политической борьбы с использованием давления разными средствами, включая ядерное оружие. Ведь для этого и существуют международное право с документами правового назначения, чтобы любая проблема решалась не оружием, а словом, предложением и обсуждением на глобальном уровне. Поэтому мирное разрешение любого конфликта должно стать новым этапом для поиска выхода из разных проблемных положений, даже если у сторон имеются разные взгляды, а также позиции. И вопросы о ядерном вооружении, включая ситуацию в Иране и Северной Корее, всегда следует решать только за столом переговоров, потому что наличие компромисса поможет урегулировать все конфликты, и найти способ для перехода на свободный путь от военного вооружения. Будет сделано все необходимое, чтобы на уровне международного права и универсальных соглашений ядерное оружие перестало быть проблемой для всех государств, используя для этого инициативы и планы для реализации поставленных задач мирного характера.

Список использованной литературы:

1. Договор о нераспространении ядерного оружия от 12 июня 1968 года [Электронный ресурс]. - 1968. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions.. (дата обращения 15.09.2020) - официальный сайт ООН
2. Бирюков П. Н. Международное право [Электронный ресурс]- Москва: Юристъ, 1998. - С. 124 URL: http://lib.maupfib.kg/wp-content/uploads/2015/12/mp_b (дата обращения 15.09.2020) – книга
3. Беляев Д.А. Договор о нераспространении ядерного оружия: кто к нему так и не присоединился? [Электронный ресурс].- Москва, 2020.- URL: <https://www.google.com/amp/s/tass.ru/mezhdunarodnaya-..> (дата обращения: 15.09.2020) - интернет источники
4. Ланцова И.С. Ядерная программа Северной Кореи: история развития и современное состояние [Электронный ресурс]. - Санкт-Петербург: Политэкс, 2007. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadernaya-programma..> (дата обращения: 15.09.2020) - научная статья в журнале
5. Шульман А.М. Операция Опера [Электронный ресурс].- Бруклин: Алеф, 2007. - URL: <http://www.alefmagazine.com/pub691.html>. (дата обращения: 15.09.2020) - статья в журнале
6. Организация Объединённых Наций: Конференция 2020 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) по рассмотрению действия договора [Электронный ресурс].- Нью-Йорк, 2020.- URL: <https://www.un.org/ru/conferences/npt2020> (дата обращения: 15.09.2020) - официальный сайт ООН

7. Оскольская Д.И. Ядерное оружие как угроза глобальной безопасности в начале XXI века [Электронный ресурс].- Москва: Архонт, 2018. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadernoe-oruzhie-ka..> (дата обращения: 15.09.2020) - научная статья в журнале

8. Валеев Р.М. Международное право [Электронный ресурс].- Москва: Статут, 2010. - URL: http://be5.biz/pravo/m025/13_.html#3 (дата обращения: 15.09.2020) - книга

МРНТИ 10.87.51

Зукай Ж.

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің
халықаралық құқық кафедрасы,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан
(E-mail: zhanerke_09@mail.ru)*

Сақбайқызы Ә.

*Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар
және әлем тілдер университеті,
Алматы, Қазақстан
(E-mail: ass-t@mail.ru)*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАУІПСІЗДІКТІ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДЕ МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ ГУМАНИТАРЛЫҚ САЛАДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫНЫҢ РӨЛІ

Түйіндеме: Мемлекеттердің арасындағы гуманитарлық саладағы ынтымақтастық халықаралық саяси және экономикалық ынтымақтастықпен қатар тұратын, мемлекеттердің өзара әріптестігінің маңызды бағыттарының бірі. Тіпті саясаттанушы ғалымдар мемлекеттердің гуманитарлық саладағы ынтымақтастығын «жұмсақ күш» деп атайды. Мақалада гуманитарлық ынтымақтастықтың халықаралық құқықтық негіздері болатын әмбебап халықаралық құқықтық актілерге, соның ішінде білім және мәдениет саласында қабылданған халықаралық актілерге жан-жақты талдау жасалады. Автор гуманитарлық саладағы шарттардың халықаралық бейбітшілікті сақтаудағы рөлін ашып көрсетеді.

Түйін сөздер: халықаралық құқық, халықаралық гуманитарлық ынтымақтастық, әмбебап халықаралық-құқықтық актілер, ЮНЕСКО, білім, мәдени құндылықтар.

Мемлекеттердің гуманитарлық саладағы халықаралық құқықтық ынтымақтастығы ұғымы бірнеше саладағы, яғни, білім, мәдениет, ғылым,

ақпарат, туризм мен спорт және т.б. салалардағы ынтымақтастықты қамтиды. Халықаралық қатынастардың басқа салаларына қарағанда, халықаралық аренада ұлттық мүддені қамтамасыз етудегі гуманитарлық аспектінің маңыздылығы мемлекеттің саяси және экономикалық қызметімен бір деңгейде екенін айта келіп, ресейлік зерттеуші Ю. Морозов былай дейді: «Бірде-бір мемлекет халықтың лайықты өмірін қамтамасыз ете алатын медицина мен білімнің жоғары деңгейде дамуынсыз және қолайсыз экологиялық ортада өркендей алмайды. Гуманитарлық саладағы толыққанды өзара әрекеттестік тек халықтардың достығы мен өзара сенімі жағдайында ғана дами алады, өз кезегінде ол бірте-бірте адамдардың санасынан басқа ұлттық мәдениетке деген жағымсыз көзқарасты ығыстырады» [1, 156 б.].

Соңғы уақыттағы дағдарыстар мен геосаяси шиеленістер дәуірінде гуманитарлық ынтымақтастық бұрынғыдан да маңызды және өзектілікке ие болады. Ол мемлекеттердің мәдениет, білім беру, денсаулық сақтау, төтенше жағдайларды шешу салаларындағы ынтымақтастығын нығайтып қана қоймай, экономикалық және саяси-дипломатиялық мемлекетаралық және аймақаралық қатынастардың дамуын алдын ала, әрі жан-жақты анықтайды. Гуманитарлық саладағы ынтымақтастық әріптестіктің үшінші бағыты ретінде «қауымдастық сезімін» қалыптастыруға ықпал етеді [2, 42 б.].

Яғни, зерттеушілер гуманитарлық саладағы ынтымақтастықты саяси және экономикалық ынтымақтастықпен қатар тұратын, мемлекеттер арасындағы әріптестіктің үшінші бағыты деп санайды.

Гуманитарлық саладағы ынтымақтастықты саясаттану ғылымында «жұмсақ күш» деп атайды. Саясаттанушы ғалымдардың айтуынша, мемлекеттер өздерінің тілі мен мәдениетін өзге елдерде насихаттау арқылы сол мемлекеттерге «қатты күш» (әскери күш) қолданбай-ақ, өз ықпалын жүргізеді. Сондықтан, әлемнің ірі державалары аталған саладағы ынтымақтастықты жүзеге асыруға қомақты қаржы бөліп отырады. Олар шетелдік азаматтарға жоғары оқу орындарында білім алуға гранттар бөлу, шетелдерде өз тілі мен мәдениетін насихаттайтын орталықтар ашу, ұлттық мәдени фестивальдер мен көрмелер ұйымдастыру, делегациялармен алмасу арқылы белгілі бір аймаққа, мемлекеттерге өз ықпалын тигізуге тырысады.

«Жұмсақ күш» қолдану кезінде мемлекеттердің әлемде өз әсері мен беделін нығайту, өзіне қолайлы ортаны қамтамасыз ету сияқты жалпы мақсаттары болуына қарамастан, әр мемлекеттің «жұмсақ саясатының» нақты (конъюнктуралық) мақсаттары әр түрлі. Мысалы, «АҚШ үшін – бұл «әлемдік гегемон» мәртебесін сақтап қалу болса, Еуропалық Одақ үшін - АҚШ саясатына қарсы қуатты салмақ құру, аймақтағы көшбасшылық сақтау, ал ҚХР өзінің ұлттық мәдениетіне қатысты протекционистік саясатты жүргізеді, сол арқылы Қытай экспортынан экономикалық пайда табуға ұмтылады, Ресей болса, «ұлы держава» мәртебесін, аймақтық және әлемдік ауқымдағы өзінің бұрынғы «ұлылығын» қалпына келтіруді, бұрынғы одақтастармен қарым-қатынасты жаңғыртуды мақсат етеді» дейді зерттеуші А.М. Бобыло [3, 29 б.].

Ал Е.П. Зарянов: «өркениеттің дамуының қазіргі тенденциялары әр мемлекеттің жалпы күш тепе-теңдігіндегі «жұмсақ күштің» мәні сөзсіз артады

... ақпараттық революцияның қазіргі дәуірінде елдің тартымдылық факторы ең жойқын әскери артықшылыққа қарағанда үлкен мәнге ие болады» деп атап өтеді [4, 107 б.].

Ендеше, білім, ғылым, мәдениет және тағы басқа салалардағы халықаралық ынтымақтастықты жүзеге асыру үшін жасалатын халықаралық шарттардың маңыздылығы мен астары саяси және экономикалық саладағы халықаралық шарттардан кем емес екендігін мемлекеттер түсінуі тиіс. Бірақ біз жоғарыда аталған салалар бойынша ынтымақтастық мемлекеттердің, халықтардың арасындағы достық қарым-қатынастардың нығаюына, әр түрлі мәдениеттердің жақындасуына ат салысатынын да білеміз.

Білім, мәдениет, ғылым саласындағы халықаралық гуманитарлық ынтымақтастыққа атсалысу мақсатында құрылған және қазіргі таңда сол мақсатына жетіп келе жатқан халықаралық ұйым – ол ЮНЕСКО. ЮНЕСКО әр адамның білім алу құқығын қамтамасыз етуге ықпал ететін бірқатар конвенцияларды, декларациялар мен ұсынымдарды қабылдады. Осы құжаттардың ішінде ең танымалы және бастысы «Білім беру саласындағы кемсітушілікке қарсы күрес туралы» 1960 жылғы Конвенция болды [5], ол Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясының 2 және 26-баптарын жүзеге асыруға бағытталған және қатысушы мемлекеттердің тең мүмкіндіктері кезінде Конвенцияны іске асыру үшін қабылданатын шараларды ескере отырып, білім беру саласындағы кемсітушіліктің барлық түрлеріне тыйым салады. Конвенцияның 3-бабына сәйкес, қатысушы мемлекеттер білім беру саласындағы саясатты оның кемсітушілігін жою және болдырмау негізінде жүргізуге міндеттеме алды.

Ал ЮНЕСКО аясында қабылданған келесі акт 1989 жылы «Техникалық және кәсіби білім туралы» Конвенция адам құқықтарына қатысты барлық басқа халықаралық құқықтық актілер сияқты мемлекетаралық қатынастарға емес, мемлекетішілік қатынастарға бағытталған. Мәселен, 3-бабында былай делінген: «Уағдаласушы мемлекеттер техникалық және кәсіптік білім беру бағдарламаларын әзірлеуге және жүзеге асыруға және ол бағдарламаларда мыналарды ескеруге келіседі:

халықтың тиісті топтарының білім беру, мәдениет және әлеуметтік саладағы жағдайын, сондай-ақ олардың кәсіби бейіндерін;

экономиканың түрлі салаларында қажетті техникалық және кәсіби дағдыларды, білім мен біліктілік деңгейлерді, сондай-ақ, күтілетін технологиялық және құрылымдық өзгерістерді;

жұмыспен қамтуды қамтамасыз ету мүмкіндіктерін және ұлттық, аймақтық және жергілікті деңгейлерде даму болашағын;

қоршаған ортаны қорғау және адамзаттың ортақ мұрасының принципін; денсаулық сақтау, қауіпсіздік техникасы және еңбек жағдайларын» [6].

Білім саласына қатысты бұдан кейін қабылданған аймақтық халықаралық шарттар осы екі Конвенцияның нормаларын, сондай-ақ, білім саласына қатысты ЮНЕСКО қабылдаған көптеген ұсынымдарды (мысалы, 1966 жылғы Мұғалімдердің жағдайы туралы ұсыным, 1974 жылғы Ғылыми-зерттеу қызметкерлерінің мәртебесі туралы ұсыным, 1998 жылғы ХХІ ғасыр үшін жоғары білім туралы дүниежүзілік декларация) ескерді.

Қазақстандық зерттеуші А.Б. Ордабаева «білім» ұғымы әр түрлі халықаралық құқықтық актілерде әр түрлі мағынада қолданылатынын айта келіп, былай дейді: «Дипломдарды тану мәселелері жөніндегі конвенциялар орта және жоғары оқу орындарында оқу нәтижесінде алынған біліктілікті ғана қарай отырып, білім беру ұғымына неғұрлым шектеулі тәсілді пайдаланады.

Білім беру мәселелері жөніндегі екіжақты келісімдер, әдетте, еңбек әлемімен ынтымақтастық нәтижесінде білім алу немесе оқу орындарынан тыс білім алу мәселелерін қозғамайды.

Демек, халықаралық-құқықтық құжаттарға сәйкес, мемлекеттердің еркі білім беру саласындағы кең, сондай-ақ тар мағынада ынтымақтастыққа бағытталған. Білім алу процесі немесе нәтижесі ретінде білімді түсінуге келетін болсақ, бұл жағдайда да осы саладағы ынтымақтастыққа қатысты мемлекеттердің еркінің көруге болады. Мәселен, оқыту шарттарын халықаралық-құқықтық регламенттеу кезінде сөз білім беру үдерісі туралы болып отыр. Халықаралық-құқықтық актілерде оқу үдерісі барысында мүмкіндіктердің теңдігі туралы айтылған кезде де «білім» ұғымы үдеріс ретінде қаралып отыр. Ал білім туралы шетелдік құжаттар мойындау кезінде, біз алған білімнің нәтижесі туралы айтамыз» [7, 144 б.].

Білім және мәдениет саласына қатысты келесі әмбебап халықаралық құқықтық акт – 1950 жылғы «Білім, ғылыми және мәдени сипаттағы материалдарды әкелу туралы» Келісім [8]. Мемлекеттер ілім және идеямен еркін алмасу зияткерлік прогресс пен халықаралық түсіністіктің маңызды шарты бола отырып, әлемдегі бейбітшіліктің сақталуына ат салысады деп санап, білім, ғылыми және мәдени сипаттағы материалдарды әкелу кезінде кедендік баждардан босату немесе кедендік жеңілдіктер беру жөнінде келісімге келді.

Гуманитарлық саладағы халықаралық шарттардың келесі бір үлкен тобын мәдениет саласындағы халықаралық-құқықтық актілер құрайды.

Адамның мәдени өмірге қатысуы оның өмір сүру және қоғамдық даму процесінен туындайды, өйткені мәдениеттің өзі материалдық және рухани еңбек өнімдерінде, әлеуметтік нормалар мен мекемелер жүйесінде, рухани құндылықтарда, адамдардың табиғатқа, өзара және өзіне қарым-қатынасының жиынтығында ұсынылған. Мәдениет ұғымына сондай-ақ, адамдар өмірінің тарихи түрлерінің өзіндік ерекшелігі, олардың өзіндік ерекшеліктері, әлеуметтік және мәдени мұра тәсілі ретінде дәстүрлер мен нормаларда өз іс-әрекеттері мен іс-әрекеттерін келісетін ұлттық және этникалық қауымдастықтардың ерекшеліктері кіреді. Бұл мағынада мәдениет әмбебап сипатқа ие, өйткені ол әлеуметтік өмірдің жалпыға бірдей, ерекше және жеке сапалық сипаттамаларын мұра етіп, оларды ұрпақтан ұрпаққа таратады [9].

М.М. Богуславский атап өткендей, «халықаралық мәдени ынтымақтастық өзара түсіністіктің өсуіне алып келеді, әрбір адамның мәдениет игіліктерін пайдалану және олардан ләззат алу құқығын қамтамасыз етеді. Халықаралық ынтымақтастық мәдени құндылықтарды сақтау және қорғау мақсатында де қажет. Ол археологиялық қазба жұмыстарын жүргізу, халықаралық көрмелер, мұражайлар ұйымдастыру, мәдени құндылықтармен заңды халықаралық сауда

жасау арқылы көрінеді. Халықаралық ынтымақтастық, сондай-ақ мәдени құндылықтарды заңсыз сатуға қарсы күрес саласында, шекара және кеден қызметтерінің жұмысында, ұрланған мәдени құндылықтарға қатысты ақпарат алмасуды ұйымдастыруда қажет» [10, 59 б]. Осыған байланысты, мәдениет саласына қатысты әмбебап халықаралық шарттар мен халықаралық ұйымдар актілерінің саны көп.

Мәселен, Халықаралық мәдени ынтымақтастық принциптерінің декларациясы 1966 жылғы 4 қарашада ЮНЕСКО Бас конференциясының 14-ші сессиясында мақұлданды. Декларацияның кіріспесінде ол «мәдени қызметке жауапты үкіметтер, билік, ұйымдар, қауымдастықтар мен мекемелер осы принциптерді үнемі басшылыққа алуы үшін жарияланғаны» айтылған. Декларацияда мынадай принциптер белгіленген:

1) мәдениеттердің теңдігі. Әрбір мәдениет қадір-қасиет пен құндылыққа ие, олар сақталуы және сыйлануы тиіс;

2) мәдениеттің бейбітшілік ісіне, мемлекеттер арасындағы бейбіт және достық қатынастарды дамытуға қызмет етуі;

3) мәдени ынтымақтастықтың өзара тиімділігі;

4) бейбіт уақта және соғыс кезінде мәдени құндылықтарды қорғаудың міндеттілігі [11].

Ал мәдениет саласында қабылданған әмбебап халықаралық құқықтық актілердің бірі - 1954 жылғы Конвенцияға сәйкес, мәдени құндылықтарды қорғау қарулы қақтығыс болған жағдайда осы құндылықтарды күзету мен құрметтеуді қамтиды. Және тараптар өздерінің аумағында орналасқан мәдени құндылықтарды олар қажет деп санайтын шараларды қабылдай отырып, қарулы қақтығыстың ықтимал зардаптарынан қорғауды бейбіт уақытта дайындауға міндеттенеді [12].

Ал 1970 жылғы Конвенция мәдени құндылықтардың заңсыз айналымы мен контрабандамен күрес мәселелеріне арналған [13]. Конвенция бойынша, қатысушы мемлекеттер мәдени құндылықтарды заңсыз әкелу, әкету және меншік құқығын беру осы құндылықтар шыққан елдердің мәдени мұрасы азаюының басты себептерінің бірі екенін және халықаралық ынтымақтастық оларға тиесілі мәдени құндылықтарды осындай барлық қауіптерден қорғауды қамтамасыз етудің неғұрлым пәрменді құралдарының бірі болатынын мойындайды. Осы мақсатта қатысушы мемлекеттер оның себептерін жоюға, оны жүзеге асыруды тоқтатуға және қажетті өтем жасауға көмектесе отырып, өздерінің иелігіндегі құралдармен осындай практикадағы қарсы әрекет етуге міндеттенеді.

1972 жылғы Дүниежүзілік мәдени және табиғи мұраны қорғау туралы Конвенцияға сәйкес, мәдениет саласындағы халықаралық ынтымақтастықтың мақсаттары болашақ ұрпаққа мәдени және табиғи мұраны анықтау, қорғау, сақтау, дәріптеу, беру болып табылады [14].

Проф. М.В. Шукуровтың пікірінше, «аталған Конвенция өз аумағындағы мәдени және табиғи мұраны сақтауға негізгі жауапкершілік жүктейтін барлық мемлекеттердің бұл үшін экономикалық және ғылыми-техникалық ресурстарға ие емес (мысалы, кедей елдер мүлде ие емес). Аталған жағдай халықаралық

ынтымақтастық үрдісінде мемлекеттердің тиісті міндеттемелерін туындатады. Мемлекеттер халықаралық ынтымақтастық тәртібімен мәдениетке қолжетімділікке мүмкіндік беретін технологияларға қол жеткізуді қамтамасыз етуі тиіс, өйткені мәдениетке қол жетпей оған ешқандай қатысу мүмкін емес» [15, 137 б.].

Сонымен, мемлекеттердің гуманитарлық саладағы халықаралық ынтымақтастығы саяси және экономикалық ынтымақтастықпен бірдей маңызды екенін және бейбітшілік сақтау мен халықтар арасындағы достық қарым-қатынастарды нығайтуға ат салысатынын байқадық.

Гуманитарлық ынтымақтастық – бұл мемлекеттің сыртқы саясатын жүзеге асырудың кең таралған және тиімді ресурстарының бірі болып табылатын мемлекеттер қызметінің бағыты. Мұндай қызмет мемлекетке БҰҰ жүйесі, аймақтық ұйымдар және екіжақты ынтымақтастық аясында жүзеге асырылатын халықаралық процестерге белсенді қатысуға мүмкіндік береді [16, 102 б.].

Дегенмен, қазіргі заманғы қауіпсіздік тұжырымдамасы гуманитарлық мәселелерді қауіпсіздіктің жаңа басымдықтарымен байланыстырды. Қауіпсіздік ұғымы БҰҰ Даму Бағдарламасының анықтамасына сүйене отырып, қауіпсіздіктің жеті өлшемін ғана емес, жаңа халықаралық қатерлердің (халықаралық терроризм, адам саудасы, қаруды заңсыз сату) барлық спектрін, сондай-ақ тиісті субъектілердің адам құқықтары мен халықаралық қауіпсіздікті сақтау үшін жауапкершілігін қоса қамтиды. Алайда, жаңа әлемдік тәртіптегі гуманитарлық ынтымақтастық жағдайында мемлекеттер адамның жеке басы мен оның тәуелсіздігіне ерекше мән беретін жалпы гуманитарлық императивке ұқсамайтын прагматизм тұжырымдамасына адал болып қала береді [17, 58 б.].

Әдебиеттер тізімі:

1. *Морозов Ю.* Сотрудничество стран ШОС в гуманитарной сфере: проблемы и возможные пути их решения // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №4–5 (64–65). – С. 156-169.

2. *Жаназарова З.Ж., Оспанова А.Н., Касимова Н.Ш.* Социальные аспекты гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС: проблемы и перспективы // Вестник КазНПУ им.Абая. Сер. соц. и полит. науки. – 2017. – №4 (60). – С.41-45.

3. *Бобыло А.М.* Национальная система образования как "мягкая сила" внешней политики государства: монография / А.М. Бобыло. – Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2013. – 156 с.

4. *Зарянов Е.П.* Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира //Мировая политика. – 2015. – №1. – С. 89-122.

5. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 года [Электронды ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml (қаралған күн: 01.08.2020)

6. Конвенция по техническому и профессиональному образованию 1989 года [Электронды ресурс]. – URL: https://unevoc.unesco.org/fileadmin/user_upload/pubs/conv-r.pdf (қаралған күн: 01.08.2020)
7. *Ордабаева А.Б.* Правовой анализ международных документов в сфере образования принятых в рамках ООН // Вестник КазНПУ им.Абая. Сер. межд. жизн. и полит. – 2014. – №1 (36). – С.143-147.
8. Соглашение о ввозе материалов, относящихся к образованию, науке и культуре 1950 года [Электронды ресурс]. – URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/ylt-1stly> (қаралған күн: 01.08.2020)
9. *Мошняга В.П.* Гуманитарная деятельность международных организаций в современном мире [Электронды ресурс] // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2011. – №3. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Moshniaga_Humanitarian_Activity/ (қаралған күн: 01.08.2020)
10. *Богуславский М. М.* Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты: монография / М.М. Богуславский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА. – 2012. – 416 с
11. Декларация принципов международного культурного сотрудничества 1966 года [Электронды ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml (қаралған күн: 01.08.2020)
12. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года [Электронды ресурс]. – URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (қаралған күн: 01.08.2020)
13. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 года [Электронды ресурс]. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000152755_rus (қаралған күн: 01.08.2020)
14. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года [Электронды ресурс]. – URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (қаралған күн: 01.08.2020)
15. *Шукуров М.В.* Международно-правовое регулирование научно-технического сотрудничества в сфере культуры: основные направления и приоритеты // Современное право. – 2013. – №1. – С.131-138.
16. *Лисаускайте В.В.* Гуманитарное сотрудничество в сфере защиты от бедствий и центр гуманитарного реагирования // Право и политика. – 2019. – №8. – С.101-118.
17. *Пентегова А.В.* Концепт гуманитарного сотрудничество в современной системе международных отношений // Вестник Забайкаловского государственного университета. – 2019. – №4. – С.54-60.

Ильяшевич М.В.

*К.ю.н., доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, Российская Федерация
(E-mail: iliashevich_m@pfur.ru)*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы обеспечения информационной безопасности в контексте современных вызовов и угроз. Большинство актуальных аспектов обеспечения информационной безопасности по-прежнему находит регулирование лишь на уровне внутригосударственного права, что создает правовой вакуум в части межгосударственного взаимодействия. В статье делается обзор мер, направленных на обеспечение информационной безопасности, принимаемых в Российской Федерации, а также предлагаются возможные формы сотрудничества между государствами. В статье делается обзор международно-правовых актов универсального характера, принятых в рассматриваемой сфере, с особым акцентом на деятельность Генеральной Ассамблеи ООН и ее специальных механизмов. В статье также затрагивается проблематика присвоения деяний, совершенных с использованием киберпространства, в целях реализации международно-правовой ответственности государств.

Ключевые слова: международная безопасность; информационная безопасность; кибербезопасность; Организация Объединенных Наций; международно-правовая ответственность.

В настоящее время проблема обеспечения безопасности государств не потеряла своей актуальности, а, наоборот, встала перед международным сообществом еще более остро – в первую очередь, в связи с появлением новых угроз и вызовов. Подобные явления порождают необходимость принятия мер не только в традиционных сферах взаимодействия государств, но и в относительно новых областях, таких, как, в частности, киберпространство, информационные технологии и т.д. Как высказался Д.А. Медведев на сессии Международного конгресса по кибербезопасности в 2019 году «Проблема киберпреступности входит в пятерку глобальных рисков в рейтинге Всемирного экономического форума. Все плюсы цифровизации будут нивелированы, если мы не сможем принять эффективных мер по борьбе с киберпреступностью, создать защищенную ситуацию» [1]. В этом смысле, именно международное право, как гибкая правовая система, должно послужить объединяющим началом для усилий государств в попытке обеспечить и укрепить международный правопорядок. Принятие своевременных мер на международно-правовом уровне является абсолютно необходимым в силу того, что современные информационные технологии все чаще находят применение в качестве инструмента защиты соб-

ственных интересов государств и получения стратегических преимуществ. Это тенденция становится все более отчетливой и ввиду того факта, что государства, в качестве независимых суверенных единиц, всегда будут стремиться к доминированию в той или иной сфере, особенно, если другие государства в этом отстают. Сложность решения проблемы определяется также тем фактом, что источником угроз в области информационной безопасности являются действия не только государств, но и негосударственных образований, включая различного рода частные группы и организованные преступные группы, действующие под контролем и вне контроля со стороны какого-либо государства. Таким образом, возникла потребность в урегулировании отношений между субъектами международного права в области обеспечения информационной безопасности с целью установления баланса интересов и построения справедливого и устойчивого правопорядка.

Безусловно, в контексте формирования международно-правовых основ обеспечения международной информационной безопасности большую роль играют акты национального законодательства. Многие аспекты изначально находят отражение на уровне внутригосударственного регулирования, а позднее становятся предметом межгосударственного взаимодействия. В качестве примера подхода к регулированию вопросов в рассматриваемой области следует привести положения российского законодательства.

В частности, в Российской Федерации среди наиболее значимых актов можно отметить следующие: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [2], Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3], Федеральный закон от 26 июля 2017 года №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 года «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4], Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» [5], «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» [6]; № Пр-1753 от 24.07.2013 и иные.

Указанные выше нормативно-правовые акты содержат положения, отражающие подход Российской Федерации к пониманию сути проблемы и содержащие меры, являющиеся наиболее целесообразными в свете угроз безопасности государства. В частности, информационная безопасность включается наряду с другими видами в понятие национальной безопасности [4, п. 6]; в качестве одной из угроз указывается оказание на Российскую Федерацию информационного давления со стороны США и их союзников [4, п. 12], манипулирование общественным сознанием и фальсификация истории [4, п. 21], нарушение устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры [4, п. 43], распространение идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма [4, п. 43] и иные. Эти положения особенно актуальны в свете недавних событий, когда в связи с годовщиной победы во Второй Мировой войне ряд государств намеренно дискредитировали роль СССР в победе над нацист-

ской Германией [7]. Отдельно указывается на неравное распределение между государствами возможностей для обеспечения безопасного и устойчивого функционирования сети «Интернет» [5, п. 19]. В этой связи, следует отметить, что в настоящее время сеть «Интернет» не может более рассматриваться как пространство для обмена свободными информационными потоками в силу возникновения транснациональных корпораций, обладающих по сути монополией на то, какую именно информацию «допускать» до пользователя, что непосредственно влияет на формирование общественного мнения по важнейшим вопросам. В частности, по мнению ученого и одного из создателей сети «Интернет», Тима Бернерс-Ли, особенно страшно то, что централизованный Интернет начинают использовать в качестве информационного оружия [8]. Государства все чаще стали обвинять друг друга во вмешательстве во внутренние дела, в ведении информационной войны с использованием различных инструментов, включая социальные сети, блоги, интернет-платформы и т.д. Указанные угрозы более детально раскрываются в Доктрине информационной безопасности 2016 г., среди прочего содержащей и меры, которые Российская Федерация планирует предпринимать с целью адекватного ответа. В качестве мер по обеспечению информационной безопасности указываются правовые, организационные, оперативно-розыскные, разведывательные, контрразведывательные, научно-технические, информационно-аналитические, кадровые, экономические и иные меры по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления [5, п. 2 (г)]. Российская Федерация принимает меры, направленные также на защиту информации от неправомерного использования со стороны иностранных субъектов, в том числе путем обеспечения преимущественного использования отечественного программного обеспечения. В качестве примера такого рода актов можно привести Постановление Правительства от 21 февраля 2019 г. № 175 «О внесении изменений в Правила использования на территории Российской Федерации спутниковых сетей связи, находящихся под юрисдикцией иностранных государств», Постановление от 8 февраля 2018 года №127 «О порядке категорирования объектов критической информационной инфраструктуры» и иные.

Безусловно, для того, чтобы обеспечить информационную безопасность, мер, предпринимаемых на уровне отдельных государств, недостаточно в свете того, что, ввиду развития технологий, распространение информации более не ограничивается границами конкретного государства. Тем не менее, сознавая опасность сложившейся ситуации, государства не спешат приступать к разработке международно-правовых положений в рассматриваемой области и тем более к разработке конкретных прозрачных международно-правовых механизмов для обеспечения контроля за соблюдением принимаемых на себя государствами международно-правовых обязательств. В качестве международно-правовых актов универсального характера, отдельно затрагивающих вопросы международной безопасности, можно указать преимущественно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН), в частности, Резолюцию ГА ООН от 8 декабря 2010 г. «Достижения в сфере информатизации и коммуникаций в кон-

тексте международной безопасности» [9], Резолюцию ГА ООН от 20 ноября 2000 г. «Роль науки и техники в контексте международной безопасности и разоружения» [10]. В этих документах отмечается опасность использования информационных технологий с целью нанесения ущерба интересам и безопасности государств, а также в террористических и преступных целях, что обуславливает необходимость принятия дальнейших мер на основе сотрудничества между государствами. В этой связи, целесообразно отметить, что государства участвуют в международных конференциях, а также создают межгосударственные группы для исследования и обмена опытом в рассматриваемой сфере. В частности, на основе Резолюции ГА ООН [11] в 2009 году была создана Группа правительственных экспертов (на основе принципа справедливого географического распределения) по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, которая подготовила доклады, представленные Генеральным секретарем ООН в 2010 [12], 2013 [13] и 2015 [14] гг. Также на основе Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 73/266 в 2019 году была создана еще одна Группа правительственных экспертов, в чью задачу входит «исследование возможных совместных мер по устранению существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности, в том числе, исследование норм, правил и принципов ответственного поведения государств, мер укрепления доверия и наращивания потенциала, а также того, как международное право применяется к использованию информационно-коммуникационных технологий государствами» [15, п. 3]. В вышеуказанных докладах, представленных в рамках деятельности Группы экспертов, угрозы в области информационной безопасности отнесены к наиболее фундаментальным в XXI веке и требующим принятия мер на самой широкой основе в различных сферах функционирования государств. В этом смысле, большую проблему представляет обнаружение источника угрозы, а также ее непосредственный инициатор и исполнитель – вопросы, которые требуют обязательного разрешения в целях реализации ответственности и предотвращения нарушений в будущем.

В этом контексте имеющиеся положения международного права относительно ответственности за международно-противоправные деяния не могут служить единственной основой для привлечения государств к международно-правовой ответственности – с одной стороны, положения относительно присвоения деяния государству, закрепленные в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г., во многом так и не получили признание в качестве международно-правового обычая; с другой стороны, большой проблемой остается установление и доказывание факта участия государства в совершении деяния в информационной сфере.

Специфические особенности киберпространства порождают проблему применимого стандарта доказывания с целью присвоения деяния и реализации международно-правовой ответственности. К сожалению, в настоящее время четкие положения в этой области по-прежнему отсутствуют, что потенциально может привести к росту напряженности в межгосударственных отношениях и к злоупотреблению правом на самооборону. В качестве примера можно привести

ситуацию вокруг Российской Федерации, когда ее обвинили [16] в совершении кибератаки на информационные ресурсы Эстонии, указывая лишь на то, что использовались российские IP-адреса, и не предъявляя никаких достоверных доказательств [17]. Российскую Федерацию в условиях негативной политической обстановки регулярно бездоказательно обвиняют в совершении кибератак на различные ресурсы в различных государствах. Более того, в некоторых случаях это используется в качестве предлога для введения односторонних принудительных мер с целью неправомерного получения различного рода экономических и торговых преимуществ. В отсутствие договоренности между государствами относительно того, какие доказательства являются приемлемыми и какие стандарты доказывания следует применять с учетом особенностей деяния в области информационной среды, и в целом в отсутствие всестороннего договора в рассматриваемой области, на месте Российской Федерации может оказаться любое государство.

Авторы упомянутого доклада справедливо отмечают, что государства активно создают информационные технологии с целью использования их для ведения войны, разведки и применения в политических целях [12, с. 6] – это позволяет говорить о том, что во многом решение проблемы зависит от добросовестности и желания со стороны самих государств, в первую очередь. В качестве рекомендации предлагается создание систем для обмена опытом, технологиями, а также принятия мер с целью выработки единообразной терминологии для повышения эффективности борьбы с все возрастающими угрозами.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что в настоящее время государствам следует предпринять усилия, направленные на разработку и принятие международного договора универсального характера. Это необходимо, в первую очередь, для урегулирования разногласий и двусмысленных ситуаций в свете имеющегося правового вакуума в отношении регламентации поведения в киберпространстве, что ставит под угрозу сложившийся после Второй мировой войны международный правопорядок.

Список использованной литературы:

1. Выступление Дмитрия Медведева на пленарной сессии Международного конгресса по кибербезопасности, 21 июня 2019. Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электрон.ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/37114/> (дата обращения: 14.09.2020)
2. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». Принят Государственной Думой 7 декабря 2010 года, одобрен Советом Федерации 15 декабря 2010 года. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2010/12/29/bezopasnost-dok.html> (дата обращения: 05.09.2020)
3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 20 июня 2014 года, одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 года. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html> (дата обращения: 05.09.2020)

4. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Подписан 31 декабря 2015 г., опубликован 31 декабря 2015 г., вступил в силу 31 декабря 2015 г. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 05.09.2020)

5. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации». Подписан 5 декабря 2016 г., опубликован 6 декабря 2016 г. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 05.09.2020)

6. «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года», № Пр-1753, утверждены 24.07.2013. [Электрон.ресурс]. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/> (дата обращения: 05.09.2020)

7. Удар в спину: как СССР напал на Польшу. Сайт Deutsche Welle. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://www.dw.com/ru/удар-в-спину-как-ссср-напал-на-польшу/a-50457274> (дата обращения: 14.09.2020).

8. Создатель интернета рассказал, почему он в ужасе от современной всемирной паутины. Информационный сайт, новость от 14 марта 2018 г. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://www.5-tv.ru/news/189509/> (дата обращения 05.09.2020).

9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Документ ООН A/RES/65/41 от 8 декабря 2010 года. [Электрон.ресурс]. – URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/65/41> (дата обращения 05.09.2020).

10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Роль науки и техники в контексте международной безопасности и разоружения». Документ ООН A/RES/72/28 от 4 декабря 2017 года. [Электрон.ресурс]. – URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/72/28> (дата обращения 03.09.2020).

11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Документ ООН A/RES/60/45 от 8 декабря 2005 г. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/45> (дата обращения 03.09.2020).

12. Доклад правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Документ ООН A/65/201 от 30 июля 2010 г. [Электрон.ресурс]. – URL: http://www.un.org/ga/search/viewm_doc.asp?symbol=A/65/201 (дата обращения 03.09.2020).

13. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Документ ООН A/68/98 от 24 июня 2013 г. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/68/98> (дата обращения 03.09.2020).

14. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопас-

ности. Документ ООН A/70/174 от 22 июля 2015 г. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/70/174> (дата обращения 03.09.2020).

15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/266 «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности» от 22 декабря 2018 г. [Электрон.ресурс]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/266> (дата обращения 03.09.2020).

16. *Ruus K.* Cyber War I: Estonia Attacked from Russia. The Website of the European Institute (European-American cooperation). [Электрон.ресурс]. – URL: <https://www.europeaninstitute.org/index.php/component/content/article?id=67:cyber-war-i-estonia-attacked-from-russia> (дата обращения 03.09.2020).

17. *McGuinness D.* How a cyber-attack transformed Estonia. The Website of the BBC News. [Электрон.ресурс]. – URL: <http://www.bbc.com/news/39655415> (дата обращения 03.09.2020).

МРНТИ 10.87.61

Искакова Ж.Т.

*Кафедра международного права Евразийского национального
университета имени Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: ziskakova@mail.ru)*

СУДЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ ОСОБОГО РОДА

Аннотация: Статья посвящена изучению и анализу специфики деятельности судебных органов интеграционных объединений, поскольку в институциональной структуре интеграционных объединений и в функционировании их правовых систем особая роль принадлежит им. Для обозначения сферы их деятельности некоторыми исследователями вводится термин «интеграционное правосудие». Использование данного термина предназначено для того, чтобы подчеркнуть специфику, как самих судебных органов интеграционного объединения и их местоположения в системе интеграционного права, так и отграничить их от иных международных судебных учреждений. Широта полномочий, присваиваемая этим судам, свидетельствует о том, что они представляют собой судебные учреждения особого рода.

Ключевые слова: интеграционные образования, интеграционное право, интеграционное правосудие, международные суды, суды интеграционных объединений.

В институциональной структуре интеграционных объединений, а также в функционировании правовых систем интеграционных образований, особая роль

принадлежит специальным судебным учреждениям, создаваемым в этих объединениях.

Первым подобным судебным учреждением явился Суд ЕС (с момента создания в 1952 г. именовался Суд Европейского объединения угля и стали, в 1958 г. переименован в Суд Европейских сообществ, с 2009 г. – Суд ЕС).

Успешная деятельность Суда ЕС способствовала появлению собственных судебных органов в других интеграционных объединениях. Среди них можно назвать Суд ЕС, Суд Экономического союза Бенилюкс, Трибунал Андского сообщества, Суд Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), Суд Восточноафриканского экономического и валютного союза, Суд Общего рынка восточноафриканских стран (КОМЕСА), Суд Экономического и валютного союза Западной Африки (ЮЕМОА), Суд Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), Трибунал Южноафриканского сообщества развития (САДК), Суд Организации по гармонизации торгового права в Африке (ОГАДА), Суд ЕАЭС.

Длительное время подобные судебные учреждения относили к категории международных судов, именуя их «региональными судебными органами общей компетенции». В эту же категорию, скажем, попадал и Центральноамериканский суд (Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор; формально существовал с 1907 по 1917 г.). Однако, как отмечает С.В. Бахин, «на первых порах интеграционные группировки формировались исключительно по принципу территориальной близости. Однако ныне этот критерий уже не является ни доминирующим, ни даже существенным. Превалируют экономические, геостратегические обстоятельства, а также экономико-географическая целесообразность. К тому же понятие „регион” во многих случаях оказывается размытым или чрезвычайно широким...»[1, 108 стр.]

С этим тезисом следует согласиться. С самого начала было понятно, что ни «региональными», ни даже «субрегиональными» данные судебные учреждения именоваться не могут, ибо они были предназначены не для обслуживания интересов всех государств определённого географического региона (субрегиона), а той или иной группировки государств, связанных тесными экономическими интересами. Именно установление особых экономических связей подталкивало государства к формированию судебных учреждений, эти связи обеспечивающих. От термина «регионализм» в отношении интеграционных группировок довольно быстро отказались. Позднее, когда стало очевидно, что интеграционное право представляет собой не ответвление международного права, а самостоятельные правовые системы, их стали именовать судебными органами интеграционных объединений или интеграционными судами.

Для обозначения сферы деятельности данных специфических судебных органов даже появился специальный термин «интеграционное правосудие». Как представляется, использование указанного термина предназначено для того, чтобы подчеркнуть специфику, как самих судебных органов интеграционного объединения и их местоположения в системе интеграционного права, так и отграничить их от иных международных судебных учреждений.

Относительно терминов «интеграционное право» и «интеграционное правосудие» даже развернулась дискуссия, хотя, как надо полагать, дело вовсе не в терминологии, а в трактовке сущности стоящих за ними явлений.

В нашем исследовании проанализируем смысл и назначение термина «интеграционное правосудие».

Уже на первых этапах формирования и деятельности интеграционных объединений стало очевидно, что в их лице мы имеем дело с оригинальным правовым явлением, которое не всегда укладывается в рамки признанных в правовой науке структур. Дискуссии по этому поводу шли ещё относительно статуса и правовой природы Европейских сообществ (ЕЭС, ныне – Европейский союз). Специалисты отстаивали две точки зрения: 1) ЕЭС (ЕС) – разновидность международной организации, 2) ЕЭС (ЕС) – новое правовое образование, которое по своей природе, назначению и существу отличается от существующих международных организаций.

Разногласия подобного рода коснулись и судебных учреждений, сформированных во многих интеграционных объединениях – представляют ли они собой обычные международные суды или же являются специфическими судебными органами.

По всей видимости, если мы признаём интеграционные объединения новым специфическим образованием, то и сформированные в них судебные учреждения должны рассматриваться как судебные органы особого рода. По мнению проф. С.Ю. Кашкина, интеграционное правосудие – это «особая разновидность международного правосудия, которое по мере своего развития и распространения приобретает многие оригинальные черты, в том числе и заимствуемые из судебных систем суверенных государств» [2, 112 стр].

Ныне наблюдается стремительное увеличение числа международных судебных учреждений интеграционных объединений, которые способствуют формированию, единому пониманию и применению интеграционного права, а также защите собственного правопорядка (интеграционного права). При этом государства определяют пределы и условия юрисдикции создаваемых ими судов, устанавливают порядок исполнения решений, а также решают вопрос о возможности расширения или ограничения полномочий созданных ими международных судов.

В российской и зарубежной литературе активно обсуждаются причины, результаты создания государствами международных судов, оценка их деятельности. Наряду с концептуальными исследованиями по общим вопросам международного правосудия, появляются работы, в которых ключевая роль в развитии интеграционных процессов отводится именно правосудию, именуемому интеграционным.

В правовой доктрине отмечаются следующие особенности судов, созданных на основе международных договоров об интеграции:

- 1) установление обязательной юрисдикции для государств-членов;
- 2) возможность обращения в суды как публичных (государства, органы интеграционного объединения), так и частных лиц;

3) особые функции (осуществление контроля над формированием унифицированного интеграционного права) и цели (защита правопорядка интеграционного объединения);

4) дела в судах интеграционных объединений разрешаются специально назначенными на длительный срок независимыми и профессиональными судьями;

5) данные суды применяют при рассмотрении дел нормы интеграционного и международного права, а в необходимых случаях и нормы национального права.

б) в отдельных случаях суды интеграционных объединений наделяются функцией контроля над актами их органов.

Такое делегирование государствами судам интеграционных объединений контроля над актами, принимаемыми органами интеграционных объединений, по мнению некоторых исследователей, наделяет их полномочиями квазиконституционных судов [3].

Конечно, речь не идёт о том, что указанные признаки принадлежат всем без исключения судебным учреждениям интеграционных объединений. Вопрос в другом, в выявлении специфики таких органов. Учитывая, что процесс становления интеграционного правосудия ещё продолжается, видимо преждевременно, вести речь о том, что все его характерные черты выявлены наукой в полном объёме.

Поскольку Суд ЕС (Европейских сообществ, ЕЭС) оказался первым судебным учреждением интеграционного типа, чаще всего в литературе обсуждается именно его сверх широкая юрисдикция. При этом отмечается, что его полномочия выходят далеко за рамки тех, которыми обычно наделены и международные, и национальные суды. В литературе неоднократно отмечалось, что Суд ЕС несёт в себе одновременно черты международного, конституционного, административного и уголовного суда.

Интересный вывод из этого дела делает проф. С.В. Бахин, который пишет: «не может ли столь обширная юрисдикция Суда ЕС, по крайней мере косвенно, свидетельствовать о природе правовой системы, элементом которой он выступает?» [4, 115 стр.]. С этим тезисом следует согласиться. В самом деле, широта полномочий, которая присваивается судам интеграционных объединений, свидетельствует о том, что они представляют собой судебные учреждения особого рода. Без них интеграционное право едва ли могло бы существовать в качестве обособленной правовой системы.

В принципе, государства – участники интеграционных союзов вполне могли бы разрешать возникающие между ними споры в существующих международных судах, не затрачивая силы и средства на создание и функционирование собственных интеграционных судов. Однако интеграционные объединения по этому пути не идут. Представляется, что наличие собственного судебного органа predetermined необходимостью формирования относительно обособленной, специфической правовой системы, обслуживающей интересы государств, вовлечённых в тесную интеграцию.

Примечательно, что при анализе компетенции и деятельности интеграционных судов упускаются из вида три весьма важных обстоятельства, которые, по нашему мнению, имеют принципиальное значение.

Во-первых, многие специалисты обращают внимание на то, что, ссылаясь на существенную специфику данного объединения, Суд ЕС при толковании договоров и иных актов ЕС не всегда следует концепциям, принятым в общем международном праве, а выводит на этот счёт собственные построения. Иными словами, он явно выходит за пределы международного права.

Во-вторых, как вполне допустимая рассматривается ситуация, при которой нормативные акты ЕС могут не соответствовать международным обязательствам государств – членов ЕС. Более того, в ряде случаев в отношениях с третьими государствами (не членами ЕС) национальные суды государств – членов ЕС вместо норм универсального международного права применяют акты ЕС.

И, наконец, в-третьих, в западно-европейской доктрине и практике прямо и косвенно реализуется идея о том, что правопорядок ЕС (как самостоятельная правовая система) стоит выше международного права.

Не вдаваясь в детальный анализ данных положений, поскольку это не относится напрямую к теме нашей диссертационной работы, отметим лишь, что Суду ЕС в процессе построения единого экономического и правового пространства приходилось и приходится искать пути для формирования «своего собственного лица». Поэтому, следуя тому, что было наработано ранее, Суд ЕС довольно часто выходит за рамки, которыми очерчена деятельность существующих международных судебных учреждений.

Не факт, что суды иных интеграционных объединений всегда будут следовать по пути, проложенному Судом ЕС. Напротив, у них есть возможность учесть достижения и просчёты «первооткрывателя» и избежать допущенных им ошибок. Вместе с тем вполне очевидно, что многие из тех задач, которые вставали перед правопорядком ЕС и, соответственно, перед его Судом, с неизбежностью рано или поздно возникнут и перед судебными органами других интеграционных объединений.

С учётом высказанных соображений термин «интеграционное правосудие» следует признать правомерным. Данный термин может служить для обозначения группы судебных учреждений, сформированных в интеграционных группировках. Выделение данной группы обусловлено спецификой их статуса, назначения и особенностей функционирования.

С позицией о существовании особого интеграционного правосудия не согласна проф. Л.П. Ануфриева, которая утверждает, что отдельного вида правосудия – интеграционного – не существует и существовать в принципе не может. По её мнению, правосудие как таковое отличается, прежде всего, по критерию его природы, т.е. принадлежности к соответствующей правовой системе, в рамках которой оно возникает, функционирует и развивается. Таких систем, как полагает Л.П. Ануфриева, может быть только две – национального или международного права. Отрицая возможность существования третьей правовой системы – интеграционного права, Л.П. Ануфриева, естественно, не признаёт су-

ществования специфических форм правосудия в рамках интеграционного права[5, 194 стр.]

Термин «интеграционное правосудие» поставлен под сомнение и А.С. Исполиновым, опубликовавшим статью под заголовком «Что скрывается за броским термином „интеграционное правосудие“?»[6, 105-120 стр.]

А.С. Исполинов видит в использовании термина «интеграционное правосудие» попытку противопоставить его (интеграционное правосудие) международному правосудию. По мнению А.С. Исполинова в концепции интеграционного правосудия отсутствует какая-либо методология, подкреплённая эмпирическими данными, а также в том, что список интеграционных судебных учреждений представляет собой произвольный набор различных международных судов, формируемый исходя из пристрастий и предпочтений конкретного автора. Следует согласиться с А.С. Исполиновым в том, что причисление к разряду интеграционных объединений таких межгосударственных объединений, как ОБСЕ, БРИКС, Совет Европы, ШОС, НАФТА и ВТО едва ли правомерно.

Обличая сторонников концепции интеграционного правосудия, А.С. Исполинов указывает, что дискуссия об интеграционном правосудии имеет исключительно российское происхождение. Он склоняется к мнению о терминологической и методологической неясности концепции интеграционного правосудия, что не только затрудняет адекватную оценку международных судов в целом, но и содействует появлению иллюзий, создающих искажённое восприятие деятельности и результатов судов интеграционных объединений государствами и научным сообществом.

По мнению А.С. Исполинова, не сформулировано чётких критериев для разграничения экономической интеграции и межгосударственного экономического сотрудничества. А.С. Исполинов полагает, что ныне используемые государствами подходы к региональному экономическому сотрудничеству можно разделить на две группы. Первую составляют соглашения о зонах свободной торговли, в которых полностью устраняются либо радикально снижаются таможенные тарифы на торговлю между участниками данной зоны. В их число попадают такие экономические объединения, как Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА), Карибская ассоциация свободной торговли (КАФТА), а также Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) на первоначальных этапах существования. У таких объединений необходимости в специальных судебных органах нет.

Вторую группу составляют региональные экономические объединения, поставившие перед собой цель интеграции в определённых областях, как правило, экономической, для чего формируются таможенные союзы. При этом устраняются таможенные барьеры внутри союза, а также передаются властные полномочия по регулированию торговли с третьими странами специальному наднациональному органу (Комиссия в ЕС, ЕЭК в ЕАЭС). Передача полномочий предполагает право институтов союза (в рамках полномочий) принимать общеобязательные нормативные акты, замещающие национальные нормы и подлежащие применению всеми субъектами внутреннего права государств – членом объединения. А.С. Исполинов приходит к выводу, что именно передача

на уровень институтов интеграционного союза полномочий по принятию нормативных актов общего применения, непосредственно регулирующих правоотношения в государствах – членах союза и применяемых национальными судами при разрешении споров – основной отличительный признак интеграционных объединений[7, 110 стр.].

Именно особый объём и характер передаваемых государствами интеграционным объединениям полномочий приводит к необходимости формирования специализированных судебных органов в рамках этих объединений. В этом у нас с А.С. Исполиновым разногласий нет.

Как представляется, вопреки выдвинутому тезису о необоснованности использования термина «интеграционное правосудие», сам же А.С. Исполинов формулирует критерии, позволяющие вести речь о вполне очевидных особенностях полномочий и специфике деятельности судебных учреждений интеграционных объединений.

К таковым (по А.С. Исполинову) можно отнести:

1) установление для частных лиц возможности оспаривать в той или иной форме нормативные акты общего применения, принимаемые органами интеграционных объединений и действующие непосредственно в национальных правовых системах стран-членов. То, что подобные акты должны использоваться национальными судами стран интеграционного объединения, предполагает необходимость их единообразного толкования и применения. Несогласованность в их толковании и применении ставит под сомнение саму интеграцию.

2) предоставление суду интеграционного объединения права рассматривать преюдициальные запросы, направляемые национальными судами, обеспечивая тем самым возможность вводить некие руководящие указания всем судам стран – членов объединения.

А.С.Исполинов считает, что указанные признаки позволяют рассматривать суды интеграционных объединений в качестве особой группы международных судов. Международным судам (включая суды интеграционных объединений) присущи, по его мнению, общие признаки, т.к. они:

(а) являются постоянно действующими судебными органами, созданными до появления рассматриваемого ими спора;

(б) сформированы на основании международных договоров или иных международно-правовых документов;

(в) функционируют на основании утверждённых заранее правил процедуры;

(г) дела в них разрешаются специально назначенными на длительный срок независимыми и профессиональными судьями;

(д) применяют при рассмотрении дел нормы международного права (права своего межгосударственного объединения), а не нормы национального права;

(е) их решения обязательны для сторон спора, как минимум одной из которых должно быть государство или международная организация[8, 112 стр.]

В целом с выделенными признаками можно согласиться, однако, с рядом существенных уточнений.

Во-первых, следует поставить под сомнение признак (д). А.С. Исполинов утверждает, что суды интеграционных объединений «применяют при рассмотрении дел нормы международного права (права своего межгосударственного объединения)...». Между тем, наряду с нормами международного права Суд ЕАЭС применяет и правовоположения, не относящиеся к международному праву. Отнюдь не случайно рядом с термином «международное право» А.С. Исполинов ставит в скобках как бы уточняющий его термин «право межгосударственного объединения». Более точным было бы утверждение, что суды интеграционного объединения применяют то, что составляет право (правовую систему) данного объединения.

Следует согласиться с Е.Е. Рафалюк, которая указывает, что применимым правом при разрешении споров в интеграционных судах является унифицированное право сообщества (коммунитарное право). Именован ли такое право коммунитарным или интеграционным – не принципиально, важно, что эти системы носят относительно обособленный от международного права статус [9, 10 стр.]. Отчасти признаёт это и А.С. Исполинов, указывая на право объединений принимать общеобязательные нормативные акты, замещающие соответствующие национальные нормы и подлежащие применению всеми субъектами внутреннего права государств-членов такого объединения (в ЕАЭС это, например, решения ЕЭК, Таможенный кодекс Таможенного Союз, в ЕС – регламенты Совета).

Во-вторых, согласно признаку (е), выдвинутому А.С. Исполиновым, решения интеграционных судов обязательны для сторон спора, как минимум одной из которых должно быть государство или международная организация [10, 110 стр.]. С этим утверждением согласиться нельзя. Назначение судов интеграционных объединений в создании (поддержании) особого правопорядка, главное свойство которого – унифицированное действие в государствах-участниках. Поэтому решение, как правило, обязательно не только для сторон спора, но и носит общий характер. Признак, сформулированный А.С. Исполиновым в пункте (е) прямо противоречит тому, что пишет этот автор несколькими страницами ранее. Он указывает: «Разной в толковании и применении нормативных актов (*интеграционного объединения – Искакова Ж.И.*) может самым серьёзным образом осложнить интеграционные процессы. Чтобы этого избежать, практически все интеграционные объединения заимствуют опыт Суда ЕС и наделяют создаваемый суд правом рассматривать преюдициальные запросы, направляемые национальными судами, обеспечивая тем самым некие руководящие указания всем судам стран-членов объединения. Наличие постоянно действующего суда позволяет также совершенно по-другому подходить к контролю за исполнением вынесенных судом решений» [11, 111 стр.].

Считаем важным отметить, что создание единого экономического пространства и, соответственно, обеспечивающей его единой правовой системы, немислимо без судебного органа, обеспечивающего единство и непротиворечивость права интеграционного объединения. В этом основное назначение интеграционных судов. Подобной функции у международных судов нет.

Все сказанное позволяет констатировать, что в институциональной структуре интеграционных объединений и в функционировании их правовых систем особая роль принадлежит специальным судебным учреждениям, создаваемым в этих объединениях. Для обозначения сферы их деятельности появился специальный термин «интеграционное правосудие». Использование данного термина предназначено для того, чтобы подчеркнуть специфику, как самих судебных органов интеграционного объединения и их местоположения в системе интеграционного права, так и отграничить их от иных международных судебных учреждений. Широта полномочий, присваиваемая этим судам, свидетельствует о том, что они представляют собой судебные учреждения особого рода. Без них интеграционное право едва ли могло бы существовать в качестве обособленной правовой системы. Если мы признаём интеграционные объединения новым специфическим образованием, то и сформированные в них судебные учреждения должны рассматриваться как судебные органы особого рода.

Список использованной литературы:

1. *Бахин С.В.* Право интеграционных образований: вопросы конкуренции систем права. // Международные отношения и право: взгляд в XXI век / Материалы конференции в честь профессора Л.Н. Галенской / Под ред. С.В. Бахина. СПб., 2009- С. 108
2. Интеграционное правосудие: сущность и перспективы: монография / Отв. ред.: Кашкин С.Ю. – М.: Норма, Инфра-М, 2014. – 112 с.
3. *Alter K.* The New Terrain of International Law. Courts. Politics. Rights. Princeton 2014; Толстых В.Л. Международные суды и их практика: Учебное пособие. – М.: Международные отношения, 2015. – 504 с.; Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: [монография] / Г.Г. Шинкарецкая; Ин-т государства и права Российской акад. наук. – Москва: Nota Bene, 2009; Смбатян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права / Смбатян А.С. – М.: Статут, 2012. – 270 с.
4. *Бахин С.В.* Право интеграционных образований: вопросы конкуренции систем права. // Международные отношения и право: взгляд в XXI век / Материалы конференции в честь профессора Л.Н. Галенской / Под ред. С.В. Бахина. СПб., 2009- С. 115
5. *Ануфриева Л.П.* Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) //Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. - С. 194.
6. *Иполинов А.С.* Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 105-120.
7. *Иполинов А.С.* Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 110.
8. *Иполинов А.С.* Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 112.

9. Рафалюк Е.Е. Решения судов интеграционных объединений Латинской Америки как форма унификации международного частного права: Автореф. дис... к. ю. н. М., 2010. С. 10.

10. Иполинов А.С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-skryvaetsya-za-broskim-terminom-integratsionnoe-pravosudie>. С. 110.

11. Иполинов А.С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-skryvaetsya-za-broskim-terminom-integratsionnoe-pravosudie>. С. 111.

МРНТИ 10.87.41

Каирбаева Л.К.

Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының халықаралық құқық және салыстырмалы құқықтану бөлім басшысының м.а., PhD, Нұр-Сұлтан, Қазақстан (E-mail:kairbaeva.l@zqai.kz)

Иржанов А.С.

Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының халықаралық құқық және салыстырмалы құқықтану бөлімінің жетекші ғылыми қызметкері, з.ғ.к., Нұр-Сұлтан, Қазақстан (E-mail:irzhanov.a@zqai.kz)

ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДА ЖЕКЕ ДЕРЕКТЕРДІ ҚОРҒАУДЫҢ ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕСІ: ЕО ЖЕКЕ ДЕРЕКТЕРІН ҚОРҒАУДЫҢ ЖАЛПЫ РЕГЛАМЕНТІ (GDPR)

Аннотация: Мақала Еуропалық Одақтағы жеке деректерді қорғауға, сондай-ақ осы саладағы ұлттық заңнама мәселелеріне арналған.

Авторлар Еуропалық Одақтың жеке деректерді қорғау жөніндегі жалпы регламентін, оның ерекше нормаларын, осы нормативтік құқықтық актінің аумақтық қолданылуын, осы Регламентті бұзғаны үшін әкімшілік айыппұлдарды және т. б. талдады.

Сонымен қатар, мақалада АҚШ, Ұлыбритания және Ресей Федерациясындағы жеке деректерді қорғауды реттейтін құқықтық актілерге назар аударылады.

GDPR шолуы Қазақстан Республикасының жеке деректерді қорғау туралы заңнамасын одан әрі жетілдіруге, сондай-ақ қазақстандық және еуропа-

лық компаниялардың кәсіпкерлік қызмет аясындағы өзара іс-қимылы үшін пайдалы.

Еуропалық Одақтың дербес деректерін қорғау жөніндегі жалпы регламент мысалында авторлар Қазақстан Республикасының дербес деректерді қорғау жөніндегі заңнамасын жетілдіру жөніндегі шараларды ұсынды.

Түйін сөздер: дербес деректер, дербес деректерді қорғау бойынша жалпы регламент, жеке деректерді қорғау.

Жаһандану процестері біздің күнделікті өмірімізге ұзақ уақыттан бері еніп келеді. Интернет және басқа байланыс құралдары қоғамда, әсіресе қазіргі уақытта коронавирустық пандемияға байланысты маңызды орын алады. Әлеуметтік желілер, мессенджерлер кез-келген ақпаратты бірден бір елде ғана емес, бүкіл әлемдік қауымдастықта да көпшілікке жария етеді. Осыған байланысты жеке деректерді қорғау мәселесі қазіргі таңда өзекті болып отыр.

Бұл тұрғыда ең озық құжат Еуропалық Одақта (бұдан әрі – ЕО) 2016 жылғы 27 сәуірде қабылданды. Бұл-ЕО дербес деректерін қорғау жөніндегі жалпы регламент (General Data Protection Regulation - GDPR) (бұдан әрі – Регламент) [1].

2018 жылғы 25 мамырда Регламент күшіне енді. Осы Регламент дербес деректерді өңдеуге қатысты жеке тұлғаларды қорғау жөніндегі ережелерді және дербес деректердің еркін айналыс ережелерін көздейді (1-баптың 1-тармағы).

2-бапқа сәйкес Регламент мынадай жағдайларда қолданылады:

– обработки персональных данных автоматизированными средствами полностью или частично толық немесе ішінара автоматтандырылған құралдармен жеке деректерді өңдеу;

– құжаттарды тіркеу жүйесінің бөлігі болып табылатын немесе болжанып автоматтандырылмаған құралдарды өңдеу.

Сонымен қатар, Регламентте жеке деректерді өңдеуге қолданылмайтын ережелер бар. Осылайша, бұл ЕО-ға мүше мемлекет жүзеге асыратын және ЕО туралы Шарттың 2-тарауының күшіне енетін және қылмыстық әрекеттердің алдын алу, тергеу, анықтау немесе жауапқа тарту немесе қылмыстық жазаларды орындау, оның ішінде қоғамдық қауіпсіздікке төнетін қатерлерден қорғау және оларды болдырмау мақсатында уәкілетті органдар жүзеге асыратын жеке қызмет немесе үй шаруашылығын жүргізу процесінде жеке тұлға ғана орындайтын қызметінде ЕО-ның құқықтық актілерінің шеңберіне кірмейтін қызмет процесінде қолданылмайды.

Регламентке сәйкес жеке деректер сәйкестендірілген немесе сәйкестендірілетін жеке тұлғаға (деректер субъектісіне) қатысты кез келген ақпарат болып табылады.

Сәйкестендірілген жеке тұлға-бұл тікелей немесе жанама түрде анықталуы мүмкін тұлға, атап айтқанда аты, тегі, сәйкестендіру нөмірі, орналасқан жері туралы мәліметтер, онлайн сәйкестендіру немесе көрсетілген тұлғаға тән бір немесе бірнеше жеке, физиологиялық, генетикалық, рухани, экономикалық, мәдени факторлар немесе әлеуметтік сәйкестілік факторларына сілтеме жасау арқылы анықтауға болады.

Ендеше, Регламент *контроллермен (дербес немесе басқалармен бірге дербес деректерді өңдеудің мақсаттары мен әдістерін анықтайтын жеке немесе заңды тұлға)* немесе *процессормен (жеке немесе заңды тұлға, мемлекеттік орган, агенттік немесе жеке деректерді басқаратын басқа орган)* жүзеге асыратын іс-әрекеттерге байланысты ЕО-да өңдеу жүргізілетініне немесе жүргізілмегеніне қарамастан, ЕО-да кәсіпкерлік қызмет орны бойынша дербес деректерді өңдеуге қатысты қолданылады.

Сонымен қатар, бұл Регламент егер өңдеу жөніндегі келесі іс-әрекеттер ЕО-да кәсіпкерлік қызметті жүргізбейтін контроллер немесе процессор жүзеге асыратын деректер субъектілерінің ЕО-дағы жеке деректерді өңдеуге қатысты қолданылады:

- деректер субъектісінен төлем талап етіле ме, жоқ па, ЕО-да деректер субъектілеріне осындай түрдегі тауарлар мен қызметтерді ұсыну;

- олардың әрекеттерін бақылау, өйткені олардың әрекеттері ЕО-да болады.

Сондай-ақ, Регламент ЕО-да емес, бірақ Халықаралық жария құқыққа сәйкес ЕО-ға мүше елдердің құқығы қолданылатын жерде кәсіпкерлік қызметті жүзеге асыратын бақылаушы жүзеге асыратын жеке деректерді өңдеуге қатысты қолданылады.

Осылайша, бұл Регламент экстерриториялық әсерге ие деген қорытындыға келуге болады.

Сонымен қатар, басты мәселе, әрине, Регламентте көзделген айыппұл салу тетігі мен олардың мөлшері болып табылады. Сонымен, «Әкімшілік айыппұлдарды қолданудың жалпы шарттары» 83-бабына сәйкес әкімшілік айыппұл салу және оның мөлшері туралы шешім қабылдаған кезде әрбір нақты жағдайда келесі элементтерді ескеру қажет:

- тиісті деректерді өңдеудің түрін, көлемі мен мақсатын, сондай-ақ зардап шеккен деректер субъектілерінің санын және оларға келтірілген залалдың мөлшерін ескере отырып, бұзушылықтың мәні, ауырлығы мен ұзақтығы;

- бұзушылық қасақана немесе абайсызда жасалды ма;

- деректер субъектілеріне келтірілген залалды азайту мақсатында контроллердің немесе процессордың кез келген әрекеті;

- дизайн және үнсіздік бойынша деректерді қорғау, сондай-ақ жеке деректерді өңдеу қауіпсіздігі бойынша қабылданатын техникалық және ұйымдастырушылық шараларды ескере отырып, контроллердің немесе процессордың жауапкершілік деңгейі;

- контроллердің немесе процессордың кез келген тиісті ішкі бұзушылықтары;

- қадағалау мекемесімен бұзушылық үшін өтемақы төлеу және ықтимал жағымсыз салдарды азайту бойынша ынтымақтастық деңгейі;

- бұзушылық жеке деректердің қандай санатына әсер етті;

- қадағалау мекемесіне бұзушылық туралы белгілі болған әдіс, атап айтқанда контроллер немесе процессор бұзушылық туралы хабардар етті ме, және мұндай жағдайда қандай көлемде хабардар болды;

– істегі мән-жайларға қолданылатын кез келген басқа ауырлататын немесе жеңілдететін мән-жайлар, мысалы, қаржылық пайданы тікелей немесе жанама алу немесе бұзушылық нәтижесінде туындаған шығындардың алдын алу және т. б.

Регламентке сәйкес:

1) 10 000 000 еуроға дейінгі мөлшердегі әкімшілік айыппұлдар немесе кәсіпорын жағдайында, өткен қаржы жылында бүкіл әлем бойынша оның жалпы алынған жылдық айналымының 2% - на дейін, контроллер мен процессордың міндеттерін бұзған, сертификаттау құрылымының міндеттерін бұзған, бақылау құрылымының міндеттерін бұзған жағдайда, қандай соманың көп мөлшеріне байланысты қолданылады.

2) 20 000 000 еуроға дейінгі мөлшерде немесе кәсіпорынмен болған жағдайда, өткен қаржы жылында бүкіл әлем бойынша оның жалпы алынған жылдық айналымының 2%-ына дейінгі мөлшерде әкімшілік айыппұлдар, қай соманың мөлшері көп екеніне байланысты келісімдердің негізгі қағидаттары мен шарттарын, деректер субъектілерінің құқықтарын бұзған, үшінші елге немесе халықаралық ұйымға алушыға дербес деректерді жіберген жағдайда, ЕО-ға мүше мемлекеттің құқықтық актілерін ескере отырып, барлық міндеттер, өкімді немесе уақытша немесе, қадағалау мекемесі шығарған немесе рұқсат беруден бас тартқан жағдайда.

3) 20 000 000 еуроға дейінгі мөлшердегі әкімшілік айыппұлдар немесе кәсіпорынмен болған жағдайда, қадағалау мекемесінің өкімін сақтамағаны үшін қандай соманың үлкен мөлшеріне байланысты өткен қаржы жылындағы бүкіл әлемде оның жалпы жылдық айналымының 4% - на дейін.

Регламент 25 жылдың 2018 мамырында күшіне енгеннен кейін, еуропалық және американдық ұйымдардың жартысынан көбі GDPR-дің Ponemon-Institute талдаушыларының зерттеуіне сәйкес GDPR іске қосу сәтіне барлық талаптарын орындай алмады.

Алғашқы айыппұлдар бірнеше айдан кейін Еуропалық реттеушілердің көзқарасы біршама күшейген кезде қолданылды [2]. Осылайша, GDPR бұзғаны үшін үш айыппұл туралы белгілі.

Португалиядағы аурухана 400 000 еуроға айыппұл салынды. Айыппұл медициналық жазбаларды сақтау жүйесінде қызметкерлердің жалған профильдері арқылы пациенттердің мәліметтеріне қол жеткізуге мүмкіндік беретін осалдықты анықтағаны үшін жазылды. Жүйеде 985 есеп тіркелді, ал ауруханада 296 қызметкер жұмыс істеді.

«AggregateIQ» консалтингтік компаниясына 20 000 000 еуро айыппұл салынды. Айыппұл мақсатты үгіт-насихат науқанын өткізу мақсатында әлеуметтік желілерді қолданушылардың деректерін заңсыз жинағаны және өңдегені үшін берілді.

«Knuddels» неміс танысу бағдарламасына 20 000 еуроға айыппұл салынды. Логиндер мен құпия сөздерін ұрлаған 330 мың пайдаланушы зардап шекті. Тергеу барысында жеке деректер шифрланбаған мәтіндік файлдар түрінде ашық түрде сақталғаны анықталды. Бұл GDPR-дің елеулі бұзылуы болып табылады. Дегенмен, айыппұл салыстырмалы түрде аз болды, өйткені Knuddels

мәселені тез мойындады және ол туралы хабарлады, сонымен қатар қосымша қауіпсіздік шараларын енгізуге келісті.

Ұқсас GDPR жеке деректерді қорғауды реттейтін нормативтік құқықтық актілер АҚШ-та, Ұлыбританияда, Ресей Федерациясында және басқа елдерде көзделген.

Сонымен, АҚШ-та Колорадо штатының HB18-1128 «Protections for Consumer Data Privacy» заңы бар, ол 30 күнге дейінгі мерзімде жеке деректердің ағып кетуі туралы хабарлауды, Колорадо зардап шеккен тұрғындарына ағып кету күні туралы ақпарат беруді және қандай мәліметтер бұзылғанын, оқиға туралы ақпаратты нақтылау үшін компания өкілдерінің байланыстарын талап етеді.

Луизиана штатының ұқсас Заңы бұзу туралы 60 күнге дейін хабарлауды міндеттейді, сонымен қатар жеке мәліметтер ұғымын кеңейтеді (personally identifying information). Вермонт штатында заң жеке деректерді иелерінің білместен өңдейтін компанияларға да қолданылады. Заң 1 жылдың 2019 қаңтарында күшіне енді және мұндай компанияларды жыл сайын өздері туралы жалпы ақпарат беруге, жеке деректерді алу тәсілдерін, орын алған ағып кетулер мен олардың ауқымы туралы ақпаратты ашуға міндеттейді.

Ұлыбританияда Brexit-тен кейін 2017 жылғы Data Protection Bill Заңы және оны толықтыратын 2018 жылғы Data Protection Act заңы қолданылады. Осы уақытқа дейін GDPR жұмыс істейді, ол Data Protection Bill-ге өте ұқсас.

Ресейде 27.07.2006 ж. № 152-ФЗ «Дербес деректер туралы» Федералды заң бар [3], ол федералды мемлекеттік органдар, Ресей федерациясының құрылтай субъектілерінің мемлекеттік органдары, басқа мемлекеттік органдар, жергілікті билік органдары, басқа муниципалды органдар, заңды тұлғалар және жеке тұлғалар жүзеге асыратын жеке деректерді өңдеуге байланысты қатынастарды реттейді, автоматтандыру құралдарын, оның ішінде ақпараттық және телекоммуникациялық желілерді пайдалану немесе мұндай құралдарды пайдаланбай, егер дербес деректерді осындай құралдарды пайдаланбай өңдеу автоматтандыру құралдарын пайдалана отырып, дербес деректермен жасалатын іс-әрекеттердің (операциялардың) сипатына сәйкес келсе, яғни берілген алгоритмге сәйкес материалдық жеткізгіште тіркелген және картотекаларда немесе дербес деректердің өзге де жүйеленген жиналыстарында қамтылған дербес деректерді іздеуді және (немесе) осындай дербес деректерге қол жеткізуді жүзеге асыруға мүмкіндік беретін болады.

Қазақстанда дербес деректерді қорғау мәселелерін реттейтін арнайы заң да қолданылады.

Осылайша, «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы N 94-V [4] Заңы (бұдан әрі – Заң) Дербес деректер саласындағы қоғамдық қатынастарды реттейді, сондай-ақ дербес деректерді жинауға, өңдеуге және қорғауға байланысты қызметтің мақсатын, қағидаттары мен құқықтық негіздерін айқындайды.

Заңда жеке деректерді жинау мен өңдеуді реттейтін нормалар бар, атап айтқанда:

- жеке деректердің қол жетімділігі;

- жеке деректерді жинау, өңдеу шарттары;
- субъектінің дербес деректерді жинауға, өңдеуге келісімін беру (қайтарып алу) тәртібі;
- субъекта субъектінің келісімінсіз жеке деректерді жинау, өңдеу;
- жеке деректерге қолжеткізу;
- жеке деректердің құпиялылығы;
- жеке деректерді жинақтау және сақтау;
- жеке деректерді өзгерту және толықтыру;
- жеке деректерді пайдалану;
- жеке деректерді тарату;
- жеке деректерді трансшекаралық беру;
- жеке деректерді иесіздендіру;
- жеке деректерді жою;
- жеке деректермен әрекеттер туралы хабарлама.

Бұдан басқа, заңда дербес деректерді қорғау кепілдігіне, дербес деректерді қорғау мақсаттарына, меншік иесінің және (немесе) оператордың, сондай-ақ үшінші тұлғаның дербес деректерді қорғау, дербес деректерді қамтитын электрондық ақпараттық ресурстарды қорғау, сондай-ақ ерікті киберқауіпсіздік жөніндегі міндеттеріне арналған нормалар көзделген. Ерікті кибер сақтандыру туралы Норма Қазақстан Республикасының сақтандыру және сақтандыру қызметі туралы заңнамасына сәйкес субъектіге, меншік иесіне және (немесе) операторға, үшінші тұлғаға келтірілген мүліктік зиянды өтеу мақсатында көзделген дербес деректер туралы Қазақстан заңнамасында жаңалық болып табылады.

Сонымен бірге, еуропалық ережелерге қатысты біздің заңнамада қарастырылған жеке деректерді қорғау туралы заңнаманы бұзғаны үшін айыппұлдар мөлшерлері үлкен емес. Сонымен, Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 5 шілдедегі № 235-V [5] әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодексіне сәйкес дербес деректерді қорғау үшін әкімшілік айыппұлдар «Дербес деректер және оларды қорғау туралы Қазақстан Республикасының заңнамасын бұзу» 79-бабына, «Бұқаралық ақпарат құралдары туралы Қазақстан Республикасының заңнамасын бұзу» 451-бабына, сонымен қатар, осы бапқа сәйкес көзделген дербес деректерді қорғау туралы заңнаманы бұзғаны үшін айыппұлдар қарастырылған, олардың мөлшерлері Қазақстан Республикасының «Ақпараттандыру туралы заңнамасын бұзу» 641 бапқа сәйкес еуропалық регламентке қатысты шағын.

Мысалы, дербес деректерді заңсыз жинағаны және (немесе) өңдегені үшін жеке тұлғаларға – 10 айлық есептік көрсеткіш (бұдан әрі – АЕК) мөлшерінде, лауазымды тұлғаларға, жеке нотариустарға, жеке сот орындаушыларына, адвокаттарға, шағын кәсіпкерлік субъектілеріне немесе коммерциялық емес ұйымдарға – 20 АЕК мөлшерінде, орта кәсіпкерлік субъектілеріне – 30 АЕК мөлшерінде, ірі кәсіпкерлік субъектілеріне - 70 АЕК мөлшерінде айыппұл көзделген.

Меншік иесі, оператор немесе үшінші тұлға өзінің қызмет бабын пайдалана отырып жасаған дербес деректерді заңсыз жинау және (немесе) өңдеу жеке тұлғаларға – 50 АЕК, лауазымды адамдарға, шағын кәсіпкерлік субъектілеріне немесе коммерциялық емес ұйымдарға – 75 АЕК, орта кәсіпкерлік субъектілеріне – 100 АЕК, ірі кәсіпкерлік субъектілеріне-200 АЕК мөлшерінде айыппұл салуға әкеп соғады.

Меншік иесінің, оператордың немесе үшінші тұлғаның дербес деректерді қорғау жөніндегі шараларды сақтамағаны үшін жеке тұлғаларға – 50 АЕК мөлшерінде, лауазымды адамдарға, шағын кәсіпкерлік субъектілеріне немесе коммерциялық емес ұйымдарға – 100 АЕК мөлшерінде, орта кәсіпкерлік субъектілеріне – 150 АЕК мөлшерінде, ірі кәсіпкерлік субъектілеріне - 200 АЕК мөлшерінде айыппұл көзделген.

Меншік иесінің, оператордың немесе үшінші тұлғаның дербес деректердің жоғалуына, заңсыз жиналуына және (немесе) өңделуіне әкеп соққан дербес деректерді қорғау жөніндегі шараларды сақтамауы жеке тұлғаларға – 200 АЕК, лауазымды тұлғаларға, шағын кәсіпкерлік субъектілеріне немесе коммерциялық емес ұйымдарға – 500 АЕК, орта кәсіпкерлік субъектілеріне – 700 АЕК, ірі кәсіпкерлік субъектілеріне-1000 АЕК мөлшерінде айыппұл салуға әкеп соғады.

Осылайша, ұлттық заңнамада әкімшілік айыппұлдар 10-нан 1000 АЕК-ке дейін (27 780-ден 2 778 000 теңгеге дейін) көзделген. Регламентте көзделген әкімшілік айыппұлдармен салыстырғанда Қазақстан Республикасының әкімшілік заңнамасындағы айыппұл сомасының жоғарғы шегі шамамен 5606 еуроны құрайды.

Осыған байланысты, дербес деректерге байланысты қызметті жүзеге асыру кезінде қоғам мүшелерінің санасын арттыру мақсатында дербес деректерді қорғау жөніндегі заңнаманы бұзғаны үшін әкімшілік жауапкершілікті қатаңдату орынды деп санаймыз.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. 2016 жылғы 27 сәуірдегі «Дербес деректерді өңдеуге қатысты жеке тұлғаларды қорғау және осындай деректерді еркін ауыстыру және 95/46 / ЕС директивасын жою туралы (деректерді қорғаудың жалпы ережелері)» Еуропалық Парламент пен Кеңестің 2016/679 регламенті (ЕО) // <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679>

2. <https://ogdpr.eu/bez-rubriki/pervye-shtrafy-po-gdpr.html>

3. «Дербес деректер туралы» Ресей Федерациясының 2006 жылғы 27 шілдедегі № 152-ФЗ Федералдықзаңы// <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102108261>

4. «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы N 94-V Заңы // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094#z93>

5. Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 5 шілдедегі № 235-V әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодексі // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>

Қаражан Б.С.

*Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Халықаралық құқық кафедрасының докторанты,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан
(E-mail: bkarazhan@mail.ru)*

ДҮНИЕЖҮЗІЛІК ПАНДЕМИЯ ЖАҒДАЙЫНДА ЦИФРЛАНДЫРУ ПРОЦЕСТЕРІ ЖӘНЕ АДАМНЫҢ ЖЕКЕ ӨМІРГЕ ҚОЛ СҰҒЫЛМАУШЫЛЫҚ ҚҰҚЫҒЫ

Аннотация: Ағымдағы жыл халықаралық қоғамдастық үшін оңай жыл болған жоқ. Түрлі техногендік апаттарды қоспағанда, жер бетіне қауіпті індет таралып, адамзаттың тіршілік етуіне өз ықпалын тигізді. Мемлекеттер пандемияның таралуын азайту мақсатында халықтың қозғалысын, олардың интернет желісіндегі іс-әрекеттерін бақылауды едәуір күшейтті. Дегенмен, мұндай жағдайларда да адам құқықтары тиісті деңгейде сақталу керек екендігі айдан анық. Бұл мақалада пандемия жағдайындағы адамның негізгі құқықтарының бірі – жеке өміріне қол сұғылмаушылық құқығы, өзінің құпиясын сақтау құқығы сияқты мәселелер қамтылған.

Кілт сөздер: цифрландыру, COVID-19, пандемия, адам құқықтары, дербес деректер, адамның жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығы.

Жалпақ тілде коронавирус деп аталып кеткен дүниежүзілік COVID-19 пандемиясы қарапайым азаматтар мен мемлекеттерге көптеген ыңғайсыздықтар алып келді. Әлемдік қоғамдастық, оның ішінде Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы осындай қауіпті вирусты одан әрі таратпау мәселесін басты назарда ұстап отыр. Аталмыш ұйымының мәліметтері бойынша, 2020 жылдың тамыз айының соңында 25 миллионға жуық расталған жағдай тіркеліп, оның ішінде сегіз жүз отыз мыңнан астамында адам шығыны расталған [1].

Инфекцияны жаңадан жұқтыру санын шектеу мақсатында үкіметтер түрлі шараларға, оның ішінде көптеген жағдайларда мемлекет аумағында төтенше жағдай жариялауға мәжбүр болып отыр. Қазақстан да осындай шара қолдануды жөн көрді. Естеріңізде болса, Қазақстан Республикасы Президентінің 2020 жылғы 15 наурыздағы қаулысымен ел аумағында төтенше жағдай енгізілген болатын [2]. Бұл қаулымен ірі сауда объектілерінің қызметін тоқтата тұру, білім беру ұйымдарының жұмыс форматын өзгерту, мемлекеттік қызметкерлердің басым бөлігінің жұмысын қашықтан басқару режиміне ауыстыру сияқты және т.б. арнайы шектеу шаралары енгізілді. Халықтың карантинде ұзақ болуы адамдарды қашықтан жұмыс істеуге мүмкіндік беретін түрлі технологияларға назар аударуға мәжбүр етті.

Кейбір елдердің денсаулық сақтау салаларының жоғары деңгейде болмауы олардың түрлі шектеу режимдерін қолдануға итермелегені рас. Алайда, мемлекеттер бұл жолда адам құқықтарының, соның ішінде адамның

жеке өміріне қол сұғылмау құқығының қорғалуын қамтамасыз етулері керек екенін ұмытпаған жөн.

Біздің кейбір көршілерімізбен салыстырғанда, Қазақстан Республикасы, өкінішке орай, әзірге маңызды дербес деректерді қорғау жөніндегі халықаралық келісімдерге қатыспайды. Біз білетіндей, Еуропа Кеңесі аясында мұндай халықаралық құжаттар бар. 1981 жылғы жеке сипаттағы деректерді автоматтандырылған өңдеуге қатысты жеке тұлғаларды қорғау туралы Конвенция басқа іргелі құқықтармен үйлесімді және келісілген дербес деректерді қорғаудың жоғары стандарттарын белгілейді [3]. Осы құжаттың «108+ Конвенциясы» деп аталатын жаңартылған нұсқасы да бар. Оған сәйкес, дербес деректерді қорғау принциптерінің тіпті ерекше қиын жағдайларда да сақталуы өте маңызды. Атап айтқанда, субъектілерге олармен байланысты дербес деректерді өңдеу туралы хабарланады, жеке деректерді өңдеу тек қажет болған жағдайда, заңды мақсатқа сәйкес жүзеге асырылады, салдарды бағалау мұндай ақпараттарды өңдеу басталғанға дейін жүзеге асырылады, құпиялылық қамтамасыз етіледі, деректердің қауіпсіздігін қорғау үшін тиісті шаралар қабылданады.

108+ Конвенциясында көзделген деректерді қорғаудың негізгі қағидаттарының бірі заңдылық қағидаты болып табылады. Оған сәйкес деректерді өңдеу не субъектінің келісімі негізінде, не заңда белгіленген қандай да бір басқа негізде жүзеге асырылуы мүмкін. 108+ Конвенциясына түсіндірме баяндамада мұндай заңды негіздер нақты көрсетілген. Атап айтқанда, жеке тұлғалардың өмірлік маңызды мүдделері үшін қажетті деректерді өңдеуді және өмірге қауіпті індеттің мониторинг жағдайы сияқты қоғамдық мүдделер негізінде жүзеге асырылатын деректерді өңдеу қарастырылған [4].

Осылайша, деректерді қорғау құқығын қамтамасыз ету денсаулық сақтау органдарына маскаларды тарату тапсырылған ұйымдарға медициналық қызметкерлердің тізімін (аты-жөні және байланыс деректерін) беруге кедергі келтірмейді. Мұндай жағдайда қозғалысты шектеу жөніндегі талаптарды бұзатын адамдардың көп жиналатын орындары туралы ақпаратты немесе адамдардың қатты залалданған аумақтан орын ауыстыруын бақылау үшін ақпаратты пайдалану, деректерді қорғау құқығы, эпидемиологиялық мониторинг талаптарын қамтамасыз етуге кедергі болмайды.

Конвенцияның 11-бабына сәйкес 108+ мұндай ақпараттарды пайдалану «заңмен қарастырылған, негізгі құқықтар мен бостандықтарды құрметтейтін және демократиялық қоғамда қажетті және тиісті шара» болуы керек [5]. Шектеулер қолданылған жағдайда бұл шаралар тек уақытша негізде және төтенше жағдаймен нақты шектелген уақыт кезеңіне ғана қабылдануы тиіс. Сондай-ақ нақты қауіпсіздік шаралары қабылдануы және жеке деректерге толық қорғау берілетініне кепілдік берілуі өте маңызды.

Адам өмірінің маңыздылығы және кәсіби стандарттарды сақтау емдеу саласының құндылықтары бола тұра денсаулыққа байланысты деректерді өңдеуде әр адамның құқықтары мен негізгі бостандықтарын, атап айтқанда жеке өмірге қол сұғылмаушылық және дербес деректерді қорғау құқықтарын құрметтеуге кепілдік берілуі керек. Денсаулық сақтау деректеріне қатысты СМ / Res (2019) 2 ұсынысы осыған байланысты нақты шараларды қамтиды [6].

Оның денсаулық сақтау секторы мен басқа секторлар арасында деректермен алмасу туралы ережелері мамандар үшін басшылық болуы керек.

Осы орайда «Халық денсаулығы және денсаулық сақтау жүйесі туралы» 2020 жылғы 7 шілдедегі Қазақстан Республикасының жаңа Кодекcін атап кеткен жөн. Оның 60-бап 4-тармағында дербес медициналық деректерді Ұлттық электрондық денсаулық паспортына және уәкілетті органның электрондық ақпараттық ресурстарына беру жеке тұлғаның келісімінсіз жүзеге асырылатындығы айтылған [7].

Денсаулық сақтау органдары мен мемлекеттік органдар тарапынан жұртшылықпен байланыс, азаматтарды қорғау, хабардар етуді және консультация беруді қамтамасыз ету басым шаралар болып қала беруі тиіс. Алайда, мұндай байланыс кезінде белгілі бір тұлғалардың құпия деректерін (мысалы, денсаулыққа қатысты деректер) жариялауға жол бермеу керек. Тиісінше, мұндай деректерді өңдеуде қосымша техникалық талаптар сақталуы керек.

Деректер мен дерекқорлардың үлкен көлемі *Big Data* немесе жасанды интеллект сияқты деректерді өңдеу әдістері мен технологияларының артықшылықтарын қолдана отырып жасалғандықтан, бұл деректерді адамның қадір-қасиетін құрметтейтін жағдайларда орындалуы қажет. Аукымды дерек қоры мен жасанды интеллект контекстінде 108 Конвенция комитеті әзірлеген тиісті нұсқаулық осы саладағы мамандар үшін де, үкіметтер үшін де осындай өңдеуді дұрыс емес пайдаланудан немесе байқаусызда теріс салдардан, соның ішінде дискриминациядан қорғайтын құрал бола алады. Бұл мәселе біздің елімізде үлкен маңызға ие, өйткені жалпы бақылау технологиялары біздің күнделікті өмірімізге етене еніп жатыр. Естеріңізге сала кетейік, ҚР Президенті қытайлық *Hikvision* компаниясы өндірген бейнебақылау технологиясын пайдалану арқылы қауіпсіздікті қамтамасыз ету үдерістеріндегі қытайлық тәжірибеге үлкен қызығушылық танытқан болатын [8].

Төтенше жағдай кезінде жұмыс берушілер өз бизнестерін қолдауда қиындықтарға тап болды. Көбінесе олардың қызметкерлері қашықтан жұмыс істеді. Алайда, бұл тәжірибе қызметкерлерді бейне арқылы асыра бақылауға әкеп соқпауы керек. Мұндай жұмысты ұйымдастырған кезде кедергісіз араласу шараларын қарастырған жөн. Бұл жағдайда жұмыс берушілерге әдетте өңдемейтін жеке немесе құпия деректерді (мысалы, денсаулыққа қатысты деректерді) өңдеу қажет болуы мүмкін. Сондықтан, олар қажеттілік, пропорционалдылық және есеп беру принциптерін құрметтеуі керек, сонымен қатар қызметкерлердің құқықтары мен негізгі бостандықтары, атап айтқанда олардың құқықтары үшін кез-келген тәуекелдерді азайту үшін әзірленген принциптерді басшылыққа алуы керек. CM/ Res (2015) 5 ұсынымында егжей-тегжейлі сипатталғандай, жұмыспен қамту тұрғысынан дербес деректерді өңдеу үшін шаралар қолдануы керек. Мәселен, жұмыс берушілер әлеуеті осал қызметкерлерді сәйкестендіру үшін қажеттен тыс дербес деректерді өңдемеуі керек. Егер заң бойынша олардан Қоғамдық денсаулық сақтауға байланысты мемлекеттік органдарға белгілі бір деректерді ашу талап етілсе, оларға төтенше жағдай режимінің қолданылуы тоқтатылғаннан кейін «қалыпты» өңдеуге оралу

үшін қажетті шараларды қабылдау мақсатында оны негізгі құқықтық базаға қатаң сәйкестікте жасау ұсынылады.

Телекоммуникациялық компаниялар, онлайн-платформалар және интернет-провайдерлер де COVID-19 таралуына қарсы күресте белсенділік танытты және эпидемиологиялық бақылауға айтарлықтай үлес қосу үшін абоненттердің мәліметтерін, олар жинайтын жеке ақпаратты және басқа да ақпаратты мемлекеттік органдармен бөлісті. Сол сияқты жеке және мемлекеттік ұйымдар эпидемиологиялық қадағалау үшін өз шешімдерін қабылдай алады. Дербес деректерді ауқымды түрде өңдеу ғылыми деректер негізінде қоғамдық денсаулық сақтау үшін эпидемияны сандық бақылаудың (мысалы, контактілерді іздеу) дәлдігін қоса алғанда, басқа балама шешімдердің артықшылықтарынан асып түскен кезде ғана жүзеге асырылуы мүмкін. Осы бақылау шешімдерін әзірлеу жоспарланған деректерді өңдеудің деректер субъектілерінің құқықтары мен негізгі бостандықтарына ықтимал әсерін алдын-ала бағалауға негізделуі керек, сонымен қатар деректерді өңдеу қауіптің алдын алу немесе азайту үшін жоспарлануы керек.

Мектептер мен университеттер қашықтан оқыту дағдылары мен ресурстарын арттыруға бар күшін салуда. Профессорлар мен мұғалімдердің өздері оқшаулау проблемасына тап болды. Білім беру жұмысының үздіксіздігін қамтамасыз етуге бағытталған техникалық шешімдерді қарастыру кезінде деректерді қорғауға бағытталған стандартты конфигурацияларға артықшылық беру керек. Мәселен, оқытушылар мен білім алушылар қолданатын қалыпты бағдарламалары дербес деректердің құпиялығына нұқсан келтірмеуі керек. Сондай-ақ, тиісті құқықтық негіз таңдалуы (қажет болған жағдайда ата-аналардың немесе заңды қамқоршының мақұлдауын қажет етеді) және ата-аналардың балаларының деректерін өңдеудің максималды ашықтығынан пайда көруі өте маңызды. Білім беру контексінде жеке деректерді өңдеуге қатысты қосымша нұсқаулықтарды қазіргі уақытта 108 Конвенция комитеті әзірлейді. Бұл нұсқаулықтар білім беру салаласындағы мамандар үшін пайдалы болады.

Әлем қазір қиын кезеңдерді бастан өткеріп жатыр. Эпидемияның таралу жағдайы және онымен күресте мемлекеттердің қолданатын шаралары уақыт өткен сайын өзгеріп келеді. Бірақ мемлекеттер бұл әрекеттерді қоғамды үлкен қауіп-қатерге ұшыратпай, жеке тұлғалардың барлық дербес деректерінің қауіпсіздігін қамтамасыз ете отырып жасауы керек. Тек осындай заңның үстемдігі сақталып, адам құқықтары мен демократияны толық құрметтеген жағдайда ғана әлем бұл сынақтан қиналмай өтеді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard / WHO official website URL: <https://covid19.who.int/> (date of access 25.08.2020)

2. Постановление Президента Республики Казахстан «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан» от 15 марта 2020 года / Официальный сайт Президента Республики Казахстан URL: <http://www.akorda.kz/ru/>

legal_acts/decrees/o-vvedenii-chrezvychainogo-polozheniya-v-respublike-kazahstan
(дата обращения: 25.08.2020)

3. Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера 1981 года / Официальный сайт Совета Европы URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680078c46> (дата обращения: 27.08.2020)

4. Пояснительный Доклад к Конвенции о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера 1981 года / Официальный сайт Совета Европы URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800ca434> (дата обращения: 30.08.2020)

5. Конвенция 108+ / Официальный сайт Совета Европы URL: <https://rm.coe.int/convention-108-convention-for-the-protection-of-individuals-with-regar/16808b36f1> (дата обращения: 30.08.2020)

6. Recommendation CM/Rec(2019)2 of the Committee of Ministers to member States on the protection of health-related data / The official website of European Council / URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=090000168093b26e (date of access 30.08.2020)

7. Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» / Аналитическо-правовая система «Параграф» URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34464437#pos=1679;-55&sdoc_params=text%3D%25D0%25BF%25D1%2580%25D0%25B5%25D0%25B7%25D1%2583%25D0%25BC%25D0%25BF%25D1%2586%25D0%25B8%25D1%258F%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D34464437%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 30.08.2020)

8. Асемгуль Мухиткызы. «Распознает даже людей в масках». Нужны ли Казахстану камеры Hikvision? / Новостной портал Радио азаттык URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-china-surveillance-camera/30210035.html> (дата обращения: 30.08.2020)

Кишкембаев А.Б.

*Д.ю.н., руководитель Секретариата члена Коллегии (Министра) по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии,
Москва, Российская Федерация
(E-mail: kishkembayev@eecommission.org)*

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация: в статье ставится задача рассмотреть основные аспекты правового обеспечения евразийской интеграции в современных условиях.

Рассмотрены основные стратегические документы Евразийского экономического союза (Союз, ЕАЭС), определяющие перспективные направления развития евразийской интеграции, а также вопросы совершенствования положений Договора о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС) в целях расширения и углубления сотрудничества государств-членов ЕАЭС в различных сферах.

Проанализирована работа Евразийской экономической комиссии (Комиссия) по устранению препятствий на внутреннем рынке Союза и проведению оценки регулирующего воздействия (ОРВ) проектов решений Комиссии, которые могут оказать влияние на условия ведения предпринимательской деятельности, в целях повышения уровня транспарентности и качества наднационального регулирования.

Значительное внимание уделено анализу функции и полномочий Комиссии по осуществлению мониторинга исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.

В заключение автор подчеркивает значимость дальнейшей созидательной реализации повестки Союза в целях создания условий для стабильного развития экономик государств-членов ЕАЭС в условиях глобальной экономики.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, внутренний рынок, препятствия, мониторинг, оценка регулирующего воздействия, право.

Сегодня Союз стал опорой успешного развития и гарантом обеспечения общих интересов государств-членов ЕАЭС.

Целями евразийской интеграции являются создание условий для стабильного развития экономик государств-членов ЕАЭС в интересах повышения жизненного уровня населения, стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик. Роль права как одного из эффективных регуляторов этого процесса бесспорна [1].

Нормативно-правовой основой функционирования Союза является Договор о ЕАЭС, подписанный 29 мая 2014 года на заседании Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) в Астане. Это единый базовый документ, разработанный с учетом лучших мировых практик.

При разработке Договора о ЕАЭС проведена работа по систематизации международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства (ТС и ЕЭП): были исключены противоречия, оптимизированы и актуализированы действующие нормы, восполнены пробелы и сформирован единый понятийный аппарат. Положения договорно-правовой базы ТС и ЕЭП приведены в соответствии с правилами и нормами ВТО.

Иными словами, Договор о ЕАЭС основан на кодификации договорно-правовой базы ТС и ЕЭП (68 международных договоров), а также дополнен новыми темами интеграционного сотрудничества. Он заложил основу для свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведения скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза [2].

Долгосрочная интеграционная повестка Союза определяется с учетом основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030, в основу которых положен принцип синергетического эффекта за счет использования конкурентных преимуществ государств-членов ЕАЭС и интеграционного потенциала Союза.

Комиссия реализует основные направления – фактически стратегию Союза – посредством интеграционных мер и действий, которые отражаются в кратко- и среднесрочных программных документах, предусмотренных Договором о ЕАЭС [3].

Однако на фоне стремительной трансформации глобальной экономики и мироустройства само содержание «экономического союза» становится более глубоким и емким, его форматы взаимодействия и уровни сотрудничества меняются по сравнению с 2014 г., когда был подписан Договор о ЕАЭС.

В этой связи, Союзу необходимо этим изменениям соответствовать. Современному интеграционному объединению для реализации поставленных целей и противостояния глобальным вызовам уже нельзя ограничиваться только торговлей и экономикой, а необходимо учитывать социально-экономическую сферу, экологию, научно-образовательный потенциал, развитие IT-технологий.

Таким образом, для развития Союза и достижения его целей требуется дополнение форматов и уровней сотрудничества в рамках Союза, а также определение стратегического вектора движения Союза [4].

Импульсом к прогрессивному развитию Союза с учетом современных реалий стало принятие в декабре 2018 года на заседании ВЕЭС в Санкт-Петербурге Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Союза.

Целями Декларации являются углубление интеграционных процессов по всем ключевым направлениям, обеспечение максимальной эффективности единого рынка, эффективное использование потенциала интеграции для повыше-

ния качества жизни людей, формирование Союза как центра развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами [5].

В настоящее время Комиссия совместно с государствами-членами ЕАЭС разрабатывает документ, определяющий стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, который раскрывает конкретные механизмы и мероприятия по реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Союза.

В мае текущего года ВЕЭС в целом одобрен проект Стратегических направлений, который включает 330 мер и механизмов, раскрывающих положения Декларации.

Они помогут полностью устранить барьеры и максимально сократить изъятия и ограничения для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке Союза.

Данные меры и механизмы направлены на повышение эффективности функционирования товарных рынков Союза, совершенствование таможенного регулирования, обеспечения гарантий качества, безопасности обрабатываемых товаров и надлежащей защиты прав потребителей. Намечено формирование цифрового пространства ЕАЭС, цифровых инфраструктур и экосистем.

Стратегические направления обеспечат выработку гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию государств-членов ЕАЭС, выстраивание эффективной системы управления и финансирования совместных кооперационных проектов, создание и развитие высокопроизводительных, в том числе экспортоориентированных секторов экономики. Также планируется расширение экономического сотрудничества в области образования, здравоохранения, туризма, спорта, инноваций и науки, а также как результат формирование Союза как одного из наиболее значимых центров развития современного мира.

В августе 2020 года стартовала серия экспертных совещаний по выработке комплексного плана реализации Стратегических направлений с участием широкого круга экспертов и представителей научного сообщества, в рамках которых обсуждаются подходы к реализации положений Стратегических направлений, связанные с формированием механизмов содействия экономическому развитию, совершенствованием методологии прогнозирования экономики, научно-техническим развитием ЕАЭС, а также разработкой Основных направлений экономического развития Союза до 2035 года [6].

Анализ основных направлений функционирования Союза и правоприменительная практика наглядно свидетельствуют, что право Союза, в том числе Договор о ЕАЭС, нуждается в необходимости внесения соответствующих изменений и дополнений, так как появились новые реалии, требующие наднационального регулирования.

С этой целью на площадке Комиссии с участием представителей уполномоченных органов государств-членов ЕАЭС была создана сводная рабочая группа, которая с августа 2016 года ведет работу по совершенствованию положений Договора о ЕАЭС.

Результатом работы этой группы стало подписание 1 октября 2019 года первого Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС, который включает более 70 изменений и дополнений в различные разделы Договора о ЕАЭС.

В настоящее время работа по совершенствованию положений Договора о ЕАЭС ведется в рамках подготовки второго Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС, состоящего из 98 поправок, одобренных для включения в этот проект членами сводной рабочей группы от всех государств-членов ЕАЭС.

Данные изменения и дополнения направлены на устранение пробелов в правовом регулировании, выявленных в ходе правоприменительной практики, приведение к единообразию используемой в Договоре о ЕАЭС терминологии, наделение Комиссии рядом полномочий (в части стандартизации, специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, конкуренции, регулировании деятельности субъектов естественных монополий), конкретизацию имеющихся положений Договора о ЕАЭС.

В сентябре 2020 года проект второго Протокола был рассмотрен Советом Комиссии, куда входят вице-премьеры государств-членов ЕАЭС.

Таким образом, дальнейшее развитие интеграционных процессов напрямую зависит от готовности государств-членов ЕАЭС углублять интеграционное взаимодействие и компетенцию Союза, для чего необходимо вносить существенные изменения в право Союза.

Кроме того, Комиссией проводится последовательная и целенаправленная работа **по устранению препятствий на внутреннем рынке Союза**. С 2016 года Комиссия совместно с государствами-членами ЕАЭС квалифицировала 58 барьеров, 43 из которых страны Союза уже устранили.

С мая 2018 года по итогам заседания ВЕЭС в приоритетном порядке Советом Комиссии рассматриваются наиболее чувствительные для государств-членов ЕАЭС препятствия на внутреннем рынке и мероприятия по их устранению (после обсуждения в рамках Консультативного комитета по функционированию внутренних рынков) [7].

Безусловно, барьеры, не соответствующие праву Союза, подлежат незамедлительному устранению. Устранение изъятий и ограничений происходит, в основном, путем заключения международных договоров в рамках Союза, принятия отдельных планов мероприятий (или «дорожных карт») и актов Союза.

Очевидно, что сегодня нужно по-новому подойти к вопросу по разрешению барьеров, поэтому Комиссией совместно с государствами-членами ЕАЭС на постоянной основе проводится работа по совершенствованию механизмов выявления и устранения барьеров на внутреннем рынке Союза.

С учетом имеющейся практики видится целесообразным разработать такую нормативно-правовую базу, которая регламентировала бы весь процесс, начиная от выявления препятствия на внутреннем рынке и до его полного устранения, содержала бы более эффективные подходы взаимодействия между всеми заинтересованными участниками.

Крайне важным с точки зрения повышения уровня транспарентности, сбалансированности и качества наднационального регулирования, а также раз-

вития институциональных мер по улучшению бизнес-климата является закрепленная в Договоре о ЕАЭС процедура по проведению ОРВ проектов решений Комиссии, которые могут оказать влияние на условия ведения предпринимательской деятельности [8].

Процедура ОРВ направлена на выявление и устранение в проектах решений Комиссии избыточных обязанностей, ограничений и запретов для бизнеса, необоснованных расходов предпринимателей, препятствий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на таможенной территории Союза.

По результатам проведения ОРВ не только корректируются отдельные положения проектов решений Комиссии, но и меняются концептуальные подходы к введению наднационального регулирования в рамках Союза с учетом оценки возможных последствий его влияния на предпринимателей государств-членов ЕАЭС.

За период с 1 апреля 2015 года по 31 декабря 2019 года в рамках публичного обсуждения 309 проектов решений Комиссии получено более семи тысяч замечаний и предложений, что в среднем составляет 24 отзыва бизнеса по каждому проекту и подтверждает востребованность процедуры ОРВ предпринимателями государств-членов ЕАЭС.

В 2019 году Комиссией реализованы мероприятия **по двум основным направлениям развития процедуры ОРВ** на наднациональном уровне:

1. Коллегией Комиссией при поддержке государств-членов ЕАЭС предусмотрена возможность проведения **ОРВ по проектам международных договоров, заключаемых в рамках ЕАЭС**. Правом инициировать эту процедуру наделены как профильные департаменты Комиссии, так и государства-члены ЕАЭС. Вопрос о целесообразности проведения ОРВ будет решаться отдельно по каждому проекту международного договора в рамках Союза с учетом обоснования наличия его влияния на бизнес.

Такой подход представляется логичным, поскольку в связи с углублением интеграционных процессов многие международные договоры в рамках ЕАЭС стали приобретать характер не просто межгосударственных соглашений.

Теперь многие союзные международные договоры приобретают статус отраслевого регулирования, которое формирует подходы к определению условий ведения бизнеса и их наднациональной регламентации в ЕАЭС;

2. В июле 2018 года Евразийский межправительственный совет поручил Комиссии реализовать пилотный проект по оценке фактического воздействия принятых решений Комиссии. В январе 2019 года Коллегия Комиссии утвердила план мероприятий по реализации пилотного проекта.

В рамках выполнения этого плана мероприятий в 2019 году в формате пилотного проекта проведена оценка фактического воздействия трех решений ЕЭК:

- порядка ввоза в Союз продукции, подлежащей оценке соответствия требованиям в сфере технического регулирования;
- единых карантинных фитосанитарных требований Союза;

- порядка регистрации деклараций о соответствии продукции требованиям технических регламентов Союза.

В рамках проведенного на сайте Комиссии опроса бизнес-сообщества по этим трем документам поступило 73 заполненных анкеты от бизнес-ассоциаций, хозяйствующих субъектов и представителей экспертного сообщества.

По итогам реализации пилотного проекта на данные три акта подготовлены заключения об оценке фактического воздействия.

Эти заключения содержат предложения и рекомендации по внесению конкретных изменений в действующие акты Комиссии, которые позволят улучшить бизнес-климат, повысить уровень понятности наднационального регулирования для предпринимателей.

Реализация пилотного проекта позволила приступить к постепенному комплексному «охвату» оценкой влияния на бизнес всего жизненного цикла права Союза от экспертизы проекта акта до определения реальных последствий его практического применения.

В дальнейшем работа по данным двум направлениям развития ОРВ будет продолжена путем внедрения оценки фактического воздействия принятых решений Комиссии и ОРВ проектов международных договоров в рамках Союза на системной основе с внесением соответствующих изменений в Договор о Союзе и Регламент работы Комиссии.

Таким образом, процедура ОРВ является основным инструментом учета интересов бизнеса при принятии решений ЕЭК, а ее проведение позволяет обеспечить инклюзивное вовлечение всех групп заинтересованных лиц в процесс формирования и совершенствования наднационального регулирования в рамках Союза.

Кроме того, Комиссия, как постоянно действующий регулирующий орган в рамках Союза, наделена полномочиями по осуществлению мониторинга исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссий.

Данная функция закреплена в Положении о Комиссии, согласно которому департаменты Комиссии и члены Коллегии Комиссии уполномочены осуществлять мониторинг исполнения государствами-членами ЕАЭС решений Комиссии и международных договоров, входящих в право Союза [9].

Мониторинг представляет собой деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации об исполнении государствами-членами ЕАЭС международных договоров и решений для обеспечения единообразного и эффективного правового регулирования в рамках Евразийского экономического союза.

При этом мониторинг исполнения государствами-членами ЕАЭС международных договоров и решений позволяет выявить «проблемные и узкие места», препятствующие единообразному и эффективному правовому регулированию в рамках евразийского пространства, внести обоснованные предложения по совершенствованию права ЕАЭС, выявлять препятствия на внутреннем

рынке ЕАЭС, а также добиться гармонизации и унификации законодательств государств-членов ЕАЭС.

В отличие от других интеграционных проектов Союз наделен правовой возможностью управления процессами исполнения международных договоров и решений, принятых в рамках евразийской интеграции.

В соответствии с Положением о Комиссии в случае установления обстоятельств, свидетельствующих, что одно из государств-членов ЕАЭС не исполняет международный договор и (или) решение, Коллегия Комиссии принимает решение и направляет ему уведомление о необходимости обязательного исполнения соответствующего международного договора и (или) решения, тем самым обеспечивая и преследуя цель – обеспечение верховенства права в межгосударственных отношениях и преодоление юридических коллизий.

Таким образом, в рамках тех полномочий и той компетенции, которыми наделена Комиссия, возникает необходимость проведения на постоянной основе работы по обеспечению реализации положений права Союза в рамках функционирования внутреннего рынка Союза.

В заключение хотелось отметить, что развитие процессов региональной межгосударственной интеграции в экономической сфере в настоящее время является одним из основных мировых трендов.

В условиях глобальной трансформации глобальной экономики и усиления региональной экономической интеграции, конечной целью которой является укрепление национальных экономик государств-членов и повышение благосостояния граждан, право является тем фундаментом, который обеспечивает эффективное развитие данных отношений.

Поэтому требуется дополнение форматов взаимодействия и уровней сотрудничества в рамках Союза, развитие более гибких, адаптивных внутренних механизмов выработки нормативных документов и реализации совместных проектов, а также определение стратегического вектора движения Союза.

В связи с этим, главами государств-членов ЕАЭС подписана Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Союза, в которой закреплён перспективный вектор развития Союза. Также ведется работа по разработке документа, определяющего стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, который раскрывает конкретные механизмы и мероприятия по реализации Декларации.

В рамках Комиссии создана и функционирует сводная рабочая группа по совершенствованию положений Договора о Союзе, проводится последовательная работа по устранению препятствий на внутреннем рынке Союза, обеспечивается повышение качества наднационального регулирования через механизм ОРВ, а также осуществляется постоянный мониторинг исполнения международных договоров, составляющих право Союза и решений Комиссии, как важнейшим инструментом в преодолении юридических коллизий и обеспечения верховенства права Союза.

Таким образом, в перспективе - дальнейшая созидательная реализация повестки Союза, которая станет опорой успешного развития и гарантом

обеспечения общих интересов государств-членов ЕАЭС и становления Союза значимым элементом мировой экономической архитектуры.

Список использованной литературы:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе. – Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2016. С.7
2. *Евразийская экономическая комиссия*. Евразийская экономическая интеграция. Цифры и факты. - [Электрон.ресурс]. – 2017. - http://eec.eaeunion.org/ru/Documents/2659_%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B_12.%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.%2011.12.2017.pdf (дата обращения: 28.09.2020) – официальный сайт Евразийской экономической комиссии
3. *Евразийская экономическая комиссия*. 5 лет Евразийскому экономическому союзу. - Москва: Издательский дом «Деловой экспресс», 2019. – С. 53-54
4. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза: утвержден в 2018 г. - [Электрон.ресурс]. – http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 28.09.2020) – официальный сайт Евразийской экономической комиссии
5. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза: принята 6 декабря 2018 г. - [Электрон.ресурс]. – https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018 (дата обращения: 28.09.2020) – официальный сайт Евразийской экономической комиссии
6. *Глазьев С.Ю.* В ЕЭК прошло первое совещание по плану реализации Стратегических направлений развития до 2025 года [Электрон.ресурс]. – 2020. - <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/04-08-2020-02.aspx> (дата обращения: 28.09.2020) – официальный сайт Евразийской экономической комиссии
7. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза: утвержден в 2018 г. - [Электрон.ресурс]. – http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 28.09.2020) – официальный сайт Евразийской экономической комиссии
8. Договор о Евразийском экономическом союзе. – Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2016. С.103
9. Договор о Евразийском экономическом союзе. – Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2016. С.110

Кожеуров Я.С.

*К.ю.н, доцент, кафедра международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
(E-mail: jskozheurov@msal.ru)*

Теймуров Э.С.

*К.ю.н, доцент, кафедра международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
(E-mail: esteymurov@gmail.com)*

**ЭФФЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК
НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ МОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹**

Аннотация: Международная экономическая безопасность сегодня в значительной степени зависит от возможности государств осуществлять взаимовыгодное международное научно-техническое сотрудничество (МНТС), что обуславливает исследование и выявление его наиболее эффективных моделей.

С учетом форм международного сотрудничества можно выделить конвенциональные и институциональные модели МНТС. Конвенционная модель МНТС отражает набор правовых регуляторов взаимодействия субъектов, не ограничиваясь исключительно международными договорами и обычаями, а также включая акты, содержащие нормы мягкого права. Институциональная модель в большей степени характеризует статус и деятельность субъектов.

Конвенционная модель МНТС в области морских научных исследований базируется на Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и включает в зависимости от конкретной ситуации двусторонние и многосторонние международные договоры, решения и резолюции компетентных международных организаций, а также многочисленные акты, содержащие нормы мягкого права, направленные на детализацию различных аспектов взаимодействия.

Институциональная модель МНТС в области морских научных исследований выражается в учреждении международных межправительственных и неправительственных организаций. В качестве самостоятельной институциональной модели выступают европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры.

Институциональные модели МНТС могут быть подразделены на модели экосистемного и коллаборационного типа. Первые создают необходимые пра-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15045

вовые, организационные, экономические и иные условия для осуществления международного сотрудничества и совместного проведения морских научных исследований, практически не осуществляя непосредственно научные исследования. Модели коллаборационного типа создаются непосредственно для осуществления международных научных исследований.

Ключевые слова: правовая модель, конвенционная модель, институциональная модель, международная экономическая безопасность, научно-техническое сотрудничество, морские научные исследования.

Процессы глобализации и интеграции, а также необходимость разрешения необходимых для развития научных задач, которые практически оказываются непосильны одному государству, порождают необходимость международного взаимодействия в данной сфере.

Дж.П. Холдрен, являвшийся советником по научным вопросам президента Б. Обамы и директором научно-технического управления Белого дома, длительное время проработавший по вопросам укрепления советско-американских, а затем российско-американских отношений, и президент Немецкого научно-исследовательского общества П. Штрошнайдер отмечают, что причинами развития международного научно-технического сотрудничества (далее – МНТС) выступают:

1) доступ к дополнительным ценным экспертным знаниям, способствующим снижению финансовых затрат;

2) глобальный характер вопросов, например, такие как борьба с эпидемическими заболеваниями, лечение рака, уменьшение зависимости от нефти, смягчение последствий изменения климата;

3) сопутствующие экономические преимущества, например, уменьшается риск того, что государство-партнер станет источником потока беженцев и региональной политической нестабильности, увеличивается вероятность страны стать значительным рынком для товаров;

4) взаимные выгоды сотрудничества в области науки и технологий обеспечивают позитивное обоснование для поддержания достойных отношений даже в условиях разногласий по другим вопросам[1, 2].

Так, если обратиться к процессам экономической интеграции на постсоветском пространстве, то в качестве одной из целей обозначена всесторонняя модернизация и кооперация национальных экономик в условиях глобальной экономики (ст. 4 Договора о ЕАЭС 2014 г.), которая невозможно без научного развития. Кроме того, научно-техническое сотрудничество и инновационные разработки являются направлениями развития промышленности, агропромышленного комплекса, интеллектуальной собственности в рамках союза (ст.ст. 89, 92, 95).

В то же время все еще сохраняются вызовы и угрозы взаимовыгодному международному научно-техническому сотрудничеству и, соответственно, международной экономической безопасности, выражающейся в возможности государств свободно избирать и осуществлять свою стратегию социального и экономического развития, не подвергаясь внешнему и политическому давлению.

нию. К ним можно отнести, во-первых, от равенства интеллектуальных и иных ресурсов партнеров; во-вторых, политические факторы и ограничения участия определенных государств в проектах МНТС (например, проблемы в области ядерных исследований, которые привели к созданию Европейской организации ядерных исследований и Объединенного института ядерных исследований); в-третьих, взятые на вооружение рядом государств инструменты одностороннего экономического воздействия, которые начали применяться и в отношении научных учреждений [3].

К настоящему времени на практике выработаны различные модели МНТС, отличающиеся своей эффективностью. Она в значительной степени зависит от равенства интеллектуальных и иных ресурсов партнеров, единства подходов ученых и их политической независимости [4, 245 стр.; 5, 80 стр.], временных рамок и успешности переговорных процессов по заключению международных соглашений, а так же и от иных факторов.

В настоящей статье исследуются модели МНТС на примере морских научных исследований с целью выявления наиболее распространенных и эффективных моделей с учетом имеющихся геополитических условий и социально-экономических приоритетов Российской Федерации.

Под правовыми моделями международного научно-технического сотрудничества можно понимать некий образ (описание) регулирования взаимодействия субъектов международного права между собой и с иными акторами, не обладающими международной правосубъектностью, отражающий наиболее существенные характеристики этого взаимодействия (концептуально-идеологическую основу, пределы регулирования, набор правовых регуляторов, статус и деятельность субъектов, правовые риски и ожидаемые результаты взаимодействия).

С учетом форм международного сотрудничества представляется возможным говорить о конвенционных и институциональных моделях МНТС. Конвенционная модель международного научно-технического сотрудничества, прежде всего, отражает набор правовых регуляторов взаимодействия субъектов. Тогда как институциональная модель в большей степени характеризует статус и деятельность субъектов.

При этом конвенционная модель не ограничивается исключительно международными договорами и обычаями. Проблемы научно-технического сотрудничества слишком многогранны, чтобы регулироваться исключительно иерархичной правовой системой, основанной на жестких требованиях, обеспечиваемых санкциями. Государства, преследуя национальные интересы, продолжают играть ведущую роль и определять вектор развития МНТС. В то же время в процессе реализации совместных научных проектов возникает множество вопросов, которые не могут быть урегулированы ни в рамках системы международного права, ни в национальном правовом поле. В то же время состав участников научных коллабораций включает значительное число лиц, которые не могут быть по правовому статусу приравнены к традиционным субъектам международного права либо не подпадают под классификацию субъектов права, при этом их участие в международных научных проектах диктуется реалиями

исследовательского взаимодействия и становится практически необходимым условием успешности и эффективности проектов. Достаточно обратиться к сети партнеров Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО (далее – МОК) или Научного комитета по исследованию океана (далее – СКОР). В большинстве случаев подобное взаимодействие осуществляется на основе актов рекомендательного характера, не содержащих правовых обязательств для сторон. Это приводит к созданию достаточно гибкой регуляторной модели в рамках международных научных коллабораций с возрастающим значением национальных нормативно-правовых актов и мягкого права [6, 21 стр.; 7, 163 стр.; 8, 166 стр.].

Акты, содержащие нормы мягкого права, во-первых, как правило, заключаются в рамках существующего международно-правового базиса. Так, меморандумы о взаимопонимании, на основании которых создан ряд коллабораций в рамках ЦЕРН, заключены на основании Конвенции об учреждении Европейской организации ядерных исследований 1953 г. либо иных международных договоров. Во-вторых, направлены на конкретизацию и дополнение норм, содержащихся в международных договорах, регулирующих международное научно-техническое сотрудничество в соответствующей сфере. В-третьих, они в значительной степени влияют на характеристики модели международного научно-технического сотрудничества, в частности, расширяют пределы регулирования и набор правовых регуляторов, статус и деятельность субъектов взаимодействия. В связи с этим меморандумы о взаимопонимании и иные международные акты, содержащие нормы мягкого права, представляется необходимым рассматривать в составе конвенционных моделей международного научно-технического сотрудничества.

Вопросы научно-технического сотрудничества сегодня пронизывают практически все сферы международного взаимодействия в области исследования и рационального использования мирового океана, будь то судоходство, рыболовство, защита морской среды от загрязнения и т.д. До принятия Женевских конвенций по морскому праву 1958 г. морские научные исследования носили разрозненный характер и не рассматривались в контексте международно-правового режима мирового океана. Внедрению норм о МНТС в международно-правовой режим мирового океана поспособствовали вопросы использования континентального шельфа [9, 430-431 стр.].

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) является первой попыткой закрепить на универсальном уровне международно-правовые нормы относительно морских научных исследований, осуществляемых государствами и международными организациями. Часть XIII Конвенции 1982 г. установила основы, рамки для международного сотрудничества в области морских научных исследований, которые далее более детально прорабатываются на основе многосторонних и двусторонних соглашений. При этом в регулировании морских научных исследований в первую очередь необходимо опираться на соответствующие нормы Конвенции 1982 г., а затем уже другие международные договоры. Это прямо вытекает из положений ст.ст. 300 и 311

Конвенции 1982 г., а также подтверждается в международно-правовой доктрине [9, 450 стр.].

Концептуальную основу конвенционной модели МНТС в области морских научных исследований составляет взаимодействие государств, международных организаций и иных акторов в целях содействия расширению знаний относительно существа явлений и процессов, происходящих в морской среде, и взаимосвязи между ними с учетом прав и обязанностей других государств путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений, основанных на положениях Конвенции 1982 г.

Результатом сотрудничества должно являться упрощение и создание условий для совместного проведения морских научных исследований, обеспечение доступности информации об основных научных программах и их целях, а также результатов таких исследований, путем их публикации и распространения по надлежащим каналам (ст. 244 Конвенции 1982 г.).

С 1960 г. в связи созданием МОК ЮНЕСКО большинство морских научных исследований, реализуемых в рамках МНТС, осуществляется под ее эгидой. МОК согласно ст. 1 Устава является органом с функциональной автономией в рамках ЮНЕСКО. Принимая во внимание вклад МОК в развитие международного научно-технического сотрудничества в рассматриваемой сфере, Конвенция 1982 г. признала ее в качестве компетентной международной организации в области морских научных исследований и передачи морских технологий.

В конвенционную модель международного научно-технического сотрудничества в области морских научных исследований в этой связи входят учредительные документы МОК. В частности, Устав МОК и Правила процедуры МОК, которые, по сути, представляют собой резолюции международной межправительственной организации – ЮНЕСКО.

Ключевым элементом конвенционной модели также являются решения органов МОК, которые занимаются реализацией международных программ и проектов в области морских научных исследований. В рамках МОК выделяются основные и вторичные вспомогательные органы. Вторичные вспомогательные органы, как правило, создаются для определенных целей и непосредственно осуществляют морские научные исследования.

К основным вспомогательным органам относятся научные и/или технические комитеты, подкомиссии, региональные комитеты и совместные вспомогательные органы. Комитет МОК по международному обмену океанографическими данными и информацией, созданный резолюцией Ассамблеи МОК I-9 в 1961 г. Он выступает координационным механизмом создания единой информационной базы океанографических данных, которая формируется в сотрудничестве национальных центров океанографических данных и ассоциированных структур, в том числе созданных совместно с другими международными организациями. В настоящее время в рамках Комитета продолжается реализация 15 глобальных проектов [10].

Вторичные вспомогательные органы включают целевые группы и группы экспертов. Например, в рамках вышеупомянутого Комитета МОК по междуна-

родному обмену океанографическими данными и информацией функционируют группы экспертов по морской климатологии (ГЭМК), по координации наблюдений (ГКН), по практическим методам управления данными (ГЭПМУД) [11].

Кроме того, МОК активно сотрудничает с другими значимыми в области осуществления морских научных исследований межправительственными и неправительственными организациями, в числе которых Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), ИКЕС, ПИКЕС, Международная гидрографическая организация (МГО), Научный комитет по исследованию океана (СКОР), и др. Практически во всех случаях подобное сотрудничество осуществляется на основе актов, не являющихся юридически обязательными для сторон: меморандум о взаимопонимании, письмо о сотрудничестве. На практике также встречаются случаи оформления сотрудничества на основании письма-соглашения или соглашения о партнерстве. Все эти акты также входят в конвенционную модель МНТС.

Достаточно подробное исследование институциональных моделей МНТС осуществлено А.О. Четвериковым. К таковым он относит:

- а) учреждение международной межправительственной организации;
- б) создание юридического лица по национальному праву государств-участников соответствующих проектов МНТС;
- в) создание транснациональных и наднациональных юридических лиц;
- г) создание международных консорциумов научных организаций без статуса юридического лица;
- д) создание в рамках ЕС европейских консорциумов исследовательской инфраструктуры [12, 18-19 стр.].

Институциональная модель МНТС в области морских научных исследований в основном выражается в учреждении международных межправительственных и неправительственных организаций (создаются в качестве юридических лиц по соответствующему национальному праву). В рамках Европейского союза также имеет место создание европейских консорциумов исследовательской инфраструктуры. Особенностью, сближающей данные консорциумы с международными межправительственными организациями, является то, что учреждаются они государствами. Более того, в принимающем государстве подобные консорциумы для представления им определенных правовых льгот и гарантий в ряде случаев нормативно рассматриваются в качестве международной организации, например, для целей применения налогового или таможенного законодательства [13, 43 стр.]. В то же время их учредительные акты утверждаются Европейской комиссией, а сами они обладают статусом юридического лица. Эти особенности выделяют их в самостоятельную модель и исключают их отнесение к институциональным моделям международной межправительственной организации либо юридического лица.

Все институциональные модели МНТС могут быть подразделены на модели экосистемного типа и коллаборационного типа. Модели экосистемного типа создают необходимую среду, правовые, организационные, экономические

и иные условия для осуществления международного сотрудничества и совместного проведения морских научных исследований различными субъектами и акторами, однако, они сами непосредственно научные исследования не осуществляют. В качестве примеров институциональных моделей МНТС экосистемного типа в области морских научных исследований можно назвать МОК ЮНЕСКО и СКОР. Модели коллаборационного типа, в свою очередь, создаются непосредственно для осуществления международных научных исследований. Они могут быть созданы как для реализации одного определенного проекта, так и осуществлять различные проекты морских научных исследований. В качестве примеров таких моделей можно назвать европейский консорциум исследовательской инфраструктуры «Европейский центр морских биологических ресурсов» (The European Marine Biological Resource Centre; EMBRC-ERIC / ЕЦМБР) [14] и ГРИД-Арендал [15].

При этом нельзя сказать, что институциональные модели коллаборационного типа не создают необходимую среду, правовые, организационные, экономические и иные условия для осуществления международного сотрудничества и совместного проведения морских научных исследований различными субъектами и акторами. Равно как и нельзя отрицать реализацию научных проектов моделями экосистемного типа. Так, вышеупомянутые группы экспертов МОК, обладающие статусом вторичных вспомогательных органов, осуществляют научные и технические исследования по поручению органов МОК. Однако если модели экосистемного типа преимущественно ориентированы на создание необходимой среды и условий для упрощения и усиления международного научно-технического сотрудничества, то модели коллаборационного типа в основном адаптируют выработанные механизмы взаимодействия под потребности конкретного проекта с целью его реализации.

Таким образом, анализ правового регулирования деятельности наиболее активного субъекта, осуществляющего координацию взаимодействия государств и иных субъектов в области морских научных исследований, – МОК ЮНЕСКО, позволяет утверждать, что действующая конвенционная модель МНТС в области морских научных исследований является одной из наиболее развитых и эффективных. Она базируется на Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и включает в зависимости от конкретной ситуации двусторонние и многосторонние международные договоры, решения и резолюции компетентных международных организаций, а также многочисленные акты, содержащие нормы мягкого права, направленные на детализацию различных аспектов взаимодействия.

Институциональными моделями МНТС в области морских исследований являются эффективными и востребованными на практике. Выступая моделями экосистемного типа, МОК ЮНЕСКО и СКОР вносят наиболее заметный вклад в формирование нормативных и организационных условий для реализации международных проектов в области исследования океана, их финансированию и привлечению к участию в них значительного числа органов и программ международных межправительственных и неправительственных организаций, профильных национальных научных учреждений, смежных с ними структур и отдельных ученых. Институцио-

нальные модели международного научно-технического сотрудничества коллаборационного типа, такие как ЕЦМБР и ГРИД-Арендал, осуществляют международные исследовательские проекты и выступают объединяющей площадкой для ученых и различных исследовательских учреждений по всему миру, в значительной степени базируясь на разработанных моделях экосистемного типа организационной, финансовой и структурной основе.

Список использованной литературы:

1. *Holdren J.P.* How International Cooperation in Research Advances Both Science and Diplomacy [Электрон. ресурс]. – 2017. – URL: <https://blogs.scientificamerican.com/guest-blog/how-international-cooperation-in-research-advances-both-science-and-diplomacy/> (дата обращения: 10.08.2020).
2. *Strohschneider P.* The Importance of International Research Cooperation: Reflections from Germany [Электрон. ресурс]. – 2016. – URL: <http://www.sciencediplomacy.org/perspective/2016/importance-international-research-cooperation-reflections-germany> (дата обращения: 10.08.2020).
3. США ввели санкции против пяти российских НИИ. Москва выразила недоумение. [Электрон. ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53929082> (дата обращения: 27.08.2020).
4. *Baruch P.* International scientific cooperation // *Science*. – 1999. – Vol. 286. – P. 245-246.
5. *Gaillard J., Gaillard A.-M., Arvanitis R.* Research collaboration between Europe and Latin America: mapping and understanding partnership. – Paris: Archives contemporaines, 2014. – 196 p.
6. Правовые модели и реальность: монография / О.А. Акопян, Н.В. Власова, С.А. Грачева и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. – 280 с.
7. *Четвериков А.О.* Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4 (149). – С. 151-169.
8. *Четвериков А.О.* Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (150). – С. 161-173.
9. *Nordquist M.H., Rosenne S., Yankov A., Grandy N.R.* United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Volume IV. – Brill, Nijhoff, 1990. – 812 p.
10. Executive Summary of the Twenty-fifth session of the IOC Committee on International Data and Information Exchange [Электрон. ресурс]. – 2019. – URL: https://www.iode.org/index.php?option=com_oe&task=viewDocumentRecord&docID=24102 (дата обращения: 17.08.2020).
11. Информационный документ о статусе вспомогательных органов Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО [Электрон. ре-

сурс]. – 2015. – URL: http://ioc-unesco.org/index.php?option=com_oe&task=viewDocumentRecord&docID=15514 (дата обращения: 17.08.2020).

12. Четвериков А.О. Организационно-правовые формы большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование. Часть I. Мегасайенс как научное и правовое явление. Правовые аспекты функционирования мегасайенс в форме международных межправительственных организаций и национальных юридических лиц // Юридическая наука. – 2018. – № 1. – С. 13-27.

13. Четвериков А.О. Организационно-правовые формы большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование. Часть II. Правовые аспекты функционирования мегасайенс в форме транснациональных и наднациональных юридических лиц, международных консорциумов без статуса юридического лица, европейских консорциумов исследовательской инфраструктуры. Достоинства и недостатки разных организационно-правовых форм мегасайенс. Перспективы России и Евразийского экономического союза // Юридическая наука. – 2018. – № 2. – С. 34-50.

14. The European Marine Biological Resource Centre [Электрон. ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.embrc.eu/about/organization> (дата обращения: 20.08.2020).

15. GRID-ARENDA [Электрон. ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.grida.no/about> (дата обращения: 20.08.2020).

МРНТИ 10.87.85

Костяная Ю.С.

Докторант третьего курса специальности

6D030200 – «Международное право»,

Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева,

г. Нур-Султан, Казахстан

(E-mail: k_yuliya_s7@mail.ru)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ЕАЭС И СТРАНАХ-УЧАСТНИЦАХ СОЮЗА

Аннотация: На сегодняшний день, вопросы информационной безопасности играют ключевую роль в обеспечении общей безопасности абсолютно каждого государства. Поэтому перед государствами и международным сообществом остро встает вопрос о правовом регулировании данной сферы, о защите информационных прав, а также об обеспечении информационной безопасности стран и каждого отдельно взятого гражданина. Данная статья посвящена вопросам обеспечения информационной безопасности на законодательном уровне

стран-участниц ЕАЭС. Также автором рассматривается проблема регулирования данного вопроса непосредственно в рамках самого Союза.

Ключевые слова: информационная безопасность, ЕАЭС, страны-участницы ЕАЭС, информация, безопасность.

Обеспечение безопасности всегда было в приоритете для любого государства. А с развитием средств информационных коммуникаций неизбежно происходит рост новых вызовов и угроз для безопасности государства. Информация становится сегодня главным ресурсом научно-технического и социально-экономического развития мирового сообщества. От степени безопасности информационных технологий в настоящее время зависит благополучие, а порой и жизнь многих людей. Поэтому так важно на сегодняшний день обеспечить международно-правовую защиту информации, а также на национальном уровне предпринять все меры от хакерских атак и утечки информационных данных.

Так что же понимается под информационной безопасностью. Понятие «безопасность» в общем смысле слова, характеризует положение, при котором нет угрозы кому-либо и чему-либо. В. Даль указывает, что «Безопасность - отсутствие опасности; сохранность, надежность». [1] По словарю С. Ожегова «Безопасность - состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности». [2]

Как мы видим, безопасность предполагает защищенность и отсутствие угрозы со стороны объекта, явления или процесса. Существует безопасность продуктов, национальная безопасность, безопасность транспорта и т.д., в зависимости от сферы общественной жизни.

Если говорить о безопасности государств, то чаще употребляется термин «национальная безопасность». Впервые термин «national security» был употреблен в послании президента Т. Рузвельта конгрессу США в 1904 г., однако официальное закрепление он получил только в 1947 году в документе «Закон о национальной безопасности», принятием которого также ознаменовалось создание Совета национальной безопасности США и Центрального разведывательного управления (ЦРУ). Тогда это понятие отождествляли с военной и политической безопасностью. В дальнейшем на основе этой концепции развитие получило представление о том, что безопасность - это способность сохранить физическую целостность и территорию, поддерживать экономические отношения с другими государствами, на разных уровнях защищать от внешнего воздействия свои границы. [3]

Деятельность государственных органов по обеспечению информационной безопасности страны строится на принципах противодействия реальным угрозам, препятствующим устойчивому развитию информационной инфраструктуры страны и культурной сферы жизни общества. Угрозы информационной безопасности могут носить социально-психологический, научно-технический и экономический характер. Противодействие угрозам информационной безопасности осуществляется с применением системной и эффективной методики обеспечения защиты законных интересов личности и государства на локальном уровне. Защищенность информационных ресурсов государства

наряду с гарантиями реализации информационных прав и свобод граждан обеспечивает стабильное развитие всех сфер жизни общества.

Статья 4 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности» закрепляет виды национальной безопасности, среди которых дается понятие информационной безопасности: «информационная безопасность - состояние защищенности информационного пространства Республики Казахстан, а также прав и интересов человека и гражданина, общества и государства в информационной сфере от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается устойчивое развитие и информационная независимость страны». [4]

Понятие информационной безопасности также закреплено в пункте 7 статьи 1 Закона Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года «Об информатизации», информационная безопасность – состояние защищенности электронных информационных ресурсов, информационных систем и информационно-коммуникационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз. [5]

Таким образом, под информационной безопасностью понимается защищенность информационной системы от случайного или преднамеренного вмешательства, наносящего ущерб владельцам или пользователям информации.

В целом, можно выделить основные свойства информации:

- доступность, при которой подразумевается возможность получить любую информационную услугу, которая необходима;
- целостность, согласно которой информация должна быть непротиворечивой и защищенной от разрушения и несанкционированного изменения;
- конфиденциальность, защита от несанкционированного прочтения.

Нарушения доступности, целостности и конфиденциальности информации могут быть вызваны различными опасными воздействиями на информационные компьютерные системы.

В казахстанской Концепции кибербезопасности («Киберцит Казахстана»), утвержденной Постановлением Правительства Республики Казахстан от «30» июня 2017 года № 407 также приводятся аналогичные свойства: [6]

«Конфиденциальность информации означает, что с ней может ознакомиться только строго ограниченный круг лиц, определенный ее владельцем».

Такое свойство информации особо необходимо для некоторых ее видов, например для служебной информации, коммерческой тайны, персональных данных клиентов банков, медицинских учреждений и т.д.

«Целостность информации – способность информации (данных) сохраняться в неискаженном виде». Любое неправомерное искажение информации по вине оператора либо действия уполномоченного органа, которое не было предусмотрено непосредственным владельцем информации, приводят к её нарушению.

«Доступность информации определяется способностью информационной системы предоставлять своевременный беспрепятственный доступ к информации субъектам, обладающим соответствующими полномочиями». Ситуация, когда пользователь не может получить информацию, свидетельствует об отказе в обслуживании.

В качестве реальных угроз информационной безопасности страны могут выступать любые дестабилизирующие факторы и даже потенциально возможные опасности, которые в состоянии нанести ущерб национальным интересам государства. Поэтому, согласно статье 23 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности» под обеспечением информационной безопасности понимаются такие решения и действия государственных органов, организаций, должностных лиц, направленные на недопущение информационной зависимости Казахстана; предотвращение информационной экспансии и блокады со стороны других государств, организаций и отдельных лиц; обеспечение бесперебойной и устойчивой эксплуатации сетей связи в целях сохранения безопасности Республики Казахстан, в том числе в особый период и при возникновении чрезвычайных ситуаций природного, техногенного характера, карантинных, иных чрезвычайных ситуаций; выявление, предупреждение и пресечение утечки и утраты сведений, составляющих государственные секреты и иную защищаемую законом тайну; недопущение информационного воздействия на общественное и индивидуальное сознание, связанного с преднамеренным искажением и распространением недостоверной информации в ущерб национальной безопасности; обнаружение и дезорганизацию механизмов скрытого информационного влияния на процесс выработки и принятия государственных решений в ущерб национальной безопасности; поддержание и развитие эффективной системы защиты информационных ресурсов, информационных систем и инфраструктуры связи, в которых циркулируют сведения, составляющие государственную, коммерческую и иную защищаемую законом тайну. [4]

Из этих положений закона можно сделать выводы, что под обеспечением информационной безопасности или защитой информации понимается сохранение её конфиденциальности, целостности и доступности. Все те признаки, которые указаны в Концепции «Киберщит Казахстана».

Что касается обеспечения информационной безопасности у наших ближайших соседей, стран-участниц ЕАЭС, то в их законодательстве также содержится закрепление понятия «информационной безопасности» и меры по обеспечению информационной безопасности.

Российский законодатель понимает под информационной безопасностью «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства». [7]

Также обеспечению информационной безопасности посвящена отдельная подпрограмма «Безопасность в информационном обществе» Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации №1815-р от 20 октября 2010 года.

Основными задачами подпрограммы «Безопасность в информационном обществе» являются [8]: обеспечение контроля и надзора, разрешительной и

регистрационной деятельности в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций; обеспечение безопасности функционирования информационных и телекоммуникационных систем; развитие технологий защиты информации, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, безопасность информации ограниченного доступа; противодействие распространению идеологии терроризма, экстремизма, пропаганды насилия.

В Республике Беларусь отсутствует отраслевой стратегический документ, регулирующий основы государственной политики в сфере информационной безопасности. Однако в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь указано, что «информационная безопасность – состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере». [9]

Согласно Концепции, с учетом основных угроз для Республики Беларусь главная цель обеспечения безопасности информационно-психологической компоненты информационной сферы состоит в сохранении информационного суверенитета и проведении политики информационного нейтралитета, а также формировании устойчивого иммунитета против деструктивных информационно-психологических воздействий на массовое общественное сознание, а в необходимых случаях — и противодействие им. Отмечается, что в приоритетном порядке необходимо поддерживать сохранение в обществе традиционных социальных устоев и ценностей, открытое и всестороннее информационное обеспечение и сопровождение государственной политики, а также воспрепятствование в законном порядке распространению незаконной и недостоверной массовой информации.

Конституционно-правовые нормы о защите персональных данных закреплены в Конституции Республики Армения, принятой по итогам референдума от 6-го декабря 2015 года. Подробности, касающиеся защиты персональных данных, определяются Законом Республики Армения «О защите персональных данных» 2015 года. [10]

В Стратегии национальной безопасности республики Армения, одобренной на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января от 2007 года факторами и действиями, служащими фундаментальным ценностям национальной безопасности в сфере независимости, помимо всего прочего указано «обеспечение и защита надёжной работы инфраструктур энергетики, транспорта и связи». [11]

Действующая Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики была утверждена указом Президента КР 12 июня 2012 года, в которой содержится понятие национальной безопасности и также заложены и вопросы обеспечения информационной безопасности.

В Концепции одной из внутренних угроз национальной безопасности страны определена недостаточная развитость информационно-коммуникационных технологий и слабая защита информационного пространства страны. В законе Кыргызской Республики «Об информатизации» закреплено, что «защита информации - предотвращение несанкционированного вме-

шательства в информационные ресурсы, незаконных действий по получению, копированию, распространению, искажению, уничтожению или блокированию информации». [12]

Угрозы информационной безопасности могут иметь как национальный, так и глобальный, и региональный масштаб.

В рамках ЕАЭС вопросами информационной безопасности занимается Евразийская экономическая комиссия и осуществляет деятельность по следующим направлениям [13]:

1. участие в экспертизах проектов международных договоров и иных нормативных правовых актов в части вопросов информационной безопасности.

2. комплексная защита информации при создании и функционировании интегрированной системы. Включаются мероприятия по разработке и утверждению в установленном порядке организационных и технических требований по информационной безопасности, предъявляемых к интеграционному и национальным сегментам интегрированной системы.

3. организация юридически значимого межгосударственного электронного документооборота.

4. обеспечение информационной безопасности и защита информации, обрабатываемой в информационных системах и информационных ресурсах Комиссии.

Как можно заметить, взаимодействие в рамках ЕАЭС предполагает выработку единой политики информационной безопасности для возможности ответа на современные информационные вызовы и угрозы. Однако, как мы видим, в настоящее время основное внимание в рамках организации информационного взаимодействия и обеспечения информационной безопасности Евразийского экономического союза уделяется техническим, а не социальным аспектам информационной безопасности – цифровой среде. Это подтверждается также Договором о Евразийском экономическом союзе, пунктами 2-5 статьи 23 [14], а также Рекомендацией от 12 марта 2019 года № 9. «О перечне стандартов и рекомендаций в области информационной безопасности, применяемых в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза» [15].

Стоит отметить, что на сегодняшний день существует серьезная проблема законодательного регулирования информационного пространства в рамках ЕАЭС. Соответствующие механизмы не определены и ограничиваются только упоминанием «разработки и реализации мероприятий, направленных на обеспечение информационного взаимодействия и трансграничного пространства доверия» в целях информационного обеспечения интеграционных процессов в пункте 1 статьи 23 Договора о Евразийском экономическом союзе [14].

Таким образом, можно сделать выводы, что вопросы обеспечения информационной безопасности на сегодняшний день приобретают всё большую и большую значимость для каждого отдельного государства и для мирового сообщества в целом. Каждая страна на законодательном уровне обеспечивает механизмы реализации информационной безопасности. Что касается регионального регулирования затрагиваемых проблем, то в рамках одной из, хоть и достаточно новой, но перспективной организации, ЕАЭС сохраняются значитель-

ные проблемы в отношении гармонизации и унификации вопросов обеспечения информационной безопасности. Безусловно, гармонизация законодательства с целью формирования единой информационной политики требует значительно-го количества временных и иных затрат, однако представляется абсолютно необходимым законодательное регулирование информационной безопасности на уровне ЕАЭС и не только в части технических аспектов, но и социальных.

Список использованной литературы:

1. Словари, энциклопедии и справочники - Slovar.cch// <https://slovar.cc/rus/dal/538204.html>
2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов/Под ред. Н.Ю. Шведовой.- 21-е изд., перераб. и допол.- М.: Рус. Яз., 1989.- 924 с.
3. *Анохин Ю.В., Гадельшин Р.И.* Национальная безопасность: теоретические и терминологические аспекты. // <https://cyberleninka.ru/article/v/natsionalnaya-bezopasnost-teoreticheskie-i-terminologicheskie-aspekty>
4. Закон о национальной безопасности Республики Казахстан от 2012 года // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31106860#pos=41;-57
5. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК. «Об информатизации»// <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418>
6. Концепция кибербезопасности («Киберщит Казахстана»), утвержденная постановлением Правительства Республики Казахстан от «30»// июня 2017// <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407>
7. Концепция национальной безопасности Российской Федерации в редакции 29.10.99 г.// <https://flot.com/nowadays/concept/conceptdoc1/>
8. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы «Информационное общество (2011-2020 годы)» // <https://digital.gov.ru/ru/documents/4137/>
9. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 // <http://kgb.by/ru/ukaz575>
10. Закон Республики Армения от 13 июня 2015 года №ЗР-49 «О защите персональных данных» // http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=78183
11. Стратегия национальной безопасности республики Армения, одобренная на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января от 2007 года // <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf>
12. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики была утверждена указом Президента КР 12 июня 2012 года // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61367>
13. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии// <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/inftech/ib/Pages/default.aspx>
14. Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 года (с изменениями на 1 октября 2019 года) <http://docs.cntd.ru/document/420205962>

15. Рекомендация от 12 марта 2019 года № 9. «О перечне стандартов и рекомендаций в области информационной безопасности, применяемых в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза» // <http://docs.cntd.ru/document/553889469>

МРНТИ 10.87.85

Кулжабаева Ж.О.

*Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail:kulzhabai@mail.ru)*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Автор данной статьи рассматривает вопросы правового регулирования международных экономических отношений в условиях глобализации мировой экономики. Определены методологические и теоретические основы правового исследования экономической безопасности. Устойчивое развитие в экономических отношениях предполагает достижение экономического роста и стабильности государства. Данные обстоятельства важны для обеспечения экономической безопасности любого государства. Более того, эффективное решение правовых вопросов экономической безопасности способствуют созданию мирового правопорядка. Соответственно, возрастает роль и возможности международного права в обеспечении экономической безопасности.

Ключевые слова: интернационализация, глобализация, экономическая безопасность, международное сотрудничество, национальные интересы

В современном мире для международных экономических отношений (МЭО) характерно рассмотрение все большего количества вопросов исключительно не национальным правом, а с участием норм, принципов, институтов международного права или, в основном, международным правом. Не является бесспорной, но, думаю, интересна позиция проф. Шумилова В.М.: «Фактически речь идет о постепенной передаче власти внутренней компетенции государств, о сознательном, скоординированном на разных уровнях ограничении суверенитета (выделено мною) с тем, чтобы в утверждаемых нормах права получили отражение не только национальные, региональные, блоковые интересы, но и интересы международного сообщества в целом» [1, с.79]. Тенденция к интернационализации, или, как принято сейчас говорить, глобализации хозяйственной жизни является очевидной и общепризнанной [2]. Наибольшему влиянию подвергается международное право, так как большое воздействие на государство и ее национальное право осуществляется именно через международное

право. Процесс глобализации еще раз доказывает особенность системы международного права, продуктивное функционирование международной системы в целом.

В прошлом столетии произошли радикальные изменения в системе международных отношений, что в свою очередь потребовало переосмысления комплекса правовых проблем обеспечения международной и региональной безопасности. Несмотря на то, что на рубеже нового столетия большинству государств удалось преодолеть трудности мирового масштаба, мир не стал более стабильным, предсказуемым и, соответственно, безопасным.

Важным качественным фактором преобразования мировой системы в единое экономическое пространство является решительный переход большинства государств мира к открытой рыночной экономике и либерализации торгово-экономических связей. В связи с этими качественными преобразованиями процессы глобализации превратились в важнейший фактор мирового развития. Следует отметить, что анализируя специальную литературу, посвященную проблемам глобализации, нам не удалось найти единого мнения относительно сущности самого понятия глобализации. Вместе с тем, тезис о том, что глобализация является сегодняшней формой интернационализации хозяйственной жизни, о чем шла речь на протяжении всего XX века. Так, академик О.Богомолов пишет, что «процесс интернационализации экономической жизни проявляет себя уже давно, в последние десятилетия он приобрел ряд качеств, позволяющих говорить о его вступлении в новую фазу – фазу экономической глобализации»[3, с.25]. Стремясь выделить «этот ряд качеств», автор отмечает, что, во-первых, «взаимосвязанность хозяйственной деятельности в настоящее время охватила почти все страны мира, став глобальной», во-вторых, обострилась проблема соотношения сырья и населения, в-третьих, «с распадом мировой социалистической системы рыночные отношения стали универсальной формой организации хозяйственной жизни и экономического взаимодействия стран», в-четвертых, «произошли существенные изменения в самой структуре глобальной экономики. Менее ярко выраженным стало деление на богатый Север и отсталый Юг». Из числа развивающихся стран выделилась группа новых индустриальных государств»[4, с.25-26]. Имеются и другие работы. Так, в 2001 году было издано интересное исследование доктора экономических наук А.Н. Быкова «Глобализация и регионализация в современном мире и место России в этом процессе». Другой автор отмечает, что «глобализация мирохозяйственных отношений означает, во-первых, охват мирового хозяйства и международных экономических отношений как единого целого; во-вторых, взаимосвязь и взаимозависимость всех с форм мирохозяйственных отношений; в-третьих, что принципиально важно на современном этапе, взаимодействие мирохозяйственных отношений с другими составляющими, сферами и формами международных отношений (политические, социальные, правовые, нравственные, культурные, этические, религиозные и т.д.)»[5, с.10]. В другом научном труде экономическая глобализация определяется как «многоплановое и внутренне противоречивое явление со множеством прямых и обратных связей, в которых участвуют» различные экономические и политические субъекты. В качестве базовой

характеристики процесса глобализации выделяют сочетание острой конкуренции и роста взаимодействия и сотрудничества государств, а в качестве основы процесса – «интернационализацию производственных связей в высокотехнологических областях на базе прямых иностранных инвестиций, формирование глобальных по масштабу и непрерывных по режиму рынков, в первую очередь, финансовых»[6, с.6].

В тезисах МВФ, вышедших в январе 2002 года, глобализация была определена, как «процесс, в ходе которого все более свободный поток товаров, услуг, людей, идей и капиталов приводит к интеграции национальных экономик и обществ- часто рассматривается как непреодолимая сила, навязываемая миру некоторыми богатыми странами и международными финансовыми организациями... Глобализация – это политический выбор в пользу экономической интеграции; выбор, который часто идет рука о руку с укреплением демократии. И именно потому, что речь идет о политическом выборе, у глобализации могут быть противники, ее можно остановить и даже обратить вспять, правда ценой больших потерь для всего человечества. МВФ считает, что глобализация обладает большими возможностями для стимулирования экономического роста в мире, соответственно, для уменьшения бедности»[7].

Таким образом, эксперты Международного Валютного Фонда (МВФ) определили глобализацию как растущую экономическую взаимозависимость стран всего мира. Последнее обусловлено все возрастающим объемом и разнообразием трансграничных обменов товарами, услугами, международных потоков капитала, а также быстрым и широким распространением новых технологий. Процесс глобализации характеризуется объективностью; все чаще ассоциируется с формированием новейших направлений в экономике; придает процессам интернационализации мировой экономики новое качество; формирует глобальный финансовый рынок.

Таким образом, период вступления в третье тысячелетие характеризуется нарастающей тенденцией глобализации мировой экономики.

В мировой практике отношение к глобализации неоднозначно. Это обусловлено ее противоречивым воздействием на многочисленные субъекты мировой экономики. Этот процесс характеризуется усилением взаимовлияния и взаимопроникновения национальных экономических систем, их всеобщего участия в международном обменном процессе. Последнее осуществляется под воздействием конкуренции и динамичного развития научно-технического прогресса. Имеются некоторые последствия глобализации на национальную экономику. В первую очередь это характеризуется чрезвычайно возросшими требованиями к конкурентоспособности национальной экономики. С другой стороны, вследствие интеграции экономик государств наблюдается резкое усиление взаимозависимости участников мировых экономических отношений.

Одним из определяющих факторов современных экономических отношений является процесс глобализации и связанного с ним роста взаимозависимости государств.

Каковы основные параметры, характеризующие процессы и тенденции в рамках экономической глобализации, которые находят свое отражение в международном праве?

- Изменение состава субъектов МЭО. Наряду с традиционными появились новые- многонациональные банки, институциональные инвесторы, частные лица. При этом частнопроводные операторы обладают достаточными финансовыми возможностями для эффективного воздействия на экономику государств. Существует обратная угроза- активное использование государствами принуждения для прямого ущемления интересов иностранных компаний. Такое необдуманное вольное использование силы может привести к возникновению серьезной угрозы ЭБ государства, уменьшив ее привлекательность и репутацию надежного партнера.

- Обострение проблемы функционирования международных финансовых рынков. Процесс глобализации за последние двадцать лет привел к резкому увеличению притока капитала. При этом отсутствие должного международно-правового регулирования этих институтов является одной из причин повышения уровня мировой финансовой нестабильности.

- Научно-техническая революция (НТР) и создание соответствующего комплекса норм международного права.

- Основная характеристика взаимодействия государств в международных экономических отношениях- конкуренция.

- Глобализация экономики связана с усилением взаимозависимости всех субъектов на уровне государств, межгосударственных блоков, союзов, стратегических альянсов.

- В рамках нового глобального пространства безопасность национальных экономик может достигаться за счет усиления опасностей для экономик других стран [8].

Глобализация представляет собой такой способ научного анализа, который не только связан с пониманием глобальных взаимозависимостей но и самим своим возникновением обязан новой, специфической группе проблем международного уровня, получивших название глобальных проблем. В первом докладе Римскому клубу на тему «Пределы роста» в глобальном преломлении были поставлены демографическая, экономическая, продовольственная, сырьевая и экологические проблемы»[9]. Глобальные проблемы в понимании авторов данного доклада характеризуются всемирным охватом и на определенных этапах развития проявляются во всех странах вне зависимости от характера социального или политического устройства. Однако уже во втором докладе Римскому клубу, который назывался «Человечество на поворотном пункте», отмечены четыре глобальные проблемы: диспропорции в экономическом развитии, демографический взрыв, энергетическо-сырьевой кризис и вопросы продовольствия. Авторы седьмого доклада Римскому клубу по теме «Учиться без границ» в категорию глобальных зачислили только три проблемы: демографическую, продовольственную и экологическую.

Значимость процесса глобализации современного мира, которая связана с формированием единого пространства, образуемого в результате роста научно-технического прогресса, обмена информацией, свободы передвижения, деятельности транснациональных корпораций, распространением телевидения. Как отмечает Е.А. Лукашева, «вместе с тем, процесс глобализации развивается на фоне негативных явлений, связанных с неконтролируемым ростом населения, усилением социального неравенства, увеличением неграмотности населения, сокращения невозобновляемых природных ресурсов, ухудшение экологической ситуации, обострением межнациональных отношений, усилением международного терроризма. Процесс глобализации сопровождается перемещением некоторых политико-управленческих функций с национально-государственного на международно-государственный уровень, а также на внутривнутрирегиональный и местный уровни»[9, с.89-100].

История развития человечества доказала, что любое явление, которое решает важнейшие проблемы, имеет негативные последствия. Этим объясняется, на наш взгляд, все более проявляющаяся нестабильность, неустойчивость развития современного общества. Особенно это проявляется в создании самых серьезных экономических проблем. Именно эти обстоятельства определили формирование концепции устойчивого развития. Впервые проблемы устойчивого развития были подняты в уже упомянутом докладе «Пределы роста», представленном в 1971 году Римскому клубу. Через 20 лет, по материалам этого доклада была издана работа о перспективах мировой экономики в XXI веке [11]. В первоначальном варианте эта концепция связывалась с влиянием, воздействием человеческой деятельности на окружающую среду, на экологию. По мере изучения этих вопросов возникла объективная необходимость расширения первоначального содержания концепции устойчивого развития. Теперь изучаются не только экологические, демографические факторы, но другие обстоятельства, определяющие процесс устойчивости общества: политические, экономические, правовые, культурные. Эти проблемы привлекли к себе огромное внимание ученых-юристов, появилась объективная необходимость в создании правовых основ концепции устойчивого развития. Авторы коллективного монографического труда, подготовленного Институтом государства и права Российской Академии наук, отмечают, что юридическая наука в концепции устойчивого развития должна определить: «а) что такое понятие «устойчивое развитие» в широком контексте; б) каковы компоненты (слагаемые) устойчивого развития; в) в каких категориях следует определить главную цель устойчивого развития; г) какими средствами обеспечить устойчивость развития»[12, с. 4].

Термин «устойчивое развитие», как вы заметили, объединяет два понятия. Первое – устойчивость – как состояние, которое не подвергается колебанию; постоянное, стойкое состояние. Иными словами, устойчивость – это стабильность, гарантированность, обязательность. Второе – развитие – процесс закономерного изменения, движение вперед, прогресс. Устойчивое развитие определяется многими факторами, среди которых, экономический – один из важнейших.

Устойчивое развитие в экономических отношениях предполагает достижение экономического роста и стабильности государства. Данные обстоятельства важны для обеспечения экономической безопасности любого государства. Мы считаем, что уровень устойчивого развития в сфере экономических отношений зависит:

- от эффективности экономики;
- политической и социальной стабильности;
- интересов индивидов и экономических задач государства;
- правильного решения экономических вопросов регионов.

В Международном Пакте об экономических, социальных и культурных правах устанавливается обязанность государства обеспечить полное осуществление прав *постепенно и в пределах имеющихся ресурсов*. Это означает, что при реализации экономических прав необходимо учитывать экономическое благосостояние и способность, возможность государства обеспечить стабильное экономическое развитие. Бесспорно, что данные условия возможны при наличии:

- системы экономических факторов;
- суверенного существования и прогрессивного развития государства;
- независимой системы правовых институтов и экономических рычагов (инструментов);
- механизмов национального и международного контроля;
- обеспечении интересов личности и государства в социально-экономической сфере.

Разработка концепции и стратегии устойчивого развития напрямую связана с глубокими и чрезвычайно быстрыми, с исторической точки зрения, изменениями в системе международных отношений последних десятилетий. Разрыв в уровнях социально-экономического развития индустриальных и развивающихся стран достиг таких масштабов, когда обеими сторонами он воспринимается как фундаментальная угроза международной стабильности. В этих условиях высокоразвитые страны рассматривают устойчивое развитие как ту стратегию, которая позволит сократить масштабы такого разрыва и снизить уровень обусловленной им напряженности в отношениях с развитыми странами. Необходимо учитывать, что в условиях изменившейся геополитической обстановки, структурирование международных отношений в контексте глобального перехода к устойчивому развитию означает выведение этих отношений взаимодействия индустриальных, развивающихся переходных государств в сферу экономических, экологических, социальных отношений.

Активная поддержка государствами курса на устойчивое развитие мирового сообщества открывает ряд возможностей. Во-первых, дальнейшая интеграция государств в мировое сообщество в качестве полноправного участника международных экономических отношений, активно влияющего на формирование будущего миропорядка. Во-вторых, обозначение и международно-правовое закрепление позиций государств в глобальной экономике. В-третьих, использование международных экономических и правовых институтов для содействия усилиям в области устойчивого развития, предпринимаемым на наци-

ональном уровне. В-четвертых, согласование перехода на уровень устойчивого развития с фундаментальным процессом вхождения государств в систему рыночного хозяйствования. В-пятых, вынесение на обсуждение мировым сообществом ряда важнейших предложений, относящихся к основополагающим аспектам разработки и реализации глобальной стратегии устойчивого развития.

Комплекс мер дипломатического и международно-правового характера должен основываться на активизации участия всех государств в продвижении глобального процесса совершенствования концепции и разработки стратегии устойчивого развития в таком направлении, которое в наибольшей мере соответствует долгосрочным национальным интересам и возможностям отдельно взятого государства. Более четкое определение параметров и индикаторов устойчивого развития, а также качественных и количественных критериев дифференцированной ответственности государств за обеспечение экологически обоснованного развития позволит избежать неконтролируемого увеличения обязательств экологического и экономического характера, которые могут в перспективе быть возложены на какое-либо государство вопреки ее интересам. Справедливо отмечает Писарев В.Д., что «вместе с тем, разрабатываемые меры должны учитывать необходимость сохранения определенной «свободы рук», или, точнее, возможности маневра в системе международных отношений, связанных со стратегией устойчивого развития»[13, с.37]. У автора имеются сомнения «в приемлемости концепции устойчивого развития, ассоциируемой с постоянным экономическим ростом как универсальной и единственно возможной основой прогресса всех государств и мирового сообщества в целом. Основанием для такого сомнения служит то обстоятельство, что попытки реализации стратегии устойчивого развития. Ориентированной на недифференцированный экономический рост всех стран, будут означать только усугубление острейшего кризиса надежности экосистемы и приведут к гибели человечества»[14].

Чтобы экономика развивалась устойчиво, необходимо выполнение ряда системных принципов. Авторы комплексного исследования проблем устойчивого развития относят к таковым следующие требования:

- 1) Система должна находиться в окрестности траектории устойчивого развития, где ее основные макропоказатели сбалансированы.
- 2) Существует эффективный механизм, который способен парировать всевозможные возмущения и удерживать систему в указанной окрестности динамического равновесия.
- 3) Ресурсы системы распределяются между ее элементами достаточно эффективно, чтобы не вызывать внутри ее антагонистических противоречий.
- 4) В систему поступает достоверная информация ее состоянии и состоянии внешней среды, управляющая подсистема способна эту информацию перерабатывать и принимать разумные решения.
- 5) Разумное решение принимается с учетом текущего и возможных будущих состояний системы, прошлое воспринимается только как опыт.
- 6) В иерархической системе обработка информации и принятие решений рационально распределены между всеми ее элементами.

7) Система находится в достаточно гармоничных отношениях с внешней средой.

8) Механизмы наследственности и изменчивости обеспечивают главную адаптацию к изменяющимся условиям [15, с.199].

Учитывая сложность процесса глобализации, сочетания в нем как объективных, так и субъективных элементов национальная стратегия государства, должна предусматривать ряд шагов: анализ существующей нормативной двусторонней и многосторонней базы на предмет выявления норм, обеспечивающих экономическую безопасность государств; активное использование уже имеющихся правовых инструментов и институтов для обеспечения безопасности в сфере экономики; определение норм, которые требуют создания, либо дальнейшего развития и укрепления. И последующие действия по созданию и закреплению этих норм в рамках МО и интеграционных объединений; активное участие в МО, которые оказывают влияние на развитие процесса глобализации реализация в их рамках собственных интересов и инициатив.

В качестве одного из способов включения государств в глобальное экономическое пространство ученые выделяют путь постепенной, регулируемой интеграции в мировое хозяйство. Такая поэтапная, последовательная интеграция должна проводиться на основе глобальной программы развития национальных экономик, которая будет согласована с внутриэкономическими преобразованиями [16, с.97-98].

Процесс глобализации, открывая экономику для свободного перемещения ресурсов, снижая эффективность систем защиты национальных экономик, обязательно дополняется развитием существующих международно-правовых институтов, а также созданием новых институтов. На сегодняшний день в рамках международного права существует ряд нормативных и организационно-правовых институтов, которые могут быть использованы государствами для национальной экономической безопасности (НЭБ). Международное право должно стать основным регулятором процессов, развивающихся в рамках экономической глобализации, и активно использоваться при создании национальных концепций и стратегий обеспечения экономической безопасности.

Взаимозависимость государств, усиливающаяся в рамках процесса глобализации, является еще одним фактором современных МЭО, оказывающим существенное влияние на развитие международного права и обеспечение ЭБ государств. Она служит базой для возникновения отношений, представляющих угрозу ЭБ того или иного государства. Основой взаимозависимости является объективная необходимость взаимодействия государства, входе которого возникают устойчивые связи между ними. В результате которых более сильное в экономическом отношении государство получает возможность оказывать влияние на экономическую политику и развитие экономики более слабого государства.

Международная экономическая взаимозависимость определяют как «причинно-следственную связь, возникающую в процессе взаимодействия национальных хозяйств и, в свою очередь, порождающую такое взаимодействие» [17, с.28]. Это служит основанием для вывода о невозможности изоляции и необходимости включения всех стран в систему международного экономического взаимодействия.

Объективная возможность государства открывать национальную экономику для внешнего воздействия, а также связанное с этим резкое увеличение хозяйственных связей между государствами часто используется некоторыми странами как один из способов реализации национальных интересов.

Существует опасность чрезмерного открытия национальной экономики.

Приведенный анализ показал, что в современных МЭО существует ряд особенностей, которые несут в себе потенциальную угрозу национальной экономике государств, прежде всего, развивающихся стран и стран с переходной экономикой, необходимо назвать: развитие современных МЭО таких основе конкуренции между государствами и их объединениями, активное использование экономического принуждения в МЭО, усиление конкуренции между государствами, возможность формирования наднационального регулирующего центра МЭО, недостаточность международно-правовой базы в сфере борьбы негативными последствиями вышеуказанных особенностей. Необходимость противодействия негативным последствиям указанных особенностей требует широкого подхода к проблеме обеспечения экономической безопасности государств, основанного на активном пользовании и прогрессивном развитии существующих принципов, норм международного права и организационно-правовых институтов. В рамках такого подхода необходимо уделить особое внимание правовым аспектам обеспечения ЭБ в условиях экономической глобализации, т.к. международное право является эффективным инструментом разрешения конфликта национальных интересов государства, который разворачивается вокруг материальных и нематериальных ресурсов, позволяющих государствам обеспечивать функционирование своих национальных экономик [18, с.9]. Реализация данного подхода возможна в форме принятия на национальном и региональном уровне программ (концепций, стратегий) обеспечения ЭБ, которые должны учитывать уже существующие возможности международного права, а также предусматривать ряд мер, направленных на укрепление и развитие норм и институтов международного права, которые могут быть использованы для обеспечения НЭБ государства.

В вопросах экономического сотрудничества Республика Казахстан придает первостепенное значение соглашениям о поощрении и взаимной защите инвестиций. В последнее время Казахстан заключает конвенции об избежании двойного налогообложения. Это позволяет достичь качества торгово-экономических отношений, обеспечить условия для устранения законодательных «барьеров» на пути хозяйствующих субъектов. Целесообразно продолжать практику заключения соглашений об оказании финансовой помощи, предоставлении кредитов и грантов с Всемирным и Европейским банками развития и реконструкции, Азиатским и Исламским банками развития. Вопросы создания договорно-правовой базы с иностранными государствами, международными организациями способствуют созданию благоприятных условий для взаимовыгодного сотрудничества. Однако, бесспорно, что позитивные результаты возможны лишь при практической реализации достигнутых договоренностей. Последнее возможно при оптимальной координации усилий всех министерств и ведомств, дипломатических и консульских представительств за рубежом по вопросам реализации договорных положений и соглашений, обеспечения мони-

торинга в ходе исполнения сторонами своих обязательств. Республика Казахстан регулирует экономические отношения с помощью договорных и обычных норм международного права, которые, соответственно, должны обеспечивать экономическую безопасность. Обязательным при этом является строгое соответствие основным принципам международного права. К сожалению, в практике внешнеэкономических отношений нашего государства встречаются случаи недобросовестного выполнения договорных отношений. Эти нарушения затрагивают интересы финансовой, налоговой и других направлений хозяйственной деятельности государства. Таким образом, вопросы правового регулирования экономической безопасности государства базируются, прежде всего, на договорных отношениях между хозяйствующими субъектами.

Список использованной литературы:

1. *Шумилов В.М.* Международно-правовое регулирование международных экономических отношений // Государство и право, №7. – 2000. – С.79. – статья из журнала
2. Подчеркивая значимость глобализации, начавшейся в середине 90-х годов XX века, отмечаем, что это стало новой эпохой развития человечества. См. подробнее: *Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А.* Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М.: ИНФРА. – 2000. 344 с., *Лукашук И.И.* Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спарк, 2000. – 279 с. – книги
3. *Богомолов О.Т.* Глобализация-вызов мировому экономическому порядку. М., 1999. С. 25. – книга
4. *Там же*. С.25-26. – книга
5. *Фишер Г.* Глобализация мирохозяйственных связей: сущность, формы, перспективы. М., 1999. С.10 – книга
6. Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник / РАН ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. Отдел Восточной Европы. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – Ч.2. – С.6. – реферативный сборник
7. *Globalization: A framework for IMF involvement.* – IMF, 2002. – книга
8. *Антонов И.В.* Экономическая глобализация. Проблемы и противоречия на современном этапе развития.- М.: МАКС Пресс, 2003; *Ашавский В.М., Валько Н.* ТНК – частомонополистические международные монополии // Советское государство и право.-1981.-№3.-С.77-86; *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие.- М.: Финстатинформ, 2002; *Яновская О.Р.* Глобальные проблемы современности с учетом новых геополитических реалий // ЭНДИСИ. Аналитический бюллетень. Научные доклады Института стратегических исследований. – 2000. – №2. – С.115-123 – книги
9. *Meadows D.H.* The limits to Growth. N.Y., 1972. – книга
10. Права человека: итоги века. тенденции, перспективы // Государство и право, 2001, №5, С.89-100 – статья из журнала

11. *Медоуз Донелл., Медоуз Дениелс., Рандерс Й.* За пределами роста. М., 1994. – книга
12. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. Ответ. ред.- чл.-корр РАН, д.ю.н. Е. А. Лукашева.- М., Издательство НОРМА 2000. С.4. – книга
13. *Писарев В.Д.* Глобальная стратегия устойчивого развития: опасные тенденции и превентивные меры России. М., 1999. С. 37. – книга
14. Там же. – книга
15. Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития: под редакцией В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. Издание 2-е. М.: Academia, 2000. С.199. – книга
16. *Гусаков Н.П., Зотова НА.* Национальные интересы и внешнеэкономическая безопасность России.- М.: Компания «Евразийский регион», 1998. – С.97-98. – книга
17. *Загаишвили В.С.* “Экономическая безопасность России. – М.: «Юристъ». 1997. – С.28 – книга
18. *Лабин Д.К.* Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка.- М.: ЗАО «Синегерия». 2004. – С.9 – книга

МРНТИ 10.87.75

Куликпаева М.Ж.

*Руководитель Отдела международного права и сравнительного правоведения
Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан
Министерства юстиции Республики Казахстан, и.о. доцента кафедры
международного права Юридического факультета
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, PhD,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: mira16_astana@mail.ru)*

Абаева Х.А.

*Преподаватель кафедры международного права Евразийского национального
университета им. Л.Н. Гумилева, магистр юридических наук
Нур-Султан, Казахстан
(abaeva.xava@bk.ru)*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ

Аннотация: Данная статья подготовлена в рамках проекта AP05135405 «Вклад Республики Казахстан в совершенствование национального и междуна-

родно-правового режима контроля за ракетными технологиями и использование космических технологий в мирных целях».

Ключевые слова: международное право, международное космическое право, Договор по космосу, космическое пространство, ООН.

В современном мире наблюдается значительное развитие космической деятельности, расширение использования прикладных космических технологий, растущее разнообразие космических субъектов и глобальная осведомленность о потенциале космоса. Таким образом, использование космического пространства в мирных целях обретает важную значимость.

Сразу же после запуска первого искусственного спутника Земли в 1957 году Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла несколько резолюций, призывающих к тому, чтобы «отправка объектов через космическое пространство осуществлялась исключительно в мирных и научных целях», чтобы «общая цель состояла в том, чтобы космическое пространство использовалось только в мирных целях», и чтобы «не допустить распространения национального соперничества на эту новую область». На практике мотивом и стимулом космических держав к созданию космических программ были, прежде всего, военные цели. Существование объектов или технологии «двойного назначения», затрагивающих космическое пространство, таких как разведывательные спутники, космические устройства, спутниковые навигационные системы, технологии реального времени, противоспутниковое оружие или баллистические ракеты, проходящие через космическое пространство, создают угрозу мира и безопасности [1, 11].

Но на протяжении всей космической эры утверждалось, что космическое пространство может использоваться лишь в мирных целях, и данное утверждение было закреплено во многих международных документах Организации Объединенных Наций. На повестке дня конференции по разоружению, а также на других конференциях такого рода, рассматриваются вопросы по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве, направленных на предотвращение размещения оружия в космическом пространстве и запрещение применения противоспутникового оружия, укрепления мер транспарентности и доверия, а также об определении права на самооборону в космическом пространстве или обстоятельствах, оправдывающих уничтожение космического объекта.

Первая конференция ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях была проведена в августе 1968 года в Вене, в которой приняли участие 78 государств и большое число международных организаций. Участники конференции рассмотрели практические выгоды, которые могут быть получены от космических исследований, и возможности международного сотрудничества, имеющиеся в распоряжении стран, не обладающих космическим потенциалом, с уделением особого внимания потребностям развивающихся стран. Участники представили около 200 докладов, посвященных главным образом применению космической техники. Они рассмотрели 10-летний опыт космических исследований в области практического применения -

в области связи, метеорологии, навигации и образования, а также экономические и правовые вопросы, касающиеся международного сотрудничества.

В августе 1982 года в Вене состоялась вторая конференция ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях, в которой приняли участие 94 государства и 45 наблюдателей, представляющих межправительственные и неправительственные организации. Конференция рассматривала весь спектр космических наук, технологий и прикладных программ с научной, технической, политической, экономической, социальной и организационной точек зрения. Она также рассмотрела правовые последствия вопросов повестки дня и обсудила растущую международную озабоченность в связи с военной деятельностью в космическом пространстве.

Доклад конференции, принятый консенсусом, касался вопросов, касающихся предотвращения гонки вооружений в космосе, потребностей и возможностей передачи технологий, координации использования геостационарной орбиты, дистанционного зондирования Земли из космоса, использования спутников прямого вещания, защиты околоземной среды, роли ООН и других вопросов. Рекомендации конференции рассматривались как повестка дня, которой должны следовать государства и организации при осуществлении космической деятельности.

Третья конференция Организации Объединенных Наций по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях состоялась в Вене, Австрия с 19 по 30 июля 1999 года. Ключевая цель состояла в том, чтобы создать план мирного использования космического пространства в XXI веке. На момент проведения конференции существовало пять договоров ООН, охватывающих широкий спектр космической деятельности. Была принята программа развития и связанный с ней план действий. Декларация и план явились результатом скоординированной работы участников, включая представителей правительств, межправительственных органов, гражданского общества и, впервые, частного сектора, по созданию практических рамок сотрудничества и действий по защите планеты и подготовке к «космическому тысячелетию». Программа предусматривает использование прикладных космических технологий для обеспечения безопасности человека, защиты космической среды, расширения доступа развивающихся стран к космической науке и связанным с ней благам, повышения осведомленности общественности о важности мирного использования космического пространства, укрепление космической деятельности ООН и развитие международного сотрудничества [2].

Поддержание международного мира и безопасности является одним из центральных принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН. Положения Устава распространяется на государств-членов ООН во всей их деятельности, как на Земле, так и в космическом пространстве. В преамбуле Устава ООН говорится о необходимости объединения силы для поддержания международного мира и безопасности», а в статье 1 определяется первая цель Организации Объединенных Наций – поддержание международного мира и безопасности. Преследуя эти цели, на основе статьи 2 Устава ООН все государства-члены разрешают свои международные споры мирными средствами таким

образом, чтобы международный мир, безопасность и справедливость не подвергались опасности. Основным положением, устанавливающим окончательную гарантию защиты международного мира, является статья 2 Устава, которая юридически обязывает все государства-члены воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости любого государства. Устав ООН прямо предусматривает только два исключения из этого международно-правового запрета на применение силы на основании статьей 42 и 51: право государства на самооборону, если оно становится жертвой вооруженного нападения, и применение силы, санкционированное Советом Безопасности ООН. Таким образом, любое агрессивное применение силы запрещено в международных отношениях, причем этот запрет считается императивным и не допускающим отступлений, и применяется и на космическое пространство и небесные тела. Таким образом, эти положения Устава ООН, имеют юридическое превосходство над любой нормой космического права ввиду преобладания Устава ООН над другими международно-правовыми нормами в соответствии со статьей 103 Устава [3].

Договор по космосу 1967 года устанавливает основной правовой режим использования и исследования космического пространства. Этот договор, принятый в 1967 году широким консенсусом в Генеральной Ассамблее ООН, стал весьма актуальным по мере того, как развивается международная космическая деятельность. В преамбуле неоднократно говорится о том, что космическая деятельность должна определяться «мирными целями», признавая «общую заинтересованность всего человечества в прогрессе исследования и использования космического пространства в мирных целях» и «содействовать широкому международному сотрудничеству в научных, а также юридических аспектах исследования и использования космического пространства в мирных целях». Основным положением Договора по космосу, непосредственно затрагивающим тему «мирных целей» в юридически обязывающем понимании, является статья IV. Так, пункт 1 данной статьи устанавливает запрет на размещение оружия массового уничтожения в космическом пространстве, «государства-участники договора обязуются не размещать на орбите вокруг Земли никаких объектов, несущих ядерное оружие или любые другие виды оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом». Пункт 2 устанавливает более строгий правовой режим в отношении небесных тел. В нем говорится, что «запрещается создание военных баз, сооружений и укреплений, испытание любого вида оружия и проведение военных маневров на небесных телах». Однако он разрешает «использование военного персонала для научных исследований или в любых других мирных целях» и «использование любого оборудования или объекта, необходимого для проведения мирных исследований». Такие ограничения фактически провозглашают небесные тела демилитаризованными зонами. Правовой режим, изложенный также в пункте 2 статьи IV, закрепляет понятие «мирные цели», а именно «Луна и другие небесные тела используются всеми государствами-участниками договора исключительно в мирных целях».

Таким образом, из статьи IV логически вытекает запрещение размещения оружия массового уничтожения в космическом пространстве, а небесные тела являются демилитаризованными зонами[4] .

Так, преамбула Договора по космосу, в которой говорится об общих интересах и международном сотрудничестве в области «исследования и использования космического пространства в мирных целях», соответствует общей цели «поддержания международного мира и безопасности» и принципу мирного урегулирования международных споров на основании Устава ООН. Такое толкование не изменяет и не ограничивает существующие международно-правовые нормы.

В последние годы все большее число субъектов, способных выйти в космос, как правительства, так и отдельные лица, придают все большее значение положениям из Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

Как было отмечено выше, в настоящее время по причине того, что увеличивается все большее число субъектов, способных выйти в космос, как правительства, так и отдельные лица, космическое пространство все чаще используется в рамках активного участия в ведении вооруженных конфликтов. Для планирования военных действий на земле используется не только информация, получаемая из космоса – например, с помощью дистанционных спутниковых технологий и спутников связи, – но и космические средства, используемые в настоящее время для руководства военной деятельностью и представляющие собой неотъемлемую часть военной техники крупных держав. Именно сейчас космическое пространство может стать формирующимся «театром военных действий». Так, важное значение имеет статья, закрепляющая, что государства-участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли такая деятельность государственными учреждениями или неправительственными организациями [5].

Управление Организации Объединенных Наций по вопросам космического пространства, созданное в начале космической эры, содействует международному сотрудничеству в области использования космического пространства в мирных целях между государствами и международными организациями. По мере того как меняется космическая деятельность, роль данной организации становится все более актуальной в продолжении содействия мирному использованию космоса в рамках своей программы деятельности.

Договор по космосу стал краеугольным камнем правового режима, регулирующего использование космического пространства в мирных целях. За ним последовали еще четыре договора: Соглашение о спасении (1968 год), Конвенция об ответственности (1972 год), Конвенция о регистрации (1975 год) и Соглашение о Луне (1979 год). Эти договоры дополняются пятью сводами принципов и деклараций, которые, хотя и не имеют обязательной юридической силы, касаются транснационального прямого телевизионного вещания через спутники и дистанционного спутникового наблюдения Земли. Они также регу-

лируют безопасное использование ядерных источников энергии, необходимых для исследования и использования космического пространства. В Декларации о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран от 1996 года особое внимание уделяется необходимости укрепления международного сотрудничества на всех уровнях с участием широкого круга заинтересованных сторон в космической сфере.

Необходимо отметить, что в ходе своей сессии 1963 года Генеральная Ассамблея смогла принять две важные меры, касающиеся ограничения использования космического пространства в мирных целях. Первая-это резолюция, призывающая все государства воздерживаться от размещения на орбите объектов, несущих ядерное оружие или другие виды оружия массового уничтожения. Вторая-это резолюция, содержащая декларацию правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства. Хотя это и не было соглашение с обязательной силой, но оно рассматривалось как предвестник полного юридического договора [6].

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, единогласно принятый Генеральной Ассамблеей в 1966 году и вступивший в силу 10 октября 1967 года, был основан на проектах, представленных США и СССР. В 17 статьях Договора говорится, что исследование и использование космического пространства осуществляются в интересах всех стран и являются прерогативой всего человечества, что космическое пространство и небесные тела не подлежат национальному присвоению путем притязания на суверенитет или любыми другими средствами и что исследование осуществляется в соответствии с международным правом. Участники Договора обязуются не размещать на орбите никаких объектов, несущих ядерное оружие, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать его иным образом в космическом пространстве. Луна и другие небесные тела используются всеми сторонами исключительно в мирных целях, а военные базы или маневры на небесных телах запрещаются. Государства рассматривают астронавтов как посланников человечества в космическом пространстве и оказывают им всю возможную помощь в случае аварии, бедствия или аварийной посадки. Стороны, запускающие объекты в космическое пространство, несут международную ответственность за ущерб, причиненный такими объектами или их составными частями. При освоении космического пространства должен соблюдаться принцип сотрудничества и взаимопомощи. Следует избегать вредного загрязнения Луны и других небесных тел. Все станции, установки, оборудование и космические аппараты на Луне и других небесных телах открыты для осмотра представителями других государств на взаимной основе.

В соответствии с соглашением 1967 года о спасении астронавтов, возвращении астронавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, которое вступило в силу 3 декабря 1968 года, договаривающиеся стороны договариваются о процедурах оказания помощи персоналу космиче-

ских аппаратов в случае аварии или аварийной посадки и о возвращении космических объектов [4].

Конвенция 1971 года о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, вступившая в силу 1 сентября 1972 года, предусматривает процедуру предъявления и урегулирования претензий.

В соответствии с Конвенцией 1974 года о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, которая вступила в силу 15 сентября 1976 года, был создан Центральный реестр объектов, запускаемых в космическое пространство, который ведется генеральным секретарем ООН с обязательной регистрацией, а также уведомлением Генерального секретаря о добровольной маркировке таких объектов. Помощь оказывается государствам, обратившимся с просьбой о помощи в выявлении опасных объектов или объектов, причиняющих ущерб [7].

Соглашение, регулирующее деятельность государств на Луне и других небесных телах, принятое Генеральной Ассамблеей 5 декабря 1979 года, определяет Луну и ее природные ресурсы как общее достояние человечества и резервирует Луну исключительно для мирных целей. Оно запрещает размещение ядерного или иного оружия массового уничтожения на Луне, а также запрещает размещение на орбите или по любой другой траектории к Луне или вокруг нее объектов, несущих такое оружие, а также создание военных баз, испытания любого вида оружия и ведение военной деятельности на Луне [8].

Генеральная Ассамблея приняла еще три свода принципов, основанных на работе Комитета по использованию космического пространства в мирных целях. Принципы, регулирующие использование государствами искусственных спутников Земли для международного прямого телевизионного вещания, принятые в 1982 году, обуславливают создание спутниковых служб прямого вещания на основе предварительного согласия принимающих государств. Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космического пространства, принятые в 1986 году, предусматривают международное сотрудничество и участие в дистанционном зондировании; они уточняют, что такая деятельность будет разрешена без согласия воспринимаемых государств, но что последние будут иметь право на получение данных и информации, касающихся их ресурсов [9, 184].

После многих лет трудных дискуссий и переговоров в рамках Комитета Генеральная Ассамблея приняла в 1992 году принципы, касающиеся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. Они содержат руководящие принципы и критерии безопасного использования ядерных источников энергии в космическом пространстве, включая требование о проведении обзора безопасности до запуска любого ядерного источника энергии и обнародовании результатов такого обзора через Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, который также должен быть уведомлен о любом возвращении радиоактивных материалов на землю.

Развитие научно-технического сотрудничества в рамках ООН повлияло на космическую деятельность. На сегодняшний день она охватывает различные сферы деятельности. Первое, обмен информацией. Секретариат ООН готовит

ежегодные доклады о национальных и совместных международных проектах. С 1961 года все большее число стран и международных организаций предоставляют Комитету информацию о космической деятельности и программах. Второе, государственный реестр запусков космических аппаратов. Одним из важнейших требований международного сотрудничества в освоении космического пространства является предание гласности запусков космических объектов вместе с научными данными о результатах таких запусков. В 1961 году Генеральная Ассамблея единогласно постановила, что ООН «должна обеспечить координационный центр» для такой информации, и просила Генерального секретаря открыть для этой цели публичный реестр. Эта информация передается Комитету по использованию космического пространства в мирных целях для рассмотрения и затем помещается в реестр. Необходимо отметить, что Российская Федерация и США регулярно предоставляют соответствующие данные, а также Австралия, Канада, Китай, Франция, Германия, Индия, Италия, Япония, Великобритания и Европейское космическое агентство.

Следующее, сотрудничество со специализированными учреждениями и другими международными организациями. В соответствии с положениями своей резолюции 1961 года по космосу Генеральная Ассамблея просила ВМО представлять Комитету по использованию космического пространства в мирных целях доклады о международном сотрудничестве, необходимом для проведения метеорологических исследований. В следующем году она одобрила шаги, предпринятые под эгидой ВМО, которые привели к созданию Всемирной метеорологической службы и включению метеорологических спутников в ее оперативную систему. В последующие годы эти совместные усилия охватили другие учреждения и международные организации, имеющие особые интересы в вопросах, связанных с космическим пространством, включая ЮНЕП, ФАО, ЮНЕСКО, ЕКА, международную организацию спутниковой связи (Интелсат) и Международную морскую спутниковую организацию (Инмарсат).

Четвертое, образование и профессиональная подготовка. Секретариат распространяет периодически пересматриваемый справочник информации, взятый из документов ООН, и осуществляет образовательную программу по применению космической техники. Эта программа способствует повышению осведомленности о потенциале применения космической техники в целях развития, особенно в развивающихся странах, посредством оказания технических консультативных услуг, проведения семинаров и практикумов, а также предоставления стипендий, предлагаемых государствами-членами и международными организациями в области образования и профессиональной подготовки. В рамках Программы Организации Объединенных Наций по применению космической техники последние усилия направляются на развитие и укрепление знаний и навыков в этой области путем создания и функционирования учебных центров космической науки и техники на региональном уровне [2].

В рамках Организации Объединенных Наций Комитет по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС) является главным органом по содействию мирному использованию космического пространства в

целях экономического, социального и научного развития, в частности в интересах развивающихся стран.

Комитет по использованию космического пространства в мирных целях был учрежден Генеральной Ассамблеей в 1959 году для управления исследованием и использованием космического пространства на благо всего человечества, в интересах мира, безопасности и развития. Перед комитетом была поставлена задача провести обзор международного сотрудничества в использовании космического пространства в мирных целях, изучить связанную с космосом деятельность, которая может быть осуществлена Организацией Объединенных Наций, поощрять программы космических исследований и изучать правовые проблемы, возникающие в связи с исследованием космического пространства. Ежегодно в Комитете обсуждается вопрос о международном сотрудничестве в области освоения космического пространства и использования прикладных космических технологий для достижения глобальных целей в области развития. Благодаря быстрому прогрессу в области космической техники космическая повестка дня постоянно развивается. Поэтому комитет предоставляет уникальную платформу на глобальном уровне для мониторинга и обсуждения этих событий.

Комитет и его вспомогательные органы, научно-технический подкомитет и юридический подкомитет, координируют международное сотрудничество в области космической деятельности и укрепляют согласованность в международном правовом режиме, регулирующем космическое пространство. Так, 13 июня 1959 года научно-технический подкомитет достиг договоренности о программе освоения космоса под эгидой ООН. Она рекомендовала Организации Объединенных Наций собирать и предоставлять в распоряжение членов всю научную информацию о космосе, предоставляемую странами, действующими в этой области. Она предложила также ряд совместных проектов, включая не только совместные запуски ракет и спутников, но и образовательные и научные обмены. Также подкомитет настоятельно призвал установить вблизи экватора полигоны для запуска зондирующих ракет. Эти диапазоны, открытые для любого члена ООН, заполнили бы значительный пробел в нынешней сети стартовых площадок для зондирующих ракет, которые используются для сбора информации о той части атмосферы, в которой эта функция не может выполняться воздушными шарами или спутниками. В соответствии с планом подкомитета принимающие страны будут строить установки, а страны-пользователи будут оплачивать эксплуатационные расходы. 28 мая 1959 года юридический подкомитет достиг предварительной договоренности по предложению Соединенных Штатов о том, что все члены Организации Объединенных Наций обязуются оказывать помощь космическим аппаратам и астронавтам, приземляющимся на их территории, и возвращать их в страны, откуда они прибыли.

Комитет сыграл важную роль в разработке пяти договоров по космическому праву и пяти сводов принципов и деклараций по космосу. В дополнение к договорам и принципам комитет рекомендовал Генеральной Ассамблее принять резолюции, впоследствии принятые, об определении понятия «запускающее государство» (резолюция 59/115), об укреплении практики регистрации

объектов, запускаемых в космос (резолюция 62/101) и о Национальном космическом законодательстве (резолюция 68/74).

В последние годы на космической арене наблюдается массовый всплеск активности. Растущее присутствие новых игроков и формирующийся космический потенциал развивающихся стран, а также рост числа частных субъектов привели к появлению новых проблем в правовой базе.

Частные субъекты не могут работать вне международных рамок космического права. В итоге, государства несут ответственность за космическую деятельность своих граждан, поскольку частная космическая деятельность подлежит разрешению и постоянному надзору в соответствии со статьей VI Договора по космосу, а именно «деятельность неправительственных организаций в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, требует разрешения и постоянного надзора со стороны соответствующего государства-участника Договора».

Государства и международные межправительственные организации регулярно проводят оценку деятельности КОПУОС по исследованию и использованию космического пространства, а также ее соответствия правовым рамкам космической деятельности. Это соблюдение включает в себя надзор со стороны КОПУОС за деятельностью неправительственных организаций, находящихся под их юрисдикцией.

Несмотря на новые и более доступные технологии в космосе, для осуществления космической деятельности по-прежнему требуются значительные финансовые инвестиции. Это неизбежно будет означать необходимость высокого уровня международного сотрудничества между государствами и частными субъектами различных государств. Международное сотрудничество, осуществляемое через установленные механизмы в рамках КОПУОС и в рамках международно-правового режима, имеет первостепенное значение в быстро меняющейся международной космической сфере.

Комитет по использованию космического пространства в мирных целях по-прежнему играет важную роль в качестве уникальной платформы на глобальном уровне для международного сотрудничества в космосе. В основе его работы лежит фундаментальная необходимость обеспечения мирного использования космоса на благо всего человечества. Это также является миссией Управления Организации Объединенных Наций по вопросам космического пространства. Оно работает над повышением осведомленности лиц, принимающих решения, о преимуществах космических технологий и их применении в удовлетворении общественных потребностей в области устойчивого развития и в укреплении роли космических технологий в социально-экономическом развитии Земли, в частности для развивающихся стран.

Управление содействует международному сотрудничеству между государствами-членами и национальными и международными космическими организациями, включая частный сектор. Поскольку мировое сообщество неуклонно продвигается к осуществлению Повестки дня в области развития до 2030 года, важное значение необходимо уделять данному вопросу. Управление ООН по вопросам космического пространства будет и впредь стимулировать даль-

нейшее развитие космической науки и техники и их применение на благо всего человечества.

Таким образом, на сегодняшний день практика государств должна соответствовать статье IV Договора по космосу, поскольку неизвестно, будет ли государство выводить на орбиту или размещать оружие массового уничтожения в космическом пространстве или участвовать в военных действиях на небесных телах. Космическая деятельность переживает бурную эпоху ввиду резкого роста его освоения и использования, а также растущего осознания ее потенциала. Тем не менее, она остается объектом регулирования со стороны международно-правовых норм. Всеохватывающая основа использования космического пространства - это использование и исследование ее в мирных целях, Это может быть достигнуто с помощью широкого спектра мер, как гражданских, так и военных, при условии, что они соответствуют применимым международно-правовым нормам. Важным документом, запрещающим применения силы, является Устав ООН, где ее статья 2 применяется к космическому пространству наряду с исключениями, предусмотренными Уставом ООН и общим международным правом. Кроме того, договор по космосу устанавливает особый правовой режим для небесных тел, объявляя их демилитаризованной зоной и запрещая размещение оружия массового уничтожения в космическом пространстве. Космический правопорядок полностью находится в руках государств. Новые вызовы, такие как поиски открытий и угрозы на внеземной арене, вполне могут вдохновить на создание особого международного правового режима.

Список использованной литературы:

1. Международное космическое право: учебник / под ред. Г.П.Жукова, А.Х.Абашидзе. – М.: Издательство Юрайт, 2018 – 528 с.
2. Пятидесятая годовщина Конференции Организации Объединенных Наций по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях: Комитет по использованию космического пространства в мирных целях и глобальное управление космической деятельностью // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL: www.un.org (дата обращения 21.04.2020 года)
3. Устав ООН // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL: www.un.org (дата обращения 21.04.2020 года)
4. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL: www.un.org (дата обращения 21.04.2020 года)
5. Лысенко М.Н. Правовые проблемы и перспективы неразмещения оружия в космосе // Право и управление. XXI век. - 2019. - № 2 (51). - С. 29-37.
6. Резолюция ГА ООН A/RES/1963 (XVIII) от 1963 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL: www.un.org (дата обращения 21.04.2020 года)

7. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1974 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL: www.un.org (дата обращения 21.04.2020 года)

8. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL: www.un.org (дата обращения 21.04.2020 года)

9. Сиразеев Р.Р. Международно-правовое сотрудничество в использовании и исследовании космического пространства в рамках ООН // Право и закон. - 2011. - № 2. - С. 183-185.

10. Комитет по использованию Неотредактированная стенограмма космического пространства в мирных целях (КОПУОС) // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL: www.un.org (дата обращения 21.04.2020 года)

МРНТИ 10.87.75

Куликпаева М.Ж.

*Руководитель Отдела международного права и сравнительного правоведения
Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан
Министерства юстиции Республики Казахстан, и.о. доцента кафедры
международного права Юридического факультета
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, PhD
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: mira16_astana@mail.ru)*

Казиев Б.Н.

*Генеральный директор ТОО “KazAeroSpace”, MBA
г. Нур-Султан, Казахстан*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Аннотация. В последние годы значительно расширилась практика использования беспилотных летательных аппаратов, как и в гражданской, так и в военной деятельности. В настоящее время появилась проблема распространения данных технологии, включая их использование террористическими группами. Важную роль играют механизмы экспортного контроля и договоры по нераспространению. Таким образом, данная статья посвящена вопросу международно-правового регулирования беспилотных летательных аппаратов. Статья подготовлена в рамках проекта AP05135405 «Вклад Республики Казахстан в совершенствование национального и международно-правового режима контроля за ракетными технологиями и использование космических технологий в мирных целях».

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, международное право, космос, экспортный контроль, контроль за вооружениями, РКРТ, Вассенаарские договоренности, договор о торговле оружием, Регистр обычных вооружений ООН, ИТАР.

Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) относятся к числу наиболее важных, сложных, но и спорных вместе с тем на сегодняшний день вопросов в международном праве. Беспилотные летательные аппараты - это новая технология в современном мире. Европейское оборонное агентство отметило, что в связи со значительными экономическими, технологическими и промышленными последствиями необходимо будет обеспечить осведомленность общественности о преимуществах беспилотных летательных аппаратов наряду с политическим пониманием потенциального использования такой технологии.

Так, в связи с новыми технологическими возможностями, имеющимися в распоряжении вооруженных сил, возникают вопросы об эффективности существующих механизмов контроля за вооружениями и экспортного контроля для предотвращения поставки их в руки «нарушителей прав человека» или террористических групп. Существует растущая тенденция применять беспилотные системы для широкого спектра, как и в военных, так и в гражданских целях, и получение доступа к этой технологии, и использование этих инструментов как государственными, так и негосударственными субъектами [1, 159-160].

Таким образом, технология беспилотных летательных аппаратов может иметь «двойное назначение» - военное и гражданское. Производителям или экспортерам этой технологии необходимо будет рассмотреть вопрос об экспортном контроле на своих соответствующих рынках. В настоящее время, все товары, связанные с беспилотными летательными аппаратами, требуют разрешения на экспорт в другие страны, даже для гражданского использования. Так, например, Великобритания имеет общее разрешение на экспорт беспилотных летательных аппаратов для всех государств-членов Европейского союза. Для получения такого разрешения производителю необходимо будет запросить у получателя или покупателя заявление о конечном использовании, запрещающее реэкспорт товара за пределы ЕС. Эти меры экспортного контроля являются результатом международных соглашений. Так, Вассенаарские договоренности и РКРТ, являются двумя международными инструментами, которые совместно составили перечни контролируемых беспилотных летательных аппаратов.

Канада, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Франция, Германия, Италия и Япония создали в 1987 году режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ) для устранения угрозы распространения систем доставки оружия массового уничтожения. РКРТ возник из директивы о национальной безопасности № 70 (1982), в которой президент США Рональд Рейган распорядился провести переговоры о новой международной политике экспортного контроля для предотвращения распространения ракет с ядерными боеголовками, способных нанести удар со значительного расстояния [2]. На 2020 год 35 государств, в основном западные государства, договорились ограничить экспорт ракет и беспилотных комплексов, способных нести полезную нагрузку

свыше 500 кг и минимальную дальность действия 300 км (это определение уже более 26 лет занимает центральное место в РКРТ). Необходимо отметить, что такие страны, как Израиль и Китай, заявляют о присоединении к РКРТ, но не являются официальными участниками. Эти нечлены осуществляют национальные правила экспортного контроля в соответствии с режимом и принимают процесс обмена информацией между его подписавшими сторонами в целях обеспечения подотчетности [3, 262].

Таким образом, РКРТ - это неформальное добровольное партнерство, направленное на предотвращение распространения ракетных технологий. РКРТ придерживается руководящих принципов экспортной политики, применяемых к общему перечню контролируемых товаров. Однако, поскольку РКРТ является лишь договоренностью между государствами, а не договором, он имеет лишь политическую обязательную силу. РКРТ устанавливает руководящие принципы, но решение о том, одобрена ли экспортная лицензия или нет, остается за отдельным государством. В соответствии с руководящими принципами РКРТ экспорт беспилотных летательных аппаратов сопряжен с «сильной презумпцией отказа» в выдаче экспортной лицензии. Все решения принимаются консенсусом, и партнеры РКРТ регулярно обмениваются информацией о соответствующих национальных вопросах лицензирования экспорта [2].

РКРТ использует две категории. Категория I содержит, в частности: «полные системы беспилотных летательных аппаратов (включая крылатые ракеты, БПЛА-мишени и разведывательные БПЛА), способные доставлять не менее 500 кг «полезной нагрузки» на дальность не менее 300 км. Существует «сильная презумпция отказа», лежащая в основе категории I, то есть подписавшие РКРТ государства не будут экспортировать такие системы. В результате, экспорт по категории I осуществляется редко и только в том случае, если «правительство получает обязательные для исполнения обязательства между правительствами, воплощающие гарантии от правительства-получателя и берет на себя ответственность за принятие всех необходимых мер для обеспечения того, чтобы данный товар использовался только в заявленных целях». Важно отметить, что передача производственных объектов категории I другим странам запрещена [4, 53-54].

Категория II включает комплектные системы БПЛА, которые не подпадают под категорию I и имеют дальность действия, равную или превышающую 300 км, не зависящие от полезной нагрузки. Технология категории II разрешена к экспорту, но могут быть экспортированы после рассмотрения шести различных критериев, касающихся риска неправильного его использования. Страны имеют большую свободу действий в отношении экспорта систем категории II.

С 2005 года Соединенные Штаты привлекли РКРТ для решения многосторонних проблем распространения беспилотных летательных аппаратов. Для решения этих проблем США предложили некоторые существенные изменения в отношении того, как РКРТ будет контролировать, и регулировать деятельность беспилотных летательных аппаратов, но государства-члены не смогли прийти к консенсусу по поводу этих изменений. Но, в итоге, было принято только одно из шести предложенных изменений. Если бы остальные пять пред-

ложений были приняты, это привело бы к перемещению некоторых БПЛА, которые в настоящее время относятся к категории РКРТ I, в категорию II. В период с 2005 по 2011 год участники режима приняли в общей сложности 22 технических изменения, связанных с БПЛА [5, 46].

Вассенаарские договоренности (ВД) - это добровольное международное соглашение об экспортном контроле за обычными вооружениями и товарами и технологиями двойного назначения, которое направлено для содействия региональной и международной безопасности и стабильности путем обеспечения транспарентности и большей ответственности при передаче обычных вооружений и товаров и технологий двойного назначения. Государства-члены соглашаются проводить национальную политику, основанную на принятой в Вассенааре передовой практике экспорта и передачи, которая обеспечивает ответственную передачу обычных вооружений и предметов двойного назначения. Государствам-членам рекомендуется сообщать о поставках оружия и отказах в экспорте контролируемых предметов в «вызывающие озабоченность страны», которые не являются частью соглашения. В соответствии с этими положениями ВД стремится предотвратить несанкционированную передачу или повторную передачу предметов, содержащихся в двух контрольных списках - один для боеприпасов, а другой для товаров и технологий двойного назначения [6, 54].

Беспилотные летательные аппараты и соответствующие системы контролируются в соответствии с категорией 9 перечня двойного назначения соглашения. Таким образом, государствам-членам предоставляется целый ряд инструкций для проведения оценки рисков, связанных с экспортом товаров для военного назначения. Эти риски связаны с тем, что оружие может быть использовано для совершения или содействия нарушению прав человека и основных свобод или законов вооруженного конфликта, региональной и международной стабильности [7, 211].

США предложили три основных изменения в вассенаарском контрольном списке, которые были приняты его государствами-членами. Первое изменение было принято в 2005 году и добавило в контрольный список оборудование и компоненты, специально предназначенные для преобразования пилотируемых летательных аппаратов в БПЛА, а также оборудование, специально предназначенное для управления БПЛА и систем наведения и управления для интеграции в БПЛА, в том числе другие элементы. Вторая поправка, принятая в 2007 году, добавила в контрольные списки двигатели, предназначенные или модифицированные для приведения в действие БПЛА. Третья, принятая в 2008 году, уточнила политику управления навигацией, ориентацией и системами наведения и управления беспилотными летательными аппаратами. В декабре 2014 года список был обновлен и включает ссылки на БПЛА меньшего типа, которые могут летать с минимальной продолжительностью в 30 минут.

Важно отметить, что ВД ограничены в количестве участников, и это оказывается проблематичным в связи с ростом развития беспилотных летательных аппаратов в государствах, которые не являются участниками соглашения. Это может, на наш взгляд, подорвать их способность ограничить распространение беспилотных летательных аппаратов. Кроме того, эти соглашения не имеют

обязательной силы и не имеют никаких негативных последствий для государств-членов, нарушающих эти соглашения.

Также, различие в толковании руководящих принципов ВД представляет собой еще одну трудность, поскольку государства-члены имеют различные национальные или региональные обязательства. В то время как государства-члены ЕС юридически связаны этими определениями, поскольку этот перечень является частью общей позиции ЕС, обновление перечня двойного назначения часто не осуществляется в других национальных режимах экспортного контроля, поскольку некоторые государства ссылаются на старую версию перечня, например Южная Африка. Тем не менее, эти соглашения могут оказаться хорошей платформой для поиска более совершенного механизма контроля путем обеспечения более широкого охвата государств и важным шагом должно стать включение перечней ВД в национальные системы экспортного контроля, и охват всех соответствующих беспилотных технологии, в том числе технологии «двойного назначения» [8, 134].

Хотя РКРТ и Вассенаарские договоренности призваны ограничить распространение ракетных технологий, многие ставят под сомнение их эффективность в достижении этой цели. Во-первых, существуют проблемы, связанные с государствами-членами РКРТ и Вассенаарских договоренностей. Существует опасение, что некоторые из основных стран-производителей БПЛА - включая Израиль, Китай и Иран — не являются членами ВД или РКРТ и поэтому могут стать ключевыми распространителями БПЛА-технологий. Израиль в настоящее время является крупнейшим экспортером технологии БПЛА, а Китай и Иран наращивают свои мощности по производству передовых БПЛА и уже начали экспортировать БПЛА. Обеспокоенность также связана с тем, что критерии вступления в режим контроля за ракетными технологиями и Вассенаарские договоренности, которые исключают некоторые страны, занимавшиеся в прошлом деятельностью по распространению, препятствуют эффективному контролю за распространением. Во-вторых, Вассенаарские перечни не содержат определенных технологий двойного назначения, которые «имеют решающее значение для разработки программ беспилотных летательных аппаратов в некоторых странах, вызывающих озабоченность.

Договор о торговле оружием вступил в силу в декабре 2014 года и направлен на обеспечение максимально возможного общего стандарта регулирования или совершенствования регулирования международной торговли обычными вооружениями, а также на предотвращение и искоренение незаконной торговли обычными вооружениями и их утечки [9, 53]. Данный договор устанавливает конкретные запреты, когда оружие, боеприпасы и компоненты не могут быть экспортированы, в то время как в статье 6.3 говорится, что «государство-участник не разрешает никакой передачи обычных вооружений, охватываемых статьей 2 (1) , или предметов, охватываемых статьей 3 или статьей 4, если на момент выдачи разрешения ему было известно, что оружие или предметы будут использованы при совершении геноцида, преступлений против человечности, серьезных нарушений Женевских конвенций 1949 года, нападений, направленных против гражданских объектов или гражданских лиц, защищаемых как та-

ковых, или других военных преступлений, определенных международными соглашениями, участником которых он является». В случае преобладающего риска того, что экспортируемое оружие и/или боеприпасы могут быть использованы для нарушения, в частности, международного гуманитарного права или международного права в области прав человека или использованы для содействия террористическим актам, экспорт не должен быть разрешен.

Договор о торговле оружием делит обычные вооружения на семь категорий. Статья 5 договора касается ее осуществления и отсылает к определениям Регистра обычных вооружений ООН. Однако крупные страны-экспортеры, включая США, Россию, Китай и Израиль, еще не присоединились к этому договору. В ходе переговоров были выдвинуты рекомендации по укреплению договора в отношении существующих и будущих беспилотных систем, чтобы сделать возможным обновление контрольного списка [10].

Регистр обычных вооружений ООН - это добровольное соглашение, созданное 1 января 1992 года. Он призывает все государства-члены ежегодно представлять соответствующие данные об импорте и экспорте обычных вооружений для включения в регистр. Государствам-членам предлагается представлять в регистр данные по семи категориям техники: боевые танки, боевые бронированные машины, артиллерийские системы большого калибра, боевые самолеты, ударные вертолеты, военные корабли, а также ракеты и ракетные пусковые установки. Важное значение имеет, чтобы государства-члены активизировали свою отчетность и повысили прозрачность в отношении экспорта вооруженных беспилотных летательных аппаратов, хотя консенсуса по новой формулировке регистра достичь не удалось. Расширение категорий, включающих все типы беспилотных военных систем, как вооруженных, так и двойного назначения в рамках регистра, явилось бы важным шагом на пути к обеспечению большей прозрачности в отношении отчетности об экспорте БПЛА. Это потребовало бы расширения возможностей государств регистрировать, какие виды продукции производятся и экспортируются, а следовательно, и совершенствования систем контроля [11].

Международные правила торговли оружием (ИТАР) представляют собой свод правительственных постановлений США, которые контролируют экспорт и импорт оборонных товаров и услуг, включенных в перечень боеприпасов Соединенных Штатов. Категория VIII (самолеты и сопутствующее оборудование) включает БПЛА, «которые специально разработаны, модифицированы или оснащены для военных целей». В начале 2015 года правительство США обновило свое регулирование экспорта (вооруженных) беспилотных летательных аппаратов, заявив, что получатели должны использовать эти системы в соответствии с международным правом, включая международное гуманитарное право и международное право прав человека, если это применимо. Также, важное значение, уделяется вопросу применения БПЛА в операциях, связанных с применением силы, только тогда, когда существует законное основание для применения силы в соответствии с международным правом, например самооборона. Также получатели не должны использовать беспилотные летательные аппараты

для проведения незаконного наблюдения или применения незаконной силы против своего населения [12, 76].

На основании вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что появление беспилотных летательных систем для вооруженного и гражданского применения создало новые проблемы для контроля над вооружениями и экспортного контроля. Ускоренное технологическое развитие привело к бурному развитию промышленности, которая обеспечивает как военное, так и гражданское применение беспилотных систем. Таким образом, вместе с новой отраслью приходят и новые вызовы. Государства, которые в настоящее время эксплуатируют беспилотные летательные аппараты, испытывают озабоченность по поводу распространения этой технологии, включая опасения, что она может оказаться в руках террористических групп, а также обеспокоенность по поводу неправомерного использования беспилотных систем в контексте вооруженных конфликтов.

Существующие механизмы экспортного контроля и договоры по оружию уже охватывают значительную часть существующих беспилотных систем. РКРТ и Вассенаарские договоренности являются наиболее важными многосторонними соглашениями из-за числа государств, являющихся участниками этих договоров, и того факта, что в них прямо упоминаются беспилотные летательные аппараты. Вассенаарские договоренности обеспечивают эффективный экспортный контроль за предметами, включенными в согласованные перечни, включая беспилотные транспортные средства. Договор о торговле оружием охватывает вооруженные беспилотные летательные аппараты, которые являются боевыми самолетами или боевыми вертолетами.

Необходимо отметить, что существующие режимы экспортного контроля весьма ограничены в своей эффективности применительно к новым технологиям, учитывая добровольный и необязательный характер некоторых режимов и ограниченное участие государств. Хотя значительная часть нынешних крупных государств-производителей и экспортеров, таких как США и различные государства ЕС, являются частью существующих соглашений, будущие производители БПЛА, такие как Китай, Турция и Россия, не являются таковыми. Кроме того, двойственный характер многих беспилотных систем и их все более широкое применение в гражданских целях создают препятствия для государств в деле установления эффективного контроля. Это, вероятно, приведет к ослаблению контроля над беспилотными системами и повышению вероятности дальнейшего распространения технологий.

Принимая во внимание, что беспилотные системы в будущем будут пользоваться большим спросом, контроль за экспортом оружия необходим для обеспечения стабильности и ограничения доступа к обычным вооружениям. Как экспортерам, так и другим государствам необходимо будет разработать эффективные и действенные предложения по ограничению доступа к критически важным технологиям двойного назначения посредством строгого глобального экспортного контроля, запрещающего экспорт беспилотных систем конечным пользователям, которые могут использовать их для нарушения прав человека или в террористических целях, тем самым нарушая международную и

региональную стабильность. Это, несомненно, потребует совершенствования механизмов мониторинга для конечных пользователей. Прежде всего, эти новые технологии уже создают проблемы в отношении их использования в военных целях.

Список использованной литературы

1. Евтодьева М.Г., Ознобищев С.К. Боевые беспилотные системы: современный этап развития, перспективы ограничения и контроля // Вестник Московского университета. - 2019. - № 3. - С. 160-197.
2. Problems of control, 2008 [Электронный ресурс] URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/05679329008448985> (дата обращения 20.04.2020 года)
3. Ознобищев С.К. Эволюция РКРТ и ПРО: региональный аспект // Ежегодник СИПРИ. – 2011. - С. 620-630.
4. Веселов В.А. Нераспространение ракетных технологий: вклад России в укрепление международного мира // Международные процессы. 2012. - Т.10. - С. 46-56.
5. Мизин И.Г. Россия и РКРТ: эволюция подхода и будущее режима контроля. - М.: МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ, 2009, 88 с.
6. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Участие России в многосторонних режимах экспортного контроля как инструмент защиты интересов российских экспортеров // Российский внешнеэкономический вестник. - 2014. - № 7. С. 49-62.
7. Терехин Н.В. Международные механизмы контроля за экспортом продукции военного и двойного назначения // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2004. - № 1. - С. 209-216.
8. Цебекова Е.П. Международные режимы экспортного контроля. Современная экономика: проблемы и решения. - 2015. - № 10 (70). - С. 37-47.
9. Пермякова Э.Ш., Тюрина Н.Е. Международный договор о торговле оружием // Евразийский юридический журнал. - 2014. - № 12 (79). - С. 53-55.
10. Договор о торговле с оружием // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL:<https://www.un.org> (дата обращения 25.04.2020 года)
11. Регистр обычных вооружений // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс] URL:<https://www.un.org> (дата обращения 25.04.2020 года)
12. Терехин Н.В. Международно-правовые аспекты экспортного контроля за передачей продукции двойного и военного назначения (на примере России и США) - Российский университет дружбы народов. Москва, 2004. – 187 с.

МРНТИ 27.25.19

Мещерякова О.М.

*Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,*

Москва, Россия

(E-mail: om23375@gmail.com)

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ COVID-19 И ОСОБЕННОСТИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ И
ВРЕМЕННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРАВ И
СВОБОД ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация: В статье рассматривается такая глобальная угроза безопасности как пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения прав человека. В указанном контексте рассматриваются ограничение права на свободу передвижения, ограничение права проведения публичных и частных собраний и митингов. Автор указывает, прежде всего, на то, что все ограничения, связанные с COVID-19, должны иметь правовую основу. Поэтому продолжительность ограничений, а также их соразмерность угрозе имеют первоочередное значение. Важнейшим принципом таких ограничений является соблюдение фундаментального права человека - права на жизнь, в целях обеспечения которого может быть временно ограничено или приостановлено действие иных прав и свобод человека.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, социальное дистанцирование, глобальная безопасность, ограничительные меры, пропорциональность, соразмерность, обеспечение безопасности в условиях пандемии.

Сегодня юристы в области конституционного права обсуждают такую важнейшую проблему как приостановление или значительное ограничение некоторых важнейших прав человека в условиях пандемии. К таким правам относятся: право на свободу передвижения, право на свободу проведения публичных собраний и митингов в условиях пандемии и др. Указанные права в условиях такого глобального вызова общественной безопасности как пандемия COVID-19 противопоставляются праву на жизнь и здоровье, которое является фундаментальным правом человека.

В целях защиты права граждан на жизнь и здоровье в первую очередь подлежит ограничению или временному приостановлению право на свободу передвижения. О возможности ограничения права на свободу передвижения речь идет в случаях, когда такое ограничение связано с распространением инфекции, вследствие которой возникает угроза жизни и здоровью населения того или иного государства или целого региона. Так, например, в ч. 1 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод напрямую идет речь

о возможности заключения под стражу с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний [1].

Из указанной нормы следует, что такая цель как защита жизни и здоровья населения может служить оправданием и основанием ограничения как свободы в целом, так и свободы передвижения. В целях достижения этой цели могут быть ограничены или приостановлены также такие права как право на уважение и неприкосновенность частной жизни, а также право на свободу выбора места жительства. В целях защиты права населения на жизнь и здоровье в условиях пандемии государства могут также закрывать свои границы и ограничивать право на свободу проведения публичных собраний и митингов.

Разумеется, предпринятые многими государствами в условиях пандемии COVID-19 меры, связанные с необходимостью для населения соблюдать меры самоизоляции в собственном жилище, могут рассматриваться и как ограничение свободы вообще, и как ограничение свободы передвижения. Однако разница между лишением свободы и самоизоляцией заключается в степени и интенсивности требований самоизоляции. Следовательно, необходимо учитывать разницу между абсолютным запретом на выход из дома и ограничением этого права в соответствии с установленными на период самоизоляции правилами.

При самоизоляции сохраняется ограниченная возможность выхода из дома, например, в магазин или аптеку. Также может быть установлен комендантский час. Кроме того, в условиях самоизоляции отсутствие непосредственного наблюдения за тем или иным физическим лицом может являться фактом, который не позволяет самоизоляцию рассматривать как лишение свободы, несмотря на такие административные меры как штрафы и т.д.

Таким образом, вопрос о том, является ли социальное дистанцирование, которое обеспечивается посредством самоизоляции, ограничением свободы в целом или представляет собой временное ограничение свободы передвижения, решается, исходя из конституционных норм каждого конкретного государства, а также в соответствии с ментальными представлениями населения о праве и в соответствии с его политической культурой.

Совершенно очевидно, что ограничение указанных прав вызвано необходимостью социального дистанцирования, несоблюдение которого в условиях пандемии может повлечь угрозу общественной безопасности и здоровью граждан. Однако для государств-участников Совета Европы возникает некоторая дилемма: С одной стороны, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в ст. 15 прямо указывает на возможность отступления от соблюдения обязательств, взятых на себя государствами-участниками, в чрезвычайных ситуациях [1]. С другой стороны, ограничение или приостановление рассматриваемых в данной статье прав и свобод должно иметь также и конституционно-правовую основу, т.е. соответствовать конституционно-правовым нормам каждого конкретного государства.

Таким образом, ограничение или приостановление прав и свобод граждан должно быть обоснованным с правовой точки зрения и пропорциональным с точки зрения жесткости предпринимаемых в условиях пандемии COVID-19 мер со стороны органов государственной власти. Более того, меры, предпринимае-

мые государствами в условиях угрозы общественной безопасности, затрагивают их позитивные обязательства, взятые ими в отношении соблюдения права на жизнь, предусмотренного ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также права на уважение неприкосновенности частной жизни, которое предусмотрено статьей 8 этой же конвенции.

Следовательно, в условиях такого глобального вызова как новая коронавирусная инфекция перед государствами возникает необходимость выбора приоритетов. Иными словами, в целях обеспечения права на жизнь и здоровье государства вынуждены прибегать к временному приостановлению или ограничению иных прав и свобод личности, например, права на свободу передвижения, права на свободное проведение публичных собраний и митингов, права на неприкосновенность частной жизни и т.д.

Приостановление указанных прав связано с необходимостью соблюдения санитарных норм. Вследствие этого в современных условиях ограничивается не только право на свободу собраний. Однако чрезвычайные полномочия, которые принимают на себя органы государственной власти без введения чрезвычайного положения приводят к тому, что ситуация с соблюдением основных прав и свобод человека меняется и в некоторых регионах мира грозит обернуться катастрофой в области прав человека. Так, серьезную озабоченность вызывают задержания за нарушение санитарных норм, которые в некоторых странах (например, в Марокко или на Филиппинах, а также в странах Африки) носят массовый характер.

Указанные нарушения оправдывает только то, что право на жизнь имеет приоритет над всеми остальными. Однако любые ограничения основных прав и свобод должны быть пропорциональными угрозе. Об этом речь идет в докладе Совета Европы «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в период кризиса» от 7 апреля 2020. В докладе указывается, что ограничения возможны лишь в том случае, когда они «особо необходимы» [2]. Доклад был разослан всем государствам-членам Совета Европы. В докладе указывается на необходимость эффективных действий по борьбе с пандемией, однако указывается, что эти действия не должны подрывать долгосрочный интерес к защите прав человека и верховенства права.

К ключевым моментам, на которые указывается в докладе, следует отнести:

Допустимость в чрезвычайной ситуации, возникшей в связи с пандемией, приостановления действия положений Европейской конвенции о защите прав человека;

Соблюдение даже в чрезвычайных ситуациях принципа верховенства права;

Соблюдение по возможности неприкосновенности частной жизни, персональных данных и т.д.;

Соблюдение свободы выражения мнений;

Борьба с фальсификацией медицинской продукции, которая может привести к нарушению права на здоровье.

Указанные выше положения были поддержаны также и Европейским Союзом в его пресс-релизе, посвященном основным проблемам, которые стоят перед государствами-членами в сфере защиты прав человека в условиях пандемии COVID-19 от 8 апреля 2020 [3].

Иными словами, в условиях пандемии COVID-19 государства, в первую очередь, обязаны обеспечить защиту здоровья населения, пусть даже в ущерб остальным правам, которые приостанавливаются или существенно ограничиваются.

Однако даже в условиях такого глобального вызова как пандемия COVID-19 указанное приостановление действия некоторых прав и свобод человека во многих регионах мира, прежде всего, в Европе, вызвало недовольство. Следствием такого недовольства стало формирование общественных группировок, которые считают некоторые из ограничиваемых прав, в частности право на свободу собраний особо ценным и ставят свои права выше принципов социального дистанцирования.

Так, демонстрации ковид -диссидентов прошли в Берлине, Брюсселе и других городах, где демонстранты протестовали против ограничительных мер, вызванных пандемией COVID-19, в первую очередь, против обязательного ношения масок. Такие демонстрации проходили под лозунгом: «Я дышу свободно».

Кроме того, коронавирусные ограничения вызвали недовольства не только в среде противников ограничения прав и свобод, но также и протесты со стороны тех, чья финансовая ситуация ухудшилась вследствие предпринимаемых государствами ограничительных мер, несмотря на предложенные меры финансовой поддержки.

Таким образом, пандемия, сама по себе, являясь глобальным вызовом, практически поставила государства перед новым вызовом, связанным с массовыми протестами населения против предпринимаемых мер.

Пандемия, несомненно, будет иметь долгосрочные последствия и окажет в будущем существенное и долгосрочное влияние на структуру экономики многих государств. Этот вывод следует из уже имеющихся статистических данных. Следовательно, COVID-19 оказал существенное влияние не только на благосостояние граждан, но также привел к существенным изменениям в экономической сфере. Так, например, в Федеративной Республике Германии автомобильная промышленность перестала быть локомотивом экономики, что, несомненно, будет иметь долгосрочные последствия.

Таким образом, пандемия является новым глобальным вызовом, который заставляет пересмотреть отношение к правам и свободам человека в условиях локдауна, вызванного COVID-19. И основная сложность на этом пути заключается в том, что в сложившихся демократических обществах существует устойчивая тенденция к защите прав и свобод, ограничение которых ведет к возникновению протестных настроений. Поэтому в настоящее время, как юристы, так и политики обсуждают вопрос о том, существуют ли конституционные нормы, которые должны соблюдаться при любых условиях.

Список использованной литературы:

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (12.09.2020).
2. Доклад Совета Европы «Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в период кризиса» от 7 апреля 2020 // <https://rm.coe.int/sg-inf-2020-11-respecting-democracy-rule-of-law-and-human-rights-in-th/16809e1f40> (12.09.2020).
3. Пресс-релиз Европейского совета от 08.04.2020 // https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0909e1f42 (12.09.2020).

МРНТИ 10.87.01

Мурзагалиев Е.Ч.

*Кафедра международного права, юридический факультет
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: murzagaliev70@mail.ru)*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИНИМАЕМЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ МЕР БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ

Аннотация: Автором в статье рассматриваются проблемные вопросы по международному сотрудничеству государств в борьбе с особо опасными инфекционными заболеваниями. И предлагается, каким образом в дальнейшем можно предотвратить негативные последствия от подобных инфекционных болезней. В работе приводятся механизмы правового регулирования на институциональном и правовом, а так же на глобальном, региональном и национальном уровнях. Автор считает, что необходимо создать новый международный орган. Принять международный правовой документ по борьбе с опасно инфекционными болезнями.

Ключевые слова: пандемия, ковид – 19, инфекционные болезни, международное сотрудничество, международные органы

Человечество не раз столкнулось с распространением опасных инфекционных заболеваний – чума, холера, сибирская язва, оспа, туляремия. Если заглянуть в историю распространения пандемии за последние 100 лет, то мы видим, что на земле было несколько случаев пандемий, например, вирус Эболы [1], лихорадка Денге [2], нильская лихорадка [3], вирус Зика [4], унесшие миллионы человеческих жизней. В 2020 году мировое сообщество столкнулось с еще одним страшным вызовом XXI века, по масштабности отличающееся от

других пандемий, под названием COVID -19. За короткое время умерло около миллиона людей по всему земному шару.

Анализируя текущее состояние по борьбе с этим явлением, можно сделать некоторые выводы, что человечество столкнулось с самым тяжелым кризисом в сфере здравоохранения, не только в масштабе определенного государства, но и в масштабе планеты Земля. Человечество не раз справлялось с такими вызовами, например с выбросами в атмосферу токсичных веществ, с авариями техногенного характера и масштабными экологическими бедствиями.

Имея накопленный опыт борьбы с такими явлениями, была сформирована международная правовая база. Созданы специализированные учреждения на универсальном уровне, и соответствующие органы на региональном и национальном уровнях, в этой сфере. Тем не менее, получилась парадоксальная ситуация, что мировое сообщество очень медленно реагировало, не сразу принимала срочные меры по борьбе COVID -19.

Данное опасное инфекционное заболевание по масштабу распространения, по количеству заболевших, по охвату территории, не имеет аналогов с ранее перечисленными инфекционными болезнями.

Даже развитые экономические страны испытывали определенные трудности в борьбе с этой болезнью, в основном многие государства рассчитывали только на свои силы и ресурсы, временно забыв о межгосударственном сотрудничестве с особо опасными инфекционными болезнями.

В целом механизм международного сотрудничества в рассматриваемой области, состоит из двух составляющих элементов: первое - институциональный и второе - правовой. И, соответственно, можно привести некоторые нормы из международных правовых документов, раскрывающие институциональные и правовые меры для борьбы с этим явлением. В преамбуле Устава ООН (Конституции) прописано, что «мы, народы объединенных наций преисполненные решимости, создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе» [5]. На сегодняшний день членами ООН являются 194 государства

Далее, согласно Уставу ВОЗ в частности в статье 1 прописано, что ее целью является «достижение всеми народами высшего уровня здоровья». В статье 2 данного документа отмечено, что функцией этого органа является «поощрение и развитие работы по борьбе с эпидемическими, эндемическими и другими болезнями». А также в этом документе, в статье 21 прописано, что ВОЗ «имеет полномочия устанавливать правила, касающиеся санитарных и карантинных требований и иных мероприятий, направленных против международного распространения болезней» [6].

Институциональный элемент составляют организации, которые ведут сотрудничество на глобальном, региональном и национальном уровнях.

В связи с этим, для борьбы с инфекционными болезнями есть необходимость создать новый комитет в рамках ВОЗ.

Что касается правового элемента, то они регулируют вопросы создания, или прекращения существования организаций, регулирующих процедурные вопросы и др. Удельный вес норм в сфере международного сотрудничества в области борьбы с инфекционными болезнями предельно достаточен (доступность медицинской помощи, обеспечение необходимыми лекарственными средствами и др.). Если обратимся к следующим международно-правовым документам, в частности, в статье 25 Всеобщей декларации прав человека, где провозглашено «право каждого человека на достойный жизненный уровень, на медицинский уход, на социальное обслуживание, и право на обеспечение в случае болезни» [7]. Далее, как указано в Международном пакте о гражданских и политических правах 1996 года, в статье 6 «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Данное право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни»[8]. Также в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1996 года, в статье 12 прописано «участвующие в настоящем Пакте, государствами признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Меры, которые должны быть приняты, участвующими в настоящем Пакте, государствами для полного осуществления права, включают мероприятия, необходимые для: а) обеспечения сокращения смертности и детской смертности и здорового развития ребенка; б) улучшения всех аспектов гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности; с) предупреждения и лечения эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними; д) создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни»[9]. Посмотрим как в других основополагающих международных правовых документах на региональном уровне, закреплены право на здоровье, статья 2, Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [10]. В статьях 1, 2,3,4,5 Американской конвенции о правах человека [11]. В статье 16 Африканской хартии прав человека и народов [12]. В статье 33 Хартии социальных прав и гарантий граждан независимых государств [13]. Также следует отметить международные правила, регулирующие указанные вопросы: международные медико-санитарные правила, 2005 года [14], руководство ВОЗ по коммуникациям при эпидемических вспышках, 2005 года [15], Руководство ВОЗ по оценке экономического бремени сезонного гриппа [16] и др. В этих документах подробно описаны правила, то каким образом необходимо принимать соответствующие меры при вспышке особо опасных инфекционных заболеваний. На этот раз мировое сообщество проигнорировало данные документы тем, что источники являются как правила-рекомендации, которые носят необязательный характер и неэффективны в период борьбы с пандемии ковид -19.

Конечно, подразумевается, что обеспечение соответствующих условий напрямую зависит от комплекса факторов, среди которых главными будут являться экономические, культурные, социальные и политические. Значимость вышеуказанных факторов трудно переоценить, а главное – способность того или иного государства обеспечить хотя бы элементарными средствами защиты (маски, антисептическими веществами и др.) во время вспышки инфекционных

болезней. Так же невозможно гарантировать обеспечение безопасности, в условиях отсутствия на должном уровне экономического развития, когда, та или иная страна не может обеспечить для большинства своего населения минимально необходимой нормы питания и гигиены. В таком случае говорить о реальной возможности для граждан этих стран сохранить безопасную среду в таких случаях, очень затруднительно. Кроме того, просвещенность населения в вопросах обеспечения безопасности в сфере здоровья послужит залогом для эффективной борьбы с инфекционными болезнями в будущем. Выработка норм, обеспечивающих совместную деятельность государств и международных организаций должна выстраиваться на основе принципов и норм международного права. Не стоит забывать, что для многих развивающихся государств, в силу их тяжелого экономического положения механизм международного правового сотрудничества является единственно возможным вариантом обеспечения борьбы с инфекционными болезнями. Все это можно достичь имплементацией принятых международных правовых норм по борьбе с инфекционными болезнями в национальное законодательство, путем обращения к международным организациям за содействием и помощью в борьбе с инфекционными болезнями, через обеспечение выполнения международных обязательств, взятых на себя государством в результате заключения международных договоров.

Более того, необходимо при разработке международно-правовых документов, учесть реальные возможности государств по их обеспечению. Осуществление карантинных мер, вакцинации граждан, и по другим вопросам, связанным с этим заболеванием.

На национальном уровне - создать механизмы прозрачности и публичности финансово – хозяйственных расходов в условиях борьбы с инфекционными болезнями. Заранее принять программы государственных гарантий по оказанию гражданам страны бесплатной медицинской помощи и определению медицинских услуг во время вспышки инфекционных болезней. Усовершенствовать государственное регулирование цен на необходимые и важнейшие лекарственные средства в целях повышения их доступности для граждан страны во время пандемии.

Для эффективной борьбы и обеспечения безопасности людей, необходимо уделять особое внимание международному сотрудничеству и разработке международных и национальных правовых документов в сфере борьбы с инфекционными болезнями, а также интеграции международных стандартов в национальном законодательстве, привлекая специалистов разных отраслей экономики, ведущих ученых в сфере здравоохранения, образования и т.п.

Список использованной литературы:

1. Источник и разновидности вируса [Электрон. ресурс] – 2014. – URI: <https://tass.ru/ebola/chto-takoe-ebola/> (дата обращения: 06.09.2020)
2. Денге и тяжелая денге [Электрон. ресурс] – 2019. – URI: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dengue-and-severe-dengue> (дата обращения: 06.09.2020)

3. Лихорадка Западного Нила: симптомы и течение болезни [Электрон. ресурс] – 2010. – URI: <https://ria.ru/20100823/268218582.html> (дата обращения: 07.09.2020)
4. Вирус Зика [Электрон. ресурс] – 2018. – URI: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/zika-virus> (дата обращения: 07.09.2020)
5. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) [Электрон. ресурс] – 1945. – URI: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (дата обращения: 08.09.2020)
6. Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения) [Электрон. ресурс] – 1946. – URI: https://www.who.int/governance/eb/who_constitution_ru.pdf (дата обращения: 08.09.2020)
7. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года [Электрон. ресурс] – 1948. – URI: <https://www.un.org> (дата обращения: 06.09.2020)
8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электрон. ресурс] – 1966. – URI: <https://sud.gov.kz/rus/content/mezhdunarodnyu-pakt-ob-ekonomicheskikh-socialnyh-i-kulturnyh-pravah> (дата обращения: 08.09.2020)
9. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электрон. ресурс] – 1966. – URI: <http://www.adilsoz.kz/acts/show/id/82> (дата обращения: 09.09.2020)
10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.). Собрание законодательства РФ, 2001, № 2.
11. Американская конвенция о правах человека (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 года) [Электрон. ресурс] – 1969. – URI: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39605365 (дата обращения: 09.09.2020)
12. Африканская Хартия Прав Человека и Народов (Принята на встрече глав государств — членов Организации африканского единства 26 июня 1981 г. в Найроби. Вступила в силу 21 октября 1986 г) [Электрон. ресурс] - 1986. – URI: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html> (дата обращения: 10.09.2020)
13. Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств (Одобрена в г. Санкт-Петербурге 29.10.1994 Постановлением Межпарламентской Ассамблеи СНГ) [Электрон. ресурс] - 1994. – URI: <https://www.lawmix.ru/abro/8022> (дата обращения: 10.09.2020)
14. Международные медико-санитарные правила (2005 г.) [Электрон. ресурс] - 2009. – URI: https://www.who.int/ihr/Intro_legislative_implementation_ru.pdf?ua=1 (дата обращения: 11.09.2020)
15. Руководство ВОЗ по коммуникации при эпидемических вспышках [Электрон. ресурс] - 2009. – URI: https://www.who.int/publications/list/WHO_CDS_2005_31/ru/ (дата обращения: 11.09.2020)
16. Руководство ВОЗ по оценке экономического бремени сезонного гриппа [Электрон. ресурс] - 2016. – URI: https://www.who.int/immunization/documents/financing/who_ivb_16.04/ru/ (дата обращения: 12.09.2020)

Мухамеджанов О.З.

*Профессор Ташкентского государственного юридического университета,
Ташкент, Республики Узбекистан
(E-mail: amonuzm@yahoo.com)*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Аннотация: В данной статье освещаются некоторые тенденции совершенствования нормативно-правовой базы, определяющей правовые основы гарантий прав ребенка. Так, в частности в ней рассматривается содержание нового Закона Республики Узбекистан "О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью"(2018 г.) в свете выполнения международных обязательств в соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка.

Ключевые слова: глобализация, права ребенка, Конвенция ООН о правах ребенка, «вредная» информация, Агентство информации и массовых коммуникаций.

Новый этап в развитии процессов обмена информацией в современных условиях характеризуется интенсивным внедрением современных компьютерных, теле- и радиовещательных, телефонных технологий и коммуникационных служб, быстрым распространением локальных и глобальных коммуникационных сетей. Все это создает принципиально новое качество трансграничного информационного обмена и инструментария воздействия на массовое сознание, усиливая значение культурно-информационных, социально-психологических аспектов глобализации. В результате быстрого развития современных информационных технологий усилились дискуссии о характере их влияния на правовые институты и общественные процессы, основанные на новой форме взаимодействия государства, граждан и общества.

Процесс глобализации в современных условиях также актуализирует вопрос о защите детей и подростков от вредной для них информации в целях обеспечения их нормального физического и психологического развития. Согласно ст.17 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., страна, ее ратифицировавшая, признает важную роль СМИ в формировании личности и заботится о том, чтобы ребенок мог пользоваться различной информацией из национальных и международных источников. Это относится, прежде всего, к информации, которая способствует духовному и моральному благосостоянию ребенка, его физическому и психическому здоровью, которая необходима для его культурного и социального развития. В декабре 1992 года Республика Узбекистан ратифицировала Конвенцию ООН о правах ребенка [1] и регулярно представляет периодические отчеты о выполнении положений Конвенции в Комитет ООН по

правам ребенка. Присоединение нашей страны к Конвенции способствовало формированию правовой политики государства в области защиты прав детей.

Права ребенка в Узбекистане на сегодняшний день отождествляются с правами человека и гражданина во втором разделе Конституции Республики Узбекистан[2]. В данном разделе провозглашены личные права и свободы человека, его политические, экономические и социальные права, а также гарантии, которые обеспечивают реализацию прав и свобод человека, в том числе ребенка. Ст. 45 Конституции определяет в качестве приоритетной защиту государством прав несовершеннолетних, нетрудоспособных, одиноких и престарелых граждан. Кроме названных конституционных норм, требования Конвенции ООН о правах ребенка нашли законодательное закрепление в законах «О гарантиях прав ребенка», «О профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних», «О государственной молодежной политике», «Об образовании», «О социальной защите инвалидов», а также в Гражданском, Семейном, Трудовом, Уголовном, Уголовно-процессуальном кодексах Республики Узбекистан и других[3].

Ст. 12 Конвенции обязывает государства-участники «обеспечивать ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка». Большая ответственность в этом ложится на родителей и лиц, на которых возложена забота о детях. Они должны иметь возможность получить информацию о том, может ли нанести вред доступная детям информация. В этом направлении в Узбекистане совершенствуется и нормативно-правовая база, определяющая правовые основы гарантий прав ребенка. В национальном законодательстве, в частности, в Уголовном кодексе, предусмотрены конкретные меры наказания за подобные деяния. Новый Закон Республики Узбекистан "О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью"[4] является еще одним важным шагом по дальнейшему укреплению соответствующей законодательной базы. Вступивший в силу в марте 2018 г. правовой документ состоит из 6 глав и 27 статей. Данный закон по своей сути направлен на упорядочение взаимоотношений в сфере защиты детей от информации, наносящей вред их здоровью. В Законе конкретизируется ряд понятий, в том числе таких, как информационная продукция и возрастная классификация, проведение экспертизы информационной продукции, а также информация, наносящая вред здоровью детей.

В данном Законе конкретно определены орган и учреждения, участвующие в реализации приоритетных задач в этом направлении и их полномочия. В частности, Агентство информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан определено в качестве специального уполномоченного органа, защищающего детей от информации, наносящей вред их здоровью. На Агентство возложен ряд полномочий – проведение государственной политики в этой сфере, разработка соответствующих нормативно-правовой документации и государственных программ, осуществление контроля за соблюдением законодательства. Законом также закреплены полномо-

чия и участие республиканской и территориальных межведомственных комиссий по делам несовершеннолетних, а также соответствующих государственных и общественных организаций, СМИ.

Безусловно, решение вопроса о защите несовершеннолетних от воздействия неблагоприятной информационной среды стоит перед законодателями многих государств и всего международного сообщества в целом. Проблема состоит в том, что различие в традициях, менталитете, социально-политическом и экономическом положении разных стран, сложно выработать общие критерии «вредной» информации.

Тем не менее, данная проблема ждет своего решения. Изображение насилия, жестокости в СМИ, порнографии наносит вред здоровому развитию подрастающего поколения, оказывая отрицательное влияние на психику и нравственность детей, формируют в сознании несовершеннолетних негативные стереотипы мышления, увеличивая риск антиобщественного поведения в будущем, другими словами, опасно как для личности, так и для всего общества в целом. В этой связи именно государство должно выработать критерии «вредной» информации, определиться с органом, который будет контролировать содержание СМИ в части информации, способной нанести вред несовершеннолетним, с различными технологиями и способами защиты.

Как известно, свобода СМИ гарантирована многими конституциями мира, а право на свободное получение и распространение информации является одним из основных конституционных прав граждан. В частности, в ст. 29 Конституции Узбекистана закреплено право на свободу мысли, слова и убеждений, искать, получать и распространять любую информацию, за исключением направленной против существующего конституционного строя и других ограничений, предусмотренных законом. А в ст.67 Конституции Узбекистана установлено, что СМИ свободны и действуют в соответствии с законом. Они несут в установленном порядке ответственность за достоверность информации. Ограничение СМИ возможно для защиты несовершеннолетних от вредного воздействия неблагоприятной информационной среды, но меры защиты должны быть адекватными. Надо в этой связи четко соблюсти баланс между свободой СМИ и охраной прав юных граждан страны.

Необходимо также определиться, какую информацию надо запретить, а какую лишь ограничить с целью охраны прав несовершеннолетних. В частности, назовем ту информацию, доступ к которой стоит ограничить, «вредной», а ту, которую следуют запретить, «незаконной». Распространение «незаконной» информации – уголовно наказуемое деяние и оно карается Уголовным законом, а понятие «вредной информации» более расплывчато. Уголовным законом она не запрещена, но может ограничиваться другими законами, т.к. наносит вред интересам других лиц, особенно несовершеннолетних. Порнография, безусловно, относится к первой категории.

Так, например, в Великобритании поиск правонарушителей, действующих в Интернете выполняет Национальный отдел по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий. Особая форма контроля в Интернете реализуется через деятельность общественных организаций: одна из наиболее влиятельных

организаций "Интернет-наблюдение" занимается предотвращением распространения детской порнографии и материалов, разжигающих национальную и расовую ненависть в сети Интернет.

В целях ограждения несовершеннолетних в Интернете четко отслеживаются незаконные и вредоносные контенты на основе общего принципа «Что незаконно вне сети, незаконно и в сети». В Законе ФРГ о защите молодежи в СМИ регулируются вопросы в отношении незаконного и вредоносного контента в Интернете, защиты несовершеннолетних в телерадиовещании и интернете. Данный закон предусматривает три уровня защиты несовершеннолетних: "абсолютно незаконный контент", "иной незаконный контент", "контент, ставящий под угрозу развитие детей и подростков". Законом устанавливается, что периодические издания, которые в течение года более двух раз нарушили законодательство в этой сфере, могут на период от 3 до 12 месяцев стать недоступными для молодежи, и потому не будут продаваться в киосках и выдаваться в библиотеках.

Считаем, что общий запрет на распространение порнографии не достаточен для защиты несовершеннолетних от вредного воздействия информационной среды. Необходимо выработать специальные нормы, в должной мере учитывающие интересы именно этой группы лиц. С этой целью могут применяться различные инструменты:

- принятие специального нормативного акта о защите прав ребенка;
- создание органа, который был бы ответственен за защиту несовершеннолетних от вредной информации;
- выделение для «вредной» информации определенных временных промежутков, использование всевозможных устройств, затрудняющих доступ к такой информации и специальных предупредительных звуковых и видеосигналов;
- регулирование рекламы для несовершеннолетних или рекламы, угрожающей нравственности.

Хотелось бы остановиться еще на одном аспекте защиты несовершеннолетних от информации, наносящей вред их нравственному и духовному развитию. Это в первую очередь касается рекламных материалов. В законодательстве о рекламе многих стран присутствует норма о запрете на порнографию. Во многих случаях законодательство накладывает также ограничения или запрет на рекламу, которая, как считается, оскорбляет общественную нравственность. Например, Закон Республики Узбекистан «О рекламе» (1998 г.) запрещает распространять порнографию (ст.6) [5]. Также важно предусмотреть конкретные формы государственного и социального контроля за образовательно-просветительской практикой СМИ, в большинстве стран не разработан механизм ответственности ее субъектов.

Впервые с Законом Республики Узбекистан "О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью" устанавливается знак возрастной категории информационной продукции, в котором предусматривается графическое и (или) текстовое обозначение возрастной категории информационной продукции. В данном Законе определен институт возрастной классификации инфор-

мационной продукции, где определяется распределение информационной продукции по возрастным категориям детей с учетом ее тематики, жанра, содержания и художественного оформления, особенностей восприятия имеющейся в ней информации детьми определенной возрастной категории, вероятности причинения содержащейся в ней информацией вреда здоровью детей.

Возрастная классификация информационной продукции осуществляется путем отнесения ее к информационной продукции для детей, не достигших возраста 7 лет (знак возрастной классификации данной информационной продукции должен содержать надпись «0+»);

Информационной продукции для детей, достигших возраста 7 лет (знак возрастной классификации данной информационной продукции должен содержать надпись «7+»);

Информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет (знак возрастной классификации данной информационной продукции должен содержать надпись «12+») и др.

Вместе с тем, законом учитывается введение реестра запрещённой к распространению на территории Республики Узбекистан информационной продукции, наносящей вред здоровью детей. В соответствии с этим Законом реестр запрещённой к распространению на территории Республики Узбекистан информационной продукции, наносящей вред здоровью детей является публичным и размещается во всемирной информационной сети Интернет, с предоставлением к нему доступа всем заинтересованным лицам.

Закон также направлен на борьбу против распространения печатных, аудио и видео продуктов, а также электронных игр, пропагандирующих насилие, жестокость, наркоманию, порнографию и другой вредной информации. Защищая детей от «вредной» информации, Узбекистан выполнит свои международные обязательства, в частности, страна обеспечит исполнение статей 13, 17 и 34 Конвенции ООН о правах ребёнка 1989 г.

Данный правовой документ, устанавливающий ограничения на деятельность СМИ и других вредных факторов направлено на защиту здоровья и обеспечение нормального умственного и духовного развития детей, что будет способствовать формированию достойного будущего для нового поколения страны.

Список использованной литературы:

1. Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. //Интернет ресурс: <http://lex.uz/docs/2595909>

2. Конституции Республики Узбекистан 1992 г. //Интернет ресурс: <http://www.lex.uz/acts/35869>

3. Вышеуказанные законодательные акты Республики Узбекистан размещены на сайте: <http://www.lex.uz>

4. Закон Республики Узбекистан "О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью". //Интернет ресурс: <http://www.lex.uz/docs/3333805>

5. Закон Республики Узбекистан «О рекламе». //Интернет ресурс: <http://www.lex.uz/acts/1715>

Ойнарова А.А.

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан
(E-mail: oinarova@mail.ru)*

ЕУАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚ СОТЫ ЖӘНЕ ЕУАЗИЯЛЫҚ ИНТЕГРАЦИЯНЫҢ ДАМУЫ

Андатпа: Қазіргі уақытта әлемдік экономиканың дамуында басты қарқын өңірлік экономикалық интеграция болып табылады. Оның болашағы көбіне интеграциялық қалыптасудың жаһандық диалогының тиімділігіне және олардың ішкі тұрақтылығына тәуелді болады. Тұрақтылық негізінен интеграциялық бірігу органдары жүйесінің функцияларының және құзыреттіліктерінің көлемімен анықталатын болады.

Түйінді сөздер: өңірлік экономикалық интеграция, Еуразиялық экономикалық одақ, Еуразиялық экономикалық одақ Соты, еуразиялық интеграция, Кеден одағы

Халықаралық сот әділдігі әдетте халықаралық құқық субъектілері ретінде мемлекеттермен келісілген шеңберде және көлемде белгілі бір халықаралық сот мекемелерімен халықаралық құқықтың жалпы көпшілік таныған қағидаларына және нормаларына сәйкес құрылтайшы құжаттарында берілген халықаралық сот мекемелерінің құзыреттіліктерімен анықталатын сұрақтар бойынша жүзеге асырылатын қызмет ретінде түсініледі [1, 159 б.].

Әлемде өтіп жатқан интеграциялық процестер сәйкесінше бірлестіктердің шеңберінде әрекет ететін арнайы сот, арбитраждық немесе басқа мекемелерді құруды да талап етеді. Г.Д. Ваеленің пікірінше, шындығында Еуропа одағы (ЕО) мүше мемлекеттердің және ұлттық органдардан жоғары тұратын атқарушы және өкілдік органдардың жемісті жұмысының арқасында ғана емес, сондай-ақ ЕО Сотының тиімді жұмысының арқасында да тиімді институт ретінде құрылған [2, 5 б.]. Бұл пікір басқа интеграциялық бірлестіктерге де, мысалы, Анд қауымдастығына да орынды.

Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) мәнмәтінінде, В.В. Балытниковтың, Д.С. Бокланның пікірінше, ЕАЭО Соты «еуразиялық өңірде сәтті интеграцияны жүзеге асыру үшін өте қажетті құрал» болып табылады [3, 71 б.].

ЕАЭО Соты Еуразиялық экономикалық одақтың тұрақты әрекет ететін сот органы болып табылады, оның мәртебесі, құрамы, құзыреті және әрекет ету мен қалыптасу тәртібі 2014 жылғы ЕАЭО туралы шартпен және Сот Статутымен анықталады.

А.С. Исполинов өзінің жұмысында Одақ құрумен байланысты Еуразиялық экономикалық қауымдастық Сотында (ЕурАзЭҚ) орын алған өзгерістерді бөліп көрсетті. Біріншіден, Соттың қалыптасу тәртібі өзгерді. Бұрын судьялар

Мемлекетаралық Кеңестің ұсынысымен Парламентаралық Ассамблеямен сайланса, қазіргі уақытта Одақ Сотының судьялары мүше мемлекеттердің ұсынысымен Жоғарғы Еуразиялық экономикалық кеңестің шешімімен лауазымға тағайындалады (ЕАЭО Соты Статутының 10-т.). Бұл, сөзсіз, Одақ Сотының судьяларының мәртебесін жоғарылатады. Алайда, мүше мемлекеттер белгілі бір негіздер орын алған жағдайда судьяның өкілеттіліктерін тоқтатуды бастамалауы мүмкін (ЕАЭО Соты Статутының 13-т.). Автордың пікірінше, бұл жағдай судьялардың тәуелсіздігіне әсер етуі мүмкін. ЕО Соты судьяларымен салыстырсақ, онда судьяны лауазымынан босату судьялардың өздерінің (мәселесі шешілмеген судьядан басқа) және Әділдік сотының бас адвокаттарының бірауыздан қабылданған шешімімен ғана болуы мүмкін. Екіншіден, Одақ Соты өзінің меншікті регламентін, яғни процедура ережелерін бекіту құқығынан айырылған. Одақ Сотының регламентін де енді Жоғарғы кеңес бекітетін болады. Бұл шешім ЕурАзЭҚ Сотының нақты тәжірибесінен алынған, онда Соттың өзі бірден өзінің үш регламентін қабылдаған. ЕурАзЭҚ Сотында көптеген қағидалары бірін бірі дубляждаған бірден үш регламенттің болуы Соттың тиімділігін жоғарылатты деп айту қиын. Сот жұмысының процедурасын бекітуде мемлекеттердің осылай қатысуы халықаралық тәжірибеде де кездеседі. Алайда, БҰҰ Халықаралық Соты және АҚЕС меншікті процедура ережелерін өздері бекітеді, ЕО сондай Соты осындай құқыққа ие болған жоқ. Үшіншіден, өнеркәсіптік субсидиялар, ауыл шаруашылығын мемлекет тарапынан қолдау шаралары, арнайы қорғаныс, демпингке қарсы және өтемақылық шараларды қолдану туралы дауларды қарастыру үшін мемлекеттердің өкілдерінен (сарапшыларынан) құрылатын мамандандырылған топтар пайда болды. Олардың шешімдері Сот үшін ұсыныс сипатына ие. Алайда, сәйкесінше өтемақылық шараларды қолдану қорытындысын жасаған кезде мамандандырылған топтың қорытындысы Сот үшін шешім шығару кезінде міндетті болып табылады (ЕАЭО Соты Статутының 92-т. 3-абз.). Осы нұсқамада Сот сараптау топтарының шешімдеріне апелляциялық инстанция ретінде емес, басқа институттар қабылдаған шешімдерді өз атауымен шығаратын орган ретінде шығады. Осы механизмді қолданудың нәтижесінде Одақ туралы Шарттың ережелерін әр түрлі түсіндіру пайда болуы мүмкін. Шарттың бір ережесі Сотпен және сараптау топтарымен әр түрлі түсіндірілетін жағдай да орын алуы мүмкін. Төртіншіден, ЕурАзЭҚ Соты Статутының айырмашылығы, ЕАЭО Сотының Статуты Еуразиялық экономикалық комиссияға (ЕЭК) ЕАЭО құқығы бойынша өз міндеттемелерін бұзатын мемлекетке қарсы шағыммен Сотқа жүгіну мүмкіндігін қарастырмайды [4, 83-84 б.].

Кез келген интеграциялық бірігуді сәтті дамыту үшін мемлекеттердің өз міндеттемелерін орындауларын пәрменді бақылау өте маңызды болып табылады. Осы тұрғыдан ЕЭК ұлттық органдардан жоғары тұратын институт ретіндегі қызметін асыра бағалау қиынға соғады. Осыған орай Одаққа мүше мемлекеттер болашақта ЕЭК-ны Одаққа мүше мемлекеттермен өз міндеттемелерін орындаулары жөнінде шағымдармен Сотқа жүгіну құқығына бөлеу идеясына қайтып келуі мүмкін [5, 155-156 б.].

Одақтың бюджеті туралы ережеге сәйкес Одақ Соты өзін қаржыландыру туралы ұсыныстарды әзірлеуі және оның қызметін қамтамасыз етуге бөлінген қаржыны басқаруы жағымды факт екендігін атап өткен жөн (ЕАЭО Соты Статутының 5-т.).

Сот ЕАЭО мүше мемлекеттерінің және шаруашылық жүргізуші субъектілердің өтінімдері бойынша дауларды қарастыруы мүмкін:

– Одақ шеңберіндегі халықаралық шарттың немесе оның жеке ережелерінің Шартқа сәйкестігі туралы (ЕАЭО Соты Статутының 39-т.).

Құқықтық қорғаудың берілген құралы қазіргі уақытта бір рет те пайдаланылмады және әзірше бірқатар сұрақтар тудырады. Өз жұмыстарында Е.Б. Дьяченко, К.В. Энтин осы мәселе жөнінде бірқатар қағиданы бөледі. Біріншіден, өтінімнің осы түрін дауды шешу туралы істі қозғау үшін негіз ретінде анықтау екі тараптың – талапкердің және жауапкердің болуын болжайды. ЕАЭО шеңберінде халықаралық шарттарға мемлекет басшылары Жоғарғы Еуразиялық экономикалық кеңестің отырыстарында қол қояды. Сонымен бірге Кеңестің өзі бұл жағдайда халықаралық шартты жасау үшін платформа ретінде пайданылады және оның жауапкер ретінде тартылуы мүмкін емес. Сондай-ақ Статутының 43-т. сәйкес, «дау өтінішкердің мәселені сотқа дейінгі тәртіпте реттеу үшін мүше мемлекетке немесе Комиссияға алдын ала жүгінусіз Соттың қарастырылуына қабылданбайтынын» атап өткен жөн. Сәйкесінше, даулардың осы санаты бойынша жауапкер ретінде тек мемлекеттер ғана болады. Салдары ретінде, егер мемлекеттердің бірі Одақ пен Одақ туралы Шарт шеңберінде халықаралық шарттың кейбір ережелері арасында қайшылық бар деп болжаса, онда бұл мемлекет өзгерістерді енгізу туралы ұсыныспен барлық қалған қатысушыларға сот алдындағы тәртіпте жүгінуі тиіс. Осындай жағдайды тәжірибеде елестету өте қиын, өйткені Одақ шеңберіндегі кез келген халықаралық шарт барлық мемлекеттердің келісімімен қабылданды (олардың әрбіреуі оған тыйым салу мүмкіндігіне ие болды). Сәйкесінше, кез келген қайшылықтар шарттың күшіне енуі туралы келіссөздер жасау кезеңінде жойылуы тиіс. Одақ шеңберінде жасалатын халықаралық шарттардың ЕАЭО туралы Шартқа сәйкестігін бақылау механизмінің қажеттілігіне еш күмән жоқ. Алайда осындай бақылау Еуропалық одақтың әрекет етуі туралы шарттың (ЕОӘШ) 218-б. шеңберінде Еуропалық одақтың үшінші елдермен жасалатын халықаралық шарттарының заңдылығын бақылау механизмі сияқты *ex post* (кейін) емес, *ex ante* (алдында) жасалуы мүмкін. ЕОӘШ 218-б. 6-т. Одаққа мүше мемлекеттерге немесе Одақ институттарына жоспарланатын шартқа қатысты ЕО Сотының пікірін сұрату мүмкіндігін ұсынады. Сұраныспен жүгінген жағдайда ЕО Сотының қорытындысы орындау үшін міндетті болады. Тәжірибе көрсеткендей, сұраныстар ЕО-да халықаралық шартты жасау бойынша құзыреттіліктің болуына (жеке дара немесе мүше мемлекеттермен бірігіп), сондай-ақ халықаралық шарттың ережелерінің ЕО шеңберіндегі негізгі шарттарға, сондай-ақ ЕО құқығының негізгі қағидаларына сәйкестікке де қатысты болуы мүмкін [6, 77 б.].

– басқа мүше мемлекетпен (басқа мүше мемлекеттермен) Шартты, Одақ шеңберіндегі халықаралық шарттарды және (немесе) Одақ органдарының ше-

шімдерін, сондай-ақ аталған халықаралық шарттардың және (немесе) шешімдердің жеке ережелерін сақтауы жөнінде (ЕАЭО Соты Статутының 39-т.).

П.П. Мысливскийдің пікірінше, істердің осы санатының мақсаты мемлекеттерге ЕАЭО Сотынан қарарлық бөлігінде ЕАЭО мүше мемлекеті ЕАЭО құқығын бұзатындығы және, салдары ретінде, болашақта осындай іс әрекеттерді тоқтату үшін әрекет етуі тиіс жөнінде декларация қамтылатын міндетті шешім шығаруды талап ету құқығын ұсыну болып табылады [7, 128 б.].

Ресей Федерациясы бастамалаған істі ЕАЭО Сотының бірінші қарауы (Калининград транзиті туралы іс) кең жарияланды [8].

– Комиссияның немесе оның жеке ережелерінің Шартқа, Одақ шеңберіндегі халықаралық шарттарға және (немесе) Одақ органдарының шешімдеріне сәйкестігі туралы (ЕАЭО Соты Статутының 39-т.).

Егер өтінім берген мемлекеттің талаптары қанағаттандырылса, онда Комиссия шешімі аталған ережелерге сәйкес келмейтін болып саналады және ЕЭК сәйкесінше шешімді жоғарылау деңгейдегі актілермен «сәйкестікке келтіруге» міндетті. Егер Сот басқа мерзім орнатпаса, онда Соттың осындай шешімін жүзеге асыру үшін соңғы мерзім 60 күнді құрайды (ЕАЭО Соты Статутының 111-т. 2-абз.).

– Комиссияның әрекетін (әрекетсіздігін) даулау туралы (ЕАЭО Соты Статутының 39-т.).

Істердің осы санатына сүйенсек, ЕЭК өз қызметі барысында орындайтын кез келген әрекеттердің (әрекетсіздіктердің) заңдылығын тексеруге болады.

Одақ құқығы «әрекетсіздік» ұғымын қамтымайтындығын ескере отырып, ЕАЭО Соты өзінің алғашқы істерінің бірінде, Тарасик ісінде, осы ұғымның кең анықтамасын таңдады. Сот көрсеткендей, «жалпы мағынасында «заңсыз әрекетсіздік» ұлттық органдардан жоғары тұратын органның (лауазымды тұлғаның) оны Одақ бөлеген міндеттемелерін орындамауы немесе лайықсыз орындауы болып табылады, атап айтқанда, шаруашылық жүргізуші субъекттің өтінішін толығымен немесе жарым-жартылай қараусыз қалдыру, егер өтінішті қарастыру ұлттық органдардан жоғары тұратын органның (лауазымдық тұлғаның) құзыретіне жатса, өтінім берушіге шағымның мәні бойынша жауап бермеуі болып табылады» [9].

ЕАЭО Сотының әрекетсіздікті кең мағынада түсіндіруді таңдауы әрекетсіздік туралы шағым құқықтық қорғаудың дербес құралы болып табылатын ЕО құқығынан айырмашылығы, Сот Статутында Комиссияның әрекеті және әрекетсіздігі біріктірілгендігімен негізделген. Осыған орай, сондай-ақ құқықтық қорғау құралдарының шектеулі екендігін ескерумен, ЕАЭО Сотының таңдауы әрекетсіздікке шағымдануды құқықтық қорғаудың максималды тиімді құралы ретінде жасауға арналған.

– егер Комиссия шешімі немесе оның жеке қағидалары Шартпен және (немесе) Одақ шеңберінде жасалған халықаралық шарттармен шаруашылық жүргізуші субъектіге ұсынылған құқықтардың және заңды мүдделердің бұзылуына әкелсе, Комиссия шешімінің немесе кәсіпкерлік және басқа экономикалық қызмет саласында шаруашылық жүргізуші субъектінің құқықтарына және заңды мүдделеріне тікелей қатысты жеке қағидаларының Шартқа және

(немесе) Одақ шеңберінде жасалған халықаралық шарттарға сәйкестігі туралы (ЕАЭО Соты Статутының 39-т.).

ЕЭК шешімі оның құқықтарын және заңды мүдделеріне «тікелей қатысты» болуы тиіс жөнінде Статутының тұжырымдамасы Одақ Сотының құжаттарында анықталмағандығын және Сот тәжірибесінде түсіндірілуі тиіс екендігін атап өткен жөн.

– егер әрекет (әрекетсіздік) Шартпен және (немесе) Одақ шеңберінде жасалған халықаралық шарттармен шаруашылық жүргізуші субъектіге ұсынылған құқықтардың және заңды мүдделердің бұзылуына әкелсе, кәсіпкерлік және басқа экономикалық қызмет саласында шаруашылық жүргізуші субъектінің құқықтарына және заңды мүдделеріне тікелей қатысты Комиссия әрекетіне (әрекетсіздігіне) дауласу туралы (ЕАЭО Соты Статутының 39-т.).

Өкілдіктердің маңызды тобын түсіндіру туралы істер құрайды. Осылайша, Статутының 46-т. сәйкес, Сот Одаққа мүше мемлекеттің немесе Одақ органының өтінішімен Шарттың, Одақ шеңберіндегі халықаралық шарттардың және Одақ органдарының шешімдерін түсіндіреді. Еңбек құқық қатынастарымен байланысты Одақ құқықтарының ережелерін түсіндіру туралы өтініштермен Одақ пен Сот органдарының қызметкерлері мен лауазымдық тұлғалары жүгіне алады. Осы істер бойынша Сот консультативтік қорытындылар шығарады.

Одан басқа, Статутының 47-тармағына сәйкес, Соттың түсіндірме жасауы консультативтік қорытындыны ұсынуды білдіреді және мүше мемлекеттерді халықаралық шарттарды бірлесіп түсіндіру құқығынан айырмайды.

Интеграцияны дамытуда сәйкесінше нормаларды қабылдау ғана емес, оларды қолдану да маңызды болып табылады. ЕАЭО Сотына қатысты – ол Сот шешімдерін орындау.

Одақ құқығы Одақтың негізгі мақсаттарына қол жеткізу мәселесінде маңызды құрал болып табылады (ЕАЭО туралы шарттың 4-б.). Сондықтан осы құқықты бірдей түсіну және қолдану – ұйымның дамуының ең маңызды бөлігі. Жоғарғы кеңестің, Үкіметаралық кеңестің және ЕЭК қызметі экономикалардың тұрақты дамуы және тауарлар, қызметтер, капитал мен еңбек ресурстарының бірыңғай нарығын қалыптастыру үшін жағдайлар жасауға бағытталған, сот органы Шартты және Одақтың басқа актілерін түсіндіруде маңызды рөл атқаруы, мүше мемлекеттер арасында өзара қатынастарды жақсартуда үлесін қосуы, Одақтың әрекет ету қағидаларына құрметпен қараудың кепілі болуы тиіс (Шарттың 3-б.). Сот Шартта қамтылған барлық міндеттемелердің сақталуын қамтамасыз ете отырып, Шарттың бүтіндігін қорғауы тиіс [10, 98 б.].

Одақ Сотының және ұлттық соттардың белсенді диалогы ЕАЭО бірыңғай құқықтық тәртібінің қалыптасуына және еуразиялық интеграцияның дамуына ықпал ете отырып, ЕАЭО құқықтарының нормаларын біркелкі қолданудың маңызды құралына айналуы тиіс, өйткені ұлттық соттармен өзара әрекеттесу – оны күшейтудің тағы бір әдісі.

Осылайша, ЕурАзЭК Сотының тәжірибесі Одақтың жаңа Сотына деген келістерді анықтады, осылайша, еуразиялық интеграция процесінде Сот рөліне әсер етті. Еуразиялық интеграцияның дамуының бастапқы кезеңінде ЕАЭО Соты дауларды шешу бойынша орган ретінде ғана қарастырылатын болады,

бірақ халықаралық тәжірибе көрсеткендей, интеграция процестері күшейген жағдайда Соттың атқаратын рөлі, сөзсіз, өседі.

Халықаралық сот төрешілігі ұлттық сот төрешілігінің жалғасы болып табылмайды, мәжбүрлеуді емес, мұқият икемдеуді және диалогты талап ететін ерекше, күрделі механизм болып табылады. ЕАЭО шеңберінде интеграцияның қарқынды дамуының маңызды аспектісі көптеген өкілдіктері бар, мемлекеттер тарапынан қолдауға ие болатын тиімді және беделді сотты құру болып табылады.

Әдебиеттер тізімі:

1. *Каширкина А.А., Морозов А.Н.* Международно-правовые модели Европейского Союза и Таможенного союза: сравнительный анализ; монография / отв. ред. А.Я. Капустин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. – 368 с.

2. *Waele H. de.* The Role of the European Court of Justice in the Integration Process: a Contemporary and Normative Assessment // *European Law Review.* – 2010. – Volume 6, № 1. – P. 3-26.

3. *Балытников В.В., Боклан Д.С.* Евразийский экономический союз: предпосылки создания, проблемы формирования, перспективы развития // *Сравнительное конституционное обозрение.* – 2015. – №3. – С. 69-82.

4. *Исполинов А.С.* Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза // *Государство и право.* – 2015. – № 1. – С. 80-88.

5. *Исполинов А.С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств - членов Евразийского экономического союза // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* – 2016. – №4. – С. 152-166.

6. *Дьяченко Е., Энтин К.* Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // *Международное правосудие.* – 2017. – № 3 (23). – С. 76-95.

7. *Мысливский П.П.* Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2015. – 212 с.

8. Решение Большой Коллегии Суда от 21 февраля 2017 года по делу №СЕ-1-1/1-16-БК по спору между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электрон. ресурс] URL: <http://courteurasian.org/doc-17943> (дата обращения: 15.09.2020)

9. Решение Коллегии Суда от 28 декабря 2015 года по делу №СЕ-1-2/2-15-КС по заявлению ИП Тарасика К.П. к Евразийской экономической комиссии [Электрон. ресурс] URL: <http://courteurasian.org/doc-14443> (дата обращения: 15.09.2020)

10. *Соколова Н.А.* Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // *Lex Russica.* – 2015. – № 11. – С. 96-103.

Сарсембаев М.А.

*Доктор юридических наук, профессор
Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
(E-mail: daneker@mail.ru)*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Под военной безопасностью государства понимается не только и не столько необходимость и умение вести военные действия. Смысл обеспечения военной безопасности заключается в том, чтобы систематически предпринимались действия по недопущению войны и военных действий. Цель деятельности в военно-стратегической сфере государства состоит в поддержании «готовности военной организации государства к обеспечению военной безопасности и обороне Республики Казахстан».

Военная доктрина Республики Казахстан утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года [1]. В этом специализированном документе военная доктрина Республики Казахстан определяется как система «официально принятых в государстве взглядов на обеспечение военной безопасности и оборону Республики Казахстан». В вводной части этого документа сказано: «В Военной доктрине с учетом возможных военных угроз Республике Казахстан определены основные направления государственной деятельности в военно-политической, военно-стратегической и военно-экономической сфере, по мобилизационной подготовке государства, а также основные меры по развитию военной организации Республики Казахстан». В пункте 2 особо подчеркивается, что «Военная доктрина носит оборонительный характер и отражает приверженность Республики Казахстан к приоритетному использованию для защиты национальных интересов дипломатических, политических, правовых, экономических и других невоенных средств». Следует поддержать положение, записанное в данном документе: «Применение военной силы Республикой Казахстан предусматривается при исчерпании возможностей невоенными средствами обеспечить военную безопасность государства».

Кроме Конституции Республики Казахстан, правовую основу военной безопасности страны составляют Закон Республики Казахстан от 5 марта 2003 года «О военном положении», Закон Республики Казахстан от 7 января 2005 года «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан», Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года «О национальной безопасности Республики Казахстан», Закон Республики Казахстан от 13 января 1993 года «О Государственной границе Республики Казахстан», Закон Республики Казахстан от 13 января 1993 года «О Пограничной службе Республики Казахстан», Закон

Республики Казахстан от 15 марта 1999 года «О государственных секретах», Закон Республики Казахстан от 15 июня 2015 года «О миротворческой деятельности Республики Казахстан». Указ Президента Республики Казахстан 25 октября 1991 года «Об образовании Государственного Комитета обороны Казахской ССР» (был трансформирован в Министерство обороны Республики Казахстан), Указ Президента Республики Казахстан от 20 ноября 1996 года «О Пограничных войсках Республики Казахстан», Указ Президента Республики Казахстан от 10 декабря 1999 года «О Пограничной службе Комитета национальной безопасности Республики Казахстан» стали нормативной основой военной безопасности страны.

Целью обеспечения военной безопасности следует считать необходимость повышения, увеличения и расширения военного потенциала страны в целях адекватного реагирования на возможные военные угрозы в адрес Республики Казахстан. К принципам обеспечения военной безопасности страны можно отнести: принцип обеспечения соответствия военной мощи страны характеру военных угроз Казахстану; принцип поддержания боевой и мобилизационной готовности всех видов вооруженных сил республики; принцип обеспечения подчиненности военно-стратегических целей национальным интересам Республики Казахстан; принцип сочетания количественных и качественных факторов в ходе развития военной организации казахстанского государства.

В Военной доктрине республики зафиксировано, что «целями военной политики Республики Казахстан являются обеспечение внутренней стабильности, предотвращение угроз развязывания военных конфликтов против государства, расширение участия в обеспечении международной безопасности, в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, поддержание в постоянной готовности военной организации государства к вооруженной защите Республики Казахстан и ее союзников». Все эти цели стоят на контроле у казахстанского государства и его вооруженных сил. История отечественной миротворческой деятельности началась с создания в 2000 году казахстанского батальона «Казбат». В 2003 году инженерно-саперное подразделение батальона «Казбат» принимало участие в миротворческой деятельности в Ираке. 290 казахстанских военнослужащих осуществляли поиск и уничтожение неразорвавшихся боеприпасов: ими было уничтожено более 4 миллионов взрывоопасных предметов. Четыре офицера казахстанской миротворческой бригады «Казбриг» работали военными наблюдателями в миссии ООН по поддержанию мира и безопасности при проведении референдума в Западной Сахаре; два казахстанских офицера проходили службу как военные наблюдатели в миротворческой миссии ООН в другой африканской стране Кот-д-Ивуаре. Их численность затем была доведена до 11 человек. Руководство ООН высоко оценило деятельность казахстанских военнослужащих. Участие нашей армии в миротворческой деятельности нужно поощрять, поскольку наши военнослужащие приобретают уникальный военный и организационный опыт. Казахстан считает, что миротворческая деятельность должна рассматриваться как важнейшая часть политики по укреплению международной коллективной и национальной безопасности.

Такой подход позволяет на ранней стадии обеспечивать обнаружение и своевременное предотвращение назревающих военных конфликтов.

Исходя из опыта своего участия в миротворческой деятельности, Республика Казахстан в своей Военной доктрине к основным мерам по расширению участия Республики Казахстан в этой международно-военной деятельности относит «повышение потенциала и возможностей миротворческих подразделений государства, приведение их в соответствие со стандартами международных и региональных организаций для обеспечения технической и оперативной совместимости»; «расширение участия миротворческих подразделений в совместных учениях и обмене опытом по планированию, проведению и всестороннему обеспечению операций по поддержанию мира в рамках мероприятий, проводимых международными организациями; участие в совместных учениях с государствами-членами ОДКБ, ШОС, НАТО для обмена опытом в вопросах планирования, проведения и всестороннего обеспечения антитеррористических операций и операций по поддержанию мира; участие в работе Межправительственной рабочей группы в рамках ООН для разработки международных нормативных правовых актов по вопросам регулирования, мониторинга и осуществления контроля деятельности частных военных и охранных компаний»; «подготовка штабных офицеров и направление их в качестве военных наблюдателей в миссиях ООН»; «направление миротворческих подразделений для выполнения задач в миссиях ООН на основе резолюции Совета Безопасности ООН».

То, что наша страна в своей Военной доктрине записала, что «Республика Казахстан ни одно из государств не рассматривает в качестве противника», заслуживает одобрения. Уже в этом видно миролюбивая суть казахстанского государства.

Следует поддержать те направления деятельности, которые Казахстан намерен проводить, чтобы обеспечивать военную безопасность страны. В этой связи Казахстан проводит политику, направленную «на развитие сотрудничества и добрососедских отношений с другими государствами»; соблюдает принципы «равенства и невмешательства во внутренние дела других государств»; закрепляет только мирное разрешение международных споров; провозглашает отказ первым «применять военную силу в противоречиях с другими государствами, народами, социальными группами»; укрепляет военную организацию страны; использует эффективные меры «для предупреждения и пресечения военных угроз Республике Казахстан».

Военно-политическая сфера Республики Казахстан предусматривает такие виды деятельности, как: «прогнозирование развития военно-политической обстановки в мире и регионе, а также ситуации в государстве для выявления источников военных угроз; расширение партнерства и сотрудничества с другими государствами и международными организациями в целях формирования международной системы безопасности и снижения значимости военной силы в разрешении межгосударственных и внутригосударственных противоречий; применение политико-дипломатических, экономических, правовых, информационных и других невоенных средств для предупреждения военных угроз гос-

ударству; поддержание военного потенциала и мощи государства на уровне, обеспечивающем сдерживание от агрессии; усиление взаимодействия в области международной безопасности в рамках Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, в том числе с участием в миротворческой деятельности; развитие системы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества; контроль над взаимным выполнением договоров в вопросах ограничения, сокращения, нераспространения и ликвидации вооружений; укрепление мер доверия между государствами (пункт 34 Военной доктрины Республики Казахстан).

Согласно пункту 37 Военной доктрины страны к основным направлениям деятельности Казахстана в военно-стратегической сфере следует отнести: «поддержание боевой готовности Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований и мобилизационной готовности государства для обеспечения военной безопасности и обороны Республики Казахстан»; охрану «воздушного пространства и прикрытие Государственной границы»; защиту «национальных интересов государства в территориальных водах (море) и в казахстанской части континентального шельфа Каспийского моря»; охрану государственных и военных объектов; «обеспечение режима чрезвычайного положения, предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций социального, природного и техногенного характера; предотвращение и пресечение диверсий и террористических актов»; локализацию и «пресечение пограничных инцидентов на Государственной границе»; локализацию и «разрешение вооруженных конфликтов; стратегическое сдерживание от агрессии и применения военной силы»; «обеспечение готовности Вооруженных Сил к стратегическому развертыванию; ведение стратегических действий для вооруженной защиты государства; участие в миротворческих и гуманитарных операциях, выполнение других задач и мероприятий в соответствии с международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан».

В пограничном пространстве разрешение пограничного вооруженного конфликта Республики Казахстан возложено на Пограничную службу Комитета национальной безопасности Республики Казахстан. В своей деятельности Пограничная служба взаимодействует с органами управления и частями Вооруженных Сил и Национальной гвардии Республики Казахстан. Внутренние вооруженные конфликты разрешает Национальная гвардия Республики Казахстан, которая взаимодействует с другими силовыми структурами республики.

Международное право является реальным средством укрепления международной безопасности. Поэтому Республика Казахстан посредством пунктов 70-74 Военной доктрины считает своим долгом принимать участие в обеспечении международной безопасности на планете. В ней правильно сделан акцент на то, что «развитие международного военного сотрудничества Республики Казахстан направлено на расширение деятельности в сфере обеспечения международной безопасности и снижение военных угроз государству». Особое значение данный документ придает основным мерам по осуществлению международного военного сотрудничества Республики Казахстан, к которым отно-

сятся «содействие укреплению режимов нераспространения оружия массового поражения; соблюдение норм торговли оружием и военной техникой, технологиями военного и двойного назначения, международных договоров в этой области деятельности; активное участие в ведении международной борьбы с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом и наркобизнесом.

Хотя в Военной доктрине говорится о недопустимости распространения оружия массового поражения, все же следовало бы сделать акцент о вкладе Республики Казахстан в нераспространение ядерного оружия на земле. Как известно, именно Казахстан стал первым государством, который 29 августа 1991 года добровольно закрыл Семипалатинский ядерный полигон, тем самым практически прекратил испытания ядерного оружия на планете, которые не имеют место вот уже почти 30 лет. По некоторым данным, Китай иногда скрытно проводит ядерные испытания. Если это так, то нужно объединенными усилиями государств поставить вопрос перед Китаем о необходимости прекращения ядерных испытаний в любой форме. Для Казахстана это особенно важно, поскольку в Китае ядерные испытания в свое время проводились на китайской территории, примыкающей к территории Казахстана. Когда 14 февраля 1994 года Казахстан присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года, пять ядерных держав: Великобритания, Китай, Россия, США и Франция предоставили Республике Казахстан гарантии ядерной безопасности. Это – один из существенных факторов военной безопасности нашей страны. Вместе с тем нужно иметь в виду, что теперь официально признанными ядерными державами являются Индия и Пакистан, к неофициальным обладателям ядерного оружия относят Северную Корею и Израиль. Это – тревожный симптом. Тем более в Военной доктрине Казахстана вопросам нераспространения и уничтожения ядерного оружия нужно отвести отдельный раздел из целого ряда пунктов. В этом разделе надо предусмотреть пункты о необходимости объединения усилий всех государств для достижения цели отказа всех стран от испытаний ядерного оружия навсегда, о необходимости повсеместного создания на земле зон, свободных от ядерного оружия, о необходимости повсеместного запрета ядерного оружия. Казахстан ратифицировал 14 декабря 1996 года Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 30 сентября 1996 года, 3 июля 2019 года Казахстан ратифицировал Договор о запрещении ядерного оружия от 7 июля 2017 года. Опасным представляется то, что наблюдается жесткое противостояние ядерных стран: США – Россия, Китай - Индия, Пакистан – Индия. Не исключается, что такое противостояние может вылиться в обмен ядерными ударами, от чего могут пострадать многие страны, в том числе не обладающие таким оружием. Казахстан должен говорить во всеуслышание об этой проблеме, поскольку он практически окружен ядерными государствами: Пакистаном, Индией, Китаем, Россией.

Что можно и нужно делать в такой сложившейся ситуации с ядерным оружием? Нужно оперативно добиться того, чтобы практически все государства планеты, в том числе ядерные страны, подписали и ратифицировали Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и Договор о запре-

щении ядерного оружия. 7 июля 2016 года на пленарном заседании Конференции ООН был вынесен на голосование текст юридически обязывающего документа о запрете ядерного оружия. Этот документ был поддержан 122 государствами. При этом Нидерланды голосовали против, а Сингапур решил воздержаться. В силу разных причин 65-70 стран не приняли участия в работе данной Конференции, включая все 9 государств «ядерного клуба». Надо, чтобы 184 из 193 государств-членов ООН, не являющихся ядерными государствами, подписали и ратифицировали эти 2 антиядерных Договора. В авангарде таких неядерных стран находятся такие страны, как Австрия, Норвегия, Мексика, Казахстан, могли бы присоединиться Швеция, Германия, Япония (пострадавшая от атомных бомбардировок в 1945 году), Испания, Италия, Канада, Финляндия, Турция, Австралия и другие государства. Было бы желательно в текст данного Договора включить норму о том, что ядерное оружие объявляется вне закона со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такое международно-правовое воздействие окажет существенное содействие реальному запрету ядерного оружия. Ядерные страны могли бы собраться вместе и решить вопрос об одновременной ликвидации всех запасов ядерного оружия во всех ядерных государствах.

Республика Казахстан исходит из того, что меры коллективной безопасности являются важными для развития международного сотрудничества. Поэтому казахстанское государство в этой связи считает необходимым обеспечивать эффективное и равноправное участие «государства в вопросах обеспечения коллективной безопасности»; осуществлять подготовку «контингентов войск (сил) к выполнению задач по предназначению при обеспечении коллективной безопасности»; участвовать «в совместном планировании применения и обеспечения сил коллективной безопасности»; совершенствовать взаимодействие «сил и средств коллективной безопасности, развитие форм и способов ведения совместных действий»; улучшать правовые и организационные основы «для участия Республики Казахстан в составе сил коллективной безопасности и оказания военной и военно-технической помощи в кризисных ситуациях».

Список использованной литературы:

1. Указ Президента Республики Казахстан от 29 сентября 2017 г. № 554 «Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан». Эл. ресурс: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000554>.

Сарсенбекова А.Б.

*Студентка 3 курса специальности 5В030200-«Международное право»,
кафедра международного права Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан.
(E-mail: ainur_bake@mail.ru)*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ И ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ

Я бы хотела начать свою статью с расшифровки термина гонка вооружений. Гонка вооружений - процесс ускоренной разработки, производства и накопления оружия и военной техники, их качественного совершенствования на базе милитаризации экономики, науки и других сфер жизни общества. Является средством оказания политического, экономического и военного давления на потенциального противника или парирования такого давления с его стороны [8].

Гонка вооружений, как правило, идёт по нескольким направлениям: 1) борьба за превосходство в области вооружений; 2) поиск эффективных средств защиты от средств нападения противника; 3) стремление к достижению с ним военного равновесия. Она объективно способствует научно-техническому прогрессу. Дабы подтвердить свои слова приведу ряд примеров: 1) машинное производство развивалось на рубеже 19–20 века; 2) крупные открытия во многих областях науки и техники широко использовались для разработки и массового производства новых видов огнестрельного оружия и военной техники; 3) открытия в области ядерной физики и новые технологии 20 века были использованы для создания ракетно-ядерного оружия; 4) а также был создан интернет. Наибольший размах гонка вооружении приобрела в 20 веке, особенно накануне первой и второй мировой войны и в годы «холодной войны». Гонка вооружении обладает существенной инерцией, поскольку охватывает значительный сектор экономики и не может быть свёрнута, даже если это позволяют сделать изменения в международной обстановке. Несмотря на снижение международной напряжённости в конце 1980-х и начала 1990-х годов, послужившее основой для ограничения гонки вооружения и начала процесса разоружения, в продолжающуюся гонку втянуты колоссальные производительные силы. Также хочу добавить, что на вооружение в мире тратится свыше 1,1 трлн. долларов в год (согласно информации, с 2005 года). В конце 20 и начала 21 века расходы государств на разработку, производства и закупку вооружений выросли более чем на 30%. Лидером в гонке вооружений является США, их военный бюджет (2020) составил свыше 718 миллиардов долларов. Хотя здесь также будет правильно заметить, что согласно редакции газета.ру президент США призывал Китай с Россией к общему разоружению. «Как вы знаете, Китай тратит много денег на вооруженные силы, так же, как США и Россия, и эти три стра-

ны, я думаю, могли бы вместе остановить эти расходы и потратиться на что-то более полезное для долгосрочного мира. Думаю, было бы намного лучше, если бы мы объединились и не производили это оружие», — заявил президент США Дональд Трамп. Однако сам Вашингтон, как я уже писала ранее в плане затрат на оборону ведет себя прямо противоположным образом заявлениям президента США.

Дальше я продолжу свою статью исходя из взглядов на запрещение ядерного оружия со стороны МГП.

Как мы знаем согласно нормам международного гуманитарного права право выбора методов и средств воюющих сторон в вооруженном конфликте не является неограниченным. Более того международное гуманитарное право ограничивает использование некоторых методов и средств. Средством ведения войны признается оружие и иные средства, применяемые вооруженными силами в войне для нанесения вреда и поражения противника. Ниже я перечислю средства, которые полностью запрещены международным гуманитарным правом в отношении вооруженных действий:

1) взрывчатые и зажигательные пули которые были запрещены Декларацией об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 г.;

2) пули, разворачивающиеся или сплюсцивающиеся в человеческом теле запрещенные Гаагской декларацией о воспрещении употреблять пули, легко разворачивающиеся или сплюсцивающиеся в человеческом теле (1899 г.);

3) яды и отравленное оружие, запрещенные IV Гаагская конвенция 1907 г. Но здесь также можно и добавить то, что использование отравленного оружия впервые было запрещено ещё в античном мире (к примеру «Законы Ману»);

4) удушливые, ядовитые и другие газы, жидкости и процессы, которые были запрещены Женевским протоколом 1925 г.;

5) биологическое оружие, запрещенное Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (16 декабря 1971 г.) и Женевский протокол 1925 г.;

6) средства воздействия на природную среду, которые имеют широкие долгосрочные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда другому государству, которые были запрещены Конвенцией о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (10 декабря 1976 г.);

7) любое оружие, основное действие которого заключается в нанесении повреждений осколками, которые не обнаруживаются в человеческом теле с помощью рентгеновских лучей и другое (К примеру: деревянные пули) [1].

Позиция о запрещении ядерного оружия или его разоружения всё ещё актуальна и вместе с тем серьезная проблема в наше время. Как нам всем известно, в международном гуманитарном праве нет прямого запрета об использовании ядерного оружия и, именно, из этого следует то, что некоторые державы всё ещё пользуются этим злосчастным оружием. Ядерные державы обосновывают всю правомерность его использования правом защиты от ядерного нападения других таких же держав. Согласно словам О. В. Богданова, только

уничтожение ядерного оружия может решить главный вопрос современных международных отношений - это вопрос об устранении угрозы истребительной войны [2]. По моему скромному мнению, его слова ещё долгое время будут иметь весомость. Более того мне хотелось бы добавить тот факт, что из-за своих «специфических» особенностей ядерное оружие усиливает опасность возникновения «случайной войны». Само создание ядерного оружия требует максимальной осторожности и квалификации в этом нелегком деле. Любая ошибка, заминка, просчет и даже отклонение от обычного проверочного графика может привести к устрашающим последствиям. Именно в силу этой причины я могу сказать, что ни одно государство не может считать себя находящийся в безопасности. Это касается не только стран, которые близко расположены к ядерным державам, но и самих государств, производящих ядерное оружие. В этой статье я приведу аргументы, почему стоит внести ядерное оружие в список запрещенных средств ведения вооруженных конфликтов. В самом начале я уже приводила список запрещенных средств международного гуманитарного права. Но в нашем случае я буду отталкиваться от таких средств, как:

- 1) средства массового уничтожения;
- 2) ядовитые вещества, процессы, газы и жидкости;
- 3) все другие виды вооруженных средств, которые причиняют людям излишние страдания.

Указанные средства выдвигают разоружение ядерного оружия на передовое место. Если рассматривать средства массового уничтожения в международном гуманитарном праве, то есть немало международно-правовых работ. Сейчас само международное гуманитарное право регулирует этот вопрос рядом положений о запрещении применения ядерного оружия. В пример можно привести Гаагскую конференцию, которая была специально созвана для разработки многосторонних соглашений в области законов и обычаев войны в 1899 году по инициативе императора Николая II. Результатом конференции стало принятие одной из трех декларации «О воспрещении употреблять снаряды, имеющие единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы» [3]. Также примером может быть Женевский протокол от 1925 года о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств [4]. В обоих документах отсутствует упоминание о ядерном оружии по причине того, что на тот момент истории его не существовало.

Декларация ООН о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия заявляет:

«b) что применение ядерного и термоядерного оружия выйдет даже за рамки военных операций и причинит человечеству и цивилизации массовые разрушения и страдания и, поэтому, противоречит нормам международного права и законам человечности;

с) что применение ядерного и термоядерного оружия является войной, направленной не только против того или иного противника или против тех или иных противников, но и против всего человечества в целом, так как народы мира, не участвующие в такой войне, подвергнутся всем бедствиям, вызванным

применением такого оружия;» [5]. Тем самым, эта декларация только подтвердила соответствие ядерного оружия к средствам массового уничтожения.

Более того ядерное оружие можно отнести и к ядовитым веществам, процессам и газам. Исходя из его радиоактивного и термического воздействия на всё живое после его использования и испытания. Например, один из крупнейших ядерных полигонов СССР-Семипалатинский испытательный полигон и небезызвестные атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

В Казахстане полигон закрыт, но следы остались... Область имеет самый высокий уровень раковых заболеваний, изменения в генетической структуре людей и животных, самую высокую и раннюю смертность населения, тысячи километров отравленной земли [6]. Касательно атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки есть немало примеров, как от неизвестной болезни, позже названной «лучевой», стали умирать десятки тысяч японцев и жителей окрестностей. Из-за лучевой «эпидемии» число погибших в ближайшие недели возросло до 110 тысяч, а по прошествии месяцев – до 140 тысяч. Были случаи, когда японцы получившее радиацию сами молили о смерти, так как вся их кожа начала спадать, а нанесение новых бинтов приводило к нестерпимой боли по причине того, что бинты и элементарно даже постельное белье прилипало к их плоти. Ещё один интересный факт, оставшихся в живых жертв атомных бомбардировок в Хиросиме и Нагасаки называют в Японии "хибакуся" ("люди, пережившие взрыв"). Часто это выражение используется, когда необходимо подчеркнуть, что тот или иной человек подвергся воздействию радиации. Также хотелось бы добавить, что само МГП, а точнее Женевские конвенции запрещают использование любым видом оружия, способным причинить вред мирному населению. Согласно 3 статье Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных (I) лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения всегда будут под защитой, то есть запрещается посягательство на их жизнь и здоровье [7], но применение ядерного оружия в любом случае нарушит положение этой конвенции.

В заключении хочу сказать, что ядерное оружие является запрещенным средством ведения войны и ссылаясь на Устав ООН говорю, что применение данного оружия априори причинит всей цивилизации массовые страдания с разрушениями и поэтому противоречит нормам МП. Любое государство, применяющее этот вид оружия, совершает преступление против человечества и цивилизации.

Список использованной литературы:

1. *Бирюков П.Н.* Ограничение средств и методов ведения войны 2013год\\ URL:https://studme.org/1109032416011/pravo/ogranichenie_sredstv_metodov_vedeniya_voyny (дата обращения 13.09.2020) ;

2. *Нуцалханов П.В., Нуцалханова Г.Н.* Ядерное оружие в свете МП-Евразийский юридический журнал(n.d)\\ URL: <https://eurasianlaw.ru/nashirubriki/yuridicheskie-stati/yadernoe-oruzhie-v-svete-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения 14.09.2020) ;

3. *Шатохина-Мордвинцева Г. А.* Гаагские конференции мира 1899 и 1907-Москва2005год\\URL:https://w.histrf.ru/articles/article/show/gaaghskiie_konfierient_sii_mira_1899_i_1907 (дата обращения 14.09.2020) ;

4. Женевский протокол 1925 года, 17 июня \\ URL: <http://doc20vek.ru/node/3511> ;

5. Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия\\Официальный сайт ООН URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/nuc_prohibition.shtml;

6. *Молха Г.Х.* «О Казахстане вкратце» ,2000 год, С 91;

7. Женевские конвенции\\ Официальный сайт МККК URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm>

8. *В.А.Баршшполец.* Большая Российская энциклопедия 2004 год\\ URL: https://bigenc.ru/military_science/text/2369636 (дата обращения 15.09.2020)

МРНТИ 10.87.85

Сәрсенова С.Н.

*Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Халықаралық құқық кафедрасы, Астана, Қазақстан
(E-mail: ss-almas@inbox.ru)*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ БИОҚАУІПСІЗДІК РЕЖИМІ

Аннотация: Мақала биоқауіпсіздіктің халықаралық-құқықтық режимі мәселелеріне, атап айтқанда мақсаты биологиялық әртүрлілікті сақтау болып табылатын "биологиялық әртүрлілік туралы" конвенцияға арналған. Биоқауіпсіздік жөніндегі Картахен ХАТТАМАСЫ биоәртүрлілікке теріс әсер етуге қабілетті барлық генетикалық өзгертілген ағзаларды трансшекаралық тасымалдауға, транзитке, өңдеуге және пайдалануға қолданылады. Сонымен қатар мақала биоқауіпсіздік бойынша Картахен хаттамасын реттеу мәселелерін қарастырады, оның негізгі мақсаты қазіргі заманғы биотехнологияны қолдану нәтижесі болып табылатын және адам денсаулығы үшін қатерлерді ескере отырып және трансшекаралық орын ауыстыруға ерекше назар аудара отырып, биологиялық әртүрлілікті сақтауға және тұрақты пайдалануға қолайсыз әсер ете алатын тірі өзгертілген ағзаларды қауіпсіз беру, өңдеу және пайдалану саласында тиісті деңгейде қорғауды қамтамасыз етуге жәрдемдесу болып табылады".

Түйінді сөздер: биологиялық әртүрлілік, Биотехнология, қауіпсіздікті қамтамасыз ету, биоқауіпсіздік принципі, заманауи биотехнология.

XX ғ. соңғы ширегінде және XXI ғ. басында гендік-инженерлік қызметтің қарқынды дамуы халықаралық қатынастар жүйесінде биоқауіпсіздікті қамтама-

сыз ету мәселелерін бірінші орынға шығарды. Қазіргі заманғы биотехнологияларды іс жүзінде пайдалану қоршаған орта мен адам денсаулығы үшін ықтимал ықтимал залалды назарға ала отырып, мемлекетаралық қатынастардың осы жеткілікті жаңа саласын құқықтық реттеуді талап етті.

Гендік-инженерлік қызметтің қауіпсіздігі мәселелері өткен ғасырдың 80-жылдарынан бастап ірі халықаралық ұйымдардың назарында болды. 1986 жылы Еуропадағы қауіпсіздік және ынтымақтастық жөніндегі кеңеске (қазіргі ЕҚЫҰ) қатысушы мемлекеттердің Вена кездесуі биотехнология саласындағы қауіпсіздіктің басқарушы қағидаттарын әзірлеуге байланысты БҰҰ Еуропалық экономикалық комиссиясы (БҰҰ ЕЭК) қызметінің басталуын белгіледі. БҰҰ ЕЭК ХХІ сессиясында (1994 ж. Қыркүйек) биоқауіпсіздік бойынша материалдар (заңдар, қаулылар, нұсқаулықтар және т. б.) жинақталды. Д.), 30 мемлекеттің Үкіметтері, сондай-ақ бірқатар халықаралық ұйымдар ұсынған [1].

XX ғасырдың 80-ші жылдарынан бастап Экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымы мемлекеттердің биоқауіпсіздік саласындағы ынтымақтастығын қаржыландырды. Мүше мемлекеттердің сарапшылары екі маңызды баяндама дайындады: біріншісі рекомбинантты ДНҚ-мен жұмыс істеу кезіндегі қауіпсіздік аспектілеріне қатысты [2], ал екіншісі генетикалық өзгерген өсімдіктер мен микроорганизмдерді қоршаған ортаға бақыланатын шығару кезінде эксперименттерді жоспарлауға және жүргізуге арналған[3].

Биотехнологиядағы қауіпсіздіктің халықаралық нұсқаулықтарын әзірлеу процесіндегі маңызды кезең "қоршаған ортаға ағзаларды босату кезіндегі ерікті мінез-құлық кодексін" жариялау болып табылады [4]. Кодексті Біріккен Ұлттар Ұйымының өнеркәсіптік даму жөніндегі сарапшылар тобы (ЮНИДО), Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы, БҰҰ Азық-түлік және ауыл шаруашылығы ұйымы (ФАО) және БҰҰ Қоршаған орта жөніндегі бағдарламасы (ЮНЕП) дайындады.

1992 ж.3-14 маусым аралығында Рио-де-Жанейрода өткен БҰҰ Қоршаған орта және даму жөніндегі конференциясында талқыланды 1992 ж. 5 маусымда БҰҰ биологиялық әртүрлілік туралы Конвенциясына – планетаның биологиялық әртүрлілігін сақтау және тұрақты пайдалану туралы алғашқы әмбебап халықаралық шартқа қол қойылды.

Осылайша, ҚР Министрлер Кабинетінің 19.08.1994 жылғы № 918 қаулысымен мақұлданған "биологиялық әртүрлілік туралы" (Рио-де-Жанейро, 1992 жылғы 5 маусым) Конвенциясы бойынша, 3-бапқа сәйкес "Біріккен Ұлттар Ұйымының Жарғысына және халықаралық құқық қағидаттарына сәйкес мемлекеттер өздерінің қоршаған орта саласындағы саясатына сәйкес өз ресурстарын әзірлеуге егемендік құқығына ие және қоршаған ортаның сапасын қамтамасыз етуге жауапты болады., олардың юрисдикциясы шеңберіндегі немесе олардың бақылауындағы қызмет Ұлттық юрисдикцияның әрекетінен тыс басқа мемлекеттердің немесе аудандардың қоршаған ортасына зиян келтірмеуі үшін»

Осы халықаралық конференцияда қабылданған "XXI ғасырға арналған күн тәртібі" атты құжат динамикалық бағдарлама болып табылады. "Биотехнологияны экологиялық қауіпсіз пайдалану" тарауында биотехнология "ғылымды қажет ететін өсіп келе жатқан сала"ретінде қарастырылады. Тарауда "биотехно-

логияның өзі қоршаған орта мен дамудың барлық іргелі мәселелерін шеше алмайды. Дегенмен, оның, атап айтқанда, медициналық қызмет көрсету деңгейін арттыру, Ауыл шаруашылығын жүргізудің ұтымды әдістерін енгізу негізінде азық-түлік қауіпсіздігін нығайту, ауыз суды жеткізуді жақсарту, шикізатты өнеркәсіптік қайта өңдеу процестерінің тиімділігін арттыру, ағаш отырғызудың және орманды қалпына келтірудің және қауіпті қалдықтарды зарарсыздандырудың ұтымды әдістерін енгізуге жәрдемдесу ісіне қомақты үлес қосатынына сенуге болады"[5, 80-бет]. Әлемдік қоғамдастық, егер бұл қызмет халықаралық негізде келісілген қағидаттарды әзірлеуге, биотехнологияны экологиялық қауіпсіз пайдалануды қамтамасыз етуге, жұртшылықтың сенімін нығайтуға және алаңдаушылығын сейілтуге, биотехнологияны қолданудың ұтымды әдістерін қалыптастыруға жәрдемдесетін болса және әсіресе дамушы елдерде тиісті ынталандырушы тетіктерді құруды қамтамасыз ететін болса, биотехнологияларды пайдаланудан барынша пайда ала алады.

Биотехнология саласындағы қауіпсіздікті қамтамасыз ету проблемасы биологиялық әртүрлілік туралы конвенцияның шеңберінде 8-баптың g) тармақшасында және 19-баптың 3 және 4-тармақтарында қаралады. Атап айтқанда, 8-баптың g) тармақшасында Тараптардың: "...осы заманғы биотехнологияның нәтижесі болып табылатын және биологиялық саналуандықты сақтау мен орнықты пайдалануға қолайсыз әсер етуге қабілетті тірі өзгертілген ағзаларды (ТІЖ) пайдалану мен босатуға байланысты қатерді реттеу, бақылау немесе шектеу құралдарын белгілеу немесе қолдау" деген жалпы міндеттемесі қамтылған.

Биологиялық әртүрлілік туралы конвенцияға қатысушыларға 19-баптың 3-тармағында тірі өзгертілген ағзаларды қауіпсіз беру, пайдалану және қолдану саласында хаттаманы қабылдау қажеттілігі мен шарттарын қарау ұсынылады. Осы баптың 4-тармағында Әрбір Тарап өзінің юрисдикциясындағы және осындай тірі өзгертілген организмдерді ұсынатын кез келген жеке немесе заңды тұлғадан олармен жұмыс істеу кезінде пайдалану ережелері мен қауіпсіздік техникасы туралы кез келген қолда бар ақпаратты, сондай-ақ осы организмдер әкелінетін Тарапқа тиісті нақты тірі өзгертілген организмдердің ықтимал зиянды әсері туралы кез келген қолда бар ақпаратты тікелей беруге немесе талап етуге міндетті делінген.

1995 ж. Қарашада Джакартада өткен биологиялық әртүрлілік туралы Конвенция Тараптары конференциясының екінші кеңесі II/5 шешімінде тірі өзгертілген организмдердің трансшекаралық орын ауыстыруына ерекше назар аударылатын биологиялық қауіпсіздік жөніндегі Хаттама жобасын әзірлеу үшін ашық құрамдағы арнайы жұмыс тобын құру туралы қаулы шығарды. Сонымен қатар, шешімде ЮНЕП биотехнологиясы саласындағы қауіпсіздік техникасының халықаралық басшылық қағидаттары бойынша жұмысты кідіріссіз аяқтаудың маңыздылығы атап өтілді.

Этиологиясы белгісіз және бұрын тіркелмеген аурулар бойынша халықаралық эпизоотиялық бюро шеңберінде өз мемлекетінде эпизоотиялық жағдай туралы ақпарат беру қажеттілігі туындады. Мәселен, ауыл шаруашылығы дақылдарының сорттық және гибридтік тұқымдарын өндіру мен жет-

кізудің көп жақты мемлекетаралық мамандануы туралы келісімге 1992 жылғы 9 қазанда Бішкекте қол қойылды, онда тұқым өндірудегі мемлекетаралық Маманданудың дамуы және тұқым өнімдерінің Біріккен нарығын құру, сондай-ақ селекциялық-тұқым шаруашылығы жұмысында келісілген іс-қимылдардың қажеттілігі көзделді [6, 111-Б.].

ТМД-ға қатысушы мемлекеттердің мәдени өсімдіктерінің генетикалық ресурстарын сақтау және пайдалану саласындағы ынтымақтастық туралы осы Келісімді орындау үшін Қазақстан Республикасы биоқауіпсіздік жөніндегі Картахен хаттамасына қосылды. Сондай-ақ, Қазақстан Республикасы Үкіметінің 1994 жылғы 19 тамыздағы № 918 қаулысына сәйкес "биологиялық әртүрлілік туралы" конвенцияға қосылды [5, 80-бет], оның мақсаты биологиялық әртүрлілікті сақтау болып табылады. Биоқауіпсіздік жөніндегі Картахен ХАТТАМАСЫ биоәртүрлілікке теріс әсер етуге қабілетті барлық генетикалық өзгертілген ағзаларды трансшекаралық тасымалдауға, транзитке, өндеуге және пайдалануға қолданылады.

ТМД-ның барлық мемлекеттері келісімшарттарды мемлекетішілік имплементациялау тетігінің жеткіліксіз заңнамалық дамуымен сипатталады, бұл осы мемлекеттердің құқықтық жүйелерінің субъектілері үшін заңды белгісіздік пен нақты күрделілікті тудырады, сондай-ақ олардың құқық қолдану әкімшілік және сот органдарының шарттық нормаларды қалыпты пайдалануына елеулі кедергілер тудырады. Бұл жағдайдан шығу жолы, А. ю. Курашвили ТМД мемлекеттерінің халықаралық шарттарды олардың құқықтық жүйелеріне имплементациялаудың құқықтық тетігі мен халықаралық шарттық нормалардың мемлекеттердің ішкі құқықтық жүйесінің әртүрлі элементтерімен өзара іс-қимыл жасау тәртібін көздейтін арнайы заңнамалық актілерді қабылдауы бола алар еді [8, 10-11 беттер].

Биологиялық әртүрлілік туралы конвенцияға биологиялық қауіпсіздік туралы Картахен хаттамасының негізгі ережелері. В. 1 Картахен хаттамасының негізгі мақсаты тұжырымдалды: "Қоршаған орта және даму жөніндегі Рио-де-Жанейро декларациясының 15-қағидатында қамтылған сақтық шараларын қабылдау принципіне сәйкес осы Хаттаманың мақсаты қазіргі заманғы биотехнологияны қолдану нәтижесі болып табылатын және биологиялық саналуандықты сақтау мен орнықты пайдалануға қолайсыз әсер етуге қабілетті тірі өзгертілген ағзаларды қауіпсіз беру, өңдеу және пайдалану саласында тиісті деңгейде қорғауды қамтамасыз етуге жәрдемдесу болып табылады., сондай-ақ адам денсаулығы үшін тәуекелдерді ескере отырып және трансшекаралық орын ауыстыруға ерекше назар аудара отырып жүргізіледі". Сонымен қатар, бұл мақалада өте маңызды ережелер бар:

-биологиялық қауіпсіздіктің негізгі қағидаты белгіленген: сақтық шараларын қабылдаудың халықаралық-құқықтық қағидаты. Бір жағынан, бұл принцип экологиялық халықаралық келісімдердің жалпы тенденциясын көрсетеді: қоршаған ортаға кез-келген жағымсыз әсерді оның салдарын жоюдан гөрі алдын-алу оңай. Екінші жағынан, ол қазіргі заманғы биотехнологияның жетістіктерін пайдалану жағдайына тікелей әсер етеді. Ғылым генетикалық инженерияны (Протокол терминологиясы бойынша – қазіргі заманғы биотехнология) адам

денсаулығы мен қоршаған орта үшін бастапқыда қауіпті нәрсе ретінде қарастырмайды. Бұл революциялық технология әлі де салыстырмалы түрде жаңа болғандықтан, оның жетістіктерін пайдалану тәжірибесі салыстырмалы түрде аз болғандықтан, мүмкін болатын қолайсыз салдарларды болдырмас үшін гендік-инженерлік қызметті мемлекеттік және мемлекетаралық деңгейде реттеу қажет;

- хаттама объектісі анықталды: "қазіргі заманғы биотехнологияны қолдану нәтижесі болып табылатын және биологиялық әртүрлілікті сақтауға және орнықты пайдалануға қолайсыз әсер етуге қабілетті тірі өзгертілген организмдер".

Хаттаманың 3-бабында "Тірі өзгертілген организм" және "қазіргі заманғы биотехнология" терминдері бекітілген, олар тараптардың оларды түсіндіруі мен қолдануының түсініксіздігін жоққа шығарады. Аталған баптың g) тармағына сәйкес "тірі өзгертілген организм" қазіргі заманғы биотехнологияны пайдалану арқасында алынған генетикалық материалдың жаңа комбинациясы бар кез келген тірі организм дегенді білдіреді. Осылайша, қарапайым тірі организмдерде жоқ тірі өзгертілген организмдердің маңызды белгілері көрсетілген.

"Қазіргі заманғы биотехнология" ұғымы нуклеин қышқылдарын, соның ішінде рекомбинантты дезоксирибонуклеин қышқылын (ДНҚ) және нуклеин қышқылдарын жасушаларға немесе органеллаларға тікелей енгізуді және табиғи физиологиялық репродуктивті немесе рекомбинациялық кедергілерді жеңуге мүмкіндік беретін әртүрлі таксономиялық мәртебесі бар организмдердің жасушаларын біріктіруге негізделген әдістерді қолдана отырып, *in vitro* әдістерін де қамтиды. жою және таңдау дәстүрлі емес".

Картахен хаттамасының объектісі ретінде барлық тірі өзгертілген организмдер ғана емес, "адам денсаулығы үшін тәуекелдерді ескере отырып, биологиялық әртүрлілікті сақтауға және тұрақты пайдалануға қолайсыз әсер ететін организмдер" қарастырылатындығын ерекше атап өткен жөн.

Орхус конвенциясы және өсімдіктердің жаңа сорттарын қорғау жөніндегі халықаралық конвенция. 1998 ж. Маусымда Данияның Орхус қаласында өткен "Еуропа үшін қоршаған орта" Халықаралық конференциясында Ақпаратқа қол жеткізу, шешімдер қабылдауға жұртшылықтың қатысуы және қоршаған ортаға қатысты мәселелер бойынша сот төрелігіне қол жеткізу туралы Конвенция қабылданды, ол "Орхус конвенциясы" деп аталды [8].

Орхус конвенциясының негізгі ережелері биоқауіпсіздік жөніндегі Картахен хаттамасының 23-бабының ережелеріне сәйкес келеді: әрбір Тарап осындай ақпаратты қамтитын немесе қамтитын нақты құжаттаманың көшірмелерін қоса алғанда, мемлекеттік органдардың ұлттық заңнама шеңберінде осындай ақпарат туралы жұртшылықтың өтінішіне жауап ретінде экологиялық ақпарат беруін қамтамасыз етеді (4-бап), яғни мемлекеттік органдарда олардың функцияларына қатысы бар экологиялық ақпарат болуға және оны жаңартып отыруға тиіс.; жоспарланған және жүзеге асырылатын, қоршаған ортаға елеулі әсер етуі мүмкін қызмет туралы ақпараттың мемлекеттік органдарға тиісінше түсуін қамтамасыз ету үшін міндетті жүйелер құру" (5-бап).

Егер Орхус конвенциясы биоқауіпсіздікке қатысты шешімдер қабылдауда қоғамды ақпараттандырумен және қатыстырумен байланысты болса, онда

өсімдіктердің жаңа сорттарын қорғау жөніндегі халықаралық конвенция патенттеу, демек, өсімдіктердің гендік-инженерлік сорттарын шаруашылық қызметінде пайдалану мәселелерін қозғайды.

Өсімдіктердің жаңа сорттарын қорғау жөніндегі халықаралық конвенция 1961 ж. желтоқсанда Женевада қабылданды, 1972 ж. қарашада, 1978 ж. Қазанда және 1991 ж. Наурызда қайта қаралды, 2002 ж. 24 маусымдағы Беларусь Республикасының Заңымен ратификацияланды [60].

Селекционер құқығының көлемін анықтайтын Конвенцияның 14-бабы, біз басқа сорттардың қасиеттерін едәуір дәрежеде мұра ететін және гендік инженерия әдістерін қолдана отырып алынған ауылшаруашылық өсімдіктерінің сорттары туралы айтып отырмыз. Бұл ереже Беларусь Республикасының "Өсімдік сорттарына патент туралы" Заңында бекітілген. Заңның 7-бабына сәйкес, " сорт келесі жағдайларда басқа сорттың (бастапқы) белгілерін едәуір мұра ететін сорт деп танылады:

* бастапқы сорттың генотипін немесе генотиптерінің комбинациясын көрсететін негізгі белгілерді сақтай отырып, бастапқы сорттың ең маңызды белгілерін мұра ететін бастапқы сорттың немесе сорттың маңызды белгілерін мұра ету;

* бастапқы сорттан айқын айырмашылыққа ие және төменде көрсетілген әдістерді қолданудан туындаған ауытқуларды қоспағанда, бастапқы сорттың генотипіне немесе генотиптерінің комбинациясына сәйкес келеді.

Мұндай әдістерге табиғи немесе индукцияланған мутантты немесе соматоклон мутантын таңдау, бастапқы сортты өсімдіктерден жеке мутантты таңдау, беккросс, гендік инженерия әдістерімен әртүрлілікті өзгерту кіруі мүмкін.

Көріп отырғаныңыздай, өсімдіктердің жаңа сорттарын қорғау жөніндегі халықаралық конвенция және біздің ұлттық заңнама генетикалық инженерияны ерекше нәрсе ретінде қарастырмайды.

Биологиялық әртүрлілік туралы Конвенция, биологиялық әртүрлілік туралы конвенцияға Картахен ХАТТАМАСЫ, ақпаратқа қол жеткізу, шешімдер қабылдауға жұртшылықтың қатысуы және қоршаған ортаға қатысты мәселелер бойынша сот төрелігіне қол жеткізу туралы Конвенция және өсімдіктердің жаңа сорттарын қорғау жөніндегі халықаралық конвенция Беларусь Республикасының "нормативтік құқықтық актілер туралы" 10.01.2000 жылғы Заңына сәйкес Беларусь Республикасының ұлттық заңнамасының бөлігі болып табылады, өйткені олар Беларусь заңнамасының талаптарына сәйкес ратификацияланған (бекітілген). Осы халықаралық шарттардың нормалары ол ратификацияланған нормативтік құқықтық актінің заңды күшіне ие.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Европейская экономическая комиссия ООН. Перечень руководящих положений по биобезопасности в области биотехнологии. Нью-Йорк; Женева. 1995.
2. Recombinant DNA safety considerations. OECD. Paris, 1986.

3. Good developmental principles: Guidance for the design of small-scale field research with genetically modified plants and microorganisms. OECD. Paris, 1990.

4. Voluntary code of conduct for the release of organisms into the environment. UNIDO. Vienna, 1991.

5. Конвенция «О биологическом разнообразии» (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 года). Одобрена постановлением Кабинета Министров РК от 19.08.1994 г. № 918 // Бюллетень международных договоров Республики Казахстан. - 1995. - № 6. - Ст.80.

6. Соглашение о многосторонней межгосударственной специализации производства и поставок сортовых и гибридных семян сельскохозяйственных культур. Бишкек, 9 октября 1992 г // Дипломатический курьер. Спецвыпуск. - 2000. - №2. - С. 111.

7. Курашвили А.Ю. Заключение и имплементация международных договоров по Венской конвенции о праве международных договоров и законодательству государств – участников СНГ: сравнительно-правовой анализ. Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Санкт-Петербург, 2007. - С. 10-11.

8. О ратификации Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. //Закон Республики Казахстан от 23 октября 2000 года N 92-ІІ ЗРК Юридическая газета от 8 ноября 2000 года N 48.

МРНТИ 10.17.25

Сейдеш Б.Б.

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Халықаралық құқық кафедрасы

Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан

(E-mail:bseydesh@mail.ru)

МЕМЛЕКЕТ ПЕН ҚОҒАМНЫҢ ДАМУЫНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТШІЛЕРДІҢ АТҚАРАТЫН РОЛІ

Аннотация: аталмыш тақырыптағы мақала бүгінгі заманауи кезеңде әлемдік бәсекелестікке қабілетті мемлекет болу үшін бірінші кезекте мемлекеттің даму үрдісіндегі мемлекеттік қызметкерлердің атқаратын ролі мен маңызына, мемлекеттік қызмет аясындағы елдегі жасалып жатқан реформалардың нәтижесіне арналады. Ел Президенті тақаудағы Қазақстан халқына арнаған Жолдауында «Біз азаматтарымыздың лайықты өмір сүруіне жағдай жасауға, олардың құқықтарын қорғауға, заң үс темдігін қамтамасыз етуге, жемқорлыққа қарсы күресті күшейтуге міндеттіміз», – деп ерекше атап өткен болатын, сонымен қатар, Президент: «Ең алдымен, мемлекеттік басқаруға, кадр саясатына, шешім қа был дау жүйесіне және оларды орындау жауапкершілігіне

деген көзқарасты өзгер туден бастауымыз керек», деп мемлекеттік басқаруға жаңа көзқарас қалыптастырып, жаңа жүйе жасақтау қажеттігіне де тоқталып өткені бекерден-бекер болмаса керек. Осыған орай, тәуелсіздігімізді алған жылдардан бері бірқатар нәтижелі реформалар жасалып, бірқатар игілікті істер атқарылды. Мемлекетті басқарудың жаңа буыны өсіп, тәуелсіздігіміздің әл қуатының арта түсуіне көптеген мемлекеттік қызметкерлер өздерінің лайықты үлестерін қоса білді деп айтуға толық негіз бар.

Мемлекеттік қызметті ұйымдастырудың басты, негізгі талаптары Қазақстан Республикасы Конституциясында, сонымен қатар Қазақстан Республикасы Президентінің 1995 жылғы 26 желтоқсандағы «Мемлекеттік қызмет туралы» заң күші бар Жарлығында толық түрде қарастырылған. Бұл Жарлық мемлекеттік қызметті ұйымдастырудың негізін, мемлекеттік қызметкерлердің құқықтық жағдайын және мемлекеттік қызмет аясындағы қарым-қатынастардың реттелуін айқындайды.

Жалпы Мемлекеттік қызмет дегеніміз – мемлекеттік органдарда және олардың аппараттарындағы Конституцияның негізінде жүзеге асырылатын және мемлекеттік басқаруға, мемлекеттік қызметтер мен мақсаттарды жүзеге асыруға бағытталған азаматтардың кәсіби қызметі. Келтірілген анықтама бойынша мемлекеттік қызметтің кәсіптік қызмет ретіндегі жалпы белгілерін былайша айқындаймыз:

1. Мемлекеттік қызмет мемлекеттік мақсаттар мен қызметтерді жүзеге асырумен тікелей байланысты;

2. Мемлекеттік қызметтер мен мақсаттардың саласы экономика, әлеуметтік-саяси құрылым бойынша дамуы, мемлекетті басқару, мемлекеттік қызметкерлердің кәсіби қызметі арқылы жүзеге асырылады. Бұл қызмет көп қырлылығымен, басқару функцияларының көлемдігімен, күрделілігімен және ауқымдылығымен, яғни масштабтылығымен ерекшеленеді. Мемлекеттік басқаруда бүкіл қоғамның және мемлекеттің мүдделері көрсетіледі;

3. Мемлекеттік қызмет қоғамда басқару қызметін жүзеге асыратын арнайы аппарат аясында жүзеге асырылады. Бұндай аппаратсыз жұмыс істеу мүмкін емес, себебі мемлекеттік басқарудың кез-келген саласы осындай аппаратты қажет етеді. Экономика, әлеуметтік сала мен әкімшілік – саяси құрылыс дамуындағы мемлекет қызметкері органдар жүйесі арқылы жүзеге асады. Және алдында тұрған мақсаттары олардың қызметінің мазмұнын және сәйкесінше мемлекеттік қызметкерлер функциясында анықтайды;

4. Мемлекеттік қызметтің спецификасы басқару функциясын жүзеге асырумен тығыз байланысты. Басқару аппаратында мемлекет функцияларының басқару функцияларымен бірігуі және мемлекеттік қызметкерлердің нақты функцияларының құралуы арқылы жүзеге асады. Соның өзінде басқару органдарының мақсаттары мен функциялары мемлекеттің мақсаты мен функцияларына сәйкес болуы керек;

5. Мемлекеттік қызметкерлер мемлекет атынан сөйлейді, сондықтан да мемлекеттік билік құзіреттеріне ие;

6. Мемлекеттік қызмет Конституция нормаларына, заңдарға, Қазақстан Республикасы Президентінің Жарлықтарына және басқа да заңды актілерге

негізделеді. Басқаша айтқанда мемлекеттік қызметкерлердің басқару қызметі мемлекеттік басқарудағы заңдылық қағидасының талаптарына сай болуы керек. Бұл жерде Конституция нормаларын және басқа да заң актілерін мемлекеттік басқару аясына сәйкес басқа заң актілерін жүзеге асыру. Мемлекеттік басқарудың бар мағынасы әлеуметтік процестердің мемлекеттің басқаруын ұйымдастыру.

7. Мемлекеттік қызмет – атқарушы сипаттағы ұйымдасқан қызмет. Бұл жерде Конституция нормаларын, заңдарын, Қазақстан Республикасы Президентінің Жарлықтары мен басқа заң актілерінің мемлекеттік басқару аясына сәйкес тәжірибелі түрде іске асыру айтылады. Мемлекеттік қызметтің түйіні әлеуметтік процестердің мемлекеттік басқаруын ұйымдастыру мен сәйкес мемлекеттік органдардың функциялары мен уәкілеттіктерін жүзеге асыруда жатыр.

8. Мемлекеттік қызмет – жарлықшы сипаттағы қызмет. Бұл дегеніміз мемлекет қызметкерлерінің өзіне жүктелген саласында мақсаттар мен қызметтерді жүзеге асыру барысында заңды-актілі ұйғарымды қолдануға құқылы. Жарлықшы қызметі қажетті жағдайларда басқару актілерін шығарумен ерекшеленеді. Бұл актілердің көмегімен ведомстваларға қарасты объектілер мен олардың негізгі қызметінің бағыттарына тікелей ықпал жасайды.

Мемлекеттік қызмет саясаттандырылған түрімен де ерекшеленеді. Бұл дегеніміз мемлекеттік қызметкерлер өзінің міндетті қызметі мен өкілеттігін атқару кезінде заң талаптарын басшылыққа алу міндеті мен саяси партиялар, қоғамдық бірлестіктер мен олардың органдарының шешімдерімен еш байланыстырмау. Осыған орай мемлекеттік органдар мен олардың аппараттарында саяси партиялар ұйымдарын құру рұқсат етілмейді. Мемлекет қызметкері өзінің басқару әрекетін жүзеге асыруға құқығы бар. Заңдарда бекітілген бірыңғай мемлекет саясаты мен мүдделерін басшылыққа алуы тиіс.

Сонымен қатар, әлемдік тәжірибелерге сүйенетін болсақ кез-келген қоғамда басқару функцияларын орындау барысында мемлекеттік қызметшілер мемлекеттік қызметтің негізгі қағидаларын басшылыққа алады. Мысалы, Қазақстан Республикасында мемлекеттік қызмет келесі мынадай басты қағидаларға негізделген.

1. Заңдылық қағидасы. Бұл қағида бойынша барлық мемлекет қызметкерлерінің алатын орны, лауазымы, рангісінен тәуелсіз, Конституцияны, заңдарды, Қазақстан Республикасы Президенті Жарлықтарының талаптарын, міндетті ережелерін мүлтіксіз сақтау, бұзбаумен анықталады. Мемлекеттік басқару процесінде заңдылық қағидасының талаптары, басқару актілерінің шығарылуы, басылуы кезінен бастап жүзеге асырылады. Мемлекетті басқару аппараты жүйесінде басқару актісінің заңды күшіс ол қактіні қабылдаған органның орны мен өкілеттілігінің көлемімен анықталады.

2. Мемлекеттік қызмет жүйесінің біртұтастығы қағидасы. Мемлекеттік биліктің заң шығарушы. Атқарушы және сот билігі тармақтарына бөлінуіне қарамастан Қазақстан Республикасының мемлекеттік қызмет жүйесі біртұтас. Жалпы мемлекеттік қызмет өзінің мәні, құрылымы және қоғамда әрекет етуінің біртұтастығымен түсіндіріледі. Мемлекеттік қызмет жүйесінің біртұтастығы

мемлекет аппаратындағы еңбек бөлінісіне қарамастан барлық мемлекеттік органдар өз қызметтері мен өкілеттіктерін мемлекет атынан жүзеге асырады. Қазақстан Республикасы Конституциясы мемлекеттік билік тармақтарының, заң шығару, атқарушы және сот билігіне бөліну қағидасын бекітіп, сонымен қатар тепе-теңдік және тежемелік қағидасын да берік ұстанады. Осыған байланысты мемлекеттік қызмет жүйесінің біртұтастығы қағидасы барлық мемлекеттік билік тармақтарын біртұтас мемлекет механизміне біріктіретін берік негіз ретінде түсіндіріледі.

3. Мемлекеттік қызметкерлердің заңды құқықтарының, еркіндігінің және заңды мүдделерінің мемлекет мүдделері алдында приоритеті бар. Бұл қағида азамат пен мемлекет арасындағы қарым-қатынас аумағындағы маңызды ресми бағыт болып келеді. Қазақстан Республикасы Конституциясы азаматтардың құқықтары мен бостандығын басты орынға қояды. Адамға құқық пен бостандық туғаннан беріледі. Олар абсолютті және ажыратылмайтын болып табылады және басқа нормативтік-құқықтық актілердің мазмұны мен қолдануын анықтайды.

4. Қол жетімділік қағидасы, яғни азаматтар қабілетін, кәсіптік дайындығына сәйкес мемлекеттік қызметке түсуге бірдей құқылы. Бұл туралы Конституцияның 33-бабында нақты жазылған. Осы қағида бойынша жалғыз ғана шек қоятын – ол кандидатқа қойылатын зейнетке шыққандағы жас мөлшері.

5. Азаматтардың мемлекеттік қызметкер лауазымына кандидатураларды жинау, іріктеу қатаң ерікті негізді жүзеге асырылуға міндетті. Ешкім де мәжбүрлеу тәртібінде мемлекеттік қызметке азаматты тағайындай алмайды. Яғни мемлекеттік қызметке тұру күрделі заң құрылымының болуын, бұл дегеніміз бір мезетте екі бірдей фактінің болуын қатаң талап етеді: қызметке тағайындау актісінің болуы және азаматтың бұл қызметке тұруға байланысты алдын ала келісімі.

6. Шешімдерді орындау міндеттілігі. Жоғары тұрған мемлекеттік органдар лауазымды тұлғаларының өз өкілеттілігі аясындағы қабылданған шешімдерін төменгі сатыда тұрған мемлекет органдары қызметкерлері үшін орындау – міндет. Бұл қағида мемлекеттік органдардың «вертикальды» бағыну жүйесін, экономика әлеуметтік сфера және әкімшілік-саяси құрылыс салаларында қажетті басқаруды орталықтандыруды айқындайды. Мемлекеттік басқару органдарының жалпы жүйесін біріктіреді, сөйтіп мемлекет аппаратының қызметінде жалпы мемлекеттік мүдделер есебін жүргізу қамтамасыз етіледі.

7. Мемлекеттік қызметшінің бақылауға тәуелділік және есептілік қағидасы. Барлық мемлекеттік органдар мен мемлекеттік қызметшілер халық алдында және өзінен жоғары тұрған лауазым немесе жоғары тұрған орган алдында жауапты.

8. Кәсібилігі мен құзырлығы. Мемлекеттік қызметке орналасқан азамат өзінің қызметтерін қажетті деңгейде орындау үшін олардың арнайы білімі, тәлім-тәжірибесі мен қарым-қабілеті болуы шарт.

9. Мемлекеттік қызметшілердің жеке жауапкершілігі. Әрбір мемлекеттік қызметші өзінің лауазымына сай белгілі бір қызмет атқарады және сол істеген ісіне жауап береді, т.б. Осы аталған қағидалардың орындалуы мемлекеттік қызметтің тиімді орындалуын қамтамасыз етеді. Әкімшілік лауазымдар мемлекеттік қызметшілердің 90 % - ын құрайды және олар саяси қызметшілер ауыстырылғанда қызметтен шығарылмауы үшін заңмен қорғалған. Мемлекеттік қызметтің мемлекеттік басқарудағы негізгі құзіреттеріне (компоненттеріне) лауазымдардың топтарға (категорияларға) бөлінуін жатқызуға болады. Лауазымдар иерархиясы мемлекеттік басқару жүйесінде пирамидаға сәйкес лауазымдардың таралуы барлық елде тараған. Лауазымдардың құзырлығының көлемі неғұрлым жоғары болса, сәйкесінше олардың иерархиялық пирамидадағы лауазымдық орны, сонымен бірге жауапкершілігі де жоғары болады. Сондықтан мемлекеттік лауазымдарды иерархиялық дифференциациялау объективті құбылыс, әрі заңды болып табылады.

Қазақстан Республикасының «Мемлекеттік қызмет туралы» заңында көрсетілгендей, мемлекеттік қызметкерлер лауазымдары саяси және әкімшілік болып екіге бөлінеді.

Саяси лауазымдарға саяси мемлекеттік қызметке тағайындалуы (сайлау), қызметтен босатылуы және қызметі саяси сипата болатын лауазымдар жатқызылса, ал әкімшілік лауазымдарға мемлекеттік қызметте тұрақты қызмет атқаратын лауазымдар жатады. Әкімшілік лауазымдар мемлекеттік деңгейде қабылданған арнайы лауазымдар реестрінде топтар категориясына жүйелендірілген.

Жалпы, мемлекеттік қызметтің өзі азаматтардың еңбек іс-әрекетінің бір түрі болып келетіні сөзсіз. Сондықтан да мемлекеттік қызмет жалпылай ұйымдастыруға тән барлық қасиеттерге негізделеді. Мемлекеттік қызмет деп әлеуметті пайдалы, объективті қажетті және басқару персоналының ұйымдасқан нысанындағы қызметін айтамыз. Жалпы, мемлекеттік басқару органдарында басқару кадрларын жинаудың, басқару функциялары мен өкілеттіктердің лауазымды тұлғалар арасында бөлінудің арнайы тәсілдері, мемлекет және еңбек процесін басқару, басқару органдарының жұмыс істеуіне қажетті жағдай жасақталған. Бұл тұрғыдан мемлекеттік қызмет еңбек құқығының жалпы нормаларына негізделеді.

Мемлекеттік қызмет деп белгілі бір іс-әрекеттің түріне қатысты, яғни кәсіп, мамандық, біліктілік, лауазымға қатысты жұмыстың орындалуын айтамыз. Кәсіп - еңбек қызметінің кең саласы. Бұнда мемлекет қызметкері өз мамандығына сәйкес бар білімін, талабын толығымен қолдана алады. Мамандық көрсетілген кәсіптің аясындағы еңбек қызметінің тар саласы. Бұнда мемлекет қызметкері жұмысты тиімді атқаруы үшін өзінің бұл сала бойынша алған терең, жан-жақты білімін қолдана алады. Ал біліктілік болса, белгілі бір қызметкердің қандай да дәрежелегі ауыр қызметті атқара алатынын анықтайды. Біліктілік – біліктілік кластарымен анықталады. Мемлекеттік қызметтің тағы бір белгісі – мемлекеттік қызметкердің басқару органы қызметіне тікелей қатысуы. Бұл дегеніміз – азаматты басқару органының құрамына, яғни штатқа және мемлекеттік органның басқару қызметіне енгізілуін айтамыз.

Лауазымды тұлғаның басқару органының ішкі еңбек тәртібіне бағынуы – мемлекеттік қызметтің келесі белгісі болып табылады. Ішкі еңбек тәртібінің мазмұнын құрайтын лауазымды тұлғалардың бірлескен басқару қызметін, ұжымның нақты және дұрыс жұмыс істеуін қамтамасыз ететін, басқару органының осындай режимін анықтайтын нормалар құрайды. Ішкі еңбек тәртібі заңдармен, ішкі еңбек тәртібінің типтік ережелерімен және осының негізінде қабылданған басқару органының жергілікті ішкі тәртіп ережелерімен реттеледі. Мемлекеттік басқару органының ішкі еңбек тәртібінің айырылмас элементі болып субординация жүйесі, яғни лауазымы бойынша төмен мемлекеттік қызметкерлер лауазымы жоғары қызметкерлерге толық есеп беруімен айқындалады. Басқару органының ішкі еңбек тәртібіне бағыну – әрбір лауазымды тұлғаның міндеті болып саналады.

Қазіргі заманауи кезеңге сәйкес мемлекеттік қызмет аясында да көптеген өзгерістердің болып жатқаны белгілі, себебі бүгінгі ХХІ ғасыр мен ғылыми-техникалық прогрестегі жаңалықтар үлкен бетбұрысты талап етуде. Соған сәйкес Қазақстан Республикасында жүргізіліп жатқан жаңашыл реформа, яғни мемлекеттік басқарудағы жаңа модельдің бірі «Халық үніне құлақ асатын мемлекет» десек еш қателеспеген болар едік. Бұндай жаңашыл реформалар мемлекеттік басқаруға жаңаша көзқараспен қатар, кадр саясатына шешім қабылдау жүйесіне, сондай-ақ оларды орындау жауапкершілігіне көзқарасты түбегейлі өзгерту үшін жасалған болатын. Сонымен қатар, Президенттің Жолдауындағы: «Бізге жаңа кадрлар, яғни кәсіби білікті, озық ойлы және бастамашыл мамандар аса қажет. Мемлекеттік қызмет қол жетпейтін жабық қастаға айналмауға тиіс» – деген тапсырмасын орындау үшін бейімді адамдарды, әсіресе жастарды іріктеп, таңдап, мемлекетшілдік мектептен өткізе отырып, мемлекеттік қызметкерлердің деңгейін жаңа сатыға көтеру арқылы, жалпы мемлекеттік қызметтің сапасына да, беделіне де жаңа мазмұн бере алатынымыз ақиқат. Және соның нәтижесі ретінде осы жылы Мемлекеттік қызмет агенттігі Президенттің бастамасымен үш жүз жас жігіттер мен қыздар арнайы бағдарламамен іріктеліп алынып, олардың көпшілігі мемлекеттік қызметке орналастырылған болатын. Қазақстан Республикасының Президенті бұл атқарылған іске өте жоғары баға берді. Тағы бір атап өтетін мәселенің бірі, осы іріктеліп алынған талантты, әрі білімді жастардың басым бөлігі Нұр-Сұлтан, Алматы, басқа да облыс орталықтарына қызметке орналастырылғаны белгілі. Осы бағыттағы конкурс – таңдаулар жергілікті жерде де адалдықпен, әділдікпен ұйымдастырылса әр деңгейдегі, әсіресе аудан, қала дәрежесіндегі мемлекеттік қызметшілер сапасы да жақсара түсетіні белгілі. Соған сәйкес ел Президенті биылғы «Жаңа жағдайдағы Қазақстан: Іс-қимыл кезеңі» атты Жолдауында мемлекеттік басқарудың жаңа үлгісіне бекерден-бекер тоқталып өтпегені белгілі. Себебі елімізде мемлекеттік қызмет жүйесін ретке келтіріп, қайта құрудың бірнеше алғышарттары бар деп атап өтуге әбден болады. Оған мысал ретінде мемлекеттік басқарудағы жаңа модельге байланысты сервистік мемлекет концепциясының алғашқы элементтерінің көрініс таба бастағанын да ерекше атап өтуге болар еді. Бұған мысал ретінде болашақта ауыл әкімдерін сайлау, әлеуметтік, инфра құрылымдық баста маларға аудандар мен ауылдық

оқуғандардың бюджетінен қаражат бөлу үшін қоғамдық сараптама жүргізу, халық бюджеті ұғымын қолданысқа кеңінен кіргізу. Сонымен қатар, мәслихаттардың қоғам дағы рөлі мен құзыреттілігін күшейту, барынша ашықтығын қамтамасыз ету, петиция институтын заңды түрде дамыта отырып осы арқылы өңір мен орталық арасындағы байланысты жетілдіру, өзін-өзі басқару институтын жаңғырту, оның даму жөніндегі нақты концепциясын дайындау. Президент өз жолдауында орынды атап өткендей, «егер азаматтардың әл-ауқатын шын мәнінде жақсартқымыз келсе, олардың өздерін осы іске белсенді түрде тартқанымыз жөн». Сондықтан мемлекеттік басқарудың жаңа моделі әр азаматтың мұң-мұқ та жымен санаса отырып, халықтың үнін ескеруге бағытталып отыр. Осыған сәйкес негізгі өзгерістерді өңірлерден бас тап, бірте-бірте кезең-кезеңімен дамыта түсу көзделіп отыр. Нәтижесінде, сервистік модель азаматтарға көрсетілетін қызметтердің сапалы, әрі қолжетімді болуын көздесе, ал екіншіден Президент өзінің халыққа арнаған Жолдауында мемлекеттік менеджментті жетілдіру мәселесіне өте күшті көңіл бөлгендігін бақылауымызға болады. Жалпы адамзаттың ел басқару аясындағы ғасырлық тәжірибесі бойынша адамзат ойлап тапқан үш тәсіл күні бүгінге дейін өзінің өміршеңдігін жоя қоймағаны белгілі. Бұларды – жүйелік, процестік, жобалық деп бөлетін болсақ, соның біріншісі – жүйелік тәсіл. Президент көптен бері түрлі жағдайда қордаланып келген мәселелерді ескеріп, жүйелі өзгерістерді енгізудің уақыты келгенін алға тарта отырып, неғұрлым тезірек енгізуді ұсынған болатын. Және осы реформаларды жүзеге асыру үшін Қазақстан Республикасының Президенті 2020 жылы 14 қыркүйекте өзінің №414 «Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Реформалар жөніндегі жоғары кеңес туралы» Жарлығын шығарып бекіткен болатын. Сөзіміз дәлелді болу үшін осы реформалардың бастамасы, әрі шынайы көрінісі ретінде Қазақстан Республикасы Президентінің 2020 жылғы 14 қыркүйектегі №411 Жарлығымен Қазақстан Республикасының Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі мен Қазақстан Республикасы Президентінің 2020 жылғы 14 қыркүйектегі №410 Жарлығымен Қазақстан Республикасының Бәсекелестікті қорғау және дамыту агенттіктері құрылып, осы лауазымдардың басшылары да тағайындалғанын атап өтуге болады. Төтенше жағдайлар министрлігін құру, және керісінше басқару жүйесіндегі өз мақсатын ақтамаған министрліктердегі жауапты хатшылар институтын жою, мемлекеттік аппарат пен квазимемлекеттік сектор қызметкерлерін қысқарту мерзімін жеделдету секілді өзекті мәселелерді шұғыл іске асыруды қатаң тапсырған болатын. Сонымен қатар мемлекеттік қызметті тиімді, әрі үнемді басқару мақсатында биылғы жылы мемлекеттік қызметшілер санын 10%-ға, ал келесі жылы тағы да 15%-ға қысқарту туралы тапсырма бергенін, ал алдағы 2021 жылы бұл саладағы қызметшілерді 25%-ға қысқарту міндетін алға қойғанын да атап өтуге болар еді.

Процестік тәсілге қатысты тоқталып өтер болсақ, жалпы басқару процесі жоспарлау, ұйымдастыру, мотивациялау, бақылау және бағалау кезеңдерінен тұратынын ескерсек, кем дегенде екі мәселеге басымырақ назар аударылады. Соның біріншісі, әрі маңыздысы – жоспарлау. Президент өз сөзінде күнделікті

мәселелерді шешуге көп уақыт және күш жұмсалатынын алға тарта отырып, осы мәселеге орай арнайы құрылған Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі еліміздің әлеуметтік-экономикалық дамуын өрістетуге серпін беретіндігін де атап өткен болатын. Ал үшінші – жобалық тәсілге тоқталып өтер болсақ, Президенттің өз Жолдауында атап өткендей, әр мемлекеттік қызметшінің жұмысында күнделікті процесс емес, нақты нәтиже басымырақ болуы тиіс. Яғни бұл дегеніміз, саны жағынан бастан асатын көрсеткіштер мен индикаторларға толы мемлекеттік бағдарламаларды барлық азаматқа түсінікті, жинақы ұлттық жобалармен алмастыру көзделеді дегенді білдірсе керек.

Сонымен қортындылай келе, мемлекеттік қызметтің бастауы өте әріден басталады, және ол жылдан-жылға жетілдіріліп отыратын, адамзаттың дамуымен қатар дами беретін құбылыс деп қарастырған дұрыс. Қазақстан Республикасы да өз тәуелсіздігін алған 1991 жылдан бастап бұл салада көптеген нәтижелі жұмыстар атқарып келе жатқанын атап өткен орынды, себебі мемлекеттік қызмет атқару дегеніміз мемлекет пен қоғамға, яғни түптеп келгенде халыққа қызмет етуді білдіреді. Бұл тұрғыдан алғанда Елбасы – Тұңғыш Президент Нұрсұлтан Әбішұлының бастамасымен 1994 жылдан бастау алған жас «Болашақ» бағдарламасымен білім алғандар саны 12 мыңнан астам түлектерді құрайтынын еске салып өтсек, кадр мәселесіне қатысты мемлекеттік тұрғыда қандай істердің атқарылғандығын бақылауымызға болады. Мемлекеттік қызмет беде лін көтеретін көптеген шаралар жүзеге асырылды. Агенттік, Мемлекеттік басқару академиясы құрылып, мемлекеттік қызметшілердің құқықтық мәртебесін айқындайтын бірқатар арнайы заңнамалардың қабылданғанын атап өткен орынды болар еді. Негізгі қайнар көздері ретінде Мемлекеттік қызметті ұйымдастырудың ең негізгі басты талаптары Қазақстан Республикасы Конституциясымен айқындалғанын, одан кейін тәуелсіздігімізді алғаннан кейінгі жылғы Қазақстан Республикасы Президентінің 1995 жылғы 26 желтоқсандағы «Мемлекеттік қызмет туралы» заң күші бар Жарлығын, 2015 жылғы 23 қарашадағы «Қазақстан Республикасының мемлекеттік қызметі туралы» № 416-V Қазақстан Республикасының Заңын және тағы да басқа да көптеген нормативтік-құқықтық актілерді атап өтуге болады.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы, 1995 жыл 30 тамыз
2. *Таранов А.А.* «Административное право РК», Учебник: Алматы, 1996 г. Общая часть
3. *Бахрах Н.* «Әкімшілік құқық» Москва, 1999 ж.
4. *Жетпісбаев Б.А.* Әкімшілік құқық
5. Қазақстан Республикасы Президентінің Қазақстан халқына Жолдауы, 2020 ж.

Сокур А.С.

*Магистрант юридического факультета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, Донецкая Народная Республика
(E-mail: nastya.sokur.555@gmail.com)*

Савченко А.А.

Старший преподаватель кафедры конституционного и международного права юридического факультета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, Донецкая Народная Республика

ЭКОЦИД КАК УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОМУ МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация: В данной статье рассматривается генезис понятия «экоцид» и его закрепление на международном уровне. Проанализированы различные научные подходы к определению данного понятия, выведено понятие, которое характеризует деяние более точно. Проанализировано закрепление экоцида как уголовно-наказуемого деяния в уголовных законах стран-участниц Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Установлено, что формулировки диспозиций статей в целом являются идентичными, однако выявлены общие и отличительные черты. Охарактеризована деятельность по вопросам криминализации экоцида на международном уровне.

Ключевые слова: экоцид, международное преступление, международное сотрудничество, преступление против мира и безопасности человечества, экологическая катастрофа.

Актуальность данной темы обусловлена ухудшением экологического состояния окружающей среды, несоблюдением экологической безопасности на международном и национальном уровнях, а одним из критериев дальнейшего благоприятного существования человечества стало сохранение и поддержание благоприятной экологической среды. Угроза международному миру и безопасности человечества в целом заключается в осуществлении человеком деятельности, нарушающей целостность экосистемы, эколого-правовые требования, национальное и международное законодательство в сфере обеспечения экологической безопасности.

С проблемой поддержания и укрепления международного мира и безопасности сопоставима проблема охраны окружающей среды, которая по своему значению стала одной из глобальных проблем современности. Международные организации и сообщества активно занимаются проблемами сохранения экологии и нормального состояния окружающей среды, разрабатывают способы искоренения и предотвращения возможного вредного воздействия на окружающую среду на ранних стадиях.

Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества на данный момент не получил должного научного освещения, т.к. достаточно новый состав по сравнению с иными традиционными деяниями, характерными для всех этапов развития государства, а также совершается и выявляется реже, чем, например, экологические преступления.

Рассмотрение понятия «экоцид» в правовой науке важно для разрешения вопросов квалификации содеянного и разграничения экоцида от ряда иных смежных составов. Анализ вариаций определения данного понятия в правовой доктрине, представляет несомненный интерес. Переходим к рассмотрению различных подходов к определению понятия «экоцид».

В научной литературе существуют различные подходы к формулировке данного понятия. Экоцид в широком смысле – полное уничтожение экосистемы, а в узком смысле данное понятие рассматривается по составляющим: уничтожение растительного и животного мира, нанесение ущерба атмосферному воздуху, водным и лесным ресурсам, что может привести к экологической катастрофе [1, с. 39].

В международном праве отсутствует закрепленное унифицированное понятие, которое бы в полной мере характеризовало данное международное преступление. Так, в Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10.12.1976 г. [2] не использован термин «экоцид», но заложены основы для определения этого преступления. Положения данной Конвенции направлены на запрет применения военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия, в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда другим государствам-участникам. Используемый в данной Конвенции термин «средства воздействия на природную среду» относится к любым средствам для изменения динамики, состава или структуры Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу, атмосферу, космическое пространство путём преднамеренного управления природными процессами. Данные установления формируют лишь основу для определения понятия «экоцид», а не являются полным и всеобъемлющим его понятием.

Дополнительный Протокол I к Женевским Конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, принятый на дипломатической конференции в Женеве от 8.06.1977 г. [3], содержит нормы, регламентирующие защиту природной среды от серьезного, долговременного и обширного ущерба при ведении военных действий. Защита природной среды предполагает запрет использования средств и методов, которые могут причинить ущерб природной среде, а соответственно и здоровью населения. Однако, следует понимать, что экологический ущерб окружающей среде возможен не только в процессе военных действий, но и существует реальная угроза экологической катастрофы вне зависимости от ведения вооруженных конфликтов.

Термин «экоцид», по мнению некоторых авторов, был введен американским ученым, биологом-ботаником, профессором Йельского университета, доктором Артуром Гальстоном в 1970 г. Вместе с тем существует противоречие в

вопросе о том, кто ввел это понятие впервые, затрудняющее понимание этимологии слова «экоцид» [4, с. 336-339].

Термин «экоцид» берет свои истоки от греческих и латинских корней, где *oikos* (греч.) – дом, жилище, родина, а *caedere* (лат.) или *cida* (греч.) – убивать, уничтожать. Термин обладает схожестью со значением геноцида, где *genos* (греч.) – род, а *caedere* (лат.) или *cida* (греч.) – убивать, уничтожать. Термин также обладает схожестью со значением биоцида, где *bios* (греч.) – жизнь, а *caedere* (лат.) или *cida* (греч.) – убивать, уничтожать [5, с. 366]. Схожесть рассматриваемых понятий заключается в активной направленности действий на уничтожение родины, рода, жизни в целом, т.е. направлены на уничтожение человечества, окружающей его среды обитания, жизни в целом. Экоцид является наиболее тяжким противоправным деянием, посягающим на мир и безопасность человечества. Данное преступление направлено на то, чтобы подорвать либо уничтожить ее и таким образом вызвать ухудшение благосостояния населения, его здоровья, либо полное или частичное вымирание, а также привести к экологической катастрофе.

В толковом терминологическом словаре под экоцидом понимаются преднамеренные действия, направленные на разрушение среды обитания организмов при помощи дефолиантов и гербицидов, где результатом является полное истребление жизни на значительных территориях [6, с. 458].

Э. Л. Милованов и Е. А. Вейцман понимают под «экоцидом» преднамеренное губительное воздействие на окружающую среду, а Н. Е. Яценко понимает под «экоцидом» лишь уничтожение среды обитания человека [7]. Однако, приведенные дефиниции не позволяют в полной мере и всесторонне охарактеризовать изучаемое деяние.

А. М. Плешаков понимает под «экоцидом» умышленное действие или совокупность таковых, которые направлены на причинение невосполнимого ущерба природе, а результатом данного преступного деяния является нарушение экологической взаимосвязи отдельного региона или группы таковых с естественной средой обитания человека, а также любое другое негативное воздействие на окружающую среду с целью создания условий, направленных на полное или частичное уничтожение различных национальных, этнических, расовых или религиозных групп [8, с. 82]. Данная формулировка является более точной, т.к. содержит указание на умысел как форму вины, свойственную субъективной стороне состава названного преступления. Также, экоцид в данном случае обретает черты как формального, так и материального составов. Автор акцентирует внимание на том, что следствием причинения вреда окружающей природной среде будут являться негативные факторы для существования человека, а также целью экоцида является создание условий, как природных, так и жизненных, рассчитанных на истребление человека.

Проанализировав многообразие подходов к определению и различных вариаций формулировок данного понятия можно сделать вывод, что экоцид предполагает активные действия с целью ухудшения или уничтожения природной среды, а также влекут за собой угрозу экологической катастрофы. Также

некоторые авторы в определении понятия «экоцид» акцентируют внимание на причинение вреда не только природной среде, но и непосредственно человеку.

Таким образом, учитывая проанализированные подходы и формулировки, принимая во внимание значимость и многоаспектность рассматриваемого преступного деяния, экоцид – международное экологическое преступление, которое совершается как в период вооруженного конфликта или военных действий, так и в мирное время с целью нанесения ущерба окружающей среде и антропогенным объектам, которое влечёт за собой экологическую катастрофу и угрозу безопасности человечеству.

Уголовно-правовая охрана мира и безопасности человечества от преступных посягательств выступает одним из важнейших направлений по реализации положений, закрепленных в международно-правовых актах и национальном законодательстве стран-участниц ЕАЭС. В данный момент остро стоит проблема в области квалификации данного преступления, связано это с тем, что часто последствия преступной деятельности наступают не сразу, а в течении определенного периода времени. Исходя из этого, правоохранительные органы опасаются применять данную статью и заменяют её более лояльной для подсудимого. Также, в некоторых случаях сложно найти тонкую грань между экологическим преступлением особенной части Уголовного Кодекса (далее – УК) и экоцидом [9, с. 81].

Переходим к рассмотрению закрепления экоцида как уголовно-правового деяния, закрепленного в УК стран ЕАЭС. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества закреплен в ст. 358 УК Российской Федерации, в ст. 131 УК Республики Беларусь, в ст. 394 УК Республики Армения, в ст. 169 УК Республики Казахстан, в ст. 388 УК Кыргызской Республики.

Таким образом, проанализировав закрепление экоцида как уголовно-наказуемого деяния в УК стран ЕАЭС можно сделать следующие выводы:

➤ Во всех уголовных законах стран ЕАЭС экоцид относится к преступлениям против мира и безопасности человечества ввиду особой общественной опасности.

➤ Диспозиции статей в УК Республики Беларусь и УК Республики Армения содержат прямое закрепление умысла совершаемых деяний, что является безусловно положительной чертой. Непосредственное закрепление умысла позволяет более серьезно относиться к квалификации тех или иных действий, регламентированных данными составами.

➤ Формулировки диспозиций статей в целом являются идентичными и включают уничтожение и отравление: растительного мира, животного мира, атмосферного воздуха, водных ресурсов, земельных ресурсов. Однако, умышленное уничтожение или отравление земельных ресурсов включено не во все диспозиции статей, а только в уголовном законодательстве Республики Армения и Республики Казахстан. В случае уничтожения или отравления растительного и животного миров, атмосферного воздуха и водных ресурсов, безусловно, оказывается воздействие и на земельные ресурсы. Четкое законодательное закрепление причинения вреда земельным ресурсам оказывает положительное воздействие на уголовно-правовую квалификацию деяний, а также способству-

ет закреплению более широкого и конкретного перечня объектов, на которые оказывается негативное воздействие.

➤ Формулировки диспозиций статей в целом являются идентичными и включают также совершение иных действий, т.е. перечень объектов и действий является неисчерпывающим.

➤ Формулировки диспозиций статей в целом являются идентичными и включают в качестве общественно опасных последствий экологическую катастрофу, к которой способны привести умышленные действия по уничтожению или отравлению растительного и животного миров, атмосферного воздуха и водных ресурсов. Однако в уголовном законодательстве Республики Казахстан иная формулировка, которая в качестве последствий предполагает вызвать экологическое бедствие или чрезвычайную экологическую ситуацию.

➤ Формулировки диспозиций статей в целом являются идентичными и включают возможность совершения иных действий, способных вызвать такие последствия как экологическая катастрофа, или экологическое бедствие, или чрезвычайную экологическую ситуацию. В большинстве случаев вредное воздействие на окружающую экологическую среду осуществляется посредством применения вредных загрязняющих веществ, которые представляют собой химическое или биологическое вещество либо смесь таких веществ и в определенных концентрациях оказывают негативное воздействие на здоровье человека и окружающую среду. Так, прямо предписанные действия, предполагают обязательное наступление тяжких последствий, выражающихся в массовом уничтожении, массовом отравлении природы, экологической катастрофе, и одновременно уголовные законы предусматривают и возможность совершения иных действий, также способных вызвать такие последствия. Данные особенности безусловно оказывают негативное воздействие на уголовно-правовую квалификацию данного преступления и представляют собой определенные проблемы, которые на практике могут привести к неправильной квалификации тех или иных деяний, а также к проблемам привлечения к ответственности виновных лиц.

➤ Санкции статей по степени тяжести являются идентичными, т.к. экоцид является особо тяжким преступлением. Однако, сроки лишения свободы отличаются, в Республике Беларусь, Республике Армения, Республике Казахстан – от 10 до 15 лет лишения свободы, в Кыргызской Республике и Российской Федерации – от 12 до 20 лет лишения свободы.

Уголовное право имеет значительную роль в реализации мер ответственности за причинение ущерба окружающей среде и акты экоцида, которые совершаются в связи с политическим климатов или в связи с конкретными военными конфликтами. Необходимость установления уголовной ответственности за акты экоцида на международном уровне возникла ввиду обострения данной проблемы.

Международные организации неоднократно обращались к вопросу криминализации экоцида в XX столетии. Так, в 1954 г. на шестой сессии Комиссии международного права Организации Объединенных Наций был разработан проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Изначально данный проект Кодекса содержал положения, которые регламентировали

ли преступления, наносящие серьёзный ущерб окружающей среде. [10, с. 215]. Однако, на последующих сессиях некоторые государства выступили против закрепления некоторых статей в данном проекте Кодекса и было принято решение об исключении составов, регламентирующих нанесение значительного ущерба окружающей среде [11, с. 142].

Работа по криминализации экоцида на международном уровне продолжается. Так, юрист Полли Хиггинс совместно с коллегами разработали нормативную базу по вопросам экоцида. Основной идеей данного законопроекта является осуществление действий по предотвращению и запрету экоцида как антропогенного, так и естественного. Законопроект предполагает обязанность на международном уровне по оказанию помощи правительствам различных государств с целью предотвращения риска причинения значительного и долгосрочного экологического ущерба, а также предотвращения гибели всего человечества. Также предлагается оказание помощи государствам, которые в тех или иных ситуациях подвержены экологической катастрофе [12, с. 258-259].

Экоцид влечет за собой уничтожение флоры и фауны, загрязнение водных источников и атмосферного воздуха, что создаёт угрозу существованию человека. Акт экоцида создаёт угрозу экологической катастрофы и состоит в устойчивом нарушении функционирования экологических систем, приводя к уничтожению их биологического разнообразия [13, с. 173]. С целью разрешения вопроса об ответственности государств и лиц за совершение актов экоцида представляется необходимым принятие на международном уровне унифицированного нормативного акта, например, Конвенции о запрещении совершения экоцида. Данная Конвенция не просто запрещала бы совершение определенных действий, которые могли бы причинить вред окружающей среде и человечеству в результате военных или недружественных действий, но предусматривала бы всесторонний запрет и недопущение осуществления актов экоцида ввиду угрозы не только окружающей среде, но и человечеству в целом [14, с. 292-293].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что экоцид – международное экологическое преступление, которое совершается как в период вооруженного конфликта или военных действий, так и в мирное время с целью нанесения ущерба окружающей среде и антропогенным объектам, которое влечёт за собой экологическую катастрофу и угрозу безопасности человечеству. Увеличение количества преступлений, направленных против природной окружающей среды, способен привести к необратимым негативным последствиям и угрозе биологическим основам жизни на Земле. Наличие соглашений на международном уровне выступает необходимым элементом взаимодействия государств и международных организаций в вопросах противодействия причинения вреда окружающей среде и, как следствие, человеку. Однако, не все предписания международных актов и рекомендации международных организаций добросовестно исполняются государствами, что связано с лоббированием интересов конкретных государств, которые не беспокоятся о безопасности всего человечества, что осложняет эффективную борьбу с преступлениями против окружающей среды.

Отсутствие эффективного механизма на международном уровне, который имел бы обязательный и универсальный характер в вопросах регулирования и

регламентации отношений, возникающих в сфере охраны окружающей среды, для субъектов международного права представляет собой угрозу международному миру и безопасности человечества. Борьба с экоцидом как с преступлением против мира и безопасности человечества на международном уровне должна иметь соответствующую правовую регламентацию, которая соотносится со степенью общественной опасности деяния и степенью тяжести последствий. Также необходимо учитывать причины и условия совершения данного противоправного деяния. Международное сотрудничество в сфере борьбы с экоцидом имеет важное значение в вопросах реализации и поддержания международного мира и безопасности и, соответственно, имеет важное значение в вопросах защиты всего человечества.

На современном этапе развития всё более распространённым является вред, причинённый экологической среде, что представляет собой ущерб экологии не только на конкретной территории, но и оказывает трансграничное влияние на окружающую среду, что представляет собой угрозу экологической катастрофы. Закрепление на международном уровне экоцида как преступления против мира и безопасности человечества позволит оказать влияние как на государства, так и на принимаемые ими решения, которые могут повлечь за собой значительный экологический вред или гибель окружающей среды, в таком случае осуществляемые действия будут квалифицированы уже как международное преступление. Криминализация экоцида на международном уровне позволит восполнить пробелы национального законодательства об охране окружающей среды, способствовать её защите и развитию.

Список использованной литературы:

1. Прохоров Л. А. К вопросу об определении содержания понятия «экоцид» // Журнал: Очерки новейшей камералистики. – 2019. – № 1. – С. 38-40.
2. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10.12.1976 г. [Электрон. ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения 10.09.2020 г.)
3. Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста. Дополнительный Протокол I к Женевским Конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов [Электрон. ресурс] URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 10.09.2020 г.)
4. Иногамова-Хегай Л. В. Уголовное право РФ / Л. В. Иногамовой-Хегай – М: НИЦ ИНФРА-М. – 2013. – 352 с.
5. Дедю И. И. Экологический энциклопедический словарь / И. И. Дедю – Кишинев: Гл. ред. Молд. совет. энцикл. – 1989. — 406 с.
6. Вишнякова С.М. Экология и охрана окружающей среды: Толковый терминологический словарь / С. М. Вишнякова – М: Всемир. Следопыт. - 1998. – 479 с.

7. *Греченкова О. Ю.* Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества: автореф. дисс. на соискание ученой степени к.ю.н. Специальность 12.00.08 / Науч. рук. А. Г. Кибальник. – Краснодар. – 2007. – 26 с.

8. *Плешаков А. М.* Экологические преступления против мира и безопасности человечества // Государство и право. – 1994. – №7. – С. 81-90.

9. *Косовец Д. С., Грузинская Е. И.* Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества // Экологическое благополучие и здоровый образ жизни человека в 21 веке: политико-правовые, социально-экономические и психолого-гуманитарные аспекты. – 2017. – № 2. – С. 78-82.

10. *Сокур А. С.* Экоцид как международное преступление // Сборник материалов V Международной заочной научной конференции «Форум молодых учёных: мир без границ» в рамках международного научного форума «Инновационные перспективы Донбасса». Секция Экономика, правоведение, юриспруденция. – 2020. – часть 2. – С. 213-215.

11. *Сокур А. С.* Экоцид – преступление против мира и безопасности человечества // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2020. – Вып. 12, том 4, часть 2. – С. 138-143.

12. *Алиев А. А.* Международный закон экоцида – потенциальный инструмент против экологического ущерба // Чеченский государственный университет. – 2018.– № 1.– С. 256-259.

13. *Сокур А. С.* Экоцид как международное преступление против мира и безопасности человечества // Сборник материалов XLVII Международной студенческой научно-практической конференции. – 2020. – С. 172-174.

14. *Якимова Е. М., Чуксина В. В., Комкова Г. Н., Несмеянова С. Э.* Международное сотрудничество в борьбе с экологическими преступлениями // Журнал: Всероссийский криминологический журнал. Издательство: Байкальский государственный университет. – 2018.– № 2.– С. 288-298.

МРНТИ 10.87.77

Солнцев А.М.

*К.ю.н., доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов (РУДН)*

**КОГДА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АГРОХИМИКАТОВ И ПЕСТИЦИДОВ
МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К НАРУШЕНИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
(ПРАКТИКА КОМИТЕТА ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА)**

5 июля 2019 года Комитет ООН по правам человека принял единогласно *мнение*¹ по делу «*Портильо Касерес и др. против Парагвая*»². В этом знамени-

---

¹ Учитывая квазисудебный характер деятельности Комитета по правам человека, принимаемые им документы по итогам рассмотрения индивидуальных/коллективных жалоб именуют-

тельном решении Комитет впервые рассмотрел вопрос об обязанности государств защищать людей от ухудшения состояния окружающей среды в соответствии со статьями 6 (право на жизнь) и 17 (невмешательство в личную и семейную жизнь, неприкосновенность жилища) Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП). При этом Комитет в обоснование своей позиции привел решения органов региональных правозащитных систем, что показывает определённое единство во взгляде международных судебных и квазисудебных органов на процесс экологизации прав человека. Принятое Комитетом ООН мнение будет способствовать укреплению признания защиты окружающей среды как элемента защиты прав человека, тем более, что уже в своем последующем «экологическом» мнении по делу «*И. Тейтиота против Новой Зеландии*» он сослался на это решение³, показав тем самым стремление к устойчивой практике.

Жалоба была инициирована 30 сентября 2013 г. против Республики Парагвай двумя крестьянскими семьями (девять взрослых и двое несовершеннолетних – сын и племянник покойного)⁴, которые были отравлены большим количеством агрохимикатов и пестицидов (включая инсектициды) с токсичным действием, используемых на соседних фермах. Несмотря на то, что парагвайское законодательство запрещало такое использование и таким методом⁵, государством не было предпринято существенных шагов для обеспечения соблюдения существующих национальных законов, несмотря на жалобы в различные министерства, административные и судебные органы Парагвая (включая Министерство сельского хозяйства, Министерство по охране окружающей среды, Институт развития сельских районов и освоения земель, Национальную службу фитосанитарного контроля и качества растений и семян, Прокуратуру по уголовным делам Куругуати).

В результате один человек умер в 2011 г. (Рубен Портильо Касерес), а еще 22 человека из общины, включая авторов жалобы и двух детей, были госпитализиро-

---

ся «мнениями», а не «решениями» для того, чтобы подчеркнуть их рекомендательный характер. В статье будет использоваться слово «решение» исключительно как синоним в соответствии с вышеуказанными оговорками.

² Portillo Cáceres et al. v. Paraguay (CCPR/C/126/D/2751/2016).

³ Ioane Teitiota v. New Zealand (CCPR/C/127/D/2728/2016), пун.9.4, 9.5. Подробнее о деле см.: Солнцев А. Приоткрывая ящик Пандоры: анализ мнения Комитета по правам человека о «климатических» беженцах 2020 года // Международное правосудие.2020.№3 (35).

⁴ Норма Портильо Касерес (от ее собственного имени и от имени ее покойного брата Рубена Портильо Касереса), Эрменегильда Касерес, Изабель Бордон Рамирес (от ее собственного имени и от имени ее несовершеннолетнего сына Диего Рубена Портильо Бордона, сына покойного), Руперто Бордон Хуарес, Игнасио Бордон Рамирес, Каферино Бордон Рамирес, Хосе Бордон Рамирес, Алисия Аранда (от ее собственного имени и от имени ее несовершеннолетнего сына Сантьяго Бордона Аранды), Бенито Милсиадес Хара Сильва.

⁵ Указ № 2048/04 о защитных насаждениях вдоль дорог; Постановление № 485/03 о защитных насаждениях в населенных пунктах; Указ № 18831/86 о мерах по охране водотоков и родников; Закон № 294/93 о воздействии на окружающую среду; Закон № 716/96 об экологических преступлениях; Закон № 3742/2009 о контроле за фитосанитарными препаратами сельскохозяйственного назначения и Закон № 123/91 об утверждении новых правил фитосанитарной безопасности.

ваны. Кроме того, крестьянские семьи пострадали от потери фруктовых деревьев, гибели различных сельскохозяйственных животных, серьезного ущерба урожаю, отравления колодцев⁶ и водоемов. Семьи утверждали, что государство не выполнило своей обязанности в отношении обеспечения защиты, поскольку не проявило должной осмотрительности и допустило в нарушение действующего законодательства широкомасштабное распыление токсичных веществ на фермах, прилегающих к их домам, в результате чего Портильо Касерес скончался с симптомами отравления токсичными агрохимикатами, а здоровью авторов жалобы был нанесен серьезный ущерб (были зафиксированы такие симптомы недомогания, как тошнота, головокружение, головная боль, повышенная температура, боль в желудке, рвота, понос, кашель и кожные повреждения).

Важно подчеркнуть, что бездействие Парагвая длилось достаточно долго, на что обращали внимание три других договорных органа по правам человека и специальная процедура Совета по правам человека. Так, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам с обеспокоенностью отмечал, что «расширение масштабов возделывания сои привело к неизбирательному использованию токсичных агрохимикатов, что стало причиной смерти и заболевания людей»; он призвал государство «принять срочные меры для обеспечения того, чтобы возделывание сои не приводило к ущемлению прав населения, признаваемых в Пакте»⁷. Аналогичным образом, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин выражал обеспокоенность по поводу ненадлежащего использования токсичных агрохимикатов, которое негативно сказывается на здоровье сельских женщин, и просил государство провести комплексное исследование по вопросу об использовании токсичных веществ в сельском хозяйстве «с целью принятия мер, необходимых для устранения их воздействия на здоровье женщин и их детей»⁸. Со своей стороны, Комитет по правам ребенка выражал обеспокоенность «негативными последствиями фумигации с использованием фитосанитарных продуктов для крестьянских семей» и рекомендовал государству-участнику принять все необходимые меры «для решения проблемы крайне негативного воздействия фумигации с использованием фитосанитарных продуктов на сельские общины»⁹. В ходе своей миссии в Парагвай Специальный докладчик по вопросу о крайней нищете и правах человека отмечала, что интенсивное культивирование лишь одной сои и злоупотребление агрохимикатами «наносит серьезный ущерб здоровью представителей общин коренных народов и крестьян», при этом «государство ничего не делает в целях защиты права за-

---

⁶ Результаты анализа показали наличие в колодце запрещенных агрохимикатов. Альдрин и линдан (пестицид и инсектицид, запрещенные для использования в любом виде с 24 мая 1993 года по причине их высокой токсичности для человека и окружающей среды) и эндосульфат (инсектицид, ввести глобальный запрет на применение которого призвал в 2008 году Комитет по обзору стойких органических загрязнителей Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях. В ноябре 2010 года государство-участник приняло решение приостановить регистрацию и выдачу разрешений на импорт эндосульфата, запретить его использование при возделывании огородных и плодовых культур и в течение двух лет постепенно запретить его применение в рамках возделывания полевых культур).

⁷ E/C.12/PRY/CO/3, пун. 16 и 27.

⁸ CEDAW/C/PRY/CO/6, пун. 32 и 33.

⁹ CRC/C/PRY/CO/3, пун. 50 и 51(d).

трагируемых лиц на здоровье [...], создавая тем самым серьезную угрозу для жизни людей, дома которых окружены соевыми полями, особенно в [...] Канендию»¹⁰.

Таким образом у истцов было основание утверждать, что данная политика проводится Парагваем уже давно и государством не предпринимается действенных шагов для возвращения ситуации в правовое поле.

Отметим, что вопросы, касающиеся роли защиты окружающей среды в контексте защиты прав человека, недавно были поставлены перед несколькими правозащитными механизмами. Межамериканский суд по правам человека (МСПЧ) имел возможность определить роль защиты окружающей среды в своей региональной системе при вынесении консультативного заключения¹¹. В 2018 г. он не только установил, что существует автономное право на здоровую (благоприятную) окружающую среду, но также заявил, что любое право человека может быть затронуто экологическим ущербом¹². Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) напротив, никогда не говорил о существовании права на здоровую (благоприятную) окружающую среду, выявляя лишь влияние неблагоприятного состояния окружающей среды на гражданские и политические права человека¹³.

В данном деле Комитет по правам человека обобщил региональную практику, поскольку до настоящего времени он не имел собственной четкой практики в отношении обязанности государств защищать окружающую среду и, таким образом, определения объема такого обязательства государства. Тем самым Комитет сделал первый шаг к поиску международного стандарта в отношении объема обязанности государств защищать окружающую среду в целях соблюдения своих международных обязательств в области прав человека.

Право на жизнь и охрана окружающей среды

Незадолго до принятия решения по анализируемому делу Комитет в октябре 2018 г. принял Замечание общего порядка № 36 «о праве на жизнь». Этот факт предпрещил положительное мнение Комитета по делу, поскольку в Замечании общего порядка № 36, обобщившем существующую практику Комитета, вред окружающей среде напрямую был увязан с правом на жизнь в двух положениях: «26. Обязанность по защите жизни также подразумевает, что государствам-участникам следует принимать соответствующие меры для улучшения общих условий в обществе, которые могут создавать прямые угрозы жизни или препятствовать лицам в пользовании их правом на жизнь с достоинством. Эти общие условия могут включать ... деградацию окружающей среды...»; «62. Де-

¹⁰ A/HRC/20/25/Add.2, пункты 47 и 48.

¹¹ Advisory Opinion, Inter-American Court of Human Rights, OC-23/17. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_23_esp.pdf. Подробнее см.: Солнцев А.М. "И все-таки она вертится!". "О консультативном заключении Межамериканского суда по правам человека об окружающей среде и правах человека 2018 года // В книге: Будущее российского права: концепты и социальные практики. V Московский юридический форум. Материалы XIV Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения). В 4-х частях. 2018. С. 25-28.

¹² Advisory Opinion, Inter-American Court of Human Rights, OC-23/17, пун. 63, 64.

¹³ См.: дело «Лопес Остра против Испании» (9 декабря 1994 г.), пун. 51; дело «Фадеева против России» (30 ноября 2005 г.), пун. 68–69; дело «Дубецка и другие против Украины» (10 февраля 2011 г.), пун. 105.

градация окружающей среды, изменение климата и неустойчивое развитие представляют собой ряд наиболее насущных и серьезных угроз для возможности нынешнего и будущих поколений пользоваться правом на жизнь. Таким образом, обязательства государств-участников по международному праву окружающей среды следует толковать в свете содержания статьи 6 Пакта, а обязательство государств-участников уважать и обеспечивать право на жизнь – также в свете их соответствующих обязательств по международному праву окружающей среды. Осуществление обязательства уважать и обеспечивать право на жизнь, и особенно достойную жизнь, зависит, в частности, от мер, принимаемых государствами-участниками для сохранения окружающей среды и ее защиты от ущерба, загрязнения и изменения климата в результате деятельности государственных и частных субъектов. Поэтому государствам-участникам следует обеспечивать устойчивое использование природных ресурсов, разработку и применение существенных экологических стандартов, проведение оценок воздействия на окружающую среду и консультации с соответствующими государствами по вопросам деятельности, которая может оказывать значительное воздействие на окружающую среду, представление уведомлений другим государствам о стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях и сотрудничество с ними, предоставление надлежащего доступа к информации об экологических угрозах и должный учет подхода, основанного на принципе предосторожности»¹⁴.

Таким образом в анализируемом деле «Портильо Касерес и др. против Парагвая» Комитет воспользовался положениями Замечания общего порядка № 36 и сослался на практику региональных правозащитных систем. Комитет использовал жесткие формулировки, не оставляя сомнений: «Комитет также отмечает процессы, происходящие в этой области в других международных инстанциях, которые признали существование *бесспорной связи* между охраной окружающей среды и осуществлением прав человека, а также тот факт, что ухудшение состояния окружающей среды может негативно сказаться на эффективном осуществлении права на жизнь. Серьезное ухудшение состояния окружающей среды уже стало причиной заявлений о нарушении права на жизнь»¹⁵.

Таким образом, государства должны принимать позитивные меры для выполнения своего обязательства по защите прав своего народа от любой угрозы, которая является разумно обоснованной. В поддержку позиции Комитета сыграли следующие факты: проведение масштабных операций по фумигации с использованием токсичных агрохимикатов, что подробно задокументировано, представляет собой угрозу для жизни истцов; в результате фумигации были заражены реки, в которых истцы ловят рыбу, колодцы, из которых они пьют, фруктовые деревья, домашние животные, которые служат для них источником продовольствия; истцы были госпитализированы по причине отравления, а гос-

---

¹⁴ См.: Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 36. Статья 6: право на жизнь. Документ ООН CCPR/C/CG/36. 3 сентября 2019 года. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/GC/36&Lang=en (дата обращения: 28.08.2020).

¹⁵ Portillo Cáceres et al. v. Paraguay (CCPR/C/126/D/2751/2016), пун.7.4.

ударство-участник не представило никаких доказательств того, что результаты анализов крови и мочи были в пределах нормы, равно как и альтернативного объяснения случившегося; Парагвай не представил никаких разъяснений в связи с кончиной г-на Портильо Касереса, поскольку вскрытие никогда не проводилось; за пять лет до этих событий различные государственные органы были предупреждены об угрозе, которую представляют операции по фумигации; Суд вынес положительное решение по ходатайству о применении процедуры ампаро, в котором он четко заявил, что «государство не выполнило своего обязательства или обязанности по защите».

Отметим еще один важный момент. В экологических исках возникает много проблем из-за того, что бремя доказывания лежит на истце¹⁶. Вот что отметил Комитет в связи с тем, что истцы не могли доказать наличие следов агрохимикатов в теле умершего. Его вскрытие не проводилось, хотя родственники запрашивали четыре раза для определения наличия следов агрохимикатов во внутренних органах, следовательно, к делу не были приобщены результаты анализов крови и мочи. Но и государство не представило никаких доказательств того, что анализы крови и мочи показали значения в пределах нормы. Комитет констатировал: «бремя доказывания не может лежать исключительно на авторах сообщения, тем более что авторы и государство-участник не всегда имеют одинаковый доступ к доказательствам и что зачастую лишь государство располагает необходимыми сведениями. В случаях, когда прояснение обстоятельств зависит от сведений, которыми располагает лишь государство-участник, Комитет может счесть утверждения авторов обоснованными, если только государство-участник не опровергнет их, представив удовлетворительные доказательства и объяснения»¹⁷. Представляется, что это важный вывод, в тех случаях, когда решения о нарушениях зависят от информации, имеющейся только у государства или причастного предприятия, договорным органам по правам человека и судебным органам следует рассматривать доказательства как хорошо обоснованные, если государство-участник не опровергает их путем представления удовлетворительных доказательств и объяснений.

В результате Комитет установил нарушение права на жизнь не только в случае покойного Рубена Портильо Касереса, но и в отношении оставшихся в живых авторов сообщения. Это тоже достаточно широкий подход к определению понятия «жертва» в практике Комитета.

Защита жилища, частной и семейной жизни

Сложнее, на наш взгляд, было установить нарушение ст. 17 МПГПП¹⁸, поскольку соответствующее замечание общего порядка № 16 «о праве на лич-

---

¹⁶ См., например: Ginevra Le Moli, Parthan S Vishvanathan, Anjali Aeri, Whither the Proof? The Progressive Reversal of the Burden of Proof in Environmental Cases before International Courts and Tribunals, *Journal of International Dispute Settlement*, Volume 8, Issue 4, December 2017, Pages 644–672, <https://doi.org/10.1093/jnlids/idx014>

¹⁷ *Portillo Cáceres et al. v. Paraguay* (CCPR/C/126/D/2751/2016), пун.7.2.

¹⁸ Прочитируем: «1. Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посяга-

ную жизнь» было принято еще в 1988 г., когда экологическая повестка дня не была столь активна. В настоящем деле Комитет установил нарушение статьи ссылаясь на практику ЕСПЧ (правда, почему-то не цитируя вышеупомянутое консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека). Это особенно интересно, поскольку ранее Комитет не хотел использовать существующую региональную практику и избегал ответа на вопрос о роли экологического ущерба в рамках статьи 17 МПГПП¹⁹. В анализируемом деле Комитет установил нарушение обязанности Парагвая защищать личную и семейную жизнь истцов только на основании двух критериев: загрязнение оказывает «прямое воздействие» на личную и семейную жизнь человека и это воздействие является «серьезным» («ввиду его интенсивности или продолжительности, а также нанесенного физического или морального ущерба»)²⁰.

Следует подчеркнуть, что в решении не используется термин «коренные народы», в данном случае это тоже уязвимая группа населения, специфическая категория крестьян («campesinos») - сельскохозяйственные работники и члены одной семьи, они ведут семейное хозяйство на землях, принадлежащих государству и находящихся в ведении государственного учреждения. Комитет в обоснование своей позиции ссылался на недавно принятый Генеральной Ассамблеей ООН документ - Декларацию Организации Объединенных Наций о правах крестьян и других лиц, работающих в сельских районах²¹. Право на семейную жизнь у этой категории крестьян связана с возможностью ведения сельского хозяйства: «Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что их скот, культуры, фруктовые деревья, водные ресурсы и рыба являются составляющими элементами их права на личную и семейную жизнь и неприкосновенность жилища и что отсутствие государственного контроля за соблюдением экологических норм представляет собой, соответственно, произвольное посягательство на их право на личную и семейную жизнь и неприкосновенность жилища»²². Термин «жилище» следует понимать, как означающий «место, где человек проживает или занимается своей обычной деятельностью»²³, а вышеупомянутые элементы являются составной частью образа жизни истцов, которые особенно привязаны к земле и зависят от нее, и представляют собой элементы, которые могут относиться к сфере защиты, обеспечиваемой статьей 17 Пакта. При этом для защиты прав по ст.17 государства должны не только воздерживаться от произвольного вмешательства, но и принимать такие

вмешательствам на его честь и репутацию. 2. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

¹⁹ См., например, Док. ООН ССРР/С/95/Д/1457/2006, 24.04.2009, дело «Roma Roma v. Peru».

²⁰ Portillo Cáceres et al. v. Paraguay (ССРР/С/126/Д/2751/2016), пун. 7.8.

²¹ Декларация Организации Объединенных Наций о правах крестьян и других лиц, работающих в сельских районах 2018 г. <https://undocs.org/ru/A/RES/73/165>. Анализ документа см.: Гольтыев А.О. Права крестьян и устойчивое развитие - нужны ли новые международные стандарты? <https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/prava-krestyan-i-ustojchivoe-razvitie-nuzhny-li-novye-mezhdunarodnye-standarty>

²² Portillo Cáceres et al. v. Paraguay (ССРР/С/126/Д/2751/2016), пун. 7.7.

²³ Замечание общего порядка № 16 (1988) о праве на личную жизнь, пункт 5.

позитивные меры, которые могут быть необходимы для эффективной защиты этого права в случае любого вмешательства со стороны как государственных органов, так и физических или юридических лиц. Парагвай был в курсе ситуации, возбуждались и закрывались уголовные дела в отношении юридических лиц, но фумигация продолжалась.

Средства правовой защиты

Признав Республику Парагвай виновной Комитет в целях обеспечения эффективного средства правовой защиты и предоставления полного возмещения лицам, чьи права были нарушены, предписал: «провести эффективное и тщательное расследование фактов; назначить всем лицам, которые несут ответственность за произошедшие события, меры уголовного и административного наказания; предоставить истцам полное возмещение за причиненный им ущерб, включая надлежащую компенсацию; а также не допускать подобных нарушений в будущем»²⁴. В заключение Комитет просил Парагвай представить в течение 180 дней информацию о мерах, принятых для претворения в жизнь решения, а также опубликовать его текст и обеспечить широкое распространение, в частности в ежедневной газете, выходящей большим тиражом в департаменте Канендию²⁵. Думается, что высказанные рекомендации очень важны в экологических спорах, поскольку включают дифференцированный подход вплоть до доведения до сведения земляков истцов о благополучном разрешении спора.

Заключение

В данном деле Комитет по правам человека обобщил региональную международную правозащитную практику, поскольку до настоящего времени он не имел четкой собственной правовой позиции в отношении обязанности государств защищать окружающую среду и, таким образом, определения объема такого обязательства государства. Тем самым Комитет сделал первый шаг к поиску международного стандарта в отношении объема обязанности государств защищать окружающую среду в целях соблюдения своих международных обязательств в области прав человека, прежде всего в части права на жизнь и защиты жилища, частной и семейной жизни.

Неспособность государства остановить вредное воздействие токсичных веществ на людей влечет нарушение права на жизнь и на невмешательство в личную и семейную жизнь, неприкосновенность жилища, причем даже при отсутствии смертного исхода. Защита этих прав требует, чтобы государства обеспечивали защиту отдельных лиц и общин от подверженности воздействию таких опасных явлений и веществ. Крайне важно, что Комитет отметил, что государства могут нарушать права человека даже если принимают меры, но они неэффективны.

Повторяя вслед за Комитетом по правам человека, что связь между защитой окружающей среды и правами человека «бесспорна», объем обязанностей государства еще недостаточно ясен. Комитет по правам человека, как универ-

---

²⁴ Portillo Cáceres et al. v. Paraguay (CCPR/C/126/D/2751/2016), пун.9.

²⁵ Portillo Cáceres et al. v. Paraguay (CCPR/C/126/D/2751/2016), пун.10.

сальный правозащитный орган, должен использовать свой глобальный охват, чтобы способствовать последовательной и прозрачной правоприменительной практике, которая помогает установить четкие руководящие принципы для государств.

МРНТИ 10.87.09

Тлепина Ш.В.

*Д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой международного права
Евразийского национального университета
(e-mail: tlepina_shv@enu.kz)*

О ЗНАЧЕНИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА²⁶

Аннотация: В статье рассматриваются международно-правовые взгляды М.А. Таубе. В частности, вопрос о возникновении и становлении международного права. М.А. Таубе – один из видных учеников Ф.Ф. Мартенса, известен как исследователь истории международного права Средних веков. Таубе утверждает о возникновении международного права в Средние века, не принимает во внимание истоки международного права в условиях Древнего мира. Правила, процедуры, нормы международных сношений и международных отношений классической древности остались вне сферы научных интересов Таубе при исследовании эволюционного развития международного права.

Ключевые слова: Михаил Александрович Таубе, Федор Федорович Мартенс, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, международное право, история международного права, Средние века, Древний мир

Littera scripta manet²⁷

Один из видных ученых-юристов дореволюционной России Михаил Александрович Таубе (1869 – 1961/63) – доктор международного права, талантливый дипломат, общественный и государственный деятель, юрисконсульт Министерства иностранных дел Российской империи, участник ряда международных форумов, уполномоченный России по морскому праву в Лондоне, член Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Его научное наследие посвящено историко-правовым исследованиям в международном праве. Писал он и на ре-

---

²⁶ Статья первая – *Ш.Т.*

²⁷ Латинская поговорка: написанная буква остается (т. е. против письменных улик трудно спорить, от написанного нельзя отречься); соотв. русскому: что написано пером, того не вырубишь топором) <https://translate.academic.ru/Littera%20scripta%20manet/la/ru/>

лигиозные темы. М.А. Таубе является учеником Ф.Ф. Мартенса. Настоящая статья посвящена анализу диссертационного исследования М.А. Таубе о становлении международного права в Средние века.²⁸

Дискуссии о роли международного права идут не первое столетие – «самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, – самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это – не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».²⁹

В XIX в. Звучала доктрина отрицателей международного права. Большинство из них были немецкими авторами. Философскую основу их взглядов составило неогегельянство, произвольно толкуемое учение Г. Ф.-В. Гегеля о государстве и внешнем государственном праве. Среди «отрицателей» наиболее известны А. Лассон, братья Филипп и Альберт Цорн.³⁰

В диссертационной работе М.А. Таубе ставит задачу выяснить, что нового сделали Средние века, какое наследство они оставили Новому времени в изучении истории международного права. Таубе пишет, что «понятие права и общение общества нераздельны: нет права без общества, и нет общества без права. Итак, если общество без права немыслимо, и если существует общество народов, то существует и право, которое нормирует взаимные отношения членов этого общества, т.е. то, что мы называем международным правом».³¹

Под международным правом Таубе понимает следующее: «Международное право есть совокупность юридических норм, определяющих взаимные отношения государств, образующих свободный союз с целью достижения общими силами своих культурных целей. Таким образом, международное право есть право, разграничивающее взаимные интересы членов культурной ассоциации или общества государств, иначе есть право международного общения».³²

Он пишет о том, что международное право не всегда существовало «... если в настоящее время существует и общество народов, и международное право, то не всегда, конечно, было так: и то, и другое – суть явления сравнительно недавнего прошлого».³³ Таубе занимает вопрос о том, что есть право: «... право

---

²⁸ См. о нем: *Грабарь В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647 – 1917). – М.: Наука АН СССР, 1958. – С. 227-228.

²⁹ *Ленин В.И.* О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. / Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд-е пятое. – М.: Политиздат, 1981. – С. 67.

³⁰ *Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И.* История международного права. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 133.

³¹ *Таубе М.А.* История зарождения современного международного права (Средние века). Введение и часть общая. – СПб.: Типо-Литография П.И. Шмидта, Галерная, 6, 1894. – С. VI.

³² *Таубе М.А.* История зарождения современного международного права (Средние века). – С. 3.

³³ Там же.

не есть что-нибудь неподвижное, неизменное, неизвестно откуда явившееся: оно есть одна из многих сторон или проявлений нашей жизни; оно растет и изменяется вместе с нею; это своего рода живой организм, и понять его современное состояние без истории немислимо. Но раз для усвоения международного права нельзя обойтись без его истории, то очевидно также, что недостаточно начать ее с того лишь момента, когда международный союз государств является уже несомненно сложившимся, когда международное право уже существует».³⁴ В своем сочинении Таубе считает, что начинать изучение истории международного права с XVI в., когда уже существует международно-правовая система государств, означает иметь неполную картину развития системы международного права. В XVI в. международное право, свершившийся факт. По мнению Таубе процесс возникновения международного права следует искать в предшествующей эпохе. Он пишет: «... основные элементы международного права, сама идея международного общения зародилась, очевидно, раньше, чем в, так называемый, Новый период истории, но *в то же время и не в древнем мире*, который безусловно их не знал. Они должны принадлежать средним векам, и в этом отношении новейшие исследования по истории различных отраслей международного права – как, например, труды E. Nys, de Maulde-la-Claviere и др. – достаточно показали, что международно-правовое наследие, оставленное новому времени Средневековьем, гораздо богаче, чем могли это предполагать даже самые смелые его апологеты».³⁵

Таубе далее отмечает: «что бы понять историю международного права (а следовательно, и современную его систему), нельзя обойтись без изучения той эпохи, когда разные его элементы находятся еще в период формации, когда появляются первые зачатки современного международного права, когда идея международного общения впервые пробивает себе путь среди других, враждебных ей, систем и мировоззрений». Именно в этом, по мнению Таубе можно найти причины, силы, элементы, приведшие к образованию системы международного права.³⁶ Эпоха образования международного права, по мнению Таубе – «... есть один из интереснейших моментов в культурной жизни человечества; с точки зрения цивилизации; с точки зрения цивилизации, это бесспорно один из крупных поворотных пунктов истории, где начинается в полном смысле слова новая эпоха, новое и важное движение вперед на пути человеческого прогресса: средние века, эти времена младенчества международного права, это – так сказать, первые шаги народов, как членов одной культурной семьи, как известного коллективного целого».³⁷ На наш взгляд, Таубе активно подчеркивает общность судьбы всего человечества, наций и народов. Обращает внимание следующее положение в работе ученого: «... интерес нашей темы (история международного права – *Ш.Т.*)», нельзя сказать, чтобы она особенно служила предметом юридических исследований: напротив того, средним векам посчастливилось в

---

³⁴ Там же. – С. VII.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. – С. VIII.

³⁷ Там же.

этом отношении даже меньше, чем древности, и цельных, охватывающих весь вопрос сочинений, специально посвященных Средним векам, как эпохи зарождения современной системы международного права, *нет ни одного* (курсив автора) – не только в нашей, но и в иностранной историко-юридической литературе». ³⁸ Таубе отмечает, что при сравнительно значительном количестве исследований, рассматривающих отдельные международно-правовые институты в их историческом развитии, труды по отраслям международного права не связаны в одно целое и поэтому процесс возникновения международного права остается недостаточно исследованным. ³⁹

По мнению ученого, первые пять столетий Средних веков не имеют непосредственного значения для международного права. Вторая половина, приблизительно с конца X в., которые он называет средние века в собственном смысле, может служить предметом исследования в интересах истории международного права «только тут нужно и можно искать известных зачатков современного международного права, искать его возникновения». ⁴⁰ Таубе отводит большое значение возникновению идеи международного общения в средние века: «Без него, без идеи общения народов, невозможна никакая международно-правовая система, самое понятие права является немыслимым, и в выработке этой идеи и заключается прежде всего, ... главная, основная заслуга западноевропейского Средневековья, с точки зрения международного права». ⁴¹

Таубе считал, что основная причина разобщенности древних государств и народов, выражавшееся в отсутствии их взаимного признания как равноправных личностей и в отсутствии между ними солидарности, отсутствия международного сотрудничества и, следовательно права в отсутствие признания личности человека «... надо было прежде всего сокрушить эти идеи (отсутствие признания прав человека, у Таубе – личности, эгоизм), глубоко вкоренившийся в античный строй, внести в мир новые, свежие взгляды, выдвинуть на первый план человека, а эгоизм потушить в любви». ⁴² Таубе писал, что древний мир не выработал в себе международного права: «он (Древний мир) руководствовался принципом национальной исключительности, и идеал каждого из его членов был не общество государств, а всемирная империя – идеал, наконец и осуществленный Римом». ⁴³ Античное государство, пишет Таубе, как известно, есть поглощение личности. ⁴⁴ Перелом в истории международных отношений и международного права Таубе связывает с христианством и античной цивилизацией. Мир к этой цивилизации вели, как заключает Таубе, «три великих наследства», которые вложила древность в сокровищницу человеческой культуры: «Риму была отведена область права, Греции – область интеллектуальной культуры, Востоку – область

---

³⁸ Там же. – С. IX.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Таубе М.А. История зарождения современного международного права (Средние века). – С. 54-61.

⁴³ Там же. – С. 133.

⁴⁴ Там же.

религии».⁴⁵ Процесс взаимодействия начался, как утверждает Таубе, «... благодаря международным войнам, торговле, колонизации и пр. ...».⁴⁶

Для понимания теории М.А. Таубе о возникновении международного права исключительно в недрах феодализма позволим небольшое отступление для разъяснения, что такое феодализм. Сам Таубе под феодализмом и феодальным обществом понимал раздробление государства на отдельные территории, княжества, обладатели или владельцы которых, «... соединяя наследственное, хотя и зависящее от соблюдения известных условий, право собственности, с суверенитетом над ними, в то же время – именно в силу условности своего права – иерархически связаны один с другим ...», «все феодальное общество является не разрозненным, а тесно и притом юридически связанным: его члены, опутанные целой сетью феодальных прав и обязанностей складываются в целую иерархическую лестницу, в целую пирамиду, в которой таким образом, суверенная независимость каждого полноправного лица искусно совмещена с всеобщим признанием прав других личностей».⁴⁷ Рабство перестало окупать себя и потому отмерло, – писал Ф. Энгельс.⁴⁸ Историческая прогрессивность феодализма по отношению к предшествующей ему общественной системе рабовладения заключалась в изменении личного статуса непосредственных производителей – смягчении их зависимости от господствующего класса, а также расширении их имущественных прав. Средневековый крестьянин был заинтересованным производителем. Система феодальных правоотношений, опирающаяся на традиции, позволяла крестьянину присваивать не только необходимый продукт, но и часть прибавочного.⁴⁹ Азиатская (первая – коллективная собственность на средства производства (*ager publicus*)), античная (вторая – община – субстанция, индивиды – акциденции, базис – город, как центр земледельцев, пашня – территория города), третьей формой собственности работающих индивидов (самостоятельно обеспечивающих свое существование членов общины) на природные условия их труда является германская собственность. По мнению К. Маркса, при этой форме собственности член общины как таковой не является совладельцем общей собственности, как это имеет место при форме специфически восточной.⁵⁰ Нет тут и того, что характерно для римской (классически-античной) формы, где земля, занята общиной, является римской землей. Одна часть ее сохраняется в распоряжении общиной как таковой, а не отдельных членов общины: *ager publicus* в его различных формах. Другую часть земли делят, и каждая парцелла земли является римской землей в силу того, что

---

⁴⁵ Таубе М.А. История зарождения современного международного права (Средние века). – С. 48.

⁴⁶ Таубе М.А. Указ. соч. – С. 51.

⁴⁷ Таубе М.А. Указ. соч. – С. 135, 140-141.

⁴⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М.: Изд-во политической литературы, 1982. – С. 173.

⁴⁹ См. подробно: Каняшин Ю.Н. Очерки по истории права в средние века (Собственность): Учебное пособие. – Алматы: ВШП «Эділет», 2000. – С. 108.

⁵⁰ См.: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. / <https://www.informaxinc.ru/lib/marx/46-1.html> Дата обращения 01 ноября 2020 г.

она есть частная собственность, достояние римлянина, принадлежащая ему доля в общей лаборатории земли; но и он является римлянином лишь постольку, поскольку он обладает этим суверенным правом на часть римской земли.⁵¹ В России, по отношению к крепостному крестьянину, крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности.⁵² Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве. ... Крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика. Он мог проводить часть своего времени на своем участке, мог до известной степени принадлежать себе.⁵³

Собственность означает, следовательно, первоначально (и таковой она является в ее азиатской, славянской, античной, германской формах) отношение трудящегося (производящего или себя воспроизводящего) субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным.⁵⁴

В условиях античной собственности *ager publicus* парцеллярные крестьяне обеспечиваются взаимным отношением друг у другу как членов общества. Предпосылкой дальнейшего существования такой общины является сохранение между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, как писал Ф. Энгельс «локальной сплоченности».⁵⁵ Сопоставление «Форм, предшествующих капиталистическому производству» с анализом становления государственности, проделанным Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», позволяет говорить о том, что основоположники научного социализма подходили к идентичному в принципе решению проблемы возникновения политической организации с разных сторон. Маркс ее рассматривал с точки зрения политической экономии, тогда как Энгельс основывался на анализе конкретно-исторического материала.⁵⁶

В условиях античной собственности *ager publicus* парцеллярные крестьяне обеспечиваются взаимным отношением друг у другу как членов общества. Предпосылкой дальнейшего существования такой общины является сохранение

---

⁵¹ См.: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. / <https://www.informaxinc.ru/lib/marx/46-1.html> Дата обращения 01 ноября 2020 г.

⁵² Ленин В.И. Указ. соч. – С. 70.

⁵³ Там же. – С. 76. О праве собственности на средства производстве в казахском обществе см.: Тлепина Ш.В. Право собственности на средства производства в казахском традиционном обществе. Памяти д.ю.н., профессора А.Х. Хаджиева // Правовая реформа в Казахстане – 2013 – №1 (61). – С. 64-70; Она же. Отношения собственности на средства производства в обычном праве казахов // Недропользование и право (Алматы) – 2013 – №2. – С. 80-88.

⁵⁴ См.: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. / <https://www.informaxinc.ru/lib/marx/46-1.html> Дата обращения 01 ноября 2020 г.

⁵⁵ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – С. 180.

⁵⁶ См. об этом подробно: иКуббель Л.Е. «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации / http://journal.iea.ras.ru/archive/1980s/1987/no3/1987_3_003_Kubbel.pdf Дата обращения 01 ноября 2020 г.

между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами.

Однако эта прогрессивность имела предел. С одной стороны, с дальнейшим утверждением господствующего класса и расширением поглощающей возможности феодальной ренты, способной в изменившихся условиях изымать в пользу сеньоров часть необходимого продукта, начинается процесс разрушения крестьянского хозяйства. С другой – само крестьянское хозяйство также имело внутренние лимиты экономического развития.⁵⁷ Процесс производственных отношений оказал влияние на характер последующее развития истории международного права. Ф. Энгельс отмечал, что устранение пестрых правовых норм, формальных и материальных, было уже само по себе настоятельной потребностью для дальнейшего развития буржуазного общества.⁵⁸ Государства, ставшие самостоятельной силой по отношению к обществу, создают новую идеологию и в международных отношениях, основанную на международном праве. На наш взгляд, совершенно точно описал эту ситуацию Ф. Энгельс: «Как только становится необходимым новое разделение труда, создающее профессиональных юристов, открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей общей зависимости от производства и торговли все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области. В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий. А для того, чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений нарушается все больше и больше. ... ход “правового развития” состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и втягивают ее в новые противоречия (Ф Энгельс говорил о гражданском праве)».⁵⁹ Здесь Энгельс пишет о гражданском праве. Однако новая самостоятельная область средневековья – международное право было призвано устранить противоречия в европейской политике и создать гармоническую правовую систему, способную адаптироваться к изменяющимся условиям, в том числе под влиянием экономических факторов.

Таким образом, поддерживая взгляды Таубе на факторы, оказавшие влияние на становление международного права в условиях феодализма и основываясь на взглядах основателей научного социализма, считаем возможным акцентировать внимание на экономических предпосылках. К ним мы отнесли характер собственности на средства производства, видовое разнообразие форм,

---

⁵⁷ *Каняшин Ю.Н.* Указ. соч. – С. 108.

⁵⁸ *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории. / В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 6. – М.: Политиздат, 1987. – С. 390.

⁵⁹ *Энгельс Ф.* – Конраду Шмидту в Берлин. Лондон, 27 октября 1890 г. / В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 6. – С. 517-518.

предшествующих капиталистическому или буржуазному способу производства. Таубе пишет в своей диссертации о феодализме в смысле носителя зародыша идеи права личности и признания индивидуального значения человека: «Первой правовой организацией, первым проявлением этого великого начала ... мы действительно обязаны феодализму. Только благодаря ему, на первый план выдвинут человек, а не гражданин, как это было в древности». ⁶⁰ Таубе отмечает, что в древнем Риме господствовала философия *aut liberi, aut servi* – свободный или раб, указывая, что при феодализме выступает другое деление людей – *gentishommes et vilains* – благородный и неблагородный. По мнению ученого, феодализм выдвинул идею прав личности для дворянского сословия (прежде всего – *Ш.Т.*). ⁶¹

Феодализм важен для формирования международного права тем, что в его условиях зарождаются начала договора. Феодальное общество связывает членов общества взаимными правами и обязанностями, правовыми отношениями «сила, произвол, исключительно определяющие взаимные отношения людей, стоящих на низкой ступени культуры, находит себе противовес и заметно уже уступает место новым отношениям – отношениям, вытекающим из сознания своего правомочия или правообязанности и основывающимся на началах контракта. Принцип контракта – а он и составляет сущность ленного юридического отношения между двумя лицами – есть уже чисто юридический принцип, и феодализм, проводящий его в социально-государственную жизнь средневековой Европы, тем самым заставляет силу подчиниться идее права». ⁶²

Прогрессивное развитие феодального общества по отношению к рабовладельческому Таубе рассматривает непосредственно через призму международного права.

Характер политико-правовых отношений между сюзереном и подданным, вассалом, ленником строится на повиновении, если данное предусмотрено ленным договором. В противном случае, никто не может заставить сеньора или вассала исполнять то, что он не обязан. Здесь же хотелось бы заметить, что мы осознаем особенности феодального способа производства в различных обществах.

По утверждению Таубе признание средневековым миром личности, как таковой и ее непризнание в древнем мире, вызывает «... признание личностей международных – иноземных государств, также непризнанных древним миром – в качестве право и дееспособных субъектов». ⁶³ По аналогии как произвол верховной власти по отношению к подданному сменяется правовыми отношениями, также произвол в международных отношениях уступает место взаимным соглашениям, договорным, правовым отношениям. Так утверждает Таубе. ⁶⁴ Вот как пишет ученый в диссертации: «Как бы ни было идеально и трогательно согласие между двумя государствами античного мира в данную минуту, мы не

---

⁶⁰ Таубе М.А. Указ. соч. С. 143.

⁶¹ Таубе М.А. Указ. соч. С. 148.

⁶² Таубе М.А. Указ. соч. С. 149.

⁶³ Таубе М.А. Указ. соч. С. 159.

⁶⁴ См.: Таубе М.А. Указ. соч. С. 159.

назовем их отношения правовыми, потому что это братское единодушие не более как временно нужное для обоих отступление от их нормального образа мыслей, руководимого принципом изолированности и вечной войны. Наоборот, несмотря на самую отчаянную и жесткую борьбу между двумя средневековыми государствами, мы, не колеблясь, должны признать их живущими в одной и той же атмосфере права, так как самая борьба эта является в принципе – отрицанием нормального порядка вещей, руководимого сознанием взаимных прав и обязанностей, т. е. идеей права».⁶⁵ Идея общения и права, подчеркивает Таубе, постепенно превращает строй, основанный на грубой силе в правовой. Он утверждает: идея права проникла в международную жизнь в средние века; именно в средние века мы видим «... новую, незнакомую древности почву для зарождения современного нам международного права и, прежде всего, его основы – идеи правового общения между народами».⁶⁶ В 1894 году Таубе пишет о наступлении новой эры в истории международных отношений «христианская, евангельская идея, что народы составляют обширную семью, подчиненную одному верховному авторитету, а этот авторитет – это Бог».⁶⁷ В последствии, в эмиграции М.А. Таубе, будучи прихожанином храма Святой Троицы, участвовал в деятельности Русского апостолата, публиковался в ежемесячном, совместном официальном издании русских католиков византийского обряда в Берлине и Вене, журнале «Наш приход», в котором публиковал статьи на религиозные темы.

В диссертации отмечается «громкая заслуга средних веков в проявлении» международных отношений «... здесь сделана пожалуй труднейшая часть задачи – здесь приложена к делу идея, неслыханная в древности и которая впредь будет все более и более одушевлять народы при их сношениях между собою. Древность знала соединение народов, основанное только на силе, на принуждении, тогда как средние века выдвигают уже другой, совершенно новый тип союза народов, коренящийся далеко не на произволе более сильного. ... Идея общения народов, как она была понята в средние века (Империя, Папство, феодализм), послужила первым и твердым устоем для современной нам идеи международного общения, лежащей в основе международного права», – писал М.А. Таубе.⁶⁸

Рассуждения М.А. Таубе о становлении и последующем развитии международного права являются ценным источником истории международного права. Диссертационное исследование ученого пользовалось большим авторитетом, что позволило ему быть лидером в изучении истории международного права периода средневековья. Позднее, в годы эмиграции работа была переиздана. Ученого называли самым маститым российским юристом-международником русской эмиграции. Он был сторонником идеи международного общения «т.е. общности и солидарности всех цивилизованных народов – той самой взаимной

---

⁶⁵ Таубе М.А. Указ. соч. С. 164.

⁶⁶ Таубе М.А. Указ. соч. С. 165.

⁶⁷ Таубе М.А. Указ. соч. С. 248.

⁶⁸ Таубе М.А. Указ. соч. С. 249.

культурной связанности или зависимости»,⁶⁹ которая и является основой международного права. В этом смысле он является наиболее последовательным продолжателем работ своего Учителя – Ф.Ф. Мартенса.

МРНТИ 10.87.85

Турмахан А.Б.

*Студентка 4-го курса юридического факультета кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: bolatkyzy111@mail.ru)*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: Рассмотрены роль и значение Международно-правового регулирования мирного использования ядерной энергии в Республике Казахстан. Также рассматриваются международное сотрудничество в области ядерной энергии Республики Казахстан с международными организациями.

Ключевые слова: ядерная энергия, конвенция, МАГАТЭ, опасность.

Хоть ядерная энергия не является безопасной альтернативой замены энергии, но все еще используется по сей день. Она используется в мирных целях, например в медицине, в сельском хозяйстве, в промышленности, в космосе. Но использование ядерной энергии в мирных целях приносит огромный и непоправимый вред окружающей среде и людям. Наибольшую опасность представляют атомные электростанции, урановые руды, радиоактивные отходы, ядерное топливо и т.д.

В связи с этим появляется необходимость в международно-правовом регулировании использования ядерной энергии, а также в обеспечении сохранения окружающей среды.

Одним из способов регулирования являются международные акты, в частности конвенции и т.д. Среди них можно выделить Конвенцию о ядерной безопасности, которая была принята 17 июня 1994 года. Главной целью Конвенции является установление ядерной безопасности по всему миру на основе международного сотрудничества. В данной Конвенции рассматриваются вопросы обязательства государств, например, обязанность принимать меры по осуществлению безопасности, предоставление докладов и вопросы оценки и проверки безопасности, аварийной готовности и многие другие[1]. Конвенцией

---

⁶⁹ Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука Российской эмиграции (1918 – 1939). – М.: Книга и бизнес, 2000. – С. 109.

также назначен Секретариат для совещаний – Международное агентство по атомной энергии (далее – МАГАТЭ). Конвенция обязывает государства предоставлять доклады о выполнении своих обязательств, то есть процесс регулирования становится более открытым и прозрачным.

После аварии на Чернобыльской атомной электростанции были приняты Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии и Конвенция о помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации. Обе Конвенции были приняты в 1986 году. В соответствии с Конвенцией об оперативном оповещении о ядерной аварии, государство, в котором произошла такая авария должно незамедлительно предупредить другие государства о возможном ущербе. Сделать оно это может предупредив само государство, которое может подвергнуться ущербу или через МАГАТЭ[2].

В соответствии с Конвенцией о помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации, государство, в котором произошла авария, может обратиться к любому другому государству или к МАГАТЭ за помощью. Государство, которому поступила такая просьба, незамедлительно должно принять решение, сможет ли оно оказать помощь или нет. Государство в целях помощи, может предложить медицинскую помощь либо разрешить переселить на свою территорию пострадавших людей[3].

В 1943-1944 гг. американский ученый Нильс Бор предложил один из способов сотрудничества для обеспечения ядерной безопасности. Но, только в 1946 году, по инициативе СССР стали приниматься меры по контролю использования ядерной энергии. Началась работа по созданию организации, которая бы способствовала сотрудничеству государств в сфере мирного использования ядерной энергии. В результате, в 1957 г. было создано МАГАТЭ. Согласно Уставу, МАГАТЭ стремится к использованию ядерной энергии исключительно в мирных целях и контролирует, чтобы она не была использована в военных целях[4]. Также основной целью является обеспечение ядерной безопасности по всему миру. МАГАТЭ может созывать форумы, для того, чтобы обмениваться научными и техническими знаниями о применении атомной энергии.

Также в последнее время наблюдается проблема ядерного терроризма. В некоторых странах происходят террористические акты, которые наносят вред и людям, и окружающей среде, создают угрозу миру и безопасности. МАГАТЭ также пытается бороться и с этим явлением. В связи с обострением этой проблемы, МАГАТЭ пытается обеспечить защиту всех радиоактивных материалов, ядерных установок, контролирует их использование, запрещает незаконное использование таких материалов, обеспечивает готовность реагировать в аварийных ситуациях. В рамках борьбы с ядерным терроризмом, ООН в 2005 году разработала Конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма. В Конвенции определено, что незаконное владение радиоактивными веществами может считаться преступлением. Государства, в свою очередь, обязаны по своему законодательству считать такие преступления тяжкими[5].

Еще одной организацией, занимающейся регулированием мирного использования ядерной энергии является Евратом. Европейское сообщество по атомной энергии было образовано в 1957 году. Данная организация является

региональной и ее участниками являются лишь члены Европейского Союза. Евратом также пытается обеспечить ядерную безопасность, регулирует использование ядерной энергетики, формирует общую для стран Европы энергетическую политику. Также сообщество устанавливает требования при обращении с радиоактивными материалами для безопасности; контролирует то, чтобы ядерные материалы использовались только в мирных целях; проводит проверку радиоактивности в окружающей среде, а именно в воздухе, воде, продуктах питания, чтобы обеспечить безопасность людей.

Известно, что еще с самых первых дней своей независимости, Казахстан позиционирует себя как безъядерное государство, то есть отказалось от использования ядерных материалов.

Казахстан с 1994 года является членом МАГАТЭ. Казахстан подписал Соглашение о нераспространении ядерного оружия, что значит, что на всех ядерных объектах, расположенных в Казахстане, будут проводиться проверки МАГАТЭ. В настоящее время Казахстан является участником нескольких Конвенций, таких как Конвенция о ядерной безопасности, о безопасном обращении с ядерным топливом и радиоактивными отходами, об оперативном оповещении о ядерной аварии, о помощи в случае ядерной аварии.

В 2008 году Первый Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев высказал мнение, что в целях обеспечения безопасности во всем мире нужно следовать по пути полного ядерного разоружения, так как ядерное оружие является оружием массового уничтожения и представляет огромную угрозу всему окружающему миру. Первый Президент также подчеркивает, что система контроля по использованию ядерного оружия должна совершенствоваться, к примеру, Н. А. Назарбаев предлагает создать еще одну организацию, которая бы контролировала хранение и переработку радиоактивных отходов.

В 2011 году в Астане прошел форум «За безъядерный мир». На этом форуме Первый Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев отметил, что Казахстан, закрыв Семипалатинский полигон, является примером нераспространения ядерного оружия. В результате этого форума была подписана Декларация о безъядерном мире, основной ее целью является призыв к ликвидации ядерного оружия. Президент также отметил, что во всем мире надо создать общее антиядерное движение для борьбы с ядерными угрозами.

Также в своем Послании народу Казахстана от 2015 года, под названием «Казахстан в новой глобальной реальности: рост, реформы, развитие» Нурсултан Назарбаев подчеркивал, что «Казахстан един с мировым сообществом за безъядерный мир» [6].

2 марта 2018 года, в день 26 годовщины вступления в ООН, Казахстан подписал Договор о запрещении ядерного оружия. Особенностью этого Договора является то, что он является первым юридически обязательным актом в сфере ядерного разоружения.

В связи с тем, что Казахстан был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН, Нурсултан Назарбаев, 18 января 2018 года, провел пресс-конференцию на тему «Нераспространение оружия массового уничтожения: меры доверия». По мнению Елбасы, эта тема в настоящее время является

наиболее актуальной. Нурсултан Назарбаев ставит Казахстан в пример как государство, лидирующее в нераспространении ядерного оружия. Он подчеркнул, что Казахстан готов дать площадку для переговоров для урегулирования ядерных проблем таких стран. Такая площадка уже была предоставлена в Астане для решения конфликта в Сирии. Как вывод, Нурсултан Назарбаев сказал о том, что только совместными действиями можно добиться безопасного мира и справедливости [7].

Казахстан осуществляет также и международное сотрудничество в рамках мирного использования ядерного оружия, к примеру, Республика Казахстан заключила множество соглашений с такими странами, как Россия, Индия, США, Канада и т.д. Примером такого сотрудничества можно назвать открытие Банка низкообогащенного урана МАГАТЭ в Усть-Каменогорске. Это говорит о том, что всё международное сообщество доверяет Казахстану в данном вопросе.

Таким образом, можно заметить, что охрана окружающей среды, на сегодняшний день, является глобальной проблемой, угрозу представляет использование ядерной энергии, даже в мирных целях. Во всем мире мирное использование ядерной энергии регулируется конвенциями, соглашениями и другими международными актами, на основе сотрудничества государств. Эти акты разрабатываются и их выполнение регулируется такими организациями, как МАГАТЭ, Евратом и т.д. Казахстан является государством, выступающим за безъядерный мир, и также призывает и другие государства отказаться от ядерного оружия. Подтверждая свою позицию, Казахстан присоединился к множеству конвенций о мирном использовании ядерной энергии.

Список использованной литературы:

1. Конвенция о ядерной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1026222#pos= 0;36.3636360 168 457](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1026222#pos=0;36.3636360168457) (дата обращения: 27.04.2019 г.)
2. Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/incinfo.shtml (дата обращения: 27.04.2019 г.)
3. Конвенция о помощи в случае ядерной или радиационной аварийной ситуации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nuchelp.shtml (дата обращения: 27.04.2019 г.)
4. Устав Международного агентства по атомной энергии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/bylaws/iaea_statute.pdf (дата обращения: 27.04.2019 г.)
5. Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nuc1_ter.shtml (дата обращения: 27.04.2019 г.)
6. Послание Главы государства народу Казахстана от 30 ноября 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/astana_

kazakhstan/astana_other_events/poslanie-glavy-gosudarstva-narodu-kazahstana (дата обращения: 30.04.2019 г.)

7. Нераспространение оружия массового уничтожения: меры доверия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4899464-opublikovan-polnyu-tekst-vystupleniya.html> (дата обращения: 30.04.2019)

МРНТИ 27.25.19

Шугуров М.В.

*Доктор филос. наук, доцент, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия
(E-mail: shugurovs@mail.ru)*

**ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦЕЛЕВОЙ ФОНД СОХРАНЕНИЯ РАЗНООБРАЗИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР:
ПРАВОВЫЕ И ПРОГРАММНЫЕ ОСНОВЫ СОДЕЙСТВИЯ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ОБМЕНУ**

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности Глобального целевого фонда сохранения разнообразия сельскохозяйственных культур (Global Crop Diversity Trust) с точки зрения обеспечения с его стороны финансовой и технической поддержки реализации положений Международного договора о растительных генетических ресурсах 2001 г., затрагивающих предоставление технологий и/или облегчения доступа к ним. Результатом исследования стало выявление правовых и программно-стратегических основ данной деятельности Фонда. Автор пришел к выводу о том, что по мере развития новых технологий сохранения ГРПСМХ, в своей проектной деятельности он в дальнейшем будет наращивать интерес к поддержке разработки и передачи данных технологий ключевым звеньям Глобального партнерства международных генобанков.

Ключевые слова: устойчивое развитие, биоразнообразие, сельское хозяйство, передача технологий, развивающиеся страны, изменение климата, генобанки.

В современных условиях, когда человечество вышло на траекторию достижения такой цели устойчивого развития, как ЦУР № 2, предусматривающей преодоление голода и недоедания путем развития устойчивого сельского хозяйства [1], большое значение имеет развитие, а также международная передача и распространение сельскохозяйственных технологий. На фоне всех существующих международно-правовых режимов отличительными особенностями обладает *режим передачи технологий в целях сохранения генетического разнообразия растений, используемых для производства продовольствия и в сельском хозяйстве*. Его основа – положения Международного договора о генетических

ресурсах сельскохозяйственных растений для производства и ведения сельского хозяйства, принятый на 31-й сессии Конференции ФАО в 2001 г. (далее – Международный договор) [2].

Данный инструмент – согласованная основа сохранения и устойчивого использования растительных генетических ресурсов в соответствии с положениями Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 г. (далее – КБР). Договор, наряду с КБР, – это важнейшая международно-правовая основа для *Глобальной системы ФАО по сохранению и использованию генетических ресурсов растений* (ГРПСХ) как *in situ*, так и *ex situ*. Однако особенность Договора заключается все же в нацеленности на обеспечение сохранения генетических ресурсов растений *ex situ*.

В конечном счете, сотрудничество государств в рамках Договора, предполагающее вовлечение широкого круга стейкхолдеров, является основой для достижения целевой задачи 2.5. в рамках Целей устойчивого развития. Данная задача предполагает, что к 2020 г. должно быть обеспечено сохранение всего генетического разнообразия семян и культивируемых растений, а также сельскохозяйственных и домашних животных. При этом речь идет также о сохранении генетического разнообразия диких видов растений и животных посредством надлежащего содержания разнообразных банков семян и растений на национальном, региональном и международном уровнях. Далее ЦУР № 2.а предусматривает увеличение инвестирования, в том числе в рамках международного сотрудничества, не только в сельскохозяйственную инфраструктуру, сельскохозяйственные исследования и агропропаганду, но и в развитие технологий и создание генетических банков растений и животных в целях укрепления потенциала развивающихся стран, особенно наименее развитых стран, в сфере сельскохозяйственного производства.

В настоящее время генобанки – это специфические инфраструктурные объекты, предполагающие задействование самых различных технологий. Кроме этого, можно говорить о технологиях сбора, коллектирования и т.д. генетических ресурсов растений. Все это весьма актуально для поддержания и приумножение сельскохозяйственного биоразнообразия (биоразнообразия культур), особенно с учетом неблагоприятных последствий изменения климата. На сегодняшний день функционирует Глобальное партнерство крупнейших международных генобанков (CGIAR Consortium), обеспечивающее безопасное сохранение растительных генетических ресурсов, необходимых для устойчивого сельскохозяйственного производства во всем мире.

В ст. 13 Международного договора предусматривается обязательства Сторон по передаче технологий. Конечно, он не охватывает разработку и передачу всех технологий сельскохозяйственного производства, а охватывает именно технологии, связанные с сохранением генетических ресурсов сельскохозяйственных растений, являющихся залогом международной продовольственной безопасности. Безусловно, специфика передаваемых технологий, отраженная в ст. 13, отражает подход, содержащийся в первом Глобальном плане действий по сохранению и устойчивому использованию генетических ресурсов растений для продовольствия и сельского хозяйства. Так, в данном Глобальном плане

речь идет о технологиях сохранения растений, размножающихся вегетативным способом; методах использовании характеристики геноплазмы, процедурах стратификации разнообразия; технологиях генетического улучшения и др. [3; 37, 41, 43 стр.].

С нашей точки зрения, важным представляется следующая спецификация предоставляемых технологий: Договаривающиеся Стороны предоставляют и/или облегчают доступ к таким некоторым технологиям, которые могут передаваться только посредством генетического материала. Как представляется, здесь также могут подразумеваться традиционные знания, неразрывно связанные с генетическими ресурсами. Поэтому Стороны обязались предоставлять и/или облегчать доступ и к технологиям и к генетическому материалу, на который распространяется Многосторонняя система, а также к улучшенным сортам и генетическому материалу, которые разработаны «благодаря использованию растительных генетических ресурсов для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, на которые распространяется Многосторонняя система, в соответствии с положениями ст. 12». Таким образом, здесь проводится связь между обеспечением доступа к технологиям и генетическому материалу. Во втором Глобальном плане действий, принятом в 2011 г., можно видеть обращение внимания на возникновение новых технологий, включая ИКТ, используемых в рамках системы сохранения ГРПСХ [4, 6 стр.].

В отношении передачи данной узконаправленной группы сельскохозяйственных технологий данный Договор предусматривает надежный механизм финансовой поддержки в лице Глобального целевого фонда сохранения разнообразия сельскохозяйственных культур (Global Crop Diversity Trust). Деятельность данного Фонда в рассматриваемой сфере заслуживает самостоятельного изучения, поскольку весьма злободневными являются не только вопросы финансового обеспечения Глобальной системы сохранения ГРПСХ, но и финансирования международной передачи технологий ее рамках.

Фонд был создан в 2004 г. в качестве независимой международной финансовой организации. Его уставная цель – обеспечение долгосрочного сохранения и наличие генетических ресурсов растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства в целях достижения глобальной продовольственной безопасности и устойчивого сельского хозяйства посредством обеспечения долгосрочного устойчивого финансирования. Как определено в ст. 2(1) Устава Фонда, его цель – обеспечение долговременной сохранения и доступности растительных генетических ресурсов для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства с точки зрения достижения глобальной продовольственной безопасности и устойчивости сельского хозяйства. Инициаторами учреждения Фонда стали ФАО, а также «Центры урожая будущего» (международные центры сельскохозяйственных исследований), сеть которых поддерживает Консультативная группа по международным сельскохозяйственным исследованиям (КГМСИ). Данные центры заключили с ФАО соглашения о передаче коллекций гермоплазмы растений, которые находятся в их генбанках, на доверительное хранение в интересах всего международного сообщества.

Обратим внимание на то, что в преамбуле Учредительного договора о создании Фонда 2004 г. отмечается, что данная международная финансовая организация является составным элементом Стратегии финансирования Международного договора о генетических ресурсах растений, помимо надлежащего документирования, описания, регенерации и оценки, так и необходимость содействия разработке и передаче для этих целей соответствующих технологий, что «позволит совершенствовать устойчивое использование генетических ресурсов растений для продовольствия и сельского хозяйства, а также предусматривает стимулирование и создание международных сетей по генетическим ресурсам растений, создание и укрепление информационной системы» [6]. Аналогичная формулировка воспроизведена в Соглашении между Фондом и Управляющим органом Международного договора, заключенного в 2006 г. [7]. Фонд функционирует в рамках Договора и, несмотря на свою самостоятельность, следует общим директивным указаниям Управляющего органа. В ст. 6.3(q) и ст. 7.2(b) и (c) Устава Глобального фонда предусмотрено, что Исполнительный совет Фонда признает политическую руководящую роль Управляющего органа. Руководящими органами Фонда являются Исполнительный совет и Совет доноров.

В соответствии с Соглашением о взаимоотношениях между Фондом и Управляющим органом Договора Фонд выступает в качестве одного из основных элементов стратегии финансирования Международного договора в отношении сохранения и наличия генетических ресурсов растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Анализируемое Соглашение ссылается на призыв, который содержится в первом Глобальном плане действий в области генетических ресурсов растений, к разработке и поддержанию рациональной, эффективной и устойчивой системы коллекций генетических ресурсов повсюду в мире.

Стратегия финансирования как такова предусмотрена ст. 18.4 Международного договора. Она предусматривает мобилизацию средств для осуществления планов и программ, причем развитые страны предоставляют данные средства, а развивающиеся страны их получают. Безусловно, Глобальный фонд вполне можно рассматривать как один из каналов получения финансовых средств. Другими элементами финансового механизма Международного договора являются – Фонд распределения выгод и Фонд для согласования целей. Но на их фоне именно Глобальный фонд непосредственно отвечает за финансирование международных и региональных генных банков и, соответственно, за финансирование соответствующих технологий, т.е. за сохранение *ex situ*, тогда как ГЭФ проводит работу по финансовой и технической поддержке *in situ* на национальном уровне.

Между тем, ст. 18.4 (a) предусматривает, что Договаривающиеся Стороны будут принимать соответствующие меры в других международных механизмах и фондах для того, чтобы обеспечить должный приоритет и внимание к эффективному выделению предсказуемых и согласованных ресурсов в целях осуществления планов и программ согласно Международному договору. Это означает необходимость привлечения других средств от других международных финансовых организаций. Так, в резолюции Управляющего органа 1/2006

содержится обращение к Глобальному экологическому фонду, Всемирному банку и банкам регионального развития оказывать поддержку биоразнообразию сельскохозяйственных культур и тем самым содействовать целям Международного Договора. В сущности, здесь имеются в виду партнерские отношения, призванные также к содействию обеспечения выполнения обязательств по ст. 13.1(b) о передаче технологий. Кстати говоря, именно этой резолюцией в 2006 г. была принята Стратегия финансирования. Согласно решению Управляющего органа, принятого на 7-й сессии, было решено осуществить обновление Стратегии. Проект модернизированной Стратегии был представлен в 2019 г. [8].

На седьмой сессии в октябре-ноябре 2017 г. Управляющий орган принял резолюцию 10/2017 «Директивные указания Глобальному целевому фонду сохранения разнообразия сельскохозяйственных культур». В качестве ключевых сфер, на которые распространяются директивные указания, выступают – мобилизация ресурсов, научно-технические вопросы, Глобальная информационная система, коммуникации и информационно-просветительская работа.

Представляется, что, несмотря на то, что Фонд в своей деятельности исходит из поддержки выполнений обязательств по ст. 5, 6, а также ст. 7, 8, 14, 16 и 17, он так или иначе вносит свой вклад в выполнение обязательств по статье 13, предусматривающей передачу технологий. Одновременно с этим Фонд следует рассматривать как механизм, содействующий выполнению положений первого и второго Глобального плана действий в области генетических ресурсов сельскохозяйственных растений, подкрепляемого стратегии сохранения сельскохозяйственных культур, например, яблони, чая, кофе и др., которые разрабатывают экспертные группы ФАО. Тем более, что сам Фонд инициировал в 2004-2010 гг. выработку данных стратегий. Под управлением Фонда находится созданный им же Дотационный фонд (Crop Diversity Endowment Fund). Последний обеспечивает достижение долгосрочного финансирования коллекций сельскохозяйственных культур, имеющих мировое значение. Данный фонд выделяет гранты коллекциям, генным банкам КГМСХИ и др.

Если обратиться к Докладу Глобального фонда за 2017-2019 гг. [9], освещающего основные направления его работы за два года в соответствии с директивными указаниями резолюции Управляющего органа 10/2017, то можно видеть, что раздел **В** посвящен научным и техническим вопросам. Из анализа данного раздела вполне понятно, что поддержка глобальной системы сохранения генетических ресурсов сельскохозяйственных растений *ex situ* в виде поддержки коллекций, банков и хранилищ также предполагает содействие обеспечению передачи знаний и технологий для сохранения и использования.

Все это дополняет поддержку проектов в сфере развития инфраструктуры семенных банков. Это чрезвычайно важно, ибо ст. 5.2. Договора предусматривает меры по сведению к минимуму, а если это возможно и меры по ликвидации угроз для ГРПСХ. Важным способом здесь выступают стандарты генных банков [10, 34 стр.]. В этом случае Фонд оказывает содействие по замене оборудования и модернизации хранилищ генных банков, выполняющих незаменимую роль в консервации разнообразия сельскохозяйственных культур [11, 6 стр.]. Данная поддержка стала им оказываться с самого начала функционирова-

ния в качестве элемента стратегии финансирования Международного договора [12,].

В первом случае технологии представлены, например, способами повышения жизнеспособности зародышевой плазмы в коллекциях, способами криоконсервации, методами управления семенным материалом. При этом глобальная система охватывает коллекции и банки семян диких растений, которые родственны культурным растениям. Здесь используются технологии сбора и хранения.

Особое внимание Глобальный фонд уделяет новым технологиям. Как отмечается в Стратегическом рабочем плане на 2014-2024 гг., «новые технологии могут иметь значительное воздействие на результативность и эффективность генобанков» [13]. В соответствии с этим Глобальный фонд стремится следить за технологическими изменениями для того, чтобы поддерживать посредством проектной работы развитие соответствующих технологических инноваций и обеспечивать их доступность генобанкам во всем мире. Помимо этого он призван осуществлять осмысление каких-либо технологических изменений, которые могут повлиять на стоимость операций, осуществляемых генобанками. Для генобанков большое значение имеют технологии автоматизации различных процессов функционирования генобанков, начиная от технологической обработки семян и заканчивая их описанием.

Новые технологии применяются для секвенирования генераций семян, что становится основой для более эффективного подхода к оценке гермоплазмы, использующей геномные данные, что позволяет предсказать возможные характеристики растений. В генобанках широко используются информационные системы, которые также нуждаются в обороте новых форм доступным данным, необходимых для более тесной связи между генобанками и пользователями. Совершенствование технологий для сохранения семян в лабораторных условиях и криобанкинг вегетативно размножающихся растений имеет весь необходимый потенциал для более эффективного обеспечения долговременной консервации хранимых растений.

Под технологиями можно также понимать и собственно сами сельскохозяйственные культуры, являющиеся результатом интеллектуальной деятельности, а именно селекционных работ. Если обратиться к Приложению А «Обзор проектов по подготовке к селекционной работе» и Приложения В «Обзор проектов по предселекционной работе» Доклада Глобального фонда за 2017-2018 гг., то можно увидеть, что приоритетное внимание уделяется проектам, связанным с развитием, сохранением и использованием засухоустойчивых культур, что позволит осуществить адаптацию к неблагоприятным последствиям изменения климата. Как было отмечено в п. 11 доклада Фонда за 2010-2011 гг., основная выгода в ближайшие десятилетия будет реализовываться от использования культур, которые приспособлены к новым климатическим условиям. Именно они внесут вклад в обеспечение продовольственной безопасности в этих условиях. Соответственно, Фонд начал с 2011 г. осуществлять десятилетний проект по коллектированию разнообразия дикорастущих сородичей 29 сельскохозяйственных культур. Участниками этого, а также других проектов

являются заинтересованные развивающиеся государства, международные научно-исследовательские центры, а также развитые государства. Все это согласуется с проектом «Адаптация сельского хозяйства к изменению климата: коллектирование, защита и подготовка дикорастущих сородичей сельскохозяйственных культур».

Напомним, что миссия Фонда заключается в обеспечении долгосрочного финансирования глобальной системы сохранения генетических ресурсов сельскохозяйственных растений. Это вытекает не только из его уставных задач, но и из ограниченности его финансовых возможностей. Поэтому он сосредотачивается на охране ГРППВСХ, имеющих именно глобальную значимости. Все это – основа Стратегии расходов Фонда [15], дополняемая следованием Принципам инвестирования, адресованным к Дотационному Фонду Глобального фонда и принятых Исполнительным советом. В связи с этим приоритетом является капитализация Дотационного фонда (Crop Trust's Endowment Fund), что позволит поддерживать мировые коллекции и международные банки семян. За 2004 – 2018 г. Глобальный фонд, включая его Дотационный фонд, получил 216 млн. долл. на финансирование проектов и 21 млн. долл. для покрытия операционных расходов. Источники – донорские взносы правительств и частного сектора, в том числе взносы Германского банка развития (KfW). Одновременно с этим Глобальный фонд в силу некоторого увеличения капитализации своего Дотационного фонда как результата активной политики по привлечению средств разнообразных доноров постепенно переходит также и к поддержке национальных генобанков.

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несомненно, Глобальный фонд сохранения генетического разнообразия сельскохозяйственных растений выполняет важную функцию по долговременному финансированию Глобальной системы сохранения ГРПСМХ, одновременно осуществляя весьма важную миссию технической и информационной поддержки. Однако, несмотря на то, что он содействует наращиванию технологической базы генобанков, содействие передаче соответствующих технологий пока не стало вполне очевидным приоритетным направлением его деятельности в отличие скажем от Глобального экологического фонда, непосредственным образом выделяющего линейку проектов, предполагающих передачу технологий. Думается, что по мере развития новых технологий сохранения ГРПСМХ, в своей проектной деятельности Фонд в дальнейшем будет наращивать интерес к поддержке разработки и передачи данных технологий ключевым звеньям Глобального партнерства международных генобанков.

Список использованной литературы:

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Резолюция ГА ООН A/RES/70/1 // A/RES/70/1 (21 октября 2015 г.) [Электронный ресурс] – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 18.08.2020) – интернет источники.

2. Международный договор о генетических ресурсах сельскохозяйственных растений для производства и ведения сельского хозяйства, 2001 г. [Электронный ресурс] – URL: https://un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/genetic_resources.pdf (дата обращения: 20.08.2020) – интернет источники.

3. ФАО. Глобальный план действий по сохранению и устойчивому использованию генетических ресурсов растений для продовольствия и сельского хозяйства и Лейпцигская декларация (Международная техническая конференция по генетическим ресурсам растений, Лейпциг, Германия, 17-23 июня 1996 г.). [Электронный ресурс] – URL: http://www.fao.org/pgrfa-gra-archive/docs/gra_ru.pdf (дата обращения: 21.08.2020) – интернет источники.

4. Второй Глобальный план действий по генетическим ресурсам растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, 2011 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.fao.org/3/i2624r/i2624r00.pdf> (дата обращения: 03.09.2020) – интернет источники.

5. Constitution of the Global Crop Diversity Trust [Электронный ресурс] – URL: <http://cdn.croptrust.org/wp/wp-content/uploads/2014/12/Constitution-english.pdf> (дата обращения: 18.08.2020) – интернет источники.

6. Учредительный договор о создании Глобального доверительного фонда разнообразия культурных растений [Электронный ресурс] – URL: <https://www.cdn.croptrust.org/wp/wp-content/uploads/015/01/Establishment-Agreement-russian.pdf> (дата обращения: 10.09.2020) – интернет источники.

7. Relationship Agreement between the Global crop Diversity Trust and the Governing Body of the International treaty on Plant Genetic resources for Food and Agriculture [Электронный ресурс] – URL: http://www.cdn.croptrust.org/wp/wp-content/uploads/2017/02/Signed-Relationship-Agreement_0.pdf (дата обращения: 14.08.2020) – интернет источники.

8. Доклад Специального консультативного комитета по Стратегии финансирования и мобилизации ресурсов (Восьмая сессия Управляющего органа (Рим, 11 – 16 ноября 2019 г.). Приложение (i): Проект Стратегии финансирования на 2020-2025 гг.). // IT/GB-8/19/9.2 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.fao.org/3/na359/ru/na359ru.pdf> (дата обращения: 19.08.2020) – интернет источники.

9. Доклад Глобального целевого фонда сохранения разнообразия сельскохозяйственных культур (п. 15.2 предварительной повестки дня) // Восьмая сессия Управляющего органа (Рим, 11-16 ноября 2019 г.) // IT/GB-8/19/15.2/2 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.fao.org/3/na728ru/na728ru.pdf> (дата обращения: 28.08.2020) – интернет источники.

10. Making the Grade: CGIAR Genebank Platform Standards // CROP TRUST MAGAZINE-2018 [Электронный ресурс] – URL: https://www.cdn.croptrust.org/wp/wp-content/uploads/2019/09/CROP_TRUST_MAGAZINE_HYAPER_PDF.pdf (дата обращения: 31.08.2020) – интернет источники.

11. Crop Trust. Securing Crop Diversity for Sustainable development, Forever (Bonn Crop Trust, 2016 [Электронный ресурс] – URL: http://www.cdn.croptrust.org/wp/wp-content/uploads/2017/02/Impact-Paper_Small.pdf (дата обращения: 07.09.2020) – интернет источники.

12. Доклад о состоянии Глобального Траст-фонда по разнообразию сельскохозяйственных культур (Первая сессия Управляющего органа (Мадрид, 12-16 июня 2006 г.)), п. 10 // IT/GB-1/06/Inf.5 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.fao.org/3/a-be193r.pdf> (дата обращения: 14.09.2020) – интернет источники.

13. Global Crop Diversity Trust. Strategic Work Plan 2014-2024, P. 18 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.cdn.croptrust.org/wp/wp-content/uploads/2017/02/Strategic-Workplan.pdf> (дата обращения: 05.09.2020) – интернет источники.

14. Доклад Глобального траст-фонда по разнообразию сельскохозяйственных культур (4-я сессия Управляющего органа (Бали, 14-18 марта, 2011г.)) // IT/GB-4/11/20 [Электронный ресурс] – URL: <http://fao.org/3/a-e072.pdf> (дата обращения: 24.08.2020) – интернет источники.

15. Global Crop Diversity Trust. Fund Disbursement Strategy [Электронный ресурс] – URL: <https://www.cdn.croptrust.org/wp/wp-content/uploads/2017/02/Crop-Trust-Fund-Disbursement-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.08.2020) – интернет источники.

МРНТИ 10.87.77

Kala N.S.

*PhD, Associate Professor at the International Law Department,
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan
(E-mail: kala_ns@enu.kz)*

THE IMPACT OF THE INTERNATIONAL LEGAL RULES ON THE NATIONAL ENVIRONMENTAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: Undoubtedly, nowadays the humanity faces great challenges caused by the ecologic disasters and environmental damages, caused by insufficiently legally regulated activity of states and individuals. The XXI century agenda calls for cooperation of states and their strict observance of international obligations under international environmental law. The present article emphasizes the importance of correlation of the environmental legislation of the Republic of Kazakhstan with international legal rules and institutions on environmental protection. It outlines the issues of Kazakhstan participation in a number of international and cross-border procedures for the exchange of environmental information in accordance with obligations under international treaties, joint environmental monitoring and regulation of environmental impact. Currently, there are obvious trends in improving national environmental legislation that takes into account international obligations of the Republic of Kazakhstan with the aim of transitioning to a «green economy», strengthening national envi-

ronmental requirements for a number of principles, and strengthening state environmental control in the field of emissions into the environment.

The ecological crisis has touched upon almost all countries of the world, including the territory of the Republic of Kazakhstan. Its most dangerous manifestations are regional man-made desertification, soil degradation, depletion and pollution of water resources, air pollution, reduction of forest areas, accumulation of hazardous and toxic waste. The scale and severity of environmental problems in Kazakhstan is of serious concern to the national and international community. The indicators of resource use and environmental pollution in Kazakhstan are several times higher than the corresponding indicators of Central and Eastern Europe countries. Total economic damage from unsustainable use and environmental pollution reaches 20-30% of the gross national product. Failure to make decisions today will lead tomorrow to even greater economic losses, leads to a deterioration in the living environment of millions of people and can inhibit the economic development of the regions and the country as a whole [1, p. 16].

Thus, environmental problems have long crossed state borders, and predatory exploitation and pollution of ecosystems of individual states seriously affect environmental condition around the world, ultimately affecting the health and well-being of people from different countries.

It is important for modern states to take into account, as the Kazakh scientist Abdraimov B. Zh. notes, that «*Environmental challenges that arose at the end of the 20th - beginning of the 21st centuries threaten the well-being and very existence not only of individual countries, but of all humanity, because they cause widespread transboundary damage to national, regional and generally planetary environmental systems*» [2, pp. 16-21]. Their solution is connected with the development of an international environmental policy and reliable organizational and legal means at the international level, both in relation to environmental management at the national level and in relation to global natural resources. The good will of the states, constructive dialogue, their joint efforts to regulate the use and environment protection should contribute to successful resolution of problems in the field of environmental protection. As rightly noted by D.L. Bajdeldinov and S.D. Bekisheva, «*...environmental problem is one for all, and the effectiveness of its solution is possible only with joint efforts of all subjects of the world community, development of international cooperation in this direction*» [3, p. 312].

Rules (norms) and principles of one of the modern international law branches, international environmental law, are directed precisely at this. To date, there is a very extensive array of rules in the field of international legal environmental protection, having a great influence on the main institutions formation of environmental law of the Republic of Kazakhstan. Moreover, implementation of national environmental law depends on decisions of international organizations. Attention is drawn to the foreign legal scholars' point of view; they are O.L. Dubovik, L. Kremer, G. Lubbe-Wolff. They noted that «*...often, financing of individual events is carried out with help of the world communities, but most importantly, many problems cannot be*

solved without the interaction of different countries and coordination of their efforts» [4, p. 768].

It is well known that international environmental law is a branch of international public law and is a combination of international legal principles and norms governing relations regarding the protection of the natural environment, its rational use and reproduction, regulating the cooperation of states in this field in order to ensure an ecosystem that is favorable for human life. The main source of international environmental law is an international treaty. The preamble of the Vienna Convention on the Law of Treaties in 1969 rightly emphasizes a crucial role of treaties in the history of international relations, it is noted the ever-increasing importance of treaties as a source of international law and as a means of developing peaceful cooperation between nations, regardless of differences in their state and social structure. In modern conditions, as T.U. Vasilevskaya correctly notes *«the role of the international treaty in ensuring international peace and security, development of peaceful cooperation between all states, regardless of their socio-political system, is extremely important, because in the main areas of interstate cooperation international legal norms of their mutual behaviors can only be established through an international treaty»* [5, p. 120]. For international environmental and legal cooperation of states, an international treaty is also one of the legal interaction forms.

There are currently more than 500 international agreements on various aspects of environmental protection. They can be multilateral and bilateral; universal, regional and local; interstate, intergovernmental and interdepartmental, regulating general issues of environmental protection, or individual objects of the World Ocean, trans-boundary rivers, lakes, migratory species of animals, near-Earth outer space of the atmosphere, the ozone layer, etc. International environmental treaties, agreements adopted by the Republic of Kazakhstan, are of great importance in legal regulation of environmental relations, as well as in law enforcement and management activities in this area.

Paragraph 3, Art. 4 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan stipulates that *«International agreements ratified by the Republic have primacy over its laws. The legislation of the Republic determines the procedure and conditions of operation of international agreements in the territory of the Republic of Kazakhstan to which Kazakhstan is a party»* [6]. This means that the Republic of Kazakhstan expresses its consent to the prevailing legal force to those concluded by international treaties over national law, which have been ratified by the Parliament of the Republic by adopting the relevant law. It should be noted that the norm of the Constitution is part of the legal mechanism through which norms of international law are implemented in national legal system. It is necessary to pay attention to the norm of paragraph 3 Art. 6 of the Constitution of RK, which establishes that *«The state shall own the land and underground resources, waters, flora and fauna, and other natural resources. The land may also be privately owned on terms, conditions and within limits established by law»* [6]. This provision of the Constitution is consistent with international treaties that establish the right of states to develop its own resources in accordance with its environmental policy. For example, the preamble to the Vienna Convention for protection of the earth's ozone layer dated March 22, 1985 states that in accordance

with the United Nations Charter and the principles of international law, states have the sovereign right to develop their own resources in accordance with their environmental policy responsibility. This will ensure that activities within their jurisdiction or control do not cause damage to the environment of other states or areas beyond the limits of national jurisdiction. The Convention on Biological Diversity dated June 5, 1992 enshrines a similar rule that states have sovereign rights to their own biological resources. However, it should be emphasized that international standards, establishing the state's sovereign right to its natural resources, correspond to the provisions that fix powers of state regulatory bodies in environmental protection field and public administration in the field of natural resources use. So, for example, in accordance with paragraph 10, Art. 16 of the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan, the Government of the Republic of Kazakhstan carries out international cooperation in environmental protection and nature management field. An authorized body in the field of environmental protection concludes agreements and memoranda in accordance with paragraph 34, Art. 17 of the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan. Forest and Water Codes of the Republic of Kazakhstan also impose implementation of international cooperation in the field of forest relations (subparagraph 10, paragraph 1, Article 10 of the Forest Code of the Republic of Kazakhstan), cooperation with neighboring states on water relations regulation, rational use and protection of transboundary waters (subparagraph 20, paragraph 1, Article 37 of the Water Code of the Republic of Kazakhstan) on relevant authorized bodies [7]. Moreover, note the fact that international treaties expand functions of government bodies themselves in the field of environmental protection.

One of the most important principles of legal regulation in international relations related to human exposure to the natural environment is the principle of sustainable development. To implement this principle, the Republic of Kazakhstan adopted the Concept of Transition to Sustainable Development for 2007-2024, approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated November 14, 2006. As indicated in the Concept, the Republic of Kazakhstan, as a full member of the international community, has committed itself to implementation of the tasks set in Agenda 21 (Rio de Janeiro, 1992) and declarations of the Millennium Summit (New York, 2000) and the World Summit on Sustainable Development (Johannesburg, 2002). These most important international treaties have identified the main ways and conditions for achieving sustainable development at the national level of the Republic of Kazakhstan. So, in the Concept of Environmental Safety of the Republic of Kazakhstan for 2004-2015, approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated December 3, 2003, it is stated that environmental safety is a prerequisite for sustainable development, which serves as the basis for maintaining natural systems and maintaining appropriate environmental quality.

Ensuring sustainable development of the Republic of Kazakhstan is a fundamental principle of modern environmental legislation of the Republic of Kazakhstan, as stated in article 5 of the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan in 2007. It is important to draw attention to the fact that the legislator assigns paramount importance to this principle. Meanwhile, the Law of the Republic

of Kazakhstan «On Environmental Protection», which has lost its force, put the principle of priority for protecting human life and health, maintaining and restoring an environment favorable to life, work and recreation of the population. Earlier, i.e. before adopting the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan, in the basis of the environmental legislation of the Republic of Kazakhstan lay an anthropocentric concept of environmental protection, based on the idea of solving environmental problems in the interests of human. At the present stage of environmental legislation development of the Republic of Kazakhstan, the concept of sustainable development, supported by the international community, has replaced the anthropocentric concept. The emergence and development of this concept was the result of international environmental and legal cooperation of states within UN. In 1984, the International Commission on Environment and Development was set up to effectively address environmental issues, led by Norwegian Prime Minister Gro Harlem Brundtland. The main objective of the Commission was to develop proposals for long-term environmental strategies that would ensure sustainable development by the year 2000. In 1987, as a result of the Commission's activities, the Report of the International Commission on Environment and Development «Our Common Future» was submitted to the UN General Assembly. In Article 4, the main regulatory act governing relations in environmental protection, restoration and conservation, use and reproduction of natural resources during economic and other activities reflects the Ecological foundations for sustainable development of the Republic of Kazakhstan. They include: state's achievement of the goal to ensure a favorable environment for human life and health; environmental protection and conservation of biological diversity; right provision and implementation of the Republic of Kazakhstan to develop its natural resources and environmental impact; fair satisfaction of present and future generation's needs; sustainable patterns development of production and consumption; compliance of environmental regulation with the conditions of social and economic development, taking into account the state of the environment; respect for the right of everyone to access environmental information and full public participation in addressing environmental issues and sustainable development; ensuring transparency of measures taken in the field of environmental protection; a global partnership to preserve, protect and restore the healthy state and integrity of the Earth ecosystem; promoting international law regarding liability for environmental damage; containment, prevention of transfer and transfer to other states of any activities and substances that cause serious damage to the environment or are considered harmful to human health, as well as taking precautionary measures in cases where there is a threat of serious or irreversible damage to the environment.

The concept of sustainable development is reflected in a number of natural resource acts of the Republic of Kazakhstan. So, for example, according to Art. 3 of the Forest Code of the Republic of Kazakhstan, forest legislation is based on the principle of sustainable development of forests (a constant increase in the forest cover of Kazakhstan territory). In accordance with subparagraph 3, paragraph 2, Art. 3 of the Water Code of the Republic of Kazakhstan, one of the tasks of water legislation is to provide the legal basis for support and sustainable water use development and water fund protection.

It should be noted that today in the structure of norms, according to Safonova O.N., International environmental law includes not only norms on environmental standards, but also international agreements on the procedure for interaction between states in an environmental crisis, industrial accidents and emergencies. If earlier the norms in this sphere were soft and all agreements were reduced more to declarations, decisions of international organizations and conferences, today there is an understanding of the need for specific actions in environmental protection and rehabilitation of what has already been lost [8]. Norms of this nature, aimed at preventing environmental damage and helping to reduce the damage to nature, are most often created at the regional level.

Regional standards at the moment have acquired a new side in connection with the development of integration processes. The interconnection of states in various spheres of public life is becoming ever closer, which, in turn, gives rise to the need for more developed normative regulation, which cannot be ensured by general international treaty law. Therefore, within the framework of integration associations complexes of norms arise that create additional effective mechanisms for implementing these norms in national legislation.

Exploring the norms of international law, an authoritative international lawyer, Lukashuk I.I., believes that *«the development of regionalism is explained not only by social and political, but also by legal factors. Creating new standards is easier on a regional scale. On the same scale, a higher level of universal norms implementation can be achieved»* [9, p. 322].

Most actively, this type of interaction between our state can be traced on the example of Kazakhstan's CIS membership. As Brinchuk M.M. rightly notes *«taking into account severity of environmental problems in the territory of the former USSR and low level of environmental legislation development, the task of developing environmental cooperation in the Commonwealth of Independent States is relevant»* [10, p. 688]. Understanding of this problem was objected in the signing on February 8, 1992 by Azerbaijan, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, the Russian Federation, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Ukraine of an Agreement on cooperation in the field of ecology and environmental protection. The main goal of the Agreement is to ensure a coherent policy in the field of ecology and environmental protection, taking into account international agreements previously concluded by the USSR (Union of Soviet Socialist Republics). In their territories, the CIS countries pledged to develop and adopt legislative acts, environmental norms and standards in nature management and environmental protection, carry out effective state control over the condition and change of the natural environment and its resources. At the implementation of economic and other activities, measures should be carried out to prevent pollution of the environment; comprehensive environmental impact assessment; creation of special forces and means necessary for preventing environmental disasters and accidents, as well as the elimination of their consequences; conducting environmental assessments, programs and forecasts for the development of productive forces, investment and other projects; establishment of scientifically based standards of involvement in economic and other activities of

natural resources, as well as limits for their irretrievable withdrawal, taking into account the need to ensure universal environmental safety and well-being.

In order to pursue a coordinated policy in the field of ecology and environmental protection, environmental laws and regulations, environmental norms and standards should be harmonized, interstate programs and projects in the field of nature management and environmental protection should be jointly developed and implemented. To fulfill the provisions of the Agreement, the Parties decided to create an interstate environmental Council and establish an interstate environmental Fund under it, which is necessary for the implementation of the agreed interstate programs.

The Inter-Parliamentary Assembly, called upon to develop model laws in the field of environmental management and environmental protection, has an important role to play in the development of environmental cooperation within the CIS. One cannot disagree with the opinion of M.M. Brinchuk that «... *the area development of The Inter-Parliamentary Assembly activity will contribute to solving two difficult tasks for individual states. The first concerns increasing opportunities to pass quality national laws. The second - through the development of model laws to ensure the harmonization of environmental legislation adopted within the framework of the Commonwealth, which is provided by the Agreement*».

Thus, the conclusion of a regional agreement in environmental protection, as well as the creation of specialized interstate institutions laid the foundation for the development of CIS countries international cooperation in society and nature interaction. But it should be noted that the created organizational and legal mechanisms within the CIS will not immediately bring results. In our opinion, the regional system will become effective, if it actively interacts with the universal system, and also takes into account accumulated environmental and legal experience at the national level. Assessing the role and importance of international law in developing national environmental law, the Kazakh legislator needs to develop optimal areas of cooperation, both at the regional and universal levels. Moreover, these areas of interaction today require a conceptual justification, as well as the adoption of comments on articles of laws that contain norms on the relationship between international law and domestic environmental law of the Republic of Kazakhstan.

Bibliography:

1. *Alimbayev, T. A.* (1999). *Ekologiya Kazahstana [Ecology of Kazakhstan]* (p. 45). Karaganda: Bolashak-Baspa Publ.

2. *Abdraimov, B. Z.* (2005) *Problemy privedeniya ekologicheskogo prava Respubliki Kazahstan v sootvetstvie s mezhdunarodnymi normami i standartami, Problemy razvitiya i unifikatsii ekologicheskogo i agrarnogo zakonodatel'stva Kazahstana i stran SNG v kontekste integratsionnyh processov [Problems of bringing environmental law of the Republic of Kazakhstan in line with international norms and standards, Problems of development and unification of environmental and agricultural legislation of Kazakhstan and the CIS countries in the context of integration processes]*. Bajsalovskie chteniya. Materials of the international scientific-practical conference, 16-21. Astana.

3. *Bajdeldinov, D. L. & Bekisheva, S. B.* (2004). *Ekologicheskoe pravo Respubliki Kazahstan [Environmental Law of the Republic of Kazakhstan]* (p. 312), textbook. Almaty: Interligal Publ.

4. *Dubovik, O. L., Kremer L., & Lyube-Vol'ff G.* (2005). *Ekologicheskoe pravo [Environmental law]* (p. 768), textbook. Ed. Dubovik O. L. Moscow: Eksmo Publ.

5. *Vasilevskaya, T. Y.* (1983). *Rol' mezhdunarodnyh dogovorov v progressivnom razvitii mezhdunarodnogo prava. Mezhdunarodno-pravovye osnovy mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The role of international treaties in the progressive development of international law. International legal framework for interstate cooperation]* (p. 120). Moscow.

6. THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN. Retrieved September 14, 2020 from https://www.akorda.kz/en/official_documents/constitution.

7. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.06.2020 г.). Retrieved September 14, 2020 from https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30085593#pos=4;-104.

8. *Safonova, O. N.* (2006). *Novye otrasli mezhdunarodnogo prava [New branches of international law]* (p. 143), textbook. Ust Kamenogorsk, EKSU after S. Amanzholov.

9. *Lukashuk, I. I.* (2001). *Kodifikaciya i progressivnoe razvitie mezhdunarodnogo prava v XXI veke [Codification and progressive development of international law in the 21st century]* (p. 19). *Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. Saint Petersburg.

10. Brinchuk, M. M. (2005). *Chelovek kak ob'ekt ekologicheskikh otnoshenij [Man as an object of environmental relations]*. *Ekologicheskoe pravo*, 3, 2-5.

MPHTI 10.87.91

Kamatova D.M.

*Lecturer of the Department of International Law
at L.N. Gumilyov Eurasian National University
(E-mail: dianakamatova@gmail.com)*

PERSONAL DATA PROTECTION WITHIN THE EU: AN OVERVIEW

Abstract: The following article provides an overview on the concept of personal data and mechanisms for its protection within the EU. It also focuses on the activity of the European Data Protection Board and national data protection authorities whose mission is to ensure the application of the General Data Protection Regulation. Hopefully, the article provides references to a number of legislative instruments that will induce readers to get more familiar with the data protection concept in the EU.

Key words: personal data; data protection; General Data Protection Regulation; the European Data Protection Board; the European Union.

Today, in the information age, when almost all the human relations have somewhat moved to digital reality, data is recognized as one of the most valuable assets one may possess. Some may even claim that data is the new gold. Simultaneously, it is a double – if not triple – edged sword in a sense that it can be used for good, for bad or it might just end up being useless, depending in whose hands it is stored. But what exactly does data mean? Since there are multiple ways to exploit it does it need to be protected, and consequently, are there mechanisms to prevent or hamper abuse of the data use? What can an individual do against corporations and even in some cases governmental bodies that are hunting for personal data? The following article primarily focuses on the experience of the European Union (EU) with its well-known General Data Protection Regulation (GDPR); thus, the author makes an attempt to provide answers to the questions above and give their own opinion on personal data protection in the data-driven world.

The word ‘data’, being frequently heard from the IT experts, has several meanings and generally implies “facts or information, especially when examined and used to find out things or to make decisions” [1], or “information, especially facts or numbers, collected to be examined and considered and used to help decision-making, or information in an electronic form that can be stored and used by a computer”. Out of two definitions given above one may conclude that data is (1) a set of facts; (2) usually supposed to be involved in different kinds of manipulation. Whereas data can relate to a natural person or any kind of entity, for the sake of the article it will mainly focus on personal data.

What seems to make personal data valuable is that it can be used for various purposes, and often not ethical ones. Taking a user’s online experience as an example, personal data collection and further analysis can help improve this experience, but if abused, it might lead to negative consequences, such as manipulation of forming preferred opinions and influence choices in a favourable ways [3]. Therefore, it is understandable and reasonable of people to express concern as to how and what for something that makes biggest part of their lives and basically belongs to them is used.

The EU regulators have taken a serious approach to personal data protection. It stems from values that are first declared in the Universal Declaration of Human Rights 1948, and then reaffirmed in the European Convention on Human Rights. But since both of the documents were drafted and came into effect before the Internet era, they lack detailed coverage of data protection principles. With the following development of information technology, the demand for ensuring ‘security’ of the people’s data emerged, which led to adopting in 1980s the Convention for the protection of individuals with regard to processing of personal data (Convention 108+). According to Article 1 of the Convention, its purpose is to protect every individual, whatever his or her nationality or residence, with regard to the processing of their personal data, thereby contributing to respect for his or her human rights and fundamental freedoms, and in particular the right to privacy [4]. It should be mentioned that quite frequently one may at least confuse the right to data protection and the right to privacy (or, more

correctly, the right to respect for private and family life). While these two rights do not imply the same thing, they are surely interconnected and determine each other, but this issue is not in the scope of the present article.

The right to protection of personal data was declared in Article 8(1) of the Charter of fundamental rights of the European Union [5] and in Article 16(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union [6]. The said Articles state that everyone the right to the protection and access to personal data concerning them, as well as to have it rectified if needed [7]. Whereas the definition of personal data is provided in Convention 108+, a more detailed one can be found in the Regulation (EU) 2018/1725 of the European Parliament and of the Council that defines it as “any information relating to identified or identifiable natural person”, where such identification is possible via referring to a name, an identification number, location data, any online identifier or to “one or more factors specific to the physical, physiological, genetic, mental, economic, cultural or social identity of that natural person” [8].

While Convention 108+ included basic principles for the protection of personal data and provided the foundation for such protection mechanism, it is worth mentioning another important document that expanded the scope of provisions of Convention 108+ and of the EU members’ domestic laws on data protection - Directive 95/46/EC of the European Parliament and the Council of 24 October 1995

on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, known as Data Protection Directive. Being adopted in 1995, it was replaced by GDPR almost twenty years later. There was a number of reasons for that, including the fact that as a directive it didn’t apply directly and had to be implemented into the legislation of the EU Member States. In short, instead of harmonising the provisions on personal data protection within domestic laws across the EU it resulted in their different interpretation. Moreover, with the rapid evolution of the IT sphere and widespread use of computers and the Internet, determined the need for reforms in the EU data protection legislation.

GDPR is believed to be a more progressive piece of legislation not only because after a long and intense discussion its content was designed to face the new information age challenges, but also because it aimed at disposing of fragmentation in the implementation of data protection across the EU and its negative consequences.

GDPR also facilitated the establishment of such an EU body as the European Data Protection Board (EDPB). It consists of representatives of data protection authorities of each of the EU Member State. GDPR emphasises the independence of EDPB since it concerns such a sensitive matter as data, and its autonomy of adopting its own rules of procedure. Aiming at ensuring the application of GDPR, EDPB functions basing on such principles as independence and impartiality; good governance, integrity and good administrative behaviour; collegiality and inclusiveness; cooperation; transparency; efficiency and modernisation; proactivity. To put it simply, EDPB represents a joint and consistent effort of all the EU Member States in data protection not only within EU but beyond its borders too. Another member of EDPB is the European Data Protection Supervisor whose mission is to ensure that the EU institutions and bodies strictly comply with the personal data protection rules and not violate them while processing it in their activity.

There is a list of tasks that are assigned to EDPB which can be reduced to the following:

- issues general guidelines, recommendations and best practices regarding clarification and application of GDPR;
- adopts consistency findings, designed to make sure the GDPR is interpreted consistently by all national regulatory bodies;
- advises the European Commission on data protection issues and any proposed new EU legislation of particular importance for the protection of personal data
- encourages national data protection authorities to work together and share information and best practices with each other [9].

As it was mentioned before, in each Member State of the EU there is established a data protection authority that supervises the application of GDPR and national data protection laws on a domestic level. It is these authorities that help promote certain practice and ensure consistency in implementation of regulations.

Such authorities are of various designations. Besides the common “data protection authority” one, there are also inspectorates, agencies, commissions etc. The designation in no way influences the nature of activity of these authorities. Their main functions are as follows:

- to check with complaints lodged by data subjects for potential violation of data protection regulations;
- in case such violation is confirmed, to conduct a proper investigation and impose administrative fines according to GDPR;
- help raise and promote awareness of the rights regarding personal data protection and procedures following the breach of its regulations;
- cooperate with the data protection authorities of other EU Member States as well as within the activity of EDPB [10].

Imposing an administrative fine is one of the frequent measures taken by the national data protection authorities. One of the recent cases is about the Personal Data Protection Office in Poland (UODO) fining Warsaw University of Life Sciences for breach of personal data back in 2019. One of the university employees had their portable personal computer stolen, and during the investigation it turned out that this device was used by the employee for work-related purposes too. Thus, it contained data concerning candidates for studies at the university. The amount of administrative fine was based on the following findings of the UODO President. The personal data of candidates which was subject to breach was of a wide-range nature, and the number of candidates concerned might have been up to a hundred. Moreover, the university was found to have violated the GDPR principles of confidentiality and accountability due to lack of awareness as to what devices are used to process personal data, as well as to failure of ensuring the security of such data. All in all, the measures taken by the university as a data controller were insufficient for data protection. However, it was noted that during the investigation and administrative proceedings the university actively cooperated with UODO and was determined to not allow such data breach cases repeat in the future [11].

There is another example of the domestic data protection authority standing guard over the EU citizens’ personal data. The Data Protection Commission in Ire-

land might enforce a ban on Facebook sharing data with the United States. There is Chapter 5 of GDPR containing provisions regarding transfers of personal data to third countries or international organisations, and the Facebook policy seems to not fully comply with it, as well as not ensure the prevention of snooping on the personal data of the EU citizens. In response to that, Facebook warned that in case of ban enforcement they will have to quit the European market. It's not to be regarded as a threat, and the truth is that it is pretty unlikely to happen, nevertheless, this case will surely become a benchmark of data protection in the EU []].

There are particular drawbacks of the GDPR application by means of EDPB or domestic data protection authorities. The data relations are now believed to be over-regulated, the compliance with GDPR results was and is quite costly, especially for small businesses. Non-compliance also leads to imposition of penalties, usually fines. However, it all might be justified by the improved security measures taken to protect personal data and not let it be abused. The future practice will show whether the end justifies the means.

References:

1. The Oxford Learner's Dictionaries website. Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/data?q=data>.
2. The Cambridge Dictionary website. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/data>.
3. *Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach*. 17 March 2018. Retrieved from <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election>.
4. Art. 1 of the Convention for the protection of individuals with regard to processing of personal data. Retrieved from <https://rm.coe.int/convention-108-convention-for-the-protection-of-individuals-with-regar/16808b36f1>.
5. Art. 8(1) of the Charter of fundamental rights of the European Union. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012P/TXT&from=EN>.
6. Art. 16(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN>.
7. Art. 8(2) of the Charter of fundamental rights of the European Union. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012P/TXT&from=EN>.
8. Art. 3(1) of the Regulation (EU) 2018/1725. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1725&from=EN>.
9. *The European Data Protection Board (EDPB)*. Retrieved from https://europa.eu/european-union/about-eu/institutions-bodies/european-data-protection-board_en#who-is-on-the-edpb?
10. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of

personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679>.

11. *Polish DPA fines Warsaw University of Life Sciences (SGGW)*. 11 September 2020. Retrieved from https://edpb.europa.eu/news/national-news/2020/polish-dpa-fines-warsaw-university-life-sciences-sggw_en.

12. *Facebook says it may quit Europe over ban on sharing data with US*. 22 September 2020. Retrieved from <https://www.theguardian.com/technology/2020/sep/22/facebook-says-it-may-quit-europe-over-ban-on-sharing-data-with-us>.

MPHTI 10.87.61

Kulmukhanova D.B.

*3rd year International Law student of Faculty of Law of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan
(E-mail: dana.kulmukhanova@gmail.com)*

INTERNATIONAL SECURITY LAW: AN OVERVIEW OF THE CONCEPT

Abstract: This article examines the legal aspect of the multifaceted and comprehensive contemporary problems of international security. Debates regarding the relationship of regional, international and global security are discussed. The institutions who are engaged in international security are studied. The article contains the analysis of the principles and sources of international security system in the modern world. It also provides an overview on a collective security system in international law.

Keywords: international security; international community; international law; the components of the international security system; sources of law of international security.

The realities of the modern world indicate that international security has a multifaceted and comprehensive nature, the security of one state is linked to the security of the world community as a whole. The security problem is a classic one in the Westphalian state system. Since its inception, the state has been concerned about preserving its sovereignty, that is, about its national security, which was understood from the outset, first of all, as preventing external aggression [1]. In modern conditions, this concept also includes issues related to the danger of internal destabilization.

In connection with the growing interdependence of the world, the question of the relationship between the problems of regional, international and global security becomes relevant. The coincidence of the national interests of a group of states gives rise to various kinds of regional and international alliances, guided, again, by certain

concepts on ways to coordinate and defend their group interests both in relations between themselves and in relations with third countries [2].

In this regard, issues of international and regional security are obviously closely related to the problems of international organizations. In modern conditions, among the institutions that are involved in ensuring international security, one should first of all mention the UN. Regional structures also play a significant role in security issues, especially in Europe, where they have a fairly clear design. This is primarily the OSCE, NATO. The main issues that are currently being intensively discussed are the reform of the UN in order to make its activities in the field of preserving and maintaining peace more effective, as well as the place and role of NATO in European security structures [3].

International security law is a branch of international law, which is a system of principles and norms governing military-political relations between states in order to ensure peace and international security. The norms of this industry are aimed at ensuring both international and national security [4]. The basis of international security law is formed by the generally recognized principles of modern international law, including:

- prohibition of threat or use of force;
- territorial integrity of states;
- inviolability of state borders;
- non-interference in the internal affairs of states;
- peaceful settlement of disputes;
- cooperation between states [5].

In addition to the generally recognized principles of international law, international security law has its own, sectoral, principles. Experts in the field of international law refer to the sectoral principles of international security law as follows:

1) The principle of the indivisibility of international security means that in the XXI century the world, as never before, is indivisible. The states of our planet are closely interconnected. Life shows that any crisis in one part of the globe, be it natural disasters, armed conflicts or acts of international terrorism, immediately negatively affects other parts of it. States set themselves the task of improving the universal system of international security, the foundations of which are laid by the provisions of the Charter of the United Nations [6].

2) The principle of not harming the security of other states presumes the conduct of a foreign policy by the state that takes into account the security of not only its own state, but also the entire world community to the maximum extent. Undoubtedly, ensuring the national security of the state is one of the priorities of the activities of its supreme bodies, because we are talking about the security of society, ensuring and protecting human and civil rights. At the same time, each state, when developing and implementing its foreign policy, implementing military-political and military-technical ties with other states, should take into consideration as much as possible all aspects of ensuring the security of both its allies and the international community as a whole.

3) For a long time, the principle of equal security has been substantiated in the law of international security, which in its essence develops and specifies the previous

principle - not harming the security of other states. It means that the state must ensure its security, commensurate with the possibilities of ensuring the security of other states. It's about security parity [7].

The main source of international security law is the Charter of the United Nations. Along with it, an important place in the complex of sources of this branch of international law is occupied by bilateral and multilateral interstate treaties regulating the legal aspects of ensuring peace and international security [8]. These treaties can be conditionally divided into 4 groups:

1. Treaties restraining the nuclear arms race in spatial terms.
2. Treaties limiting the build-up of arms in quantitative and qualitative terms.
3. Treaties prohibiting the production of certain types of weapons and prescribing their destruction.
4. Treaties designed to prevent the accidental (unauthorized) outbreak of war.

Among the sources of international security law, legal instruments of a regional nature adopted in development of the provisions of the UN Charter are of great importance. In the Eurasia region, international legal acts are created primarily within the framework of international organizations on security issues, such as NATO, OSCE, CSTO, etc. [9].

International legal maintenance of peace and security is a set of regulated international legal measures aimed at solving urgent problems of ensuring international security, such as the peaceful resolution of international disputes, the creation of collective security systems, prevention of the outbreak of war, suppression of acts of aggression, as well as the reduction of armed forces and armaments, narrowing the material base and the spatial sphere of warfare, strengthening confidence-building measures and establishing effective international control over the activities of states in the military field [10].

The main goal of international security is formulated in the UN Charter – “to maintain peace and international security” by “taking effective collective measures to prevent and remove threats to peace and suppress acts of aggression or other breaches of the peace” [6].

The international security system consists of a whole range of components that ensure the safe and stable development of international relations. It provides:

1. Collective measures involving broad international cooperation.
2. Preventive diplomacy, the task of which is to prevent emerging threats to peace and the peaceful settlement of international disputes.

A special place is given to the creation of a system of collective security - joint measures by states of the whole world or a certain geographic area, undertaken to prevent and eliminate threats to peace, suppress acts of aggression. The collective security system has two main features as a common characteristic [11].

The first feature is the acceptance by the member states of the system of at least three obligations, as it were “inside” the system:

- do not use force in their relationships;
- resolve all disputes amicably;
- actively cooperate in order to eliminate any danger to the world and improve the international situation.

The second feature is the presence of organizational unity of the states participating in the system. It is either an organization that acts as a “classic” form of collective security (for example, the UN), or another expression of unity: the establishment of consultative or coordinating bodies (for example, the Non-Aligned Movement).

In international law, two types of collective security systems are distinguished:

1) Universal. The UN is the global collective security organization. It pursues a number of goals, but the main one is to maintain international peace and security, to take effective collective measures for this (Article 1 of the UN Charter) [6]. The system of collective actions provided by the UN Charter covers:

- measures to prohibit the threat of force or its use in relations between states (Clause 4 of article 2);
- measures for the peaceful settlement of international disputes (Chapter VI);
- measures of disarmament (Articles 11, 26, 47);
- security measures during the transitional period (Chapter XVII);
- measures for the use of regional security organizations (Chapter VIII);
- temporary measures to suppress violations of the peace (Article 40);
- compulsory security measures without the use of armed forces (Article 41);
- coercive measures using the armed forces (Article 42) [6].

2) Collective security on a regional basis. The UN Charter allows for the existence of regional agreements and security bodies (Chapter VIII) and imposes certain requirements on them:

- participation of only states of one political-geographical region;
- the validity of agreements should not go beyond the boundaries of the given area;
- actions undertaken within the framework of the regional security system cannot contradict the actions of the UN and must be compatible with the purposes and principles of the UN Charter;
- the UN Security Council should be informed about the actions taken or planned to maintain international peace and security [6].

At the present time, the regional systems of collective security are: Organization of American States (OAS), Organization of African Unity (OAU), League of Arab States (LAS), North Atlantic Treaty Organization (NATO), Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE), Collective Security of the CIS. The international security system is called upon to support regional international organizations in the collective security system. The peaceful resolution of international disputes is one of the basic principles of international law, which found its consolidation in the UN Charter (Article 1), the Declaration on the Principles of International Law of 1970, the Declaration of Principles for the CSCE 1975, etc. [12].

To conclude, international security is understood as a world order that excludes violations of territorial integrity, sovereignty and independence of states and guarantees conditions for the sustainable and stable development of the world community. It is impossible to ensure security in the modern world exclusively by means of force, and this is an extremely ineffective strategy. In addition to military security, it is necessary to ensure economic, social, environmental, informational and other aspects of security. At the same time, the state of security is ensured not only by protection from

threats, but by their neutralization through mechanisms of peaceful cooperation and interaction in various spheres of state activity and the life of civil society.

References:

1. *Sheehan, M.* International Security: and Analytical Survey. – London: Lynne Rienner Publishers. – 2005. – P.76.
2. *Malanczuk, P.* Modern Introduction to International law. – Routledge. – 1997. – P.123-127.
3. *Kolodziej, E.A.* Security and International Relations. –Cambridge University Press. – 2005. – P.262-265.
4. *Ramcharan, B.* New International Law of Security and Protection // UN Chronicle [e-resource].– 2016.–URL:<https://www.un.org/en/chronicle/article/new-international-law-security-and-protection>(accessed 5September 2020).
5. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations // Official site of the United Nations [e-resource].–1970.– URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/files/3dda1f104.pdf>(accessed 5 September 2020).
6. Charter of the United Nations // Official site of the United Nations [e-resource]. – 1945. – URL:<https://www.un.org/en/charter-united-nations/index.html>(accessed 5 September 2020).
7. *Batyshko V.T.* International law. –Taganrog: TTI SFU. –2011. –P.80-85.
8. *Kostenko N.I.* International security law (theoretical foundations of formation and development). – M.: Jurlitinform. – 2018. –P.302-304.
9. *Lowe, V.* International law. – Oxford University Press. – 2007. – P.147-149.
10. *Goldstein, J.S.* International relations. – New York: Longman. - 2001. -P.92-96.
11. *Tsagourias, N., White, N.* Collective Security: Theory, Law and Practice. – Cambridge University Press. – 2013. – P. 58-65.
12. *Brownlie, I.* Principles of Public International Law. – Oxford University Press. – 7th ed. –2008. –P. 114-116.

MPHTH 10.19.61

Manap Zh.T.

*Student of International Law Department
at L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan
(E-mail: jamilyamanap@gmail.com)*

LEGAL SECURITY IN A DIGITAL SOCIETY

Abstract: Personal data is information relating to an identified or identifiable person. During the digitalization period, the risk of information leakage and transfer

to third parties has increased. There are precedents in global practice where corporations have used private data from Internet users to promote political ideas. In response to such concerns, states around the world are taking measures in the form of draft laws that establish mechanisms to prevent the misuse of personal information, as well as regulate the procedures for collecting, processing, and storing personal data with the permission of citizens. The main purpose of this study is to find the possible remedies to violation of human rights to security of person.

Key words: digital rights, personal data, confidentiality, information leakage, security.

For the identification of an individual personal data is used as it provides basic information regarding personal and family data, home address, phone number, banking information, health records, and more. The Fourth Industrial Revolution had an enormous impact on a transformation of the many industries and societies around the world, including personal information databases to digital. With increasing Internet usage, the collection of the users' private information became more accessible. According to Clement, the global digital population accounts for almost 4.57 billion people or 59% of the world population [1]. In addition to the fact that these numbers mean great progress in the technological development and incredible opportunities for the connection of millions of people from different parts of the globe, such a percentage of users also indicates increasing risk of confidential information leakage as a result of the endless circulation of data on the Internet. Internet security has become one of the most discussed topics in the human rights field which is contemporary facing outrageous cases of the violation of one of its fundamental provisions mainly the right for privacy and correspondence [2].

Cambridge Analytica. The name of this British company was a subject of numerous deliberations in March of 2018. The company had been providing consulting, data analytics, and commercial services to political parties and officeholders. It was originally based in London and established in 2013 by Alexander Nix, who explained the very purpose of the organization as "for addressing the vacuum in the US Republican political market" [3]. The information about Cambridge Analytica secretly harvesting the personal information of 87 million Facebook users to develop an algorithm for analyzing the political preferences of voters, was firstly uncovered by The Observer and The New York Times. In 2018, The Guardian managed to interview Christopher Wylie, a former Cambridge Analytica employee, who has elaborated an algorithm for working with network users' data, which allowed his company to influence peoples' political choices. He was the one who suggested practicing commercial micro-targeting for political purposes. But to use the data on the electorate, they had to get it. For this purpose, the Cambridge Analytica turned to Alexander Kogan, a professor at the University of Cambridge and the owner of Global Science Research. Kogan developed the app "thisisyourdigitallife", which was downloaded by 300,000 Facebook users. By dint of this app, Cambridge Analytica gained access not only to the personal data of these people but also to the data of their friends. With the help of this information, a group of psychologists processed data to determine the psychological traits of voters, thus to identify ways of influencing their behavior, namely the

choice of certain candidates in the elections [4]. The New York Times writes that the same scheme was possibly used by Cambridge Analytica when their client was Mr. Trump. Services included targeting digital advertising, modeling voter turnout, buying \$ 5 million in TV ads, and determining where Mr. Trump should go to secure support. However, in an interview with the BBC in December 2017, Mr. Nix said Trump's strategy was based on “outdated psychography”, thus saying that it was not related to illegally accessed profiles [5].

After the incident, The Information Commissioner's Office (ICO) of Great Britain launched an investigation into the case of personal data processing for political purposes. The ICO has fined Facebook £500,000 for violating the United Kingdom (UK) section 55A of Data Protection Act 1998 and the General Data Protection Regulation (GDPR), a new law which entered into force in 2018 and designed to endow citizens with the rights to control their data [6]. The United States (US) Federal Trade Commission (FTC) did not stay aside and punished those found guilty, thus fining Facebook a record 5 billion dollars and demanded the company to enhance users' data protection system. The Commission also accused Cambridge Analytica of violating the requirements of Privacy Shield - an agreement concluded between the EU and the US Department of Commerce under the 1955 European Convention. The FTC imposed many restrictions on the work of the company, including the ownership and use of data provided by Privacy Shield [7].

The United Nations General Assembly adopted a resolution 68/167 which defines surveillance and interception of personal data to have a negative effect on human rights protection [8]. General Assembly pointed out that human rights held by people in a non-virtual life should be respected online as well. The United Nations encouraged states to respect and provide security to the right to privacy from any interference. Thus, the General Assembly's resolution 68/167 underscores that International Human Rights Law (IHRL) ensures the universal basis for the protection and assessment of individual privacy rights. The IHRL provides people an opportunity to claim in the case where they know exactly their privacy rights were breached and have strong arguments for this. In a case, if the violation of such rights will be proved, then they are entitled to the guarantee for further security, compensations, and apologies. However, the Cambridge Analytica scandal has shown that there are certain difficulties with the claiming rights as the people may not even be aware of the fact that their personal information was used by third parties. As McGregor writes, Facebook knew about Cambridge Analytica having personal data of its users in 2015. It also asked the later to delete it and after three years 87 million people finally notified by newspaper journalists' investigation that their rights to privacy were breached. To sum up, the data breaches are not a common reason people turn to legal remedies as it is a less pronounced violation of human rights. But this does not diminish the degree of danger of such a disregard for human rights and the consequences for them. The manipulation of 87 million Facebook profiles has shown how simple personal data breaches can turn to a powerful weapon for managing global politics. McGregor claims that users' rights written in the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966 (ICCPR), namely freedom of thought (Art. 18), right to privacy (Art. 17), as well as freedom of association (Art.22) are jeopardized as their per-

sonal information may be used as a tool for manipulating their political views and preferences in general [9]. McGregor deduces that such illegal actions undermine democracy established in a society [10]. Besides, the leakage of confidential information can lead to the arbitrariness of the states, where they regulate all areas of citizens' lives without their permission.

Kazakhstan citizens are not immune to the threats of digital manipulations either. In 2019, one of the largest personal data leaks occurred in Kazakhstan. The database with the personal information of 11 million people was in the public domain on the Internet. Anyone could freely access the system or completely download it. Such invidious and large-scale data leak was discovered by specialists from the Center for Analysis and Investigation of Cyber-Attacks (TSARKA) [11]. TSARKA is the first private and one of the leading Kazakhstani organizations which deal with information and technological security. TSARKA provides a wide range of services in the field of security assessment, including conducting information security audits, penetration tests, security analysis of banking systems, web applications, etc. The organization works with the private enterprises, the media and organizations of the quasi-public sector, non-governmental public organizations, and is also engaged in the identification and analysis of information security incidents in the Kazakhstani segment of the Internet [12]. As the ex-director of the Center for Analysis and Investigation of Cyber-Attacks, Arman Abdrasilov says, the leakage of personal data was the fault of the employees of the Central Election Commission (CEC). According to TengriNews, the usage of the development server was identified during works on improving the functionality of the information and analytical system in the "Engineering and Technical Center of the Central Election Commission" and this could be a reason for the accidental publication of data on the Internet [13]. Unfortunately, this incident was not the only precedent in Kazakhstan. The next information leakage happened just a few days after the previous. On July 9, 2019, Medical organization Damumed announced on its official page on Facebook, that the confidential data of patients were transferred to the third parties without permission by using legally authorized user access to the "Damumed" Medical Information System. As a result, 12 laboratory test results were downloaded, seven results were published on the Web [14]. It should be noted that the problem of keeping information confidential was repeated in the history of Damumed's work more than once. This year, amid the coronavirus, Damumed was a subject of another scandal. The Damumed users noticed fabricated appointments to doctors on their accounts, as well as false information about their relatives, in early August. The lawyer Dzhokhar Utebekov explains what consequences come after committing such a misdemeanor, particularly he says that the actions of the offender would be qualified under Article 79 of the Administrative Code of the Republic of Kazakhstan. He claims that if the collection, processing of personal data, and their entry into the system were made illegally, then the offense would be qualified under Article 79 (1), of the Administrative Code, and this would be a clinic's fault. The lawyer continues, that if the clinic entered the data correctly, but there was a piece of information about false relatives, then the mistake was made by Damumed. However, Utebekov argues that the patients will not be able to sue for the violation of their rights to privacy. Such cases are considered by an authorized body

in the field of information security - a committee within the Ministry of Development and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan, which deals with bringing those guilty to administrative responsibility [15]. However, Olzhas Satiyev, the current director of TSARKA, repeatedly has claimed in an interview that the punishment for violating the confidentiality of private information should be toughened. Satiyev notes that in Kazakhstan there has not yet been a precedent for someone to be held accountable for such a violation [16]. In 2013, the Parliament of Kazakhstan adopted the Law "On Personal Data and their Protection", which set out the rules for the collection and protection of data. Ruslan Daiyrbekov, a member of the International Association of Media Lawyers (IMLA), noted on a DigitalRights@KZ conference last year, that there is no independent competent authority for the protection of personal data rights in Kazakhstan. Although the supervisory function is performed by the Prosecutor General's Office, today there is neither law enforcement nor judicial practice around the Law "On personal data protection" of 2013. The lawyer explained the reason for this by the absence of an independent data protection body in the country. Ruslan Abdikalikov, Deputy for Information Protection of the Ministry of Digital Development, Defense, and Aerospace Industry, admitted that Kazakhstan does not have by-laws to implement mechanisms that are laid down in legislation, as well as a state body that performs the functions of a regulator [17].

The largest technological giants like Facebook and Google, having huge stores of personal information about users, are also responsible for ensuring the confidentiality of such information. The misappropriation of 87 million Facebook profiles proves that if such a large organization could not ensure the security of their data, then each of the 4.57 billion Internet users, has the risk of personal information leakage. Moreover, a company such as Cambridge Analytica may be able to create profiles for each user, with the thorough details of a person's life that even his/her family is not aware of. Such outrageous actions are not only a violation of the right to personal integrity, but it is also a new kind of political weapon. People may have no idea how social networks formulate their behavioral patterns and political views. This may seem unbelievable, but without realizing it, people may not be able to make their own decisions; instead, they begin to think and act according to the imposed patterns of behavior and thinking. In this way, the fundamental human right to freedom of thought may be violated. The propaganda of any information is not something new for us, but with the help of digital opportunities, it has become more extensive, thoughtful, and effective. Recent cases that took place in our country also demonstrate huge problems with the storage of personal data and the application of the Law "On Personal Data and their Protection". The information systems such as Damumed should provide full protection of clients' confidential information, as well as take into account the processes of receiving complaints regarding violation of the right to privacy. The state also needs to ensure the existence of a public authority that will regulate the application of the Law "On Personal Data and their Protection", to supervise, to deal with complaints, and to provide legal assistance to victims when complaining. To reduce cases of leakage of private data, it is necessary to increase the penalties for such an offense. It was in the case of Facebook and Cambridge Analytics, and in Kazakhstani law as well, where the main penalty for misappropriation of data was fine.

But what does the penalty in the form a record amount of 5 billion dollars means for a company like Facebook, which has a net annual profit of 22 billion dollars? In Kazakhstan, such a fine amount to 300 monthly estimated figures. It is proposed to tighten the punishment for cyber-crimes because the theft of personal information is a threat to the whole national security. The General Data Protection Regulation mentioned above, enshrined the status of the European standard for control over the processing and management of personal data in organizations and businesses. The GDPR is a new legal framework, valid throughout the European Union, which guarantees the protection of the personal data of citizens - regardless of where they are sent, processed, or stored - even outside the EU. The Regulation applies only to entities engaged in the collection and processing of personal data, thus, it also imposes a number of duties on them, including the obligation to take appropriate protection measures, taking into account the risk that individuals may face in processing their data, to include personal data protection issues at the core of their business activities, as well as to ensure the right of users to access information, its correction, erasure, restriction, etc. Thus, for example, the right to erasure (Art.17 of GDPR) allows people to withdraw or erase their personal information stored in the controller in an accelerated manner [18]. The purpose of the regulation is to enable EU citizens to control their data and to change the way organizations around the world approach data privacy. It is interesting that organizations from other countries whose work involves processing personal information, whether it is Kazakhstan or another country, working with European consumers, will have to carry out such activities in accordance with the requirements of the GDPR.

The significance of the GDPR in regulating private data protection has been already stressed but how does it affect international legislation? The GDPR has certain limitations as the extending of its provisions applies to the EU and the UK citizens only, despite this, it also does not take into consideration the fundamental civil, political rights, nor economic or social rights. That is why possible solutions for the issues regarding international protection of data rights should be emanated from the international human rights law. Watt addresses the additional protocol to Article 17 of the ICCPR concerning privacy protection from interfering, thus replacing General Comment No.16 of 1988. She says that adjustments should be made for the modernization of the definition and essence of privacy because today's world is not the same as it was in 1966 or 1988. Watt underscores that The Special Rapporteur on Privacy, Joseph Cannataki has already conducted the opening for negotiations regarding the creation of the new Additional Protocol to Article 17 of ICCPR in 2016, and it can be considered as a starting point. Watt continues the idea of making the notion of the "right to privacy" more relevant in contemporary times. Generally speaking, the author suggests expanding the meaning of privacy to such an extent that it will encompass freedom of expression and access to information, as well as the right to self-determination and dignity in order to formulate the precise concept of privacy [19]. She also claims that Article 2(1) of the ICCPR, which states that "each State Party to the present Covenant undertakes to respect and to ensure to all individuals within its territory and subject to its jurisdiction the rights recognized in the present Covenant", is controversial. Watt particularly says that "territorial" specification does not clearly

define whether a resident living abroad is protected by his/her country according to the ICCPR, or not. That is why she comments that the decision of the main Human Rights bodies and courts such as the International Court of Justice (ICJ), the UN HRC (Human Rights Council), and the Inter-American Commission on Human Rights (IACHR) to accept the fact that in some circumstances the State may fulfill their obligations to protect human rights extraterritorially. Thus, the HRC has held that: A State Party must respect and ensure the rights laid down in the International Covenant on Civil and Political Rights to anyone within the power, or effective control of that State Party, even if not situated within the territory of the State Party [20]. For us it means that the States are responsible to provide integrity of human rights, including right to privacy wherever their nationals are.

References:

1. *Clement, J.* Worldwide digital population as of July 2020 [Electronic resource]. – 2020. – URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/#:~:text=Almost%204.57%20billion%20people%20were,percent%20of%20the%20global%20population.> (accessed: 8.09.2020)
2. *UN General Assembly.* Universal Declaration of Human Rights, 10 December 1948, 217 A (III), available at: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b3712c.html> (accessed: 14 September 2020)
3. *Osborn, H.* What is Cambridge Analytica? The firm at the centre of Facebook's data breach// The Guardian [Electronic newspaper]. – 2018. - URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/18/what-is-cambridge-analytica-firm-at-centre-of-facebook-data-breach> (accessed: 8.09.2020)
4. *Cadwalladr, C.* ‘I made Steve Bannon’s psychological warfare tool’: meet the data war whistleblower// The Guardian [Electronic newspaper]. – 2018. – URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/data-war-whistleblower-christopher-wylie-faceook-nix-bannon-trump> (accessed: 9.09.2020)
5. *Rosenberg, M., Confessore, N., Cadwalladr, C.* How Trump Consultants Exploited the Facebook Data of Millions// The New York Times [Electronic newspaper]. - 2018. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/17/us/politics/cambridge-analytica-trump-campaign.html?auth=login-google> (accessed: 9.09.2020)
6. *Information Commissioner's Office.* Facebook Ireland Ltd [Electronic resource]. 2018. – URL: <https://ico.org.uk/media/action-weve-taken/mpns/2260051/r-facebook-mpn-20181024.pdf> (accessed: 9.09.2020)
7. *Federal Trade Commission.* FTC Imposes \$5 Billion Penalty and Sweeping New Privacy Restrictions on Facebook [Electronic resource]. – 2019. – URL: <https://www.ftc.gov/news-events/press-releases/2019/07/ftc-imposes-5-billion-penalty-sweeping-new-privacy-restrictions> (accessed: 9.09.2020)
8. The Right to Privacy in the Digital Age, G.A. Res. 68/167, U.N. Doc. A/RES/68/167 (Dec. 18, 2014), available at http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/167.

9. *UN General Assembly*, International Covenant on Civil and Political Rights, 16 December 1966, United Nations, Treaty Series, vol. 999, p. 171, available at: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b3aa0.html> (accessed 15 September 2020)

10. *McGregor, L.* Cambridge Analytica is more than a data breach – it's a human rights problem// *The Conversation* [Electronic resource]. – 2018. – URL: <https://theconversation.com/cambridge-analytica-is-more-than-a-data-breach-its-a-human-rights-problem-96601> (accessed: 10.09.2020)

11. *Forbes.kz*. TSARKA announced the leak of personal data of 11 million Kazakhstanis [TSARKA zayavil ob utechke personal'nykh dannykh 11 mln kazakhstantsev] [Electronic journal]. – 2019. – URL: https://forbes.kz/process/internet/tsarka_zayavil_ob_utechke_personalnyih_dannyih_11 mln_kazahstantsev/ (accessed: 10.09.2020)

12. *The Center for Analysis and Investigation of Cyberr-attack*. About us [Electronic resource]. – 2015. – URL: <https://www.cybersec.kz/en/about-us> (accessed: 10.09.2020)

13. *Dyusengulova, R.* Data leakage of 11 million Kazakhstanis: the CEC responded to the accusations [Utechka dannykh 11 millionov kazakhstantsev: v TSIK otvetili na obvineniya]// *TengriNews* [Electronic resource]. – 2019. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/utechka-dannyih-11-millionov-kazahstantsev-tsik-otvetili-376112/ (accessed: 11.09.2020)

14. *Sputnik Kazakhstan*. Details of patient data leak in Kazakhstan came to light [Stali izvestny podrobnosti utechki dannykh patsiyentov v Kazakhstane] [Electronic resource]. – 2019. – URL: <https://ru.sputniknews.kz/society/20190709/10880250/podrobnosti-utechka-dannye-patsient-damumed.html> (accessed: 11.09.2020)

15. *Profit.kz*. Personal data leak detected at Damumed [Obnaruzhena utechka personal'nykh dannykh v Damumed] [Electronic resource]. – 2020. – URL: <https://profit.kz/news/58639/Obnaruzhena-utechka-personalnih-dannih-v-Damumed/> (accessed: 11.09.2020)

16. *Sputnik Kazakhstan*. Satiev: no one is responsible for the leak of personal data [Satiyev: za utechku personal'nykh dannykh nikto ne neset otvetstvennost'] [Electronic resource]. – 2019. – URL: <https://ru.sputniknews.kz/radio/20190128/9055175/satiev-utechka-dannye-otvetstvennost.html> (accessed: 12.09.2020)

17. *Kainazarova, A.* Personal data protection in Kazakhstan: inoperative law and cautious movement towards GDPR [Zashchita personal'nykh dannykh v Kazakhstane: nerabotayushchiy zakon i ostorozhnoye dvizheniye k GDPR] [Electronic resource]. – 2019. – URL: <https://www.soros.kz/ru/personal-data-protection-in-kz/> (accessed: 12.09.2020)

18. EU General Data Protection Regulation (GDPR): Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), OJ 2016 L 119/1.

19. *Watt, E.* The Role of International Human Rights Law in the Protection of Online Privacy in the Age of Surveillance. [Electronic resource]. – 2017. – URL:

<https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-06-The-Role-of-International-Human-Rights-Law-in-the-Protection-of-Online-Privacy-in-the-Age-of-Surveillance.pdf> (accessed: 14.09.2020) – 9th International Conference on Cyber Conflict

20. UNHRC ‘General Comment No. 31. The Nature of the General Obligations Imposed on State Parties to the Covenant’ (2004) UN Doc CCPR/C/21/Rev.1/Add1326 May 2004, para 10.

MPHTI 10.87.79

Mukhametzhan N.Zh.

*Department of International law of L.N. Gumilyov Eurasian National University
Nur-Sultan, Kazakhstan
(E-mail: Nurzhanych14@gmail.com)*

LAW AND CRYPTOCURRENCY

Annotation: Subject. The most significant changes in the economy and Finance that have become prerequisites for the emergence of cryptocurrencies. Currently, cryptocurrencies are taking legal form in various countries. They take their place in financial systems and there are objective prerequisites for this. Changes in production and consumption, as well as financial and political changes, create the need for an intermediary for renewed turnover. Goals. Identify options for the General approach of the legislator to the regulation of cryptocurrencies.

Keywords: cryptocurrency, money, law, money turnover, virtual money.

Scientific and technological progress has seriously accelerated changes in social life. What once took centuries is now happening in decades. At the beginning of the XX century, scientific and technological progress changes our understanding of the financial economy [1] and one of the oldest social phenomena — money. Let's think about the legal assessment of the future of cryptocurrencies.

Just note the Convention of the name "money" for cryptocurrencies. The analytical materials note that cryptocurrencies (in particular, bitcoin) do not meet the requirements usually imposed on money, that is, they cannot perform all their functions [2, 3], as well as they are not yet legal tender [4]. Perhaps they should be considered as a new generation of money, where a number of traditional functions disappear and new ones appear (for example, security and payment-when using smart contracts). Having made this reasonable reservation about the controversial ratio of cryptocurrencies and money, we will use, however, the already established terminology.

Fiat (as they say in the public domain from from the Latin. fiat-decree, instruction, "so be it") or fiduciary (from the Latin fiducia — trust) money refers to all traditional money issued and authorized by States, as well as depending on trust in the state and the monetary system.

Cryptocurrencies are the antithesis of Fiat money, respectively, funds (money) that are not authorized and do not require trust in either the state or the monetary system. From a technical point of view, a cryptocurrency is a record of transactions in the form of a register distributed among network participants — without a single Issuer or settlement center. The registry is implemented using blockchain distributed database technology. The essence of cryptocurrency is information, although cryptocurrency units are conditional and do not correspond to a unit of information in the physical sense (bitcoin is not a bit of information).

Do cryptocurrencies have clear objective prerequisites and what has happened in the economy and Finance to encourage turnover participants to look for new opportunities?

As the first and most objective reason, we can name the change in the economy under the influence of scientific and technological progress: production and consumption have changed.

A vivid and shocking illustration is an example from the sphere of food consumption. Recently created a prototype of a computer taste stimulator. Using two electrodes that stimulate the taste buds, the taste is created. Will there still be a need for restaurants and gastronomy in a few years, or will it turn into a need for electrodes, and therefore a means of payment for "connecting to the cake"? What will relate to luxury items [5], and what will relate to basic necessities?

Production is changing dramatically, followed by trade. Dutch analysts published the report "SD printing: a threat to global trade" 2, in which they predicted the disappearance of a quarter of trade flows by 2060. Instead of transporting the produced product, the instructions for the printer are transmitted by means of communication and the desired product is created in the desired location using SD printing. So far, the forecast is evaluated skeptically, but objectively, the technology is developing rapidly, and 3D printing already allows you to create products from metals and other materials. 3 In other words, the market for information is growing and becoming more important than the market for tangible goods. Turnover accelerates — information is transmitted incomparably faster than goods are transported. The speed of information turnover requires new rates and quality of payments. Fiat money, even with the accompanying tools for transmitting information about them (swift, etc.), does not meet the needs of the time.

It is logical to look for a universal unit of information in the world of information that would become an intermediary in accelerated circulation and would correspond to its parameters and rates. Just as once, out of all goods, the one that was favourably accepted by all merchants was chosen, which began to perform the role of an intermediary commodity in circulation and which was perceived by all as a common equivalent, commodity money and commodity — money circulation appeared [3], now, in the world of information, the unit that will be accepted by all is chosen.

For a long time, the community that accepts cryptocurrencies was very small — and it is still limited. Cryptocurrencies are widely used in the scientific and inventive community. The pressure of commercial interests over science and invention, the globalization of mass production, and the closing of sales markets lead to the separation of what is produced from the needs of the consumer. Now manufacturers of-

ten work not on the quality of products, but on their "planned obsolescence" (planned breakdowns, parts that cannot be repaired, and so on) in order to stimulate demand. If you look at projects of financing using cryptocurrencies and based on blockchain technology (ICO projects), it is often an analog of venture financing, but without financial intermediaries that impose commercial interest on the inventor, researcher, or manufacturer. Projects based on cryptocurrencies are often a vote of the cryptocurrency consumer for alternative research. For Fiat money, you can buy something that is allowed on the market and is recognized as recommended, safe, certified by the state, etc. Consumption is resisting this, and cryptocurrencies are opening up new opportunities.

Finance and agile at the same time, and lazy. Major changes in the financial sphere occur only in response to a significant "stimulus" or objective changes in politics, Economics, or social life.

Compensation loans (back-to-back loans) were initially the result of strict currency regulation and control in the UK. A number of other financial instruments have grown out of compensation loans. The appearance of Eurodollars (deposits denominated in US dollars, but in European and other non-American banks) is associated with several reasons, including the freezing of assets of oil exporting countries in the United States in the 70s of the XX century. Such actions also frightened other States, which began to transfer large funds in US dollars to European banks. The appearance of Eurodollars also stimulated the development of several financial instruments.

In other words, when the financial system is put in too tight a framework, you can expect a breakthrough in financial technology. Then we see an avalanche of financial instruments that the regulator already has to put up with and offer reasonable regulation. This effect of "self — destruction" of excessively strict rules, regulatory systems, or taxes is, in our opinion, a characteristic feature of Finance and financial law.

It is also possible to imagine that cryptocurrencies are caused by political phenomena and a number of features of regulating the turnover of Fiat money.

Political changes in the world over the past few decades have had dramatic consequences for Finance. Political processes have led to a significant increase in the number of States — from 1990 to 2000, more than 30 new countries joined the UN, and the process has not stopped. Today, there are six unrecognized States, territories with special statuses, countries with several governments, etc. Not only the new state issues new money, but also the new government. The number of currencies is not equal to the number of states⁴ [6, 7]. In some cases, legal sovereignty does not mean real sovereignty.

Globalization has made it possible to exert pressure on the adoption of sovereign financial decisions on tax [8], credit, and budget systems. The concepts of "unfair competition of States", "black lists of States", and "insolvency of States" appeared.

All this is reflected in the confidence in currencies. The Foundation of Fiat money is a sovereign who will say "so be it", and this Foundation has been shaken. Even where there is no doubt about the Issuer's sovereignty, the content of sovereign-

ty has changed. Fiat money is losing its universality not only in international circulation, but also within a single state.

For the first time in 1988, there was an obligation to counteract the legalization of proceeds from crime - in the UN Convention against illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances 5 [9]. In 1999, the UN international Convention for the suppression of the financing of terrorism (New York, December 9, 1999) was signed, followed by several other international and regional documents. The chosen algorithm for implementing counteraction to money laundering involves the active involvement of banks in identifying suspicious transactions and blocking accounts.

Credit organizations took an active part here. Two decades after the introduction of anti-money laundering regulations, purchases of condoms, cheap airline tickets, and simultaneous payments at nearby expensive restaurants and cheap cafes were suspected. The universality of Fiat money has been questioned. In practice, the financial sovereignty of States has partially passed into the hands of financial institutions.

Add to this the unreliability of financial institutions themselves [10, 11] as intermediaries in the circulation of Fiat money, which is aggravated by the legislative transfer of responsibility to depositors and creditors.

Confidence in Fiat money was seriously damaged during the 2008 crisis, when financial practices included measures to save banks at the expense of their depositors. In particular, the introduction of the bail-in mechanism into financial practice — a restructuring mechanism in which the losses of a Bank that is undergoing financial recovery are covered by its shareholders and creditors [12, 13].

These objective and relatively objective changes in politics and the economy stimulated the search for new financial instruments.

At least two factors are driving the development of cryptocurrencies. First, the functioning of the system is based on the lack of trust between network participants, including the absence of the need to trust an intermediary in the form of a state, Bank, etc. Secondly, the pace and cheapening of international transactions, as well as the absence of political, country risks and Herstatt risk (the risk of bankruptcy of one of the banks in the settlement chain [14]), as well as other risks inherent in Fiat money.

Cryptocurrencies, even if they are private, local, or even outside the legal field, meet the modernity.

There is the following paradox. During the French revolution, local money, as well as fakes, spread. The government took all possible measures, but it was not so easy to deal with local money, money surrogates and fakes. From the theory and history of money circulation, it is known that when money changes hands quickly, participants in the turnover, in fact, do not care whether the money is completely legal or counterfeit. Due to rising prices and difficulties in delivering genuine banknotes, fakes took their place and were converted. The problem of lack of small change and delays in the issuance of small Bank notes have spontaneously decided in the municipalities. Local money was given big names: "tickets of trust", "bonds of Patriotic mutual assistance" [15].

If we draw Parallels with the current situation with payments, credit organizations technically take a long time to conduct operations by the standards of Internet users. Settlements through credit institutions involve risks, are expensive, and are fur-

ther hindered by various regulations: currency, regulation against the legalization of criminal money, etc. In the context of accelerating turnover in the Internet space, which means speeding up payments, the full legality of the cryptocurrency is no longer so important to the participants of the turnover, as experience from the distant past shows us.

Despite the fact that financial law is closest to stubborn figures, we see many rules in this industry that are dictated by politics and the current positive or negative attitude to the phenomenon (benefits, the concept of " excisable goods [16], protected budget items, permitted assets, etc.). the Formation of legal regulation is often subject to biased criteria. Therefore, financial and legal regulation begins with the attitude of the legislator to the regulated phenomenon.

Based on the above, it seems that cryptocurrencies have spread for objective reasons, which it would be short-sighted to ignore. The negative attitude of the legislator with excessively strict or punitive regulation of cryptocurrencies is likely to fail. Legal regulation that restricts the flow of cryptocurrencies and Fiat money will only reduce the need for Fiat money. The so-called ecosystems — small segments of circulation that do not involve the exchange of cryptocurrencies for Fiat money — will gradually adapt to isolation and develop Fiat-free circulation in the information space.

A progressive approach to the legal regulation of cryptocurrencies implies a positive attitude to the new phenomenon and norms aimed at increasing the attractiveness of Fiat money with adequate conditions for the flow of cryptocurrencies and Fiat money. It is also necessary to have a neutral and positive attitude of the legislator to the development of cryptocurrency market institutions.

The neutral approach is consistent with the wait-and-see approach adopted by many States. As we have already said, the community of those who use cryptocurrencies is not numerous. Hence, it is possible to "point" legal regulation with the most neutral approach to the phenomenon. Such regulation should perform only two tasks. The first is to protect the community that uses cryptocurrencies at its own risk from the legal vacuum and arbitrariness of the law enforcement officer. The second is to protect only certain most important interests (it is logical, for example, to prohibit investing budget funds in cryptocurrencies). In this way, the potential benefits of developing financial innovations will not be missed, while at the same time preventing potential adverse consequences for the financial system.

References:

1. *Povetkina N.A. Khazova E.V.* [Integrated information systems of management of public finance in provision of transparency of budget system of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 9, pp. 11-17. URL: <https://doi.org/10.12737/5496>

2. *Yermak D.* Is a Bitcoin a Real Currency? An Economic Appraisal. NBER Working Papers Series. Cambridge, 2013. URL: <http://www.nber.org/papers/w19747.pdf>

3. *Kucherov I.I.* Zakonnye platezhnye sredstva: teoretiko-pravovoe issledovanie: monografiya [Statutory means of payment: a theoretical and legal research: a monograph]. Moscow, ILCL Publ., 2016, 392 p.

4. *Kucherov I.I.* [Essence, functions and legal forms of funds]. Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law, 2016, no. 9, pp. 66-78. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.12737/21222>

5. *Kudryashova E.V.* [Application of tax code rules on the actual ability to pay tax]. Finansy = Finance, 2003, no. 10, pp. 29-31. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/119638>

6. *Povetkina N.A.* [Problems of legal qualifications of foreign exchange reserves of the Russian Federation and their role in ensuring the financial stability of the State]. Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and Economics, 2016, no. 2, pp. 28-37.

7. *Tyutina Yu.V.* [On the issue of the role of monetary law in the system of Russian law and legislation]. Finansovoe pravo = Financial Law, 2008, no. 1, pp. 11-16. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/21247-voprosu-meste-valyutnogo-prava-sisteme-rossijskogo-prava>

8. *Kudryashova E.V.* [Jurisdiction (sovereignty) of States and the tax immunity in the field of indirect taxation]. Finansovoe pravo = Financial Law, 2005, no. 10, pp. 35-43. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/4539-yurisdikciya-suverenitet-gosudarstv-nalogovyy-immunitet-oblasti-kosvenno>

9. *Shashkova A.V.* [The Conception of Money-Laundering]. Vestnik MGIMO-University, 2011, no. 3, pp. 272-274. URL: <https://cyberleninka.ru/article/nXzarozhdenie-ponyatiya-legalizatsiya-otmyvanie-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem>

10. *Kudryashova E.V.* [Legal aspects of State presence in the field of bankruptcy of credit institutions]. Bankovskoe pravo = Banking Law, 2005, no. 5, pp. 45-47.

11. *Shokhin S.O.* [Trends in the evolution of legal regulation of public and private finance: a crisis trend]. Finansovoe pravo = Financial Law, 2016, no. 5, pp. 21-24. URL: https://mgimo.ru/library/publications/tendentsii_izmeneniya_pravovogo_regulirovaniya_pu_blichnykh_i_chastnykh_finansov_krizisnyy_trend/

12. *Guznov A.G., Rozhdestvenskaya T.E.* Organizatsii finansovogo rynka i finansovo-pravovye mekhanizmy uregulirovaniya ikh nesostoyatel'nosti: monografiya [Financial market organizations and financial and legal mechanisms for resolving their insolvency: a monograph]. Moscow, NORMA, INFRA-M Publ., 2016, 301 p.

13. *Povetkina N.A.* [Legal means to ensure the financial stability of the Russian Federation]. Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law, 2014, no. 6, pp. 31-36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n7pravovye-sredstva-obespecheniya-finansovoy-ustoychivosti-rossiyskoy-federatsii>

14. *Kudryashova E., Golubkov M.* [Problems of return of assets of the credit organization in the process of bankruptcy: special reasons for the invalidity of transactions]. Khozyaistvo i pravo = Economy and Law, 2007, no. 5, pp. 68-72.

15. *Anikin A.* Istoriya finansovykh potryaseni: rossiiskii krizis v svete mirovogo opyta [The history of financial turmoil. The Russian crisis in the light of world experience]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2009, 440 p.

16. *Kudryashova E.V.* [Excise duties: some theory]. *Nalogi-zhurnal = Taxes (Journal)*, 2014, no. 6, pp. 40-44. URL: <http://xn—7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/572>

MPHTI 10.53.22

Narzullaev O.Kh.

*Tashkent State University of Law, department of Environmental law
Tashkent, Uzbekistan*

(E-mail: Alimnarzullayev@yahoo.com)

BIOLOGICAL RESOURCES - COVID-19. LEGAL SUPPORT OF BIOLOGICAL RESOURCES FOR SCIENTIFIC PURPOSES AND BIOLOGICAL SAFETY

Abstract. This article provides suggestions and comments on the development of new legislation based on new definitions, improvement of normative legal acts and their analysis related to the use of biological resources for scientific purposes and ensuring biological safety. It also analyzes the most important issues that contribute to the further development of the theory of environmental law in the field of protection and use of biological resources. On issues related to the use and protection of biological resources, analytical information on the establishment and effective functioning of scientific institutions, their legal status, biological threats and biological safety will be provided. It is argued that biological security is an important branch of national security.

Keywords: biological resources, flora and fauna, genetic engineering, biosafety, COVID-19 pandemic.

Environmental protection, rational use of biological resources and ensuring environmental safety are important social and legal issues. The Red Data Book of the International Union for Conservation of Nature includes 73 species and subspecies of animals. Their future is a global concern. According to the Global Environment Facility, “biodiversity is declining, including the extinction of rare genes, species and ecosystems as a threat. If the current rate of biodiversity loss is maintained, half of the species on the planet will become extinct in less than 100 years as a result of human efforts to degrade, pollute and change natural habitats” [1]. In this regard, as a means of providing a scientific basis and mechanisms for the protection and rational use of biological resources, it is important to conduct analytical thinking on this topic.

Insufficient implementation of environmental protection and rational use of natural resources, ensuring environmental sustainability, biological resources, biotechnology, genetic engineering, state cadaster and monitoring of biodiversity, insufficient funding and assessment mechanisms in the field of biodiversity conservation,

special attention is paid to finding scientific solutions to problems related to national legislation and law enforcement practice.

Particular attention is paid in the Republic of Uzbekistan to ensuring the protection and rational use of biological resources, strengthening their legal framework, introducing effective mechanisms of the institute, raising their awareness of biodiversity and their active involvement in solving environmental problems as well targeted measures are being taken.

It is expedient to analyze the legal categories and concepts, relationships related to the use of biological resources for scientific purposes and the legal provision of biological safety, ie in the normative legal documents and legal literature related to biological resources. Biological resources are a set of "natural plants, including forests, wildlife and other living organisms" [2]. We assume that biological resources are "genetic resources" [3], "organisms" [4] and their parts, "ecosystems" [5] that are valuable or potentially useful to humanity.

In the field of ecological law, the issues of legal protection and rational use of biological resources, genes and species and organisms that are potentially useful for humanity are studied in a special order.

It should be noted that there are different approaches to the emergence of the term "biodiversity" in the context of the topic [6]. Brayan Dj. According to Norton, biodiversity is a concept developed to develop the normative science of nature conservation [7]. According to some scholars, the term was first used by G. Bates in 1892. [8] According to another group of scientists [9], the term "biodiversity" was first used by W. Rosen in 1968 at the national conference "US Strategy for Biodiversity Relations." Biodiversity "Bio" means life, living, living, "diversity", diversity, diversity, change [10].

The American scientist, an expert in evolutionary ecology and biodiversity conservation, is recognized by Daniel Yanzen, a professor at the University of Pennsylvania, as "a biodiversity gene, a population, a whole set of species, and a cluster of manifestations" [11].

Professor Peter Broussard recognizes the predominance of inventory-type deficits and describes them as 'standard'. Biodiversity deficits state that "these species diversity, diversity of communities and habitats, species combine, and genetic diversity within species" [12].

Ecology studies issues related to biotic and abiotic factors. The term 'bio-' translates the word as 'life', the suffix '-ic' as 'like' and the word as 'quality'. We can therefore understand that biotic describes living factors. Minerals, metals, rocks, subsoil and other resources "non-living" objects "gifted" by nature are abiotic factors [13].

According to UN Coordinator in Uzbekistan Stefan Priesner, biodiversity refers to the diversity of life on Earth - plants, animals, microorganisms and ecosystems that form the basis of their organisms [14].

Biodiversity refers to the abundance and diversity of species and living things, plants and ecosystems that exist in nature. Biodiversity is considered at three levels: genetic diversity, species diversity, and ecosystem diversity. diversity Genetic diversity reflects the genetic information accumulated in the living matter of a land or a

particular region. Species diversity reflects the number of species distributed in a particular area and the frequency of occurrence.

Biodiversity is also called diversity. In view of this, it was ratified by the Resolution of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan No. 82-I of May 6, 1995 "On accession of the Republic of Uzbekistan to the Convention on Biological Diversity signed in Rio de Janeiro in 1992" [15]. In this regard, the concept of "biological diversity" in the Uzbek part of this decision is incorrectly translated. The techniques and concepts used in legal legislation and legislation should be applied in the same way. To date, the normative and legal documents in the field of protection and rational, efficient use of all biological resources adopted on 10.02.2020 are correctly used as "Biological Diversity".

In the process of studying this topic, such methods as historical, system-structural, comparative-legal, logical, clear sociological, complex study of scientific sources, induction and deduction, analysis of statistical data were used.

Biological resources are the most important resource for human life, they are organic raw materials for the production of food, fuel and various products. Biological resources are part of the raw materials of a large bio-industrial complex within the production system, which includes agro-industrial, forestry, fisheries and other complexes. Each of them is related to the use of one or another type of biological resources. Biological resources are a key element of bio ecological infrastructure within natural and social systems. They play an important role in nature protection and public health.

The total biodiversity of the Republic of Uzbekistan is more than 27,000 species. Flora (higher plants, fungi, algae) - more than 11 thousand species, including more than 2000 species of fungi. The fauna includes more than 15,000 species, including 11,000 species of arthropods and 4,000 species of mollusks and bacteria.

Use of biological resources for scientific purposes in the Law of the Republic of Uzbekistan dated April 16, 2018 "On Forests" (new edition), the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 21, 2016 "On protection and use of flora" (new edition), 2016 The Law of the Republic of Uzbekistan "On Protection and Use of Wildlife" of September 19 (new edition), the Law of the Republic of Uzbekistan "On Veterinary Medicine", creating a favorable environment for further development of cultivation and processing of medicinal plants, increasing the export potential of the industry. In accordance with the requirements of the Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated April 10, 2020 No PQ-470 "On measures for the protection, cultivation, processing and rational use of available resources of medicinal plants growing in the wild" for the integration of science and production processes [16] that is, medicinal and edible plants Quotas for the accumulation of wild species [17] and technical raw materials of wild plants are approved annually by the State Committee for Ecology and Environmental Protection in agreement with the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan and are implemented in accordance with this procedure [18].

The powers and duties and functions, rights and obligations of scientific institutions in the use of biological resources for scientific purposes should be specified in the above-mentioned special law (laws in the field of plants, animals, forests). This is

because these laws [19] have norms that are used on a scientific basis, as a type of use of biological resources. However, no attention has been paid to the norms that determine the legal status of scientific institutions that develop these norms. It should be noted that the use of biological resources for research purposes is formed on the basis of the opinion of biologists of research organizations and educational institutions on the state of biological resources.

Thus, the use of wildlife for scientific purposes - the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan will ensure the proper use of science on a scientific basis, and in this regard will coordinate activities in cooperation with the State Committee for Ecology and Environmental Protection.

Scientific institutions have a special place in the study of the scientific basis of biological resources, ie in the definition of biological norms, the requirements for the rational use and protection of biological resources, biological resources, genetics, microbiology, plant chemistry. In recent years, the protection and rational use of biological resources in the institutes of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, the study of these objects has reached a new level. In particular, the Institute of Plant Chemistry named after academician S.Yu. Yunusov, the Institute of Bioorganic Chemistry named after O. Sodiqov, the Institute of Genetics and Experimental Biology of Plants, the Center for Genomics and Bioinformatics, the Institute of Microbiology, the Institute of Plant and Animal Gene Pool, the Institute of Zoology, Immunology and Human Institute of Genomics and others. Separate areas for scientific use have been established [20].

In this regard, it should be noted that it is difficult to imagine the scale of products and services created by biological resources-biotechnologies, which are created on the basis of scientific achievements. "Humans use about 7,000 plants for food, 90 percent of the world's food is made up of 20 species, of which 3 species (wheat, corn, rice) cover half of the world's food needs. Biological resources are also an important source of raw materials for industry and medicine [21].

The following issues should be highlighted in ensuring the quality and safety of food products in the use of biological resources. Including: human activities related to production and consumption, on the one hand, the increase in demand for natural resources, on the other hand, it has led to a deterioration of the environment; international expert studies on food security show that the complex situation in the world and in some parts of the world is a matter of shows serious anxiety and worry [22].

In particular, food production, which is driven by population growth, is lagging behind demand growth. The 21st century began with witnessing a further rise in human intelligence. Mankind has become accustomed to accepting new achievements and successes in science and technology as the norm [23].

International population growth requires meeting the demand for natural resources and agricultural products, ensuring the rational use of natural resources, achieving development through the introduction of innovative technologies and the formation of a regulatory framework for sustainable development.

In this regard, the development of the field of genetics at the international level and the implementation of the issues of environmental protection and rational use of natural resources, environmental safety of the population as a result of genetic engi-

neering have a positive impact on the development of ecology and agriculture. These are seen as key factors in achieving the goals.

The achievements of genetic engineering are highly valued by the world community. In addition, genetic engineering and its achievements will be the main and primary factor in solving almost all the problems facing humanity in the future, which are becoming more and more difficult to solve, such as hunger, dehydration, pollution of the natural environment, man and his existence, we can say without hesitation [24]. Genetic engineering research is achieving high results, especially in solving the food problem and increasing the crop yields that are closely related to this problem. After all, most of the various agricultural products that fill our markets today are derived from varieties and breeds created on the basis of the achievements of genetic engineering. Today, it is not surprising that there are apples and potatoes that are not eaten by various insects (e.g., worms), and tomatoes, cucumbers, and similar melons that can die from rodents but only benefit if consumed by humans. In recent years, many developed countries have been using the achievements of genetic engineering to meet the demand for agricultural products.

Genetic engineering expands human knowledge and acquires new aspects in understanding the laws of nature, solving current problems of ecology and medicine, coordinating and harmonizing various fields of industry and agriculture, finding solutions to many environmental and social problems [25]. Scientific research in the field of genetic engineering plays a key role in the development of various vaccines that prevent any disease [26], drugs that quickly cure diseases, and the emergence of new foods. This requires environmental safety and not violating the laws of nature. U.S. scientists have cloned a drought-resistant variety of rice by modifying the DNA code in the rice kernel, according to media reports [27].

Individuals conducting such research cannot always guarantee that experiments and practices carried out to achieve a particular new result can have both positive and negative consequences. In particular, it is difficult to predict what dangers to humans in the future will be caused by mutations in plant and animal genes that are not in the same category. In this regard, it is important to organize the rational use of natural resources for scientific purposes and to provide a legal mechanism for this issue. In the literature, the intellectual and creative activity of man is carried out in all areas related to living nature, such as medicine, biology, zoology, selection, genetics, physiology, all objects of living being [28]. It has been noted that whatever is a living being, it may be the object of genetic engineering research.

Most CIS countries have adopted legislation regulating this area. For example, the Russian Federation has adopted the Law "On State Regulation of Activities in the Field of Genetic Engineering" [29]. Switzerland, New Zealand, Ukraine, Moldova, Armenia, Belarus have created a legal framework in the field of genetic engineering for the protection of the environment and the rational use of wildlife and environmental security.

There is a need to adopt the Law of the Republic of Uzbekistan "On Genetic Engineering". In our opinion, the proposed law includes the legal concept of genetic engineering, state regulation of genetic engineering, protection and rational use of natural resources, ensuring environmental safety of the population, the boundaries of

environmental and ecological safety in the implementation of these activities. and norms, measures to protect the results of genetic engineering.

Innovative ideas and projects, which are an important tool of social development, serve to expand the range of goods produced, reduce production costs, the introduction of environmentally friendly technologies. The Law of the Republic of Uzbekistan "On Food Quality and Safety" [30] should be amended and supplemented, taking into account the reforms carried out over the past period, advances in science and technology, the achievements of foreign countries in the field of legislation. The current version of the law, Article 1, states that "the requirements of this law also apply to perfumes, cosmetics and tobacco products." At this point, as a suggestion, remove the norm in the second part of this article. In our opinion, perfumes, cosmetics and tobacco products are another subject of legislation. That is, it is included in the scope of relations regulated by the Law of the Republic of Uzbekistan dated August 26, 2015 "On sanitary and epidemiological well-being of the population" [31]. Relations related to "tobacco products" are also regulated by the Law of the Republic of Uzbekistan dated October 5, 2011 "On Restriction of Distribution and Consumption of Alcohol and Tobacco Products" [32].

It is also necessary to ban genetically modified products in baby food. It is necessary to make changes and additions to the Law of the Republic of Uzbekistan "On quality and safety of food products". For example, Article 2 of this Law is entitled Basic Concepts, which should include the concept of genetically modified organisms (GMOs). In particular, genetically modified organisms are genotypes that have been modified using artificial genetic engineering techniques, ie living organisms.

It should be noted that the protection of agricultural plants from pests, diseases and weeds, issues related to foreign "invasive species" [33] are regulated by a separate area of law, legislation. Invasive alien species are indeed considered 'laborers of conservation biology' and are widely recognized as a threat to 'endemic biodiversity, both on land and at sea, and for agricultural and food security'. In this regard, the Law of the Republic of Uzbekistan dated August 31, 2000 N 16-II "On protection of agricultural plants from pests, diseases and weeds" contains provisions on the prevention of invasion of foreign invasive species and protection against foreign invasive species, Ministry of Agriculture of the Republic of Uzbekistan, Ministry of Water Resources of the Republic of Uzbekistan, State Committee of Forestry of the Republic of Uzbekistan, powers of these bodies in the field of state phytosanitary control, powers of local authorities in the field of plant protection, participation of the Academy of Sciences in plant protection, citizens norms related to the participation of self-governing bodies, non-governmental non-profit organizations and citizens in ensuring the use of pest, disease and weed protection should be reflected.

Biological security is an important branch of national security. The development of new biotechnologies using biological resources will allow the development of highly profitable industries in the economies of many countries around the world. The Cartagena Protocol on Biological Safety of the Convention on Biological Diversity on Plant Genetic Resources for Food and Agriculture, which sets out international obligations to ensure access to national genetic resources and biotechnologies, is of great importance. In this regard, the conservation and sustainable use of biodiversity

in our country is one of the priorities of environmental policy. This is due to the fact that natural ecosystems and their use, ie livestock, irrigated agriculture, forestry, fisheries, recreation, tourism, etc., are directly related to biodiversity. The Cartagena Protocol on Biosafety is an international agreement on the procedure for measures for the safe movement, processing and use of modern biotechnology products across the state border [34]. "To date, 171 of the 198 UN member states and the European Union have acceded to this Protocol as an international organization" [35].

Adoption of the Protocol is an important step for the international regulation of the use of genetically modified organisms (GMOs) and their by-products, taking into account the tasks of environmental protection. At the same time, it allows minimizing potential risks to the environment and human health. Therefore, it should be noted that the use of modern biotechnology products helps to eliminate potential risks and expand the export range of local products [36]

It should be noted that the development of biotechnology has significantly changed traditional breeding, during which the genotype of plant and animal breeds changes directly under artificial conditions. Biotechnology allows you to interfere with the genetic apparatus and purposefully modify living organisms, choosing the best from among the artificially created genotypes. Moreover, biotechnology has indeed revealed and demonstrated the special importance of genetic resources, which are a public treasure. Therefore, the state must ensure the conservation of national genetic resources, including cultural biological resources.

It is necessary to develop and adopt a national program of national cultural biological resources that will ensure the collection, processing, storage and use of scientific advances in biotechnology, the rapid development of the global bioindustry market using cultural biological resources, as well as international and national legislation.

In this regard, it is stated in paragraph 11 of the "Road Map" for the implementation of the concept of environmental protection until 2030, approved by the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated October 30, 2019 No PF-5863. A draft law "On Biosafety" will be developed. This is stated in the draft program for the development of draft laws in 2020 and their submission to the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan. The draft law provides for: defining the powers of government agencies in the field of biological safety; strengthening biosafety; control over the import and distribution of foreign species that may cause damage to natural species and agricultural crops; control over the production, preparation, import, sale and distribution of living modified organisms and genetically modified organisms [37].

This law covers the basic concepts related to biological resources, the powers of scientific institutions in matters related to biological resources, the basic principles of public administration, the protection and rational use of biological resources, the powers of non-governmental and non-profit bodies, the functions of local government, fauna and flora facilities, biologically active additives in matters related to food quality and safety, the powers of health authorities in this regard should be further expanded, issues related to the safety of agricultural products should be reflected. In developing the law, it is expedient for foreign countries to use the experience and leg-

isolation of the People's Republic of China, the United States, the Russian Federation, Japan, Korea, and the experience of the Republic of Belarus.

Biological resources - COVID-19 pandemic, sudden cessation of daily life, states closing their borders one by one, tightening security measures The COVID-19 coronavirus pandemic has begun to have a positive impact on the environment: China, America and Europe have clean air (the atmosphere is very large emits waste, transport and industry are developed); The muddy canals of Venice were also cleared.

Researches have shown that the virus [38] is recorded as a carrier in almost all diseases in wild animals that are considered wildlife objects (COVID-19 is also transmitted from wild animals). New vaccines are also being tested in animals. Including wild animal bats [39], rabbits and snakes, and others. SARS, Ebola, swine and bird flu and Covid-19, SARS-CoV-2. MERS viruses (MERS) viruses occur due to the consumption of wild animal products or close contact with animals. In addition to viruses that exist in nature, there are viruses that are created in the laboratory, which is more problematic. Here it is necessary to distinguish one from the other, because it is possible to create new ones by conducting scientific research on a natural resource entrusted to nature. However, the processing of an unnatural (laboratory) created resource on a scientific basis is a very complex matter i.e. if the gene is changed.

Tariq Yazarevich, a spokesman for the World Health Organization, noted that the main mode of transmission of coronavirus is "human-to-human transmission," but that patients with coronavirus should be restricted from contact with pets [40]. "All the available evidence shows that this virus is of animal origin. The virus was not created, and no laboratory experiments were performed with it. Most likely its ecological source is bats. However, it is important to determine how the virus is transmitted to humans. We should all focus on facts, not theory", Fadela Chaib said at a briefing in Geneva [41].

We should not be discouraged by the coronavirus and see its positive aspects, one of the factors that makes us happy is the changes that are taking place in this ecology. Perhaps rejoicing that the climate has improved because of the coronavirus is not so true. However, some facts need to be mentioned. First, the great changes in the way of life of mankind have made it possible to determine the extent of human influence on nature. We had to change our attitude towards the environment. Second, in the field of water resources protection, water quality in water basins has significantly improved. Third, in the field of atmospheric air protection, the amount of air pollution has decreased due to the suspension of production facilities, limited number of flights, reduced traffic. "China is one of the largest emitters of CO₂ into the atmosphere, with its share of CO₂ reduced by 25%" [42]. Millions of tons of waste have been released into the atmosphere. Fourth, production waste is not being generated as much as before.

Instead of suggestions and comments, medical-related waste (too many gauze masks, rubber gloves) due to the COVID-19 pandemic is being removed. The relationship in this regard is not subject to regulation by the Resolution of the State Committee for Ecology and Environmental Protection dated October 17, 2019 No 12 "On approval of the Instruction on the design and operation of solid waste landfills." In particular,

solid waste is waste generated as a result of the life and activities of individuals, as well as the activities of legal entities (food, glass, rubber, solid fuel stoves and boilers).

The following features of the biodiversity conservation strategy were highlighted: restoration and conservation of biodiversity - ensuring environmental security and sustainable development of the country, adaptation to the ongoing processes of climate change; development of national strategies, plans and programs for the conservation and sustainable use of biodiversity or adaptation to existing plans and programs; identification of its important parts for the conservation and sustainable use of biodiversity; expansion of existing protected areas and establishment of new ones to ensure reliable conservation of biodiversity; take measures to restore degraded ecosystems and rare and endangered species.

Legal liability for violation of regulations in the field of protection and use of biological resources, with its main purpose and principles, does not differ from liability for violation of other legislation, but has certain specific features. These features include the recovery of damage to biological resources on a tax basis and the application of special penalties in the field of biological resources, ie the suspension, termination and revocation of the right to use biological resources.

Liability for violations of the legislation in the field of biological resources has three purposes: first, the application of sanctions against those who violate the rules of use and protection of biological resources (objects of flora and fauna); second, compensation for damage to biological resources; and third, the prevention of violations in the field of protection and use of biological resources.

Suggestions and recommendations related to the improvement of the legislation of the Republic of Uzbekistan. In connection with the adoption of new laws "On protection and use of wildlife" and "On protection and use of flora" Article 21 of the Law of the Republic of Uzbekistan "On protection of nature", ie "Use of wildlife" It is necessary to adapt the issues related to the "conditions" to the requirements of the new law.

The Law of the Republic of Uzbekistan "On protection and use of wildlife" should specify what are the basic principles of public administration in the field of protection and use of wildlife in the field of protection and use of wildlife.

It is expedient to supplement the Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Liability with Article 941, which establishes the norms "Violation of the norms of use of biological resources." Unfortunately, no separate administrative sanctions have been established for violating the norms of use of bioresources.

From the point of view of the new legislation adopted in our country and the established practice, it is expedient to add Article 47 of the Law of the Republic of Uzbekistan "On Forests" with the following second part: "Citizens should observe fire safety in forests and take measures to extinguish fires. they must not cut down bushes, cut down, damage forest crops, pollute forests, disturb wildlife habitats, grazing areas and migration routes, as well as comply with other requirements established by forest legislation."

It is expedient to supplement the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan with Article 2021, which establishes the norms "Cruel treatment of animals".

In order to improve the work in the field of protection and use of biological resources, it is necessary to develop the following normative and legal document. Forest Code, Water Code, Law on Beekeeping, Law on Nature Gardens, Law on Genetic Engineering, Law on Protection and Rational Use of Fish Resources, Law on Hunting and Hunting, Transboundary Law "On Waters", "On the Protection of Biological Resources and Fisheries in Water", "On the Protection of Soil", "Regulations on Improving the Efficiency of Hunting and Breeding of Poultry", "On the Establishment of Nurseries for Medicinal Plants" etc. are included.

List of used literature:

1. How important is biodiversity for the future of Uzbekistan? <http://sgp.uz/uz/gef-thematics/biodiversity>
2. Bulletin of the Supreme Council of the Republic of Uzbekistan, 1993, No. 1, Article 38
3. "Genetic resources" - genetically valuable genetic material. Convention on Biological Diversity, Rio de Janeiro, June 5, 1992. <http://www.drze.de>
4. An organism (Lat. - I organize, report the appearance of the body) - a living being that differs from inanimate matter in a number of features. Organism. SES. - M.: Izd. SE. —P.946.
5. Ecological (Ecosystem) - organisms, including human habitat. SES. - M.: Izd. SE. — P.946.
6. Lebedeva N.V, Drozdov N.N., Biodiversity and methods for its assessment. — M.: MGU, 1999 — 94 p.
7. Bryan G., Norton. Biodiversity: Its Meaning and Value. —p. 368.
8. Bates G.U. Naturalists on the Amazon River: a story about tropical pictures of nature, about nravox animals, about the lives of Brazilians and Indians and about the adventures of the author in the time of the ego odinnadtsatiletnix stranstviy. - M.: Geografiz, 1958. — P. 430.
9. Adrianov A. V. Contemporary problems of the study of marine biological diversity // Biology of the sea. —T. 2004. — P. 19
10. Tor-Björn Larsson (2001). Biodiversity evaluation tools for European forests. Wiley-Blackwell. p. 178. ISBN 978-87-16-16434-6. Retrieved 28 June 2011. <https://www.youtube.com/watch?v=b1b3HgWfO3Q>.
11. Fleming, A.J., Wood, D.M, Smith, M. A., Hallwachs, W., and Janzen, D. H. 2018. Revision of the Mesoamerican species of *Calolydella* Townsend (Diptera: Tachinidae) and descriptions of twenty-three new species reared from caterpillars in Area de Conservación Guanacaste, northwestern Costa Rica. Biodiversity Data Journal 5.
12. Takacs, 1996, p.46
13. Takacs, 1996, p.50.
14. UN Resident Coordinator in Uzbekistan Stefan Priesner. Celebration of the Biological Diversity Day. <https://www.uz.undp.org>
15. Resolution of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan dated May 6, 1995 Resolution No. 82-I "On accession of the Republic of Uzbekistan to the Con-

vention on Biological Diversity, signed in Rio de Janeiro in 1992". Bulletin of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, 1995, No. 6, Article 130

16. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-470 of April 10, 2020 "On measures for the protection, cultivation, processing and rational use of available resources of wild medicinal plants".

17. 750 species of more than 4.3 thousand plants belonging to the local flora are medicinal, of which 112 species are registered for use in scientific medicine, of which 70 species are actively used in the pharmaceutical industry. National Database of Legislation, April 11, 2020, No. 07/20/4670/0414.

18. Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan, October 27, 2014, No. 43, Article 530

19. The Law of the Republic of Uzbekistan "On protection and use of flora" (new edition), the Law "On protection and use of wildlife" (new edition).

20. Etymological modern encyclopedia of medicinal plants growing in Uzbekistan /A. Usankhodjaev et al. —T., «Yangi asr avlodi», 2018.- 544 p.

21. How important is biodiversity for the future of Uzbekistan? <http://sgp.uz/uz/gef-thematics/biodiversity>

22. Speech by the First President of the Republic of Uzbekistan Islam Karimov at the opening ceremony of the international conference "Important resources for the implementation of the food program in Uzbekistan" People's speech, June 7, 2014.

23. Imomov N.F. Legal basis of nanotechnology. –T.: TDYuU, 2015. - B.3.

24. The importance and benefits of genetic engineering for humanity are enormous. We can see such usefulness in any human-related field and relationship. This condition is a chain of processes that take place from prolonging human life to rebirth (through cloning). Although human cloning is currently underway, it should be noted that no progress has yet been made in this area. Since the ethical and legal aspects of human cloning are not the subject of this study, we will not dwell on this issue in detail.

25. Imomov N.F. Legal bases of nanotechnologies. -T: TSUL, 2015. - P.3

26. <https://anti-maidan.com/2020/04/25/genetiki-nashli-u-koronavirusa-oslablyayushhuyu-mutatsiyu-rossiya-24>.

27. Abdurahmonov Sh. Prospects for artificial cell reproduction. // Mysterious world. 2002. №8. B.12.

28. Cherkaeva M.A. Aquatic biological resources as objects of civil law in the Russian Federation: dissertation ... Candidate of Juridical Sciences: 12.00.03 / - Moscow, 2012.- 173 p.

29. Xramova Yu.R. Geno-engineering achievements in the aspect of ecological and legal problems. // Yuridicheskiy mir.2003. №3. - 66 p.

30. Bulletin of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, 1997, No. 9, Article 239

31. Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan, September 2, 2015, No. 34, Article 451.

32. Bulletin of the Chambers of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, 2011, No. 10, Article 272.

33. Alien invasive species have played a major role in 40 percent of the extinctions of 11 animals that have occurred since the 17th century. The regulation states that "still invasive species are harming many endangered species and ecosystems and have a serious economic impact in 11 countries. Law commission Report? Planning Law in Wales Law Com No 383. 2018

34. Narzullaev O.X. Cultivated biological resources: a development trend in national legislation. Journal of legal research // Journal of law research 2019. - № Special. - B.38

35. <http://parliament.gov.uz/uz/events/chamber/28535>.

36. On October 11, 2019, at the twenty-third plenary session of the Senate of the Oliy Majlis, senators discussed the Law of the Republic of Uzbekistan "On accession of the Republic of Uzbekistan to the Cartagena Protocol on Biosafety (Montreal, January 29, 2000)."

37. Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan, November 4, 2019, No. 44, Article 828

38. Virus (lat. Virus - poison) - is contagious outside the cell, it can reproduce only in living cells. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

39. The most stable fauna object type with immunity. The use of this type of object is carried out in accordance with the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan dated October 20, 2014 No 290 "On the order of regulation of the use of biological resources and permits in the field of nature management."

40. https://yandex.ru/news/story/U_ukhanskikh_koshek_nashli_koronavirus_no_vogo_tipa

41. WHO states that coronavirus origin is related to animals. <https://uza.uz/oz/society/davosi-y-virus-koronovirusning-zha-onga-yurishi-boshlandi-24-01-2020>, <https://kun.uz/71090633>

42. <https://meduza.io/feature/2020/03/22/vse-taki-net-zadachi-spasti-prirodu-ot-nas>

MPHTI 10.87.85

Yelegen A.Ye.

*Department of International Law of L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan
(E-mail: erke_1_9@mail.ru)*

LEGAL SUPPORT OF INFORMATION SECURITY IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Annotation: The article examines the international legal regulation of information security during the new coronavirus infection covid-19. The legal measures

that are being taken to prevent not only the corona virus itself, but also the information virus around the world are being investigated. It also analyzes the available international legal documents on information security. The article examines the international legal regulation of information security during the new coronavirus infection covid-19. The legal measures that are being taken to prevent not only the corona virus itself, but also the information virus around the world are being investigated. It also analyzes the available international legal documents on information security.

Key words: information security, COVID-19, cybersecurity, legal regulation.

The pandemic of the new coronavirus infection COVID-19 has already had an unprecedented impact on various areas of human life, including its modern technological order.

At the beginning of this year, the World Economic Forum named several futuristic scenarios for the development of the world economy. Among the global negative factors, both health problems and cybersecurity challenges were noted. In this article, we will look at the correlation of these factors in the context of the coronavirus pandemic.

Testing applications of cloud, super and cognitive computing, smart fusion of sensor networks, quadcopters, personal gadgets and smartphones, digital biological and sanitary twins in the victory over the epidemic in China, demonstrated the effectiveness of information technology and robotics of the IV industrial revolution. Also noteworthy was the increased attention to coronavirus in the information and cyberspace, which inevitably highlighted the problematic issues of cybersecurity of information systems at all levels - from personal to international.

The relevance of information security issues is due to a synergistic effect, mainly determined by two factors:

- a surge of unimaginable attention to the problem at the media level, which led to a sharp increase in computer intrusions based on methods of social engineering;
- quarantine measures that implement modern capabilities of remote work, which changed the established modes of safe and stable operation of systems on the Internet.

In addition to this, there is an increase in cyber attacks on healthcare organizations and biomedical research institutes. The most cited case in the news is the infection of a Czech polyclinic with a computer ransomware virus in mid-March. However, it should be noted that some hacker groups adhere to an unspoken code not to attack polyclinics and hospitals (which do not have a significant budget). Another threat associated with quarantine measures is the leakage of personal data of subjects undergoing treatment, quarantine or self-isolation. Telemedicine systems, popular in the West for home treatment, are called a relatively new object of cyberattacks to compromise personal data. Other computer attacks related to the topic of the new coronavirus include cyber attacks on trading companies operating over the Internet.

The identified threats determine the need to ensure the security of remote access to information system resources and the stability of the infrastructure. Let's take a closer look at the basic threats.

Cyberattacks based on social engineering are often correlated with various, extremely disturbing situations, the most covered in the media for example with news of devaluation, terrorism, Olympics, Valentine's Day, etc. Events related to the COVID-19 pandemic are no exception, especially while escalating the situation, speculating on the health and quality of life of people. Today about 88% of current news on social networks is devoted to the coronavirus. The negative emotions of the news feed can be burdened with all sorts of fakes and abuses in the use of the apparatus of mathematical statistics. For example, in March, according to NewsGuard, data on coronavirus in Western media were overstated 142 times in comparison with official statistics.

The objects of social attacks in a new pandemic have a fundamental feature, which is that in home quarantine, the remote mode converges with family quarantine access, when members of the "space crew" with different professional levels and varying degrees of self-isolation in an apartment for a long time responsible behavior (for example, a civil servant working at home, an employee of a company that is idle, "advanced" students, curious schoolchildren, and alert retirees). For most Russian families, this is the first such experience of joint immersion in cyberspace, and for some company employees, this is the first experience of working remotely.

Unsurprisingly, according to a number of experts social engineering attacks speculating on the new coronavirus as a decoy dominate in an unprecedented way. For example according to Cynet, the number of phishing attacks in Italy has tripled since late February 2020. The number of cyberattacks has increased tenfold in the last two weeks of March, CheckPoint said. Thus, the daunting information security situation clearly correlates with the level of biosecurity.

Social attacks of a criminal (domestic) level and the level of cyber operations (state or industrial) can be distinguished. At the everyday level, as you know, cyberattacks are conventionally divided into two classes:

- phishing attacks, the purpose of which is to illegally obtain identification and other private information about a person;
- financial fraud aimed directly at unauthorized receipt of money or access to bank accounts.

As for the level of cyber operations and APT attacks, the literature associates traditional malicious mailings, political disinformation and "trolling" with the topic of coronavirus, as well as a relatively new type of attack - the installation of applications aimed at spying on people.

Recall that there are several types of phishing attacks, namely: traditionally using Internet resources (mail, web pages), text / SMS messages (initiating an active action by deceiving, for example, pseudo-voting) and voice messages (in particular, using VoIP protocol).

Here are some examples of popular types of social engineering attacks associated with the COVID-19 coronavirus infection: sending letters by e-mail with a malicious attachment or a link to a malicious program / site, usually for the purpose of phishing or extorting money. The sources of such letters are usually disguised as legitimate ones, for example, as a healthcare organization (usually the UN World Health Organization), a company executive, an IT support service (or vice versa, if a

letter is sent to an IT support service, then the source is disguised as a legitimate user during the quarantine period), an insurance company (for example, the body of the message indicates that the recipient had run out of health insurance at the time of the epidemic), a charitable non-profit company, a financial or trading company (with very profitable offers during a pandemic), a training center, a supplier (like usually electronics from China), tax company, travel or airline, labor exchange, etc. According to a TrenMicro study, more than 65% of social attacks are spam.

According to analyst at the information security company Bitdefender, the most intense attacks are directed at sectors of the economy that find themselves in a difficult financial situation. During April, the attack vector was aimed at retail, transport, manufacturing enterprises, educational institutions, financial institutions.

The study claims that the attackers' focus followed the spread of coronavirus infection. For most of March, Europe suffered from cybercriminals, and already in April the zone of interest shifted to the United States, because it was there that there was a peak in the growth of the number of infected.

Such tendencies are easily explained by behavioral factors: the higher the level of stress and panic among the population, the higher the "success" of attacks using social engineering and phishing methods. Remote workers, in unfamiliar conditions and under pressure from the media, begin to look for information about the current epidemiological state of their home region. The "Eternal Search" plays into the hands of attackers.

"We have to fight not only the COVID-19 epidemic, but also the 'infodemic' - the spread of false information," said WHO Director-General Dr. Tedros Ghebreyesus, addressing the participants in the Security Conference held in mid-February in Munich. He spoke of fake news that "spreads more easily and faster than the virus itself."

WHO representatives explained that "infodemic" is the appearance of an excessive amount of information about a problem, which makes it difficult to find a solution. This contributes to the spread of rumors, inaccurate data and fake news during a global health emergency. "Infodemia" in the information field worsens the chances of an effective public health response and creates an atmosphere of distrust and confusion among the population.

To counter the flood of rumors and misinformation such as "the virus cannot survive in hot weather" or "taking a large dose of chloroquine drugs will protect you" or "eating a lot of garlic and ginger will definitely protect you", a team was formed at WHO Mythbusters who work with internet companies such as Facebook, Google, Pinterest, Tencent, Twitter, TikTok, Youtube and many more.

According to media reports, these companies are actively blocking and removing information that does not correspond to reality - all inaccurate medical advice, rumors, conspiracy theories and other records that could endanger public health. An unexpected but positive decision was that the posts of one of the heads of state on Facebook and Twitter platforms, in which he incorrectly stated that there is a drug that treats coronavirus everywhere, were removed.

Fraudsters on the Internet have also begun to pose as WHO employees, with the aim of extorting money and personal information from unsuspecting users (For more information, see the information material from WHO).

It is obvious that the global COVID-19 pandemic will not end soon, which means that cybercriminals will continue to use the crisis to their advantage. Information security experts suggest that phishing E-mails, as well as infected applications and websites will be the main channels for the spread of virtual infection. Fear is the most effective mind control tool for extracting personal, corporate or financial information from victims with ease.

Due to the special need to receive timely and reliable information about COVID-19, WHO has established the Epidemic Disease Information Network, which brings together technical and social media groups. The groups work closely together to track down and refute misinformation, myths and rumors, and provide reliable information and evidence for appropriate action.

For example, in Uganda, after the confirmation of the first case of a new coronavirus infection in a number of communities in the north of the country, it was believed that it was spawned by evil spirits and that it can be cured by performing a purification ritual to "drive evil back to the West." In such communities, the rhetoric of hatred against foreigners has intensified. The Ugandan government has taken a proactive stance against the spread of the virus and has begun to educate the public based on data provided by WHO. Many of the WHO and Ugandan government recommendations on COVID-19 response have been translated into local languages to raise awareness among communities, especially in remote and hard-to-reach regions with limited digital communication.

UN country teams and UN field missions use all available media, such as radio and social media, to debunk myths and prevent the spread of false information. 59 UN information centers play a leading role in combating misleading information in local languages.

Working with WhatsApp and Facebook, WHO has launched newsletters in multiple languages, including Arabic, English, French, Hindi, Italian, Portuguese and Spanish, to disseminate COVID-19 guidance. The easy-to-use app has an audience of nearly two billion. The newsletters allow WHO to inform them directly.

In collaboration with WHO and Rakuten Viber, an interactive chatbot has been created that will provide people with reliable information about COVID-19 in different languages. This enables WHO to provide more than a billion people with information in their own language using mobile phones.

Information security is viewed in Kazakhstan as an integral part of national security and is interpreted as the state of protection of the information space of the Republic of Kazakhstan, as well as the rights and interests of man and citizen, society and the state in the information sphere from real and potential threats, which ensures sustainable development and information independence of the country.

At the end of the first half of 2020, 7.8 thousand incidents of information security breaches were recorded in Kazakhstan - 25.1% less than in the same period last year (10.4 thousand). At the same time, the largest number of cyberattacks this year is observed precisely in "quarantine" April (1.5 thousand incidents) and May

(1.7 thousand incidents). During a pandemic, cybersecurity becomes more important as many people work or continue to study remotely due to forced isolation or movement restrictions.

As a reminder, from July 5 of this year, due to the increase in infection rates in Kazakhstan, the state commission decided to introduce restrictive measures. In particular, it was instructed to preserve the remote form of work for at least 80% of employees of government agencies, offices, national companies and other organizations. At the same time, many employees of private organizations were transferred to remote work. Massive access to remote work makes Kazakhstanis more vulnerable to online fraud.

According to the Ministry of the Interior, dissemination of deliberately false information is the most common crime; violation of sanitary rules or hygienic standards, which, through negligence, resulted in a mass illness or infection of people; violation of the state of emergency. Due to the fact that prohibitions are often violated, it became necessary to toughen the punishment, and also for the purpose of prevention - to widely cover these facts in the media.

Many countries have introduced the practice of daily press briefings to inform the public about the situation and the response. These forums are an important part of the national response, as enable government to enlist popular support for action and ensure that accurate public health information and advice is disseminated so that people know where to go for help.

Some governments have empowered or created an independent or opposition-led parliamentary committee that meets publicly online to scrutinize the executive's actions during the crisis.

Civil society and the business community are very creative in mitigating the impact of the crisis and strengthening protection, including allocating separate visiting times for older people in stores, organizing local support networks for vulnerable groups, or rescheduling rent collection from those left without income

References:

1. <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2020/programme>
2. <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2020/01/14/7105118/>
3. <https://www.un.org/ru/coronavirus/five-ways-united-nations-fighting-%E2%80%98%E2%80%99-misinformation>
4. Official web-site of UN: www.un.org

Тлепина Ш.В.

*Д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой международного права
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
(E-mail: tlepina_shv@enu.kz)*

**ЖЕНСКИЕ ЛИЦА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ:
ЖАНАТ КУЛЖАБАЕВА. PERSONA GRATA**

Аннотация: В статье представлены биографические сведения кандидата юридических наук, ассоциированного профессора, первого профессионального ученого-юриста казашки в сфере международного права в Республике Казахстан Кулжабаевой Ж.О. Рассмотрены направления научно-педагогической, научно-практической, экспертной деятельности. Представлены основные международно-правовые взгляды, опубликованные работы – монографии, учебники, статьи; опубликованные сведения о ней; награды.

Ключевые слова: Жанат Орынбековна Кулжабаева, международное право, Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахский государственный юридический институт, Университет «КАЗГЮУ» им. М.С. Нарикбаева, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан

Родилась 1 сентября 1960 г. в городе Караганде.⁷⁰

Окончила юридический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (Ленинград, 1983), аспирантуру (1987 – 1991), докторантуру (2012 – 2015) Санкт-Петербургского государственного университета.

Кандидат юридических наук (1991). Доцент (1996).

Тема кандидатской диссертации: «Клаузула о наиболее благоприятствуемой нации» (Ленинград, СПбГУ, 1991). Научный руководитель – д.ю.н., профессор Л.Н. Галенская. Официальные оппоненты: доктор юридических наук

---

⁷⁰ *Тлепина Ш.В.* Кулжабаева Жанат Орынбековна / В кн.: Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI вв. Энциклопедический справочник. В трех частях. Ч. 1-3 (отдельными книгами). / Министерство образования и науки Республики Казахстан. Университет КАЗГЮУ / Под общей редакцией д.ю.н., профессора С.Ф. Ударцева. Ч. 2. – Астана: ТОО «Дэме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 186-188; Кулжабаева Жанат Орынбековна / 20 лет Юридическому факультету ЕНУ им. Л.Н. Гумилева: юбилейных альманах / Под ред. Сыдыкова Е.Б., Амандыковой С.К., Тлепиной Ш.В., Хасенова М.Х. – Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. – С. 160-161; *Тлепина Ш.В.* Из истории возникновения высшего юридического образования и науки в предвоенные и послевоенные годы / В кн.: Юридические формы переживания истории: практики и пределы. / Коллективная монография / Верховный Суд Российской Федерации. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». / Под ред. С.В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 331-332.

В.П. Шатров, кандидат юридических наук М.К. Иванов. Ведущая организация – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Тема докторской диссертации: «Правовое обеспечение международной экономической безопасности». Научный консультант – доктор юридических наук, профессор Л.Н. Галенская.

После окончания университета работала доцентом, заведующей кафедрой международного права в Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова (1983 – 1996); Казахском государственном юридическом институте (1996 – 2005); Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (2005 – 2009); Казахском гуманитарно-юридическом университете (2009 – 2012). С 2012 года – заместитель директора Института законодательства Республики Казахстан, советник директора Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан.

В вузах читала курсы лекций для студентов по международному публичному праву, праву международных договоров; для магистрантов, докторантов – теорию и методологию международно-правового анализа.

Под ее научным руководством подготовлены четыре кандидата юридических наук по специальности 12.00.10 – Международное право: Д.И. Нурумов (2000), И.Т. Мусабекова (2003), А. Айдаркулова (2008), Р.Ж. Арзаева (2010) и доктор PhD Ж.Т. Искакова (2020).

Опубликовано более 170 работ.

Основные направления научных исследований: проблемы правового обеспечения международной экономической безопасности, необходимость защиты национальных интересов государства в международных экономических отношениях. Отдельные исследования посвящены теоретическим вопросам международного механизма защиты прав человека, а также имплементации международных стандартов в национальное законодательство.

Основные опубликованные работы Ж.О. Кулжабаевой:

Монографии:

Научный комментарий к Закону о международных договорах Республики Казахстан. – Астана, 2006. – 96 с.

Международное публичное и частное право: проблемы и перспективы = Public and private international law: problems and prospects: Liber amicorum в честь проф. Л.Н. Галенской / Под ред. С. В. Бахина. – СПб: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – 583 с. (в соавт.).

Значение конституционных принципов для согласования норм международного права и национального законодательства // Международное право и национальное законодательство. Коллективная монография Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2009. – С. 199-208.

Обеспечение повышения качества жизни населения и экономической безопасности государства как основной фактор развития человеческого капитала / Правовые и социально-экономические аспекты формирования человеческого

капитала в Казахстане. Коллективная монография / Под ред. Абайдельдинова Е.М. – Астана: РИО ЕНУ, 2011. – С.65-114.

Теоретические вопросы соотношения международного и национального права Республики Казахстан. Вопросы имплементации в процессе взаимодействия международного торгового-экономического права и казахстанского права по вопросам экономической деятельности // Коллективная монография. Соотношение международного права и национального законодательства: проблемы имплементации. – Астана: ТОО «КазГЮУ Консалтинг», 2015. – С. 10-40, 44-95. (в соавт. Сарсембаев М.А., Иржанов А.С., Рамазанова У.Р.).

Учебники:

Международное публичное право. – Алматы: Юридическая литература, 2002. – 466 с.

Халықаралық жария құқық. Жалпы және ерекше бөлемдері. Оқулық. – Алматы: «НАС» баспа компаниясы, 2003. – 384 бет.

Халықаралық құқық. Дәрістер курсы. – Алматы: ҚазГЗУ, 2003. – 9-21, 124-136 бб.

Международное право // Часть общая / Отв. Ред. Абашидзе А.Х., Абайдельдинов Е.М. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. Гл. 8 – С. 221-247; Гл. 11 – С. 306-339.

Международная интеграция и интеграционное право: учебник. / Под общ. ред. Шамахова В.А., Кириленко В.П., Кашкина С.Ю. – СПб.: ИПЦ СЗИУ фил. РАНХиГС, 2017. – С. 759-781. (в соавт.).

Статьи:

Development of Double-Diploma Education in the Republic of Kazakhstan: Problems and Perspectives // World Applied Sciences Journal 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication): 105-109, 2013, ISSN 1818-4952. © IDOSI Publications, 2013 DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.22.

Имплементация норм международного гуманитарного права в национальном законодательстве Республики Казахстан // Российский Ежегодник международного права. – СПб., 2000. – С. 143-145.

Некоторые правовые вопросы концепции экономической безопасности Республики Казахстан // Российский Ежегодник межд. права. – СПб., 2001. – С. 358-362.

Некоторые правовые вопросы реализации международно-процессуальных процедур в гражданском законодательстве Республики Казахстан // Актуальные проблемы международного гражданского процесса. – СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2003. – С. 66-73.

Некоторые вопросы договорного обеспечения Байконура в казахстанско-российских отношениях // Международное публичное и частное право: проблемы и перспективы / Под ред. С.В. Бахина. – СПб.: Изд. Дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2007. – С. 231-245.

К вопросу о конкурентоспособности правовой системы Казахстана в условиях Евразийской интеграции // Материалы международной научно-

практической конференции «Юридическая наука и практика: традиции и новации» (секция «Международно-правовая наука и практика в период усиления Евразийской интеграции») (22 ноября 2014 г., Ростов-на-Дону, РФ). – Ростов-на-Дону, 2014. – С.311-315.

Обеспечение национальных интересов государств-членов в рамках интеграционных процессов / Материалы XII ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти д.ю.н., профессора И.П. Блищенко «Актуальные проблемы современного международного права». (12–13 апреля 2014 г., М.). В 2-х ч. / Отв. ред. Абашидзе А.Х. – М.: РУДН, 2015. – С.109-117.

Новые зоны свободной торговли ЕАЭС как факторы обеспечения экономической безопасности интеграционного сотрудничества евразийских государств в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2015. – № 2. – С. 23-29.

Двудипломное образование в Казахстане как условие академической мобильности студентов и преподавателей // Социологические исследования. – 2017. – № 6. – С. 138-142 // Ежемесячный научный и общественно-политический журнал Российской Академии наук ISSN 0132-1625 Sociological Studies Sotsiologicheskie Issledovaniya (Web of Science) Sotsiologicheskie Issledovaniia (Scopus) Импакт-фактор РИНЦ 2015 – 1,378. (соавт. Тесленко А.Н., Ибраева А.Б., Ракишева А.Ш.).

«Дорожная карта» сотрудничества Республики Казахстан с международными организациями // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Обеспечение прав личности в процессе формирования правового государства», посвященной 70-летию Н.А. Шайкенова. («Шайкеновские чтения»). – Астана, 2017. – С. 214-217.

Награды:

Орден Республики Казахстан «Құрмет» (2017).

Медаль «25-летие Независимости Казахстана» (2016).

Медаль «20-летие Конституции Казахстана» (2015).

Медаль Высшего Евразийского экономического совета «За вклад в создание Евразийского экономического совета» (2015).

Юбилейная медаль Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (2014).

Юбилейная медаль, посвященная 20-летию КазГЮУ «Ерең еңбегі үшін» (2014).

Медаль Министерства юстиции Республики Казахстан «Әділет органдары жүйесін дамытуға қосқан үлесі үшін» (2012).

Почетный Знак «Құрмет белгісі» Общества Красного Полумесяца Республики Казахстан (2009).

Обладатель почетного звания ЕНУ им. Л.Н. Гумилева «Еуразия мақтанышы» (2008).

Государственный грант Министерства образования и науки Республики Казахстан «Лучший преподаватель вуза» (2007).

Литература о ней:

Сартаев С. Юристы Казахстана в лицах. – Алматы, 2002. – С. 273.

Тлепина Ш.В. Юридическому факультету ЕНУ им. Л.Н. Гумилева – 10 лет // Правовая реформа в Казахстане. – 2009. – №1 (45). – С. 114.

Кулжабаева Жанат Орынбековна // В кн.: 10 жыл. Алғашқы мерейтой – 10 лет. Первый юбилей / Отв. Ред. Тлепина Ш.В. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2009. – С. 108-109.

Абайдельдинов Е.М. История и настоящее кафедры Международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию юбилею подготовки специалистов международного права и специализированной кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. / Актуальные вопросы международного, регионального и национального права: современное состояние, взаимодействие и перспективы развития (Астана, 21 сентября 2013). – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2013. – С. 314, 316.

Тлепина Ш.В. Страницы истории юридического факультета // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия Юридические науки. – 2014. – №1-2 (18-19). – С. 45, 47.

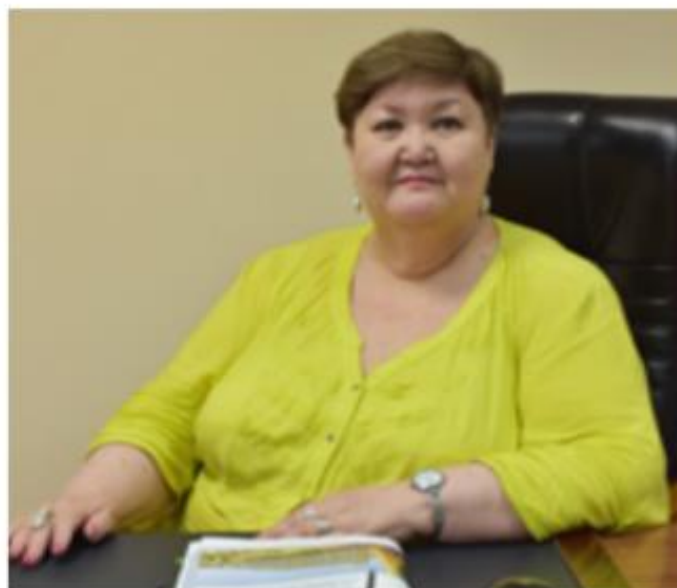
Абайдельдинов Е.М. Кафедра международного права Юридического факультета // Там же. – С. 53, 55.

Абайдельдинов Е.М., Тлепина Ш.В. Кафедра международного права юридического факультета // В кн.: Выпускники кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2015 год. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2015. – С. 5-8.

Тлепина Ш.В. Кулжабаева Жанат Орынбековна / В кн.: Видные ученые-юристы Казахстана XX – начала XXI вв. Энциклопедический справочник. В трех частях. Ч. 1-3 (отдельными книгами). / Министерство образования и науки Республики Казахстан. Университет КАЗГЮУ / Под общей редакцией д.ю.н., профессора С.Ф. Ударцева. Ч. 2. – Астана: ТОО «Дэме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С. 186-188 (с фото).

Кушкенова Р.М. Первая женщина-ученый в области международного права Республики Казахстан / Из истории права и юридической науки. Сборник работ студентов и магистрантов / Под ред. Тлепиной Ш.В. – Астана: Мастер По, 2017. – С. 74-76.

«Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности».

ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ
КУЛЖАБАЕВОЙ ЖАНАТ
ОРЫНБЕКОВНЫ

Конференция будет проходить
в Teams

30.09.2020 \ 14:00

Баннер МНПК

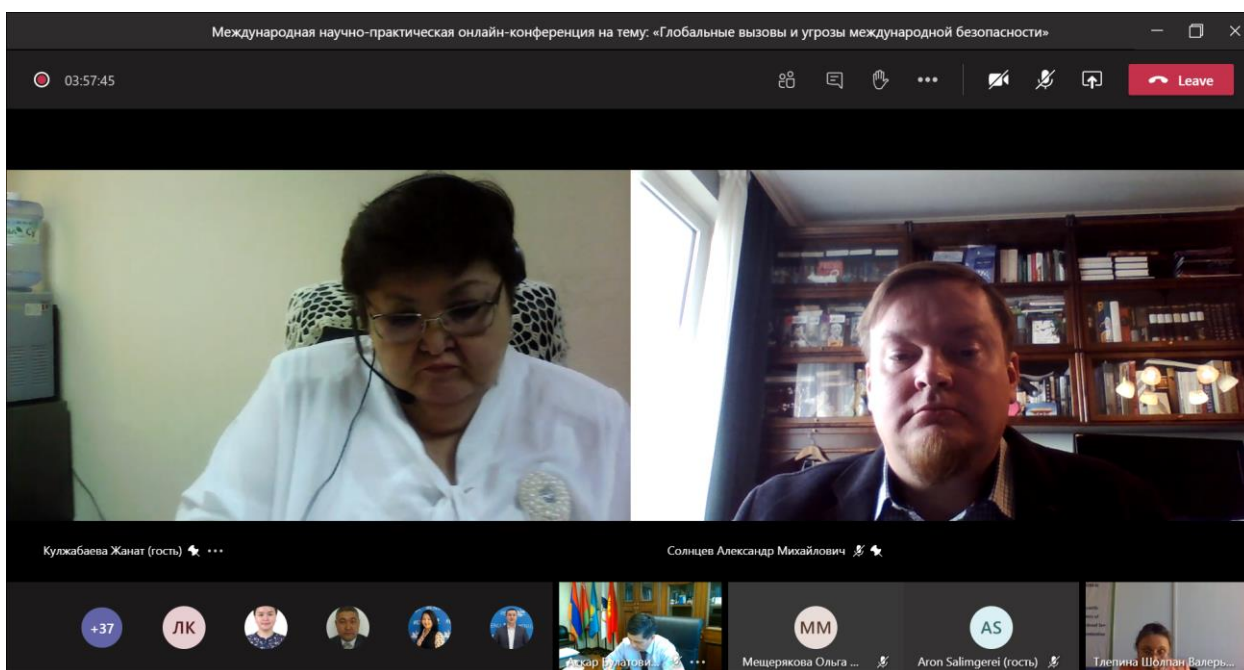
"Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности"

«ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»

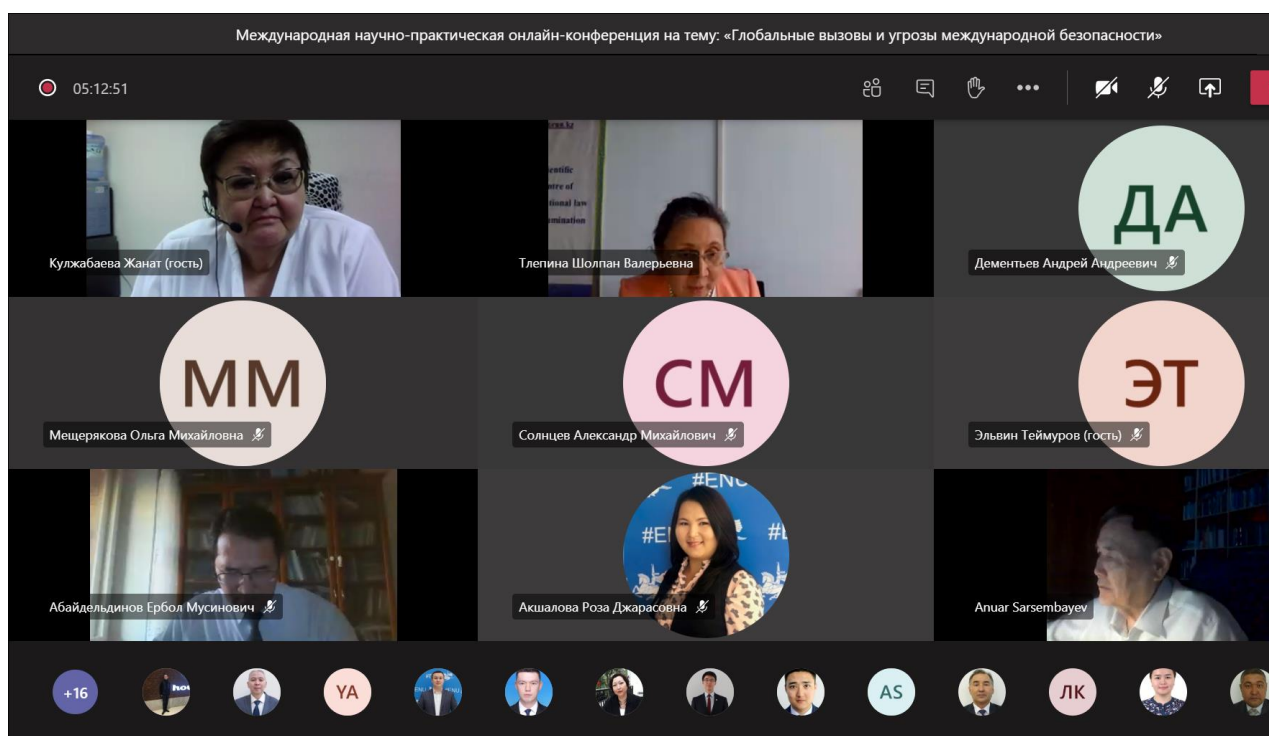
Баннер МНПК «Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности»

Фото 1: Выступление к.ю.н., доцента кафедры МП РУДН, Солнцева А.М.
 (слева направо: к.ю.н., профессор, Кулжабаева Ж.О., к.ю.н., доцент, Солнцев А.М.
 В нижнем ряду слева направо: PhD, Каирбаева Л.К., PhD, Ойнарова А.А., м.ю.н.,
 Мурзагалиев Е.Ч., м.ю.н., Акшалова Р.Д., м.ю.н., Аханов А.А., д.ю.н., Кишкембаев А.Б.,
 д.ю.н., Мещерякова О.М., к.ю.н., Салимгерей А.А., д.ю.н., Тлепина Ш.В)

Фото 2: Юбиляр конференции, к.ю.н., профессор кафедры МП ЕНУ, Советник Директора ИЗПИ РК, Кулжабаева Ж.О.

Фото 3: Пленарное заседание МНПК под председательством д.ю.н., профессора, заведующей кафедрой МП ЕНУ, Тлепиной Ш.В.
 (слева направо с верхнего ряда: к.ю.н., Кулжабаева Ж.О., д.ю.н., Тлепина Ш.В., к.ю.н., Дементьев А.А., д.ю.н., Мещерякова О.М., к.ю.н., Солнцев А.М., к.ю.н., Теймуров Э.С., д.ю.н., Абайдельдинов Е.М., м.ю.н., Акшалова Р.Д., д.ю.н., Сарсембаев М.А.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Поздравительные адреса.....	7
Абаева Х.А. Международно-правовые стандарты обеспечения кибербезопасности.....	20
Акшалова Р.Д. Роль возобновляемых источников энергии в правовом обеспечении международной экологической и энергетической безопасности.....	24
Ануфриева Л.П. Принципиальные основы международной безопасности в условиях многополярного мира (на примере правового регулирования экономического сотрудничества).....	31
Ахметова Ә.А. Двустороннее и многостороннее регулирование иностранных инвестиций как средство поддержания международной экономической безопасности...	37
Бахин С.В. Право международной конкуренции и безопасность государств (некоторые рассуждения о ближайшем будущем).....	43
Букуру Ж.-Б. Совет Безопасности ООН и Международный уголовный суд: вопросы безопасности и правосудия.....	49
Дементьев А.А. Применимость международного права к вопросам кибербезопасности в эпоху становления цифрового суверенитета.....	55
Дуйсенбаева К.И. Механизм разрешения споров в рамках ВТО.....	60
Жанадилов А.Д. Нормы международного права в сфере нераспространения ядерного оружия.....	67
Зукай Ж., Сақбайқызы Ә. Халықаралық қауіпсіздікті қамтамасыз етуде мемлекеттердің гуманитарлық саладағы ынтымақтастығының рөлі.....	73
Ильяшевич М.В. К вопросу об обеспечении информационной безопасности в свете международного права.....	80
Искакова Ж.Т. Суды интеграционных объединений как судебные органы особого рода.....	86
Каирбаева Л.К., Иржанов А.С. Цифрландыру жағдайында жеке деректерді қорғаудың шетелдік тәжірибесі: ЕО жеке деректерін қорғаудың жалпы регламенті (GDPR).....	95

Қаражан Б.С.	
Дүниежүзілік пандемия жағдайында цифрландыру процестері және адамның жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығы.....	102
Кишкембаев А.Б.	
Актуальные аспекты правового обеспечения евразийской интеграции.....	107
Кожеуров Я.С., Теймуров Э.С.	
Эффективные модели международного научно-технического сотрудничества как необходимое условие обеспечения международной экономической безопасности (на примере морских исследований).....	115
Костяная Ю.С.	
Обеспечение информационной безопасности в рамках ЕАЭС и странах-участницах Союза.....	123
Кулжабаева Ж.О.	
Теоретико-методологические аспекты экономической безопасности.....	130
Куликпаева М.Ж., Абаева Х.А.	
Международно-правовое регулирование использования космического пространства в мирных целях.....	140
Куликпаева М.Ж., Казиев Б.Н.	
Международно-правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов.....	151
Мещерякова О.М.	
Обеспечение глобальной безопасности в условиях пандемии COVID-19 и особенности приостановления и временного ограничения некоторых прав и свобод человека.....	159
Мурзагалиев Е.Ч.	
Эффективность принимаемых международных и национальных правовых мер борьбы с пандемией.....	163
Мухамеджанов О.З.	
Международные и национальные аспекты защиты детей от воздействия неблагоприятной информационной среды.....	168
Ойнарова А.А.	
Еуразиялық экономикалық одақ Соты және еуразиялық интеграцияның дамуы.....	173
Сарсембаев М.А.	
Организационно-правовое обеспечение военной безопасности Казахстана в современных условиях и международное право.....	179
Сарсенбекова А.Б.	
Международно-правовое регулирование нераспространения оружия массового уничтожения и гонки вооружений.....	185
Сәрсенова С.Н.	
Халықаралық құқықтық биоқауіпсіздік режимі.....	189
Сейдеш Б.Б.	
Мемлекет пен қоғамның дамуындағы мемлекеттік қызметшілердің атқаратын ролі.....	195
Сокур А.С., Савченко А.А.	
Экоцид как угроза международному миру и безопасности человечества.....	203

Солнцев А.М.	
Когда использование агрохимикатов и пестицидов может привести к нарушению прав человека (практика Комитета ООН по правам человека)...	210
Тлепина Ш.В.	
О значении Средних веков в истории международного права.....	218
Турмахан А.Б.	
Международно-правовое регулирование мирного использования ядерной энергии в Республике Казахстан.....	227
Шугуров М.В.	
Глобальный целевой фонд сохранения разнообразия сельскохозяйственных культур: правовые и программные основы содействия технологическому обмену.....	231
Kala N.S.	
The impact of the international legal rules on the national environmental legislation of the Republic of Kazakhstan.....	239
Kamatova D.M.	
Personal data protection within the EU: an overview.....	246
Kulmukhanova D.B.	
International security law: an overview of the concept.....	251
Manap Zh.T.	
Legal security in a digital society.....	255
Mukhametzhан N.Zh.	
Law and cryptocurrency.....	263
Narzullaev O.Kh.	
Biological resources - COVID-19. Legal support of biological resources for scientific purposes and biological safety.....	269
Yelegen A.Ye.	
Legal support of information security in the context of the COVID-19 pandemic.....	280
Тлепина Ш.В.	
Женские лица в международном праве: Жанат Кулжабаева. Persona grata.....	286

Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
Международной научно-практической
онлайн-конференции

Ответственные редакторы: Ш.В. Тлепина, Р.Д. Акшалова, Д.М. Каматова

Подписано к печати 15.11.2020 г. Бумага офсетная № 1
Формат 60X84_{1/16} Объем 17,2 усл.печ.л.
Тираж 50 экз. Заказ 0190
Отпечатано в типографии ИП «Булатов А.Ж.»
010000, г. Нур-Султан, ул. Жанибек, Керей хандар, 22-38
тел.: 8 (7172) 223-418